



**ГОВАРД ЛИНСКИ**

**БЕЗЫМЯНАЯ  
ТРОПА**

Из-за охоты на серийного душегуба откапывают нераскрытое хладнокровное убийство шестидесятилетней давности.

На северо-востоке похищают и убивают молодых девушек. Находящийся в немилости у начальства констебль Йен Брэдшоу изо всех сил старается найти улики и боится, что единственное, на что прольет свет расследование, — он сам.

Журналист Том Карни отстранен от работы в лондонской бульварной газете и возвращается в свою родную деревню в округе Дарем. Хелен Нортон — репортер, замещающая Тома в местной газете. Вместе, они вовлечены в дело, которое изменит их жизни навсегда.

Когда находят тело, им оказывается не последняя жертва, а труп десятилетней давности. Секреты, погребенные годами, ждут, когда их раскроют, пока в настоящее время неудержимый убийца должен быть предан правосудию.

---

# **Говард Лински**

## **Безымянная тропа**

**Переводчик:** Юля Вахрамеева

**Редактор вычитки и оформитель:** Маргарита Волкова

*Девушка №4*

*Округ Дарем, 1993 год*

Он наблюдал за девушкой, пока не убедился, что она идеальна. Только тогда он рискнул приблизиться к ней. Ничто не представляло сложности уговорить их пойти с ним. Сложно было вести себя спокойно, ровно, в то время как его сердце билось в груди так сильно, что, верил, девушка могла услышать.

Мужчина отвез ее в тихое место, а затем остановил машину, подождал и убедился, что они полностью одни. Иногда он связывал девушек и бросал в багажник, но эта дорога была достаточно уединенной, поэтому он перебрался на заднее сиденье, чтобы добраться до нее. Он игнорировал ее испуганные мольбы и потянулся к ней, легко отмахиваясь от слабых маленьких рук, запрокидывая голову девушки назад, пока не обнажилась плоть на ее хрупкой шее. Сцепил руки на ее горле и начал сжимать, усиливая хватку, пока она отчаянно боролась. Он закрыл глаза. Было лучше, когда он не мог видеть лицо молодой девушки, когда она не понимала. Как она могла хотя бы начать осознавать, что он делает с ней? Сжимал сильнее и сильнее и не собирался отпускать, пока ее борьба не затихла, а маленькое тело не обмякло.

Он посмотрел вниз на безжизненное тело девушки в своих руках и прошептал особенные слова, которые он всегда использовал, когда спасал одну из них.

*Страдай маленькое дитя с приходом меня.*

# Глава 1

Все началось с телефонного звонка, как обычно и бывало.

— Алло, — ответил Том, а затем последовала пауза, будто человек на другом конце провода внезапно осознал весь размах того, чем они занимаются, и передумал. — Алло? — подтолкнул Том.

— У меня есть история, — выпалила женщина.

Он напрягся, прислушиваясь к ее голосу среди дюжин говорящих журналистов, «тап-тап-тап» усердных пальцев, ударяющих по клавиатуре, в то же время по всему помещению раздавался настойчивый трезвон соревнующихся между собой телефонных аппаратов.

— Хорошо, — ответил Том. — Какого рода история?

Последовала еще одна пауза.

— Большая и кровавая, — наконец, ответила женщина, и было что-то в ее нервной, взволнованной манере речи, что побудило Тома поверить женщине.

Бульварные истории обычно начинались с наводки. Эта же началась с того, что женщина выбрала крупнейшую желтую прессу в стране, чтобы рассказать свою версию событий. Возмущенные мужчины и женщины звонили в лондонский офис редакции каждый день. Некоторые чувствовали себя оскорбленными, другие были в отчаянии, некоторые просто свихнулись. Это было работой Тома Карни — «заниматься их *сортировкой*», как обозвал это его легендарный редактор Алекс «Док» Докерти.

«От французского слова *trier*, обозначающего просеивать и выбирать», — поговаривал он. — «Твоя работа отделять дерьмо от сахара».

Люди, которые звонили, всегда полагали, что их история принесет им деньги для изменения всей жизни. Однако попадание их истории в прессу случалось редко к их величайшему недовольству. Бульварная газета, в которой работал Том Карни, имела ежедневный тираж в четыре миллиона копий. Все хотели оказаться в газете: политики всех мастей, модели, актеры, рок-группы, карьеристы, мечтатели, те, кто утратил былую славу, и безызвестные люди вместе со многими тысячами тех, кого сквернословящий редактор называл «сырые и убогие», под чем подразумевал основную публику. Только самый сочный материал попадал в прессу. Все же иногда один из этих звонивших, оказывалось, торговал не дерьмом, не сахаром, а подлинным золотом.

Женщина-аноним, звонившая этим утром, была случайным образом соединена по связи с одним из большого числа журналистов, которые дежурили за столами новостей. После Том Карни будет часто гадать о направлении, который могла бы принять его жизнь, не окажись он тем утром в офисе или если бы звонок ушел к другому репортеру в отделе новостей. Просто ответив на телефонный звонок тем днем, Том изменил свою жизнь, хотя в то время он никогда бы об этом даже не подумал.

— О чем она? — подтолкнул он, когда женщина не принялась охотно выдавать сведения. — Ваша история?

— Об очень известном человеке. О том, кто сидит высоко.

— Хорошо, — нейтрально ответил он. — Могу я узнать ваше имя, мисс?

— Никаких имен. Пока нет, просто слушайте.

Он мог сыграть жестко, сказать ей, чтобы она назвала ему имя или же мужчина повесит трубку, но, если у нее действительно стоящая история, мужчина прочитает об этом позже в

газете-конкуренте. Кроме того, было что-то в том, как она говорила, в этой спешке в ее голосе, что побуждало его не прерывать звонок.

— Так что с тем известным мужчиной?

— То, что он не имел права делать, — и она, фыркая, рассмеялась, а затем резко вновь стала серьезной. — Он женился, видите ли, и приходит навестить нас, а ему не следовало бы этого делать, не в его положении.

— Кого нас? — спросил он, хотя начал улавливать идею.

— Меня и некоторых других, — сказала она, скрытничая.

— Понятно. Вас и некоторых других, — его тон прозвучал задумчиво. — Имею ли я право предположить, что видеться с этим мужчиной в ваших профессиональных обязанностях?

Он пытался быть тактичным.

— Вы имеете в виду, заинтересована ли я? — огрызнулась она.

— Да, — просто сказал он.

— Ну, тогда говорите то, что имеете в виду, — сказала она ему. — Да, *мы* заинтересованы, конечно же, заинтересованы.

— И кто этот семейный мужчина, что проводит с вами время?

— Я не могу сказать, пока не узнаю, сколько это стоит.

— Как я могу сообщить вам это, если не знаю, кто он?

На линии последовала долгая пауза, пока она разбиралась с этой дилеммой.

— Он важный человек, как я и сказала, и расскажу вам все за правильную цену.

— Я понимаю.

Если она была законопослушной гражданкой, то это, вероятно, история про похождения, в которой может быть заинтересована газета, но, кому реально любопытно, если некий член городского совета, третьесортный актеришка или же ведущий телевикторины сует свой член, куда не попадая?

— Он из тех, о ком я мог слышать?

— Все слышали о нем.

— Он не политик?

Общественность с печальной известностью ужасно принимала политиков, если только те не были премьер-министром или каким-то лунатиком с взглядами вроде «выпороть их» и «повесить их», которые превращали их в «персонажей», и, в конце концов, в национальное достояние.

Она, должно быть, устала от его вопросов.

— Он лишь состоит в чертовом правительстве, — огрызнулась она. — В кабинете министров. Так сколько это теперь стоит?

Том Карни выпрямил спину. Он сильно сжал ручку в руке и позволил ей нависнуть над страницей блокнота. Если женщина действительно говорила правду и может доказать, тогда это будет динамитом. Правительство Тори с его-то основами и семейными ценностями имеет члена кабинета министров, который вступает в половые отношения с уличными проститутками? Так будет даже лучше.

— Тут есть, о чем подумать, — сказал он на тон спокойнее. — Если вы сможете доказать это. Теперь, почему бы нам не встретиться, чтобы обсудить это.

— Я спрашиваю, сколько, — ее голос был жестким, за которым угадывался страх.

На данный момент, Том не хотел раскрывать ей свой действительный статус в газете,

его полугодовой контракт на стажировку, пока редактор решает, если ли у него «хватка», чтобы прижиться здесь, так что он выдал следующее:

— Максимум пятизначное число, может шести, но вам надо будет доказать это.

На линии повисло молчание, которое подсказало ему, что она все еще заинтересована.

— Так, почему бы вам не сказать мне, где хотите встретиться, и я буду там. Это ведь то, чего вы хотите — продать вашу историю?

Может быть, все дело было в использовании слова «*продать*», которое ее зацепило.

— Хорошо, — сказала она.

### *Девушка №5*

#### *Шесть недель спустя*

У Мишель Саммерс заняло пятнадцать долгих и необыкновенно однообразных лет, чтобы осознать это, но сегодня вечером, когда она стояла и дрожала в темноте под прогнившими досками старой-престарой автобусной остановки, пока дождь отбивал ритмичное и ровное стаккато по крыше над ее головой, она, наконец, смирилась с простым и грустным фактом: она ненавидела свою мать. Ненавидела ее... ненавидела... *не-на-ви-де-ла*... тупую толстую корову.

Что ее мать и говорила ей в эти дни, так то, что началось со слов «ты была такой». «Ты была такой милой...», «ты была такой веселой...», «ты была такой милой малышкой...», подразумевая под этим, конечно же, что девушка больше не была такой. У Мишель Саммерс была невысокая самооценка и без ее матери, постоянно напоминающей ей, что она больше не хорошая, милая, веселая.

Мишель смотрела, как потоки воды стекают по внутренним стенам остановки и собираются в лужицы на исхоженном, сером бетонном полу. Расширяющаяся лужа заставила Мишель отойти от дальнего угла автобусной остановки на пронизывающий ветер, гуляющий по деревянному укрытию. По мнению Мишель, она жила в убогой деревне посреди ничего в заднице северо-востока Англии, и тут до любого места приходилось добираться на автобусе, даже до дома. Мишель клялась себе, что как только будет достаточно взрослой, она покинет Грейт Мидлтон навсегда, потому что здесь не было абсолютно ничего хорошего. Все знали друг друга, родители одного — родителей других, и все совали свой нос в чужие дела. В Грейт Мидлтоне ничего нельзя было скрыть.

Мишель пришла на остановку как раз вовремя, чтобы увидеть, как предпоследний ночной автобус прерывисто ползет вверх по холму впереди нее, выдыхая черный дым из выхлопной трубы, переваливаясь через пик, будто маленький паровозик. Сейчас она была рада, что уступила матери, когда та настаивала, чтобы девушка надела пальто, хоть оно и закрывало крутой топ, который был на ней сегодня ночью, и подкачанное тело. Большое спасибо. Даже этому мать завидовала.

— Эх, хотела бы я иметь такой плоский живот, как у тебя, наша Ракушка, — говорила она, — и такой маленький пупок. Он как жемчужина!

Дэнни определенно заметил перемену в девушке за последний год, грязный извращенец. Мишель ненавидела своего отчима почти так же сильно, как и свою мать, и не могла терпеть то, как они оба называли ее «Ракушка», будто она была чем-то выброшенным на берег. Немного удачи, и ее отчим уедет к этому времени из дома на фуре. Он все чаще последние дни работал по ночам.

«Чтобы обогнать пробку», — говорил он, но она задумывалась, может мужчина так же, как и Мишель, не выносил оставаться в их доме. Ее мать, вероятно, уже уснула на диване. Теплый джин и оранжевые таблетки от сердца лежали на столе рядом с ней. Он будет наполовину выпит, а ее мать полупьяна, и Мишель сможет тихо пробраться вверх по лестнице в свою комнату.

Было совсем не хорошо признавать, что ты ненавидишь свою мать. Мишель знала это. Ей бы полагалось любить ее, ходить с ней на шоппинг, делиться шутками, рассказывать о

парнях и тому подобном, покупать шоколад на День Матери — такого рода вещи. Она знала девушек, у которых были такие отношения с матерями.

— Моя мать довольно клевая, — говорили они. — Она рассказывает о сексе и обо всем таком, собирается давать мне на противозачаточные, когда я подрасту.

Но Мишель не собиралась говорить со своей матерью о сексе, не в этой жизни. Ее единственное высказывание по этой теме, когда ее дочь впервые стала встречаться с Дарреном «Дазом» Талли на регулярной основе, было чем-то вроде «не забудь, Ракушка, ничего ниже талии».

Она, в общем-то, и не хотела идти со своей матерью за покупками. Толстая корова, вероятно, захочет купить только шоколад, чипсы или джин. Женщина абсолютно запустила себя. Она задавалась вопросом, что Дэнни вообще в ней находит. Ну, правда, они все еще этим занимаются? Им обоим же было за сорок. Может их это не заботило. Вероятно, тебе уже все равно, когда наступает столько лет.

Это бы объясняло, почему Дэнни был таким извращенцем; он всегда болтался рядом с ванной с этой тупой улыбочкой на лице. Первый такой случай произошел немногим позднее ее пятнадцатилетия, и она вышла из ванной только в одном полотенце, обернутом вокруг нее. Он был тут как тут, стоял на лестничной площадке, будто только что взошел по лестнице, но она знала, что это было не так.

— Упс, — сказал он, будто все это было одним большим совпадением.

Его глаза выдавали его с головой; они горели как у ребенка, проснувшегося рождественским утром, и мужчина, определенно, смерил ее взглядом, словно парень в молодежном клубе; он пропутешествовал взглядом сверху вниз; прошелся по ее лицу, груди, а затем бедрам. Мишель затошнило. Она бросилась мимо него в свою комнату, игнорируя его «Спокойной ночи, любимица», прежде чем сильно захлопнуть дверь позади себя. Мужчины были свиньями, все без исключения. Это она уже выучила.

Теперь девушка не решалась пойти в ванную, если не была полностью одета в пижаму и банный халат от шеи до лодыжек. Это уже не так бросалось в глаза сейчас, когда в доме было не теплее, чем в морге. Отопление было еще одной вещью, которую они не могли себе позволить.

Она рассказала Сюзи все о Дэнни.

— Он, вероятно, думает о тебе, когда играет со своей штучкой, — сказала ее лучшая подруга, как ни в чем не бывало.

— Сюзи! — закричала Мишель. — Ты отвратительна! — но засмеялась, когда та это сказала.

— Держу пари, он, ну, знаешь, так возбуждается. Я более чем уверена, что это все, на что он способен, — все еще смеясь, сказала Сюзи.

В ее словах был смысл. Прошло довольно много времени с тех пор, как Мишель просыпалась ночью от звуков стучащего об стену изголовья кровати ее матери и Дэнни. В первый раз, когда она такое услышала, Мишель была маленькой девочкой и резко проснулась, беспокоясь за безопасность своей матери, потому что стуки об стену сопровождались стонами. Не до конца проснувшись, она прошлепала к ним в комнату, только чтобы увидеть, как Дэнни лежит поверх ее матери, которая закричала, когда увидела Мишель. Дэнни заорал и начал материться, а девочка развернулась на пятках и убежала. Ее мать немногим позже пришла в комнату в своем жалком потрепанном халате. Она села рядом с ней на уголок кровати и объяснила, что ей нечего бояться, что дядя Дэнни по-

особенному обнимает мамочку, и они оба закричали, потому что Мишель напугала их. Немногим позже Мишель переехала в меньшую душную заднюю комнату, «дядя Дэнни» стал жить с ними на постоянной основе, и дата свадьбы была уже назначена. До той ночи отношения с Дэнни были неплохими, когда он пытался понравиться матери, водил ее и Мишель в кино или в зоопарк, покупая девочке мороженое и кукол. Все это вскоре прекратилось, как только «он закинул ноги на кухонный стол», как назвала это ее бабушка Нэн. Не было больше прогулок, те немногие драгоценные подарки и мороженое появлялись все реже и реже. С деньгами было «туго», как частенько объясняли ей мать и отчим, хотя она и подозревала, что это ее новый отчим был скупердям.

\*\*\*

Мишель оказалась резко выдернута из своих мыслей свежим потоком воды, которая полилась с крыши и хлынула на пол прямо перед ней, намочив и девушку в процессе. Почему она не родилась где-то еще, например, в Лондоне или даже в двадцати милях отсюда, в Нью-Касле? По крайней мере, там было чем заняться. В деревне никаких развлечений, кроме курения и быть облапанной парнями на задворках сельского клуба. Это было всем, чего хотел Даррен Талли. Они ходили гулять вместе не больше двух месяцев, и Мишель едва могла вспомнить, как она была рада, когда он впервые пригласил ее на свидание. Даже Сюзи говорила, что Даррен официально «роскошный», и впервые в жизни она почувствовала себя особенной и желанной. Но реальное свидание с Дазом отличалось от ее фантазий. Сегодняшний вечер был типичным. Они всегда обнимались и целовались, по крайней мере, он делал над собой такое усилие, но постоянное засовывание его языка в ее рот и поцелуи с привкусом табака за сельским клубом едва ли были пределом девичьих мечтаний. Продолжительное тисканье всегда оканчивалось тем, что она отталкивала его руки, и парень бормотал «Ты такая замкнутая», будто Мишель была последней девственницей на деревне, прежде чем уведомить ее, что скоро будет вынужден ее бросить, если не начнет «получать что-то в ответ».

— Я должен что-то получать. Нет никакого смысла, если я ничего не получаю, — проинформировал он тем вечером, словно это было каким-то романтическим предложением, перед которым девушка не смогла бы устоять.

Парни также были свиньями.

Даз едва взглянул на нее, когда охотно сел в машину матери друга, предложения от ее собственного подвезти ее в соседний город даже не стоило ждать в такую погоду. Она наблюдала за тем, как тот уезжает, и задумалась, может уступить ему, чтобы удержать, или он того не стоит.

Мишель посмотрела на свои часы. Последний автобус скоро будет здесь, если вообще приедет. Их часто отменяли без объяснения причин, но погода была сырой, а путь до дома — неблизкий. За последнее время пропало много молодых девушек. Некоторых из них позже нашли. Она содрогнулась от мысли, каково им было в последние минуты их жизни. Ее мать часто вбивала ей это в голову.

*«Никогда не возвращайся домой одна, Мишель, это небезопасно, всегда садись на автобус или убедись, что твой парень», — она никогда не называла Даррена по имени, — «проводит тебя домой, если хочет и дальше продолжать с тобой видеться».*

Это было смешно. Были вещи и поопаснее, чем Даз Талли, провожающий ее домой.

Мишель начала рассеянно тянуть за образ Святого Кристофера на шее, растягивая серебряную цепочку. Дождь полил с новой силой, злобный, вихрящийся ветер хлестал по

крыше остановки, поэтому она не услышала голос мужчины, а стучащие капли барабанили по дереву, маскируя его шаги. Первым признаком его присутствия стало небольшое изменение в освещении, почти неуловимая тень перед ней, когда свет от фонаря упал на его спину, отбрасывая тень, которая изменяла форму по мере его приближения. Она подняла взгляд ровно в тот момент, когда мужчина подошел к остановке. В свете фонаря, светившем ему в спину, она едва могла различить его черты. Мишель испугалась, почувствовав опасность, но не была уверена, что с этим делать. Когда он, наконец, заговорил, звук его голоса заставил ее подпрыгнуть. Он был глубоким и неотразимо мужественным, и девушка поняла, что задержала дыхание. Страх и предвкушение боролись в ней.

— Привет, — сказал он.

Мать Мишель всхрипнула так сильно, что проснулась. Голова Фионы упала на плечо, и она резко распахнула глаза в панике, пытаясь проморгаться и сориентироваться в пространстве. Дерьмо, снова уснула на диване. Женщина посмотрела на небольшие латунные часы на полке над камином, почти час ночи. Какого черта. Она должна была пойти в постель несколько часов назад вместо того, чтобы пить тот последний бокал вина. Теперь утром у нее будет похмелье и работать станет еще тяжелее, чем обычно.

Фиона думала, что переключиться с джина на вино, будет хорошей идеей. Будет держать ее подальше от крепкого алкоголя и заставит казаться вечернее распитие напитков более невинным. Она не хотела, чтобы кто-то неправильно об этом думал. Как, к примеру, ее дорогой муж или прелестная дочь, которые, казалось, считали, что женщина родилась только, чтобы служить им. Бутылки сладкого немецкого вина имели еще одно преимущество в виде более низкой цены по сравнению с джином, и Фиона убедила себя, что они нанесут ее телу меньше вреда в долгосрочной перспективе. Ведь вино делают из винограда, а виноград – это фрукт. Так, что ужасного может быть, когда ты пьешь фрукты? Если бы кто-либо спросил, что вряд ли, она могла бы сказать им, что выпивает один, может два бокала, два или три вечера в неделю, но в действительности, она знала, что выпивает намного больше каждую ночь. Так как никогда не допивала бокал целиком, всегда наливая доверху, вместо того, чтобы осушить его и налить новый, женщина не могла быть уверенной, как много бокалов выпивала, что было, впрочем, намеренно, ведь она и не хотела этого знать. Фиона на самом деле и не ощущала в себе *потребности* выпивать каждый вечер, просто жизнь казалась намного менее наполненной стрессом после парочки бокалов.

Медленно обходя диван в алкогольном тумане, она переместила ногу и сразу же натолкнулась на свою полупустую бутылку вина, которая упала, как кегля, увлекая за собой и стоящий рядом бокал. Каким-то чудом, они остались целыми, хоть и немного вина пролилось на ковер, прежде чем она успела спасти незаконченную бутылку. Фиона выругалась, а затем зашла на кухню и поставила остатки в холодильник. Ее голова уже начала пульсировать. Лучше не думать об утре и просто пойти спать.

Фиона вскарабкалась по лестнице и, приблизившись к вершине, заметила красноречивую полосу света, льющуюся из-под двери комнаты Мишель. Что, ради всего святого, ее дочь делает, бодрствуя, когда утром ей в школу? Женщина такого не позволяла. Она подняла руку, готовая постучать костяшками пальцев по двери, а затем замерла. Фиона знала, что должна сделать своей дочери выговор, но поняла, что сама не подавала хорошего примера — аргумент, который ее дочь без сомнения использует в свое преимущество, подрывая и без того хрупкий авторитет матери еще больше. И всегда есть вероятность, что, будучи такой уставшей, женщина с трудом произнесет слова так четко, как бы хотела. Какой саркастический ответ она получит от Мишель после того, как снова отключилась на диване? Ее дочь должна была ее увидеть, когда зашла. Распростертую там, далеко не в лучшем виде. У Фионы не было сил для еще одного спора с Мишель — с девчонкой, которая становилась все более дерзкой и неблагодарной день ото дня. А ведь подумать, та была таким милым, воспитанным ребенком. Фиона стояла на лестничной площадке и наклонилась ближе, чтобы ее ухо почти прижалось вплотную к двери комнаты ее дочери. Никаких звуков изнутри. Мишель, вероятно, уснула с невыключенным светом, пока читала один из тех тупых

подростковых журналов, которыми была одержима. Ее стены были обклеены изображениями Тейк Вэт – еще одной подростковой группой Мишель, которая будет висеть тут сегодня, а завтра исчезнет, как Осмондз или Бэй Сити Роллерз в дни юности Фионы. Она была любвеобильной.

Одним из повторяющихся ночных кошмаров Фионы был тот, где ее дочь беременеет прежде, чем выйдет из подросткового возраста. Самая последняя вещь, которая ей сейчас нужна, — стать бабушкой в своем-то возрасте. От этой мысли женщина вздрогнула. Она уже была измотана, а по деньгам они едва выживали, не говоря уже о том, чтобы кормить нового ребенка, покупать ему одежду и чертовы игрушки. Она надеялась, что у чокнутой дочери все еще были мозги в голове, чтобы не позволить своему непостоянному бойфренду сделать то, что он без сомнения хочет, но женщина была далеко не уверена в этом.

Фиона отвернулась от двери и направилась в свою собственную комнату. По крайней мере, Дэнни уже уехал, так что ей не придется иметь дело с его неодобрением или нерешительными поползновениями к ней ради секса. А Мишель будет в порядке. Она проспит с включенным светом всю ночь, а затем выйдет в своем привычном ворчливом настроении, ненавидя всех и вся, как и делала каждое утро.

\*\*\*

Фиона всегда будет винить себя за то, что не постучала той ночью. Вина останется с ней. Если бы она вошла в комнату своей дочери, поняла бы, что Мишель пропала, и никогда на самом деле не вернется. Если бы только она знала об этом тогда и сообщила о пропаже дочери задолго до утра, сберегая драгоценные часы для полиции. Возможно, что-то можно было сделать по горячим следам, тогда бы все сложилось для всех иначе.

## *День первый*

В то время как поезд ветки метро Джубили загудел за углом, Том Карни пялился на первую полосу газеты, где в верхней части красовался заголовок «Грейди и Бродяга». Темноволосый мужчина средних лет, одетый в синий костюм в тонкую полоску, сердито пытался оттолкнуть объектив фотографа вытянутой рукой. По мужчине на фотографии сразу можно было понять, что он богат, обладает статусом и привилегиями.

Том встал намного раньше, чем обычно: ему не терпелось увидеть свою первую статью на первой странице в национальной бульварной газете, и это была не просто какая-то статейка. Черт, это была история года. Решающий момент для Тома, реабилитация после долгих тяжелых лет, когда друзья в его сторону недоумевающе хмурились и бросали пренебрежительные комментарии при упоминании, что мужчина собирается стать журналистом. У других газет не было громких историй. Том и его коллеги в газете сгребли их все себе. Он представлял, как его статью будут читать в каждом автобусе и поезде страны. Она уже стала главной новостью на радио и телевизионных каналах, которые смотрят за завтраком. На Даунинг-стрит будут читать слова Тома этим утром и волноваться. Эта мысль кружила голову.

Журналисты всегда называли газету «Газетой». Это было золотым правилом. Произносить ее реальное название означало признавать, что она не была единственной газетой и что могут, просто могут, быть и другие по общему признанию менее значимые претенденты на честь называться газетой рабочего человека. Том попал под особенно жестокий всплеск эмоций от своего редактора после всего часа работы во время первого редакторского собрания. К несчастью для Тома, Алекс «Док» Докерти проходил мимо и услышал, как новенький называет газету настоящим именем, так как не имеет представления, что этого делать нельзя.

— Кто ты, мать твою?

Том не ожидал увидеть, что легендарный Алекс Докерти будет смотреть прямо на него с ядовитой ненавистью, написанной на лице.

— Думаю, ты новенький, — сам ответил на свой вопрос. — Вот почему ты только что совершил святотатство в моем офисе.

Докерти злобно смотрел вниз на новенького.

— Ты босяк (*прим.: опустившийся человек из деклассированных слоев населения*)?

— Пардон? — все, что мог сказать Том.

— Часть сирых и убогих, тех, что снаружи? — и Док показал пальцем в направлении огромных окон, из которых открывался вид на очертания района Уоппинг. — Народа, который не знает, за кого голосовать, что думать, кого любить, ненавидеть или игнорировать. Тот тип личности, который даже не знает какую руку использовать, чтобы подтереть собственную задницу, пока им не расскажут. Если ты один из них, тогда ты можешь называть мою газету по ее названию. Если, с другой стороны, ты хочешь выжить здесь еще в течение пяти минут, тогда можешь оказать маленькую любезность, называя ее Газетой, как и все другие.

Док присел так, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с лицом Тома, будто хотел сообщить тому секрет.

— Потому что моя газета — *Газета*. Других нет.

Том открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но Докерти прервал его, подняв руку.

— О, я знаю, ты можешь думать, что там есть и другие газеты, даже можешь заблуждаться, считая, что они серьезные соперники, но это не так. Факт: нас читают на каждой стройке, футбольном тренировочном поле, в офисе и станции метро, столовой местного совета и учительской в стране, что значит, что мы имеем вес. Я могу разрушать карьеры, сажать людей в тюрьму и удерживать их там, отправлять в отставку министров, низвергать премьер-министров, повышать количество голосующих за тех, кто в самом низу, на десять, даже двадцать процентов всего парой хорошо подобранных слов на первых страницах. Все это делает нас игроками на поле.

Он оглядел собравшихся вокруг улыбающихся журналюг, которых держал в своих руках. Мужчина повернулся обратно к своему подчиненному.

— Каков тираж нашего ближайшего соперника, Терри?

— Дерьмовый, шеф, — тотчас подхватил Терри.

— Дерьмовый, — кивнул Док и повернулся к Тому. — Если хочешь пойти и работать на газетенку, которую никто не читает, за исключением нескольких полковников в отставке из Тьюксбери, тогда присоединяйся к «*Ториграф*». Если на газету с историей, но без будущего, тогда «*Таймс*», определенно, для тебя. А хочешь ходить строевым шагом на работу каждое утро, тогда «*Дейли Мейл*» поприветствует тебя с распахнутыми объятиями. «*Гардиан*» примет тебя в один миг, если ты умеешь сам вязать себе сандалии. Но если ты хочешь работать в настоящей газете, то существует только одна — моя. Только я привык называть ее Моей Газетой, и ты должен называть ее также, и, если я услышу, что ты используешь какое-то другое слово в будущем, вылетишь из этих дверей так быстро, что твоя задница пролетит мимо твоего носа на пути на выход, усек?

— Да, босс, — многозначительно кивнул Том, отчаянно желая уйти со сцены и вернуться в свою раковину, как можно быстрее.

— Оставлю тебя с этой мыслью. Мне нужно править страной, — бормоча, ушел он.

— Как долго ты здесь пробыл? — спросил один из старших журналистов. — Час? — и покачал головой в удивлении. — У нас тут были стажеры, которые не устаивались и слова от великого за все шесть месяцев пребывания тут, — он протянул эти слова с эдинбургским акцентом, который был не громче шепота. — Отлично, сынок.

\*\*\*

Едва пережив первый день, Том, засучив рукава, принялся входить в дело с помощью собратьев журналистов. Он быстро понял, что скрывается за эвфемизмами. «Родитель-одиночка» значит ничтожество, «одиночка на пособии» — паразит, «молодой одиночка на пособии» — паразитирующее ничтожество, живущее в халявной квартире. Гулящие женщины, они же «изменщицы», таскали любовников в свое «гнездышко», чтобы вступить в «отвратительные внебрачные связи». А потом эти интрижки пафосно порицали в статьях журналисты — кокаинщики, пьяницы, бабники и вообще худшие отбросы, которые только встречались Тому в его жизни. Газета была бичом незамужних мамочек, живущих на пособия, футбольных фанатов, Европофилов и педофилов; последние двое считались преступлениями такими чудовищными в глазах Дока, что они почти делили главную роль на первых полосах газеты.

Том Карни с тех пор держался подальше от Дока. В следующий раз, когда он будет стоять рядом с великим, у него будет история, которую можно поведать. Том встретился с

проституткой — женщиной, которую звали Труды Найтон, работавшей под псевдонимом «Госпожа Искра», и был убежден, что та говорит правду. Док увещевал его, но, в конце концов, тоже поверил и лично назначил команду для освещения этой темы, полагая, что доказательства, настоящие подкрепляющие доказательства, в виде множества фотографий Грейди с его высунутым членом — все, что нужно.

Разведывательная операция запечатлела приходы-и-уходы и хождения-и-похождения сверхважаемого и очень женатого Министра обороны, Тимоти Грейди, который до этого момента имел все шансы стать в будущем консервативным премьер-министром. Его широко рекламируемая поддержка «семейных ценностей» все же не предотвратила встречу Грейди с «Госпожой Искрой» и ее подругами в его лондонской резиденции, а ее услуги оценивались в вызывающие-слезы три сотни фунтов стерлингов в час, хотя он, конечно же, попросил скидку. Неспроста Тимоти Грейди называли в политике «львом» — прозвище, которое он приобрел, добившись пересмотра британского бюджета в ЕЭС (*прим.: Европейское экономическое сообщество — региональное интеграционное объединение двенадцати европейских государств*). Такая непримиримость была его позицией по всем вопросам, которую французские и немецкие политики стали ассоциировать с ним в уничижительной манере, как о «Лондонском льве», и, когда пресса правого крыла подхватила эту кличку, переименовывая его во «Льва Брюссельского», Грейди ничего не сделал, чтобы испортить свой героический образ.

Пусть он и знал наизусть каждое непристойное слово, Том Карни сел на поезд и читал, перечитывал статью, написанную им в соавторстве, всю дорогу до станции Джубили. Впервые Том вошел в редакцию газеты, будто был здесь своим. Когда он проходил мимо рядов столов, за которыми сидели репортеры-ветераны, он принял непринужденную походку, надеясь, что так и выглядел, будто разрушить карьеру будущего премьер-министра и занять в процессе первую полосу было привычным делом для начинающего репортера. Пара журналюг даже обеспокоились тем, чтобы пробормотать приветствие. Миленькая молодая девушка, с которой он однажды неудачно пофлиртовал, стоявшая у кулера с водой, даже улыбнулась ему.

— Шеф хочет тебя видеть, — сказал подчиненный Терри, когда Том дошел до его стола, и выглядел так, будто завидовал тем поздравлениям, которые Том скоро получит.

— Осторожно, — сказала Дженнифер, секретарь Дока, когда Том прибыл в огромный офис со стеклянными стенами, доминирующий над обширным отделом новостей, — он не светится от счастья.

Она произнесла это так, будто только что изобрела вызывающую тошноту фразу, которую на данный момент, казалось, использовал каждый.

— Ну, — сказал Том, — я ничего не сделал.

Его мечты, однако, прожили недолго, жестоко обрубленные на корню знакомым громовым голосом, который сильнее обычного сочился злобой.

— Карни, немедленно войди!

Том недоверчиво вошел в офис.

— Шеф? — спросил он неуверенно.

— Ты кретин! — закричал Док и тотчас же бросил сложенную копию утреннего издания в Тома, который поднырнул, когда та пролетела, не причинив вреда, над его головой и сквозь открытые двери позади него. — Ты абсолютный конченный кретин!

Констебль Йен Брэдшоу снова смотрел в потолок. Он последнее время проводил много времени, пялясь в потолок во время длительных бессонных ночей его реабилитационного периода. Бывали и такие часы апатичного ступора, когда депрессия оставляла так мало энергии, что мужчина даже не мог протянуть руку, чтобы переключить пультом канал. Тогда он оставлял бессмысленную дневную болтовню, отупляющие игровые шоу и подслащенные детские программы. Каждый обед в квартире Брэдшоу «мистер Бенн» ходил по своим делам «побега из реального мира» при помощи волшебной швейной коробочки, прежде чем вернется на Фестив-роад пятьдесят два как всегда с сувениром в кармане. Брэдшоу будет лежать на диване и смотреть на него, раздумывая, как смог аналогичным образом сбежать из реальности и умудриться с треском загубить свою жизнь к тридцати годам.

Это была долгая медленная дорога к восстановлению, по которой он шел крошечными детскими шагами, отмечая небольшие победы; способность самому себе приготовить завтрак в виде двух кусочков тоста с парой жареных яиц сверху должна считаться важным рубежом. Когда Брэдшоу наконец вернулся к работе, через месяцы после «инцидента», как привык называть это его психотерапевт, заметил перемену в отношении к нему своих коллег. Это проявлялось не в том, что ему говорили, ведь они в эти дни вообще мало разговаривали. Все было более неуловимо: выражение их глаз или то, как они довольно сильно старались держаться от него на расстоянии, когда он был в комнате, будто его невезение или некомпетентность может перекинуться на них, если подойдут ближе. Он был отработанным материалом. Именно таким они его видели, и он должен был признать, после того, как раздумывал над своей участью в течение многих и многих часов ступоров-в-потолок, когда борьба с бессонницей не приносила результата, что они были, в общем-то, правы и справедливо воспринимали его таковым. Он *облажался* и потерпел *фиаско*. Невозможно отрицать холодную и неумолимую логику произошедшего. Йен совершил ошибку, и кое-кто очень щедро заплатил за это. Проигрывая события в уме раз за разом, он гадал, как мог быть настолько глуп. Тот факт, что он получил лучшее образование по сравнению с остальными, только усугублял его мучения. В школе Брэдшоу без усилий достигал успеха. Высокий, симпатичный и умный — у него не было отбоя от девчонок, он возглавлял футбольную команду и был героем соревнований по плаванию. Он получил высокие отметки и университетскую степень, буквально став лицом жандармерии Дарема, когда в ранние дни появился в рекламной компании для выпускников-призывников под слоганом «Присоединяйся к программе Фаст Трэк».

И посмотрите на него сейчас, все еще томится в звании констебля. Привыкший к быстрым достижениям, Йен Брэдшоу оказался полностью не готовым справиться с ошеломляющим крахом его полицейской карьеры. Ни академические, ни спортивные заслуги не имели значения, если случилось, что ты не годишься для этого. Все всегда говорили ему, что когда он вырастет, сможет стать кем хочет, но только дело дошло до этого, он даже не смог стать тем единственным, кем хотел быть — офицером полиции, или, по крайней мере, быть компетентным в своем деле.

Теперь он опять смотрел в потолок, лежа на мягком кожаном диване, пока его психотерапевт, Доктор Меллор — порекомендованный и оплаченный жандармерией Дарема в попытке доказать, что они полностью не умыли руки в его случае — пытался снова создать

между ними эмоциональную связь.

— Это наша пятая сессия, — мягкий и слегка гипнотический голос доктора Меллора плыл к Брэдшоу от его кресла в центре душевой комнаты, — и я полагаю, что мы установили достаточно доверительные отношения, чтобы начать исследовать вопрос о чувстве вашего собственного достоинства, верно?

У доктора была привычка заканчивать все свои высказывания словом «*верно*» — раздражающий маленький словесный тик, который заставлял его голос повышаться в конце каждого предложения. Хороший доктор, определенно, не знал, что так делает, но Брэдшоу отвечал на его вопросы буквально, потому что подозревал, что это может раздражать пожилого мужчину.

— Не верно.

— Простите?

— Шестая, — ответил Брэдшоу. Он не видел доктора, потому что все еще смотрел на деревянные лопасти потолочного вентилятора, но знал, что мужчина будет хмуриться, пытаясь понять, что имел в виду его пациент. — Это наша *шестая* сессия.

— Да? — голос был недоверчивым.

— Да.

Брэдшоу хотел добавить: «Поверь мне, я знаю!».

— Уверен, что вы правы.

Сейчас лицо доктора будет олицетворением добросердечия, но, если Меллор не может понять простой факт, как этот, каков шанс, что он действительно сможет помочь Брэдшоу победить его «демонов», как они договорились называть их?

— Да, прав, — подтвердил Брэдшоу.

Доктор прочистил горло.

— Не хотите немного чая?

Всегда одно и то же предложение, всегда один и тот же ответ.

— Нет.

— Я *выпью* немного, если вы не возражаете, — сказал доктор.

— С чего бы мне возражать?

Он слышал, как доктор прошлепал по ковру, а затем раздался щелчок от включения чайника.

— Итак, когда вы были молодым парнем, как вы воспринимали себя, Йен? Не возражаете поделиться со мной? У вас столько времени, сколько вам необходимо.

— Если хотите.

На самом деле это не заботило Йена. Он просто хотел, чтобы секунды перерастали в минуты, а минуты накапливались как можно быстрее, пока их не становилось шестьдесят, и час не кончался, вслед за чем доктор торжественно провозглашал, как всегда и делал, «увы и ах, но наше время подошло к концу», прежде чем перейти к своей следующей жертве, старый козел обирала.

Брэдшоу раздумывал, прежде чем ответить, так долго, что услышал, как зашипел чайник, а затем и забулькал, после чего слова полились, казалось, на своей воле.

— Когда я был мальчишкой, я привык считать, что мир — это кино о моей жизни, и что я в нем звезда.

— Интересно, — сказал доктор и начал наливать чай.

— Да, так, — Брэдшоу мог слышать клацающий звук металлической ложки, задевающей

стенки чашки из английского фарфора, пока доктор помешивал чай. — А теперь, Йен, — мягко подтолкнул он, — как вы ощущаете себя сейчас?

Снова повисло долгое молчание, прежде чем молодой человек заговорил.

— Как актер из массовки, — ответил Брэдшоу, — без текста.

Меллор обдумывал ответ констебля Брэдшоу некоторое время.

— Стоит ли мне говорить вам, что я думаю? — спросил, наконец, хороший доктор.

— Разве не в этом весь смысл упражнения? — возразил Брэдшоу.

— Терапия — двусторонняя улица, Йен, — напомнил ему доктор Меллор. — Вы разговариваете со мной, и мы устанавливаем доверительные отношения, со временем. Я чувствую, что будет только справедливо, отплатить вам ответным доверием.

— Так, значит вы собираетесь рассказать мне о вашем детстве? — спросил Брэдшоу.

— Нет-нет, Йен, — легкая гримаса раздражения от обычно невозмутимого доктора. — Это не то, что я собираюсь сделать, и, подозреваю, вы это знаете. Нет, я расскажу вам, что думаю. Что мы имеем тут — классический случай из жизни, когда не удается жить в соответствии с довольного завышенными ожиданиями. Я верю, что вы романтик в душе. Йен с романтическим взглядом на мир, и я только что не имел в виду увлеченность слабым полом, хоть вы сейчас и одиноки, — непонятно зачем напомнил ему доктор. — Мы говорили прежде о вашем длительном желании вступить в ряды полиции, что, как я думаю, имеет непосредственное отношение к вашим детским комиксам о героях, которые неким образом спасают мир. Вы ожидаете, что работа в качестве офицера полиции будет тем, во что вы естественным образом вольетесь, и оказались впоследствии неготовым к рабочим разочарованиям.

— Как вы не видите, что в вас нет ничего неправильного, — внезапно весело провозгласил доктор, — кроме определенно временного чувства шока и отчаяния, вызванных травмой от... эм... *инцидента*, о котором мы обстоятельно говорили. А кроме этого, реалии каждодневной жизни просто не совпадают с вашими ожиданиями.

Доктор произнес эти последние слова, будто только что открыл лекарство от рака или, по крайней мере, от отдельного вида опухоли, которой был болен Брэдшоу. В этот раз молчание растянулось так долго, что доктор почувствовал себя обязанным подтолкнуть констебля.

— Верно? — сказал он.

— Я знал это, — сказал Брэдшоу и сел прямо на диване. — Я, черт возьми, знал это. Иисус Христос, шесть гребанных часов ушло на то, чтобы вы, наконец, пришли к очевидному выводу! Жизнь не оправдала моих предыдущих надежд и ожиданий. Ну, так не только у меня, но и у девяти десятых населения планеты, не так ли? Я не думаю, что вы хотели заниматься *этим*, когда были ребенком.

— Успокойтесь, Йен, — предупредил доктор.

— Успокоиться? Полная чушь! — Брэдшоу резко сел. — С меня хватит, — сполз с дивана и с трудом надел куртку.

— Но, Йен, — запротестовал потерявший дар речи доктор, — мы едва провели сорок минут, осталось еще двадцать.

— Сдачу оставьте себе! — прокричал Брэдшоу, выходя в двери.

Он не прошел и пары ярдов, когда женщина с ресепшена настигла его. Они оба двигались на скорости и почти врезались друг в друга.

— Констебль, — сказала она, — вас просят к телефону. Они сказали, это срочно.

Они быстро вместе направились к столу ресепшена, и Брэдшоу взял трубку. Это был Пикок.

— Тащи свою задницу сюда как можно быстрее, Брэдшоу, — приказал Инспектор. — Босс хочет, чтобы все собрались в течение получаса.

— Что случилось? — спросил Йен, и, когда Пикок ответил, ощутил, как место желудка занимает камень.

— Похитили еще одну девушку.

«Иисус», — подумал Том Карни, — «что он должен сделать, чтобы угодить этому мужчине?»

— В чем дело? — слабо запротестовал он.

Альфа-самец, живущий в нем, побежал в укрытие при первых звуках громового голоса Дока, и его собственный стал звучать, как у маленького ребенка, пойманного за слизыванием глазури с торта своей матери.

— Он предъявляет нам иск! — закричал Докерти. — И, если верить его адвокатам, он, черт бы его побрал, выиграет дело!

Том овладел собой.

— Естественно, он захочет судиться с нами. Какой у нас выбор? Он не собирается признаваться, не так ли? Если он пойдет на этот шаг, с ним покончено. Тимоти Грейди — политик, так что ему придется выступить против нас в суде или, по крайней мере, *сказать*, что собирается предъявить нам иск, но он не победит. Не сможет!

— О, не сможет? В какую юридическую школу ты ходил? Или ты переодевшийся Джордж Карман (*прим.: ведущий английский адвокат в 1980-х и 1990-х годах*)?

Том хранил молчание.

— Нет? Ну, возможно, ты сможешь достать мне его номер, потому что, думаю, нам понадобится лучший адвокат в стране, занимающийся вопросами клеветы. Спасибо тебе, той тупой суке Анне-Луизе и тому идиоту Джонатану. Единственный человек, которого я виню за эту катастрофу больше, чем тебя, так это своего заместителя. Он, по крайней мере, должен был знать лучше!

В этот момент все стало ясно. Алекс Докерти уже дистанцировался от статьи, от заголовка на первой странице в его собственной газете, остановившись на сложной-для-развенчания версии, что технически он находился в отпуске в тот день, когда статья поступила в печать. Что из всех мест он находился на садовой вечернике в Букингемском Дворце, и бедный, невезучий Мартин Трейси в день отсутствия великого исполнял роль редактора; в единственный день, который по всей вероятности поставит крест на его карьере, как и всех тех, кто работал над статьей, если Грейди выиграет дело о клевете. Не имело значения, что Докерти приложил руку к каждой мельчайшей детали статьи, и она находилась под его контролем вплоть до последнего часа, когда поступила в печать. Теперь он будет заявлять, что никогда бы не опубликовал статью вообще, и пусть заместитель редактора расхлебывает кашу. Редакторы теряли работу из-за такого рода вещей. Газеты не купаются в деньгах, а их владельцы не любят проигрывать дела о клевете. Суд присяжных имеет противную привычку награждать обиженных большими отступными, даже когда те были такими же виновными, как сам грех, и все это прекрасно знали. Одно дело было знать, что кто-то был скользким типом, совсем другое доказать это в зале суда, да так чтобы все поверили. Алекс проконсультировался с юристами Газеты, и сразу же бросился в укрытие. Вот тебе и «его Газета».

— Но у нас есть фотографии Грейди, выходящего из своей квартиры, и ее, входящей, — запротестовал Том.

— Не квартиры, — поправил его Док, — а многоквартирного *дома*. Она могла трахаться с кем угодно, кто живет в тех квартирах, — так будет утверждать его юрист, — парировал

редактор. — Я говорил тебе, что нам нужна запись того, как они еб\*тся или, по крайней мере, заранее оговаривают условия траха.

— А я сказал вам, что нет такой возможности, — сказал Том. — Это его квартира, и он не глуп. Мужик просто привык показывать пальцем на спальню, когда приезжает девушка, и она входит и раздевается. Негде повесить на нее микрофон. Он тупо кончает и вручает ей наличные. Вы сказали нам все равно писать статью.

Док бросил на него предостерегающий взгляд, и Том понял, что от него ожидают стирания этого маленького разговора из своей памяти, который случился, когда Алекс Докерти находился в одном из своих эгоистичных напечатан-и-будь-проклят настроений.

— Наши адвокаты говорят, это неубедительно, — сказал Док. — Выглядит как газетная утка, и он может просто сказать, что никогда даже не видел эту девушку или ее подружек, а уж тем более не мог присунул им.

— Они трахались несколько раз! — вступил в спор Том. — И с ее друзьями. Они все клянутся, что это было он.

— Они проститутки! — закричал Док, в недовольстве махнув рукой. — И это значит, что их слова ничто по сравнению со словами министра!

Затем он будто сделал над собой усилие, чтобы успокоиться.

— И есть еще кое-что.

— Что? — Док, казалось, испытывал боль. — Его адвокаты просят назвать точное время и дату, когда, по нашему мнению, он трахался с Госпожой Искрой и ее подружками.

— И?

— Наши юристы считают, что таким образом смогут поехать к Грейди и спросить его, есть ли у него алиби на эти даты и время.

— Ну, у него его нет, — сказал Том. — Не так ли?

— Ну, посмотрим. Что еще нам остается делать?

Док изобразил великолепное шоу, имитируя, что размышляет. Он обхватил рукой подбородок и наморщил лоб, изображая, что хмурится.

— Он состоятелен, имеет огромное влияние и в один прекрасный день может стать премьер-министром, а значит, он может щедро отплатить за услуги. Вокруг него годами ходят слухи о скользких делишках, так что мы уже знаем, что он бесчестен. И что ты думаешь, Том? Разве у него будут хоть какие-то проблемы с этими алиби?

— Но это...

— Несправедливо? — подсказал Док. — К дьяволу справедливость. Этот онанист борется сейчас за свою политическую жизнь, и очень вероятно, что и за свой брак. Он не станет драться честно.

Том сейчас чувствовал себя сбитым с толку. Встретившись лицом к лицу с уверенностью своего редактора, он внезапно растерял все свои аргументы.

— Что вы собираетесь делать?

— Насчет этого? Я не знаю. Вероятно, слягу с язвой, или у меня случится сердечный приступ, но ты беспокойся о себе, а не обо мне.

— Что вы имеете в виду?

— Мы не можем позволить тебе оставаться в офисе и писать еще больше статей, в то время как из-за твоей последней истории нам предъявили иск. У юристов случится припадок. Здесь ты мне не нужен. Отправляйся в отпуск, — сказал Докерти Тому. — Не смотри на меня так. Ты все еще получишь свои деньги. Я бы сейчас убил за оплаченный

отпуск.

— Что насчет моего контракта? Вы же знаете, что он только на полгода, и срок скоро истечет.

— Нам стоит подождать и посмотреть, ты так не считаешь? — спросил он Тома.

— Вы вышвыриваете меня? Вот что вы делаете? Просто скажите мне, если это так.

— Нет, я тебя не вышвыриваю, так что не говори чепухи!

— Так почему вы не можете рассказать мне, что случится в конце срока моего контракта?

— Потому что я в действительности не знаю, останусь ли на должности, не говоря уже о тебе! Я могу даже и не пережить тот день. Никто не любит проигрывать дело о клевете, сынок; они слишком дорого обходятся, даже для нас.

Дженнифер выбрала именно этот момент, чтобы просунуть голову в кабинет.

— Извините, шеф, вы сказали, что хотите написать письмо Криптику Кену.

И, когда тот моргнул, глядя на нее, вспоминая, она добавила:

— Я могу зайти попозже.

— Нет, Дженнифер, входи, — сказал он ей, глубоко вздыхая. — Я тут закончил.

Он не оставил Тому никаких иллюзий по поводу того, что разговор не завершен.

Криптик Кен оказался постоянным астрологом газеты, мужчиной, чьи дни по слухам были сочтены, потому что его гороскопы были слишком скучными на вкус Дока. Их последний спор проходил на таких повышенных тонах, что половина офиса слышала каждую болезненную подробность. Алекс Докерти хотел видеть мечты, богатство и горячие любовные интрижки в каждом гороскопе каждого дня.

— Но это так не работает, — запротестовал Криптик Кен. — Жизнь не такая.

— Кого заботит, как все работает? — потребовал Док. — Это все куча говна в любом случае! Гороскопы — чушь собачья. Как одна двенадцатая населения может испытывать одинаковый уровень хорошей или плохой удачи в тот же самый чертов день, просто потому что они были рождены в ходе случайного расположения звезд на небе? Я продаю мечты на каждой убудочной странице здесь. И хочу, чтобы каждый читатель думал, что это может случиться с ним; неважно играет ли он за Англию, оказался в тройничке с Шерон Стоун или торчит у стойки в местном пабе, а ты, приятель, подводишь, бл\*ть, команду!

Теперь Дженнифер сидела на краешке дивана и чопорно поджала ноги, удерживая ручку близко к своему блокноту, готовая записывать свежий смертный приговор редактора.

Но сперва Док повернулся к Тому.

— Сделай мне одолжение, сынок, покинь мой офис сейчас же, как хороший маленький мальчик, и никогда больше не имей дерзости упоминать при мне свой контракт, или я уничтожу его прямо на месте.

И он повернулся обратно к Дженнифер.

— Я хочу, чтобы ты записывала слово в слово, именно так, как я буду говорить, — сказал он ей. — Дорогой Криптик Кен... как вы без сомнения и предвидели... вы, мать вашу, уволены... с наилучшими пожеланиями, Док.

Затем он посмотрел в сторону и понял, что Том сидит там же в немом шоке.

— Почему ты все еще здесь? — потребовал шеф ответа.

Команда была настолько большой, что им пришлось перейти в тренинг-зал, чтобы начальство могло обращаться ко всем сразу. Двадцать пять детективов, назначенных на расследование дела об убитых девушках, заполнили комнату. Инспектор Пикок был уже там, как и старший инспектор Кейн и суперинтендант Трелу. Четвертый мужчина, которого Брэдшоу никогда не видел прежде стоял сбоку от руководящего состава.

— Я уверен, что вы уже слышали, — начал Кейн. — У нас еще одна пропавшая девушка.

Он провел взглядом по комнате, чтобы они могли переварить услышанное.

— Теперь, я собираюсь поделиться с вами имеющимися фактами, как они есть, — продолжал он, — затем я передам слово суперинтенданту Трелу, — старший инспектор Кейн хотел убедиться, что завладел их безраздельным вниманием, прежде чем продолжить. — Последняя девушка – Мишель Саммерс, пятнадцать лет, родом из Грейт Мидлтона. Она пропала прошлой ночью, ее последнее известное местонахождение – автобусная остановка у подножья холма в восточном конце деревни. Ее видели там несколько свидетелей, предположительно, она ждала последний автобус, который отвезет ее из деревни домой на другой конец Грейт Мидлтона, прямо по главной дороге. Мишель живет там со своей матерью и отчимом, братьев и сестер нет. Ни один из наших свидетелей не видел, как та покидала автобусную остановку или же садилась к кому-то в машину. Водителя уже допросили, и он клянется, что никто не садился к нему в автобус на той остановке прошлой ночью. Мы уже ищем пассажиров, которые смогут это подтвердить. У нее есть парень, Даррен Талли, того же возраста, что и Мишель, но его подвезла до дома мать его друга. Мать подтверждает, что видела Мишель живой и здоровой, так что мы можем исключить его из списка подозреваемых. Мы поговорили с матерью Мишель. Она уснула на диване на первом этаже и не слышала, чтобы ее дочь приходила домой, но в комнате девочки горел свет, когда женщина шла в постель, так что та посчитала, что все в порядке. По всей видимости, свет был оставлен включенным, когда девушка готовилась к походу в молодежный клуб ранее вечером. Мы не уверены, насколько надежным свидетелем является ее мать, — добавил он.

— Что означает, что она алкашка, — прошептал офицер, стоящий рядом с Брэдшоу.

Либо Кейн не услышал этот комментарий или предпочел проигнорировать его.

— Безусловно, вполне вероятно, что молодая Мишель сбежала из дома, но при ней была только та одежда, в которую она была одета, и несколько монет в кошельке. Согласно характеристике и заверениям семьи, у девушки не было причин сбежать, так что мы должны признать, очень вероятно, что это работа того самого мужчины, которого таблоиды называли «Жнецом». Мы думаем, что также Мишель Саммерс – девушка №5.

Комната мгновенно наполнилась гамом двадцати пяти детективов, делящимися между собой мнениями. Кейн поднял руку, чтобы призвать их к тишине.

— Как и других жертв, ее схватили на улице. Две девушки шли домой из школы, одна ждала у обочины дороги, чтобы поехать домой, и другая, как и Мишель, пропала с автобусной остановки. Как вы знаете, когда пропадают подростки, первые несколько дней критически важны. Если она *сбежала*, мы скоро ее найдем или же ее схватят в Лондоне и отправят обратно сюда, но мы не можем ждать, пока убийца не пойман и охотится на молодых девушек, так что нам необходимо, чтобы вы все сосредоточились на этом деле, и я имею в виду только над этим. Теперь у суперинтенданта есть важное объявление.

— Спасибо вам, Дэвид.

Суперинтендант Трелоу был молод для своего звания, и Брэдшоу всегда бросалось в глаза, что тот будто всюду торопится.

— Пять детей, — сказал он им хлестко. — Пять молодых девушек были отняты у семей за одиннадцать недель, похищены с улиц, которые они когда-то считали безопасными, — он остановился ради эффектности. — И ни одна ваша зацепка ни черта не стоит, — он оглядел комнату. — Ни одной стоящей крупицы информации, которая бы привела нас дальше этого конференц-зала, в то время как мы снова разглагольствуем, как такие зверства могли быть совершены на нашем собственном дворе. Вы можете считать, что я резок, и, если действительно так думаете, можете пойти и сказать это родителям последней жертвы.

— Сейчас я ожидаю от вас, что вы все удвоите усилия. Я хочу, чтобы вы отправились на поиски, нашли этого мужчину и предали его правосудию, но я понимаю, что вы вряд ли добьетесь этой цели своими силами, — добавил Трелоу, и Брэдшоу подумал, что это заявление ни к чему хорошему не приведет. — Вот почему я попросил профессора Ричарда Берстоу присоединиться к нам сегодня.

Все глаза повернулись к гражданскому, стоящего рядом со старшими офицерами.

— Профессор является экспертом в относительно новой сфере составления экспертно-криминалистического профилирования, работал среди прочих с полицией Лондона и ФБР. Он любезно предложил нам свою помощь, и мы попросили его составить психологический портрет мужчины, которого мы ищем. Профессор...

Суперинтендант повернулся к профессору и отступил в сторону, позволяя пожилому мужчине выйти вперед. Он полностью соответствовал образу академика и был одет в спорные элементы одежды: твидовый пиджак, голубую рубашку в полоску, серые брюки и красный галстук — что абсолютно не сочеталось друг с другом.

— Если и есть что-то, к чему я советую вам прислушаться сегодня, — сказал он им уверенно, — так это к открытости ума.

И он оглядел комнату.

— Некоторые из вас могут быть знакомы с наукой, так как это наука, психологического профилирования... а некоторые из вас имеют сомнения по поводу обоснованности этой концепции, по которой осмотр места преступления и анализ улик содержит, помимо всего прочего, то, что может помочь выявить устойчивые модели поведения и, тем самым, приведет к выводу о характеристиках убийцы, которыми тот наиболее вероятно и обладает.

— Чушь собачья.

Это слово не прокричали, но и не прошептали. Вместо этого, констебль Скелтон произнес его достаточно громко, чтобы Брэдшоу и его ближайшие коллеги услышали. Слышал ли профессор или нет, но предпочел продолжить.

— Я работал с Американским федеральным бюро расследований в Лэнгли, штат Вирджиния, по большому числу резонансных дел. ФБР играет ведущую роль, когда дело доходит до применения современных технологических или научных методов раскрытия преступлений. Вы можете сомневаться в эффективности психологического профилирования, используемого в качестве инструмента расследования, но они — нет, и если их достаточно для ФБР...

Он оставил предложение незавершенным, но все уловили смысл, подумал Брэдшоу. Профессор считал всех членов этого маленького северо-восточного отделения полиции динозаврами по сравнению с ФБР.

— Помните также, что есть те, кто ранее сомневался в использовании дактилоскопии (*прим.: метод установления личности по отпечаткам пальцев*) или судебно-медицинской экспертизе при расследовании преступлений. Никто сейчас не подвергает их сомнению, — он подождал, чтобы увидеть бросит ли кто вызов его словам, затем спросил: — Есть вопросы?

И когда никто не выступил, продолжил свою лекцию.

— Хорошо, — сказал он. — Мужчина, которого вы ищите – белый...

— На Северо-Востоке? — прошипел констебль Боб Дэвис, не веря своим ушам. — Никогда бы не подумал.

Следом раздалась пара смешков. Даже Брэдшоу должен был признать, что тот прав. Не то чтобы мигрантов менее жаловали на северо-востоке по сравнению с другими частями Англии, но они всегда ехали туда, где была работа, а тут с этим было туго.

— У него никогда не было серьезных отношений, — продолжал профессор, — не опытен в сексуальной сфере, вероятно, девственник или, если и имел сексуальные отношения с женщинами, это было травмирующим опытом, который оставил шрамы.

Позади Брэдшоу Тревор Уилсон пробормотал:

— Он, должно быть, трахал твою женушку, — заставив парня, с которым он делился этой шуткой, подавить смешок, превратив тот в кашель.

— Итак, он холост, живет один или, вероятно, с престарелой матерью. Ищите отсутствие отца, возможно, с раннего возраста.

— Что делает вас таким уверенным в этом? — спросил голос из задних рядов.

Брэдшоу не озаботился тем, чтобы повернуться, чтобы распознать мужчину. Он был более заинтересован в ответе профессора.

— Посмотрите на условия жизни четырех предыдущих жертв и на то, как те были найдены. Он не пытался их спрятать, не было даже неглубоких могил. Все они были оставлены на земле в сельской местности. Как будто хотел, чтобы мы их нашли. Этот мужчина гордится своей работой, — он позволил им переварить это, — но ни одна из них не подверглась сексуальному насилию. Их одежда была нетронутой, ни одна не была даже частично раздета. Почему нет? Почему он не заинтересован в них сексуально? — спросил он риторически. — Потому что в сексуальном плане жертвы его не интересуют. Этот мужчина — «белая ворона». Он не может установить отношения с взрослой женщиной. Эта сложность, волосы, флюиды тела, менструации: все это вызывает в нем отвращение и отталкивает его, так что он выбирает вместо этого молодых девушек. То, чего он хочет, это идеал, мечту, абсолютно невинную особу женского пола. Нечто, с чем он может справиться, контролировать и удержать... кем он может манипулировать и играть... маленький ребенок... кукла.

Эта мысль вызывала мороз по коже, профессор продолжал, и Брэдшоу почувствовал, как атмосфера в комнате начала меняться. Детективы были все еще скептически настроены, но прислушивались к нему.

— Он физически силен, может задушить молодую девушку так же легко, как и переломить шею цыпленку — в этом есть власть. Вам следует искать работника, занимающегося ручным трудом, вероятно, строителя, этот парень не работает в офисе. Он простой работяга, и, вероятно, недоволен своей работой. Возможно, он чувствует необходимость в том, чтобы быть особенным, и не может понять, почему мир не идет ему навстречу.

Внутренне Брэдшоу вздрогнул, вспомнив свой разговор с доктором Меллор.

Некоторые из молодых амбициозных карьеристов делали записи. Выглядело так, будто профессор убедил большинство из них в том, что он знает, о чем говорит.

— Как он заставляет их пойти с ним? — спросил Бредшоу прежде, чем смог себя остановить.

Все повернулись, чтобы посмотреть на него, и он прочистил горло.

Профессор посмотрел на него и улыбнулся, с извиняющейся улыбкой.

— Хотел бы я знать.

А затем обратился ко всей комнате.

— Я могу многое рассказать вам о нашем мужчине, но не это, простите. Есть еще вопросы?

Он обратил внимание на молодую женщину констебля, которая подняла руку.

— Да?

— Он сделает это снова?

Вопрос был очевидным, таковым был и ответ.

— О, да, — и он посмотрел ей в глаза. — Почему вы спросили? — задал он ей встречный вопрос. — Ведь он наслаждается этим слишком сильно, чтобы прекратить. Он обожает контроль, который имеет над молодыми девушками. Это заставляет его чувствовать себя...

Он замолчал, пытаясь подобрать подходящее слово.

— Богом, — кто-то громко произнес это слово, и все в комнате повернулись посмотреть на констебля Брэдшоу, он понял, что должно быть сказал это сам.

— Точно, — ответил профессор.

Хелен Нортон подняла взгляд от своего стола именно в тот момент, когда Мартин, заместитель редактора *«Вестника Дарема»*, целеустремленно промаршировал в офис своего босса. Она была слишком далеко, чтобы услышать, о чем шла речь, но этого хватило, чтобы взбудоражить их редактора, для чего обычно требовалось приложить немало усилий. Она могла видеть двух мужчин, обменивающихся репликами с мрачным выражением лица. Затем Малколм Харди взял трубку телефона и совершил звонок. Когда Хелен подняла взгляд снова, она смогла увидеть, что Малколм смеется и шутит с кем-то на другом конце линии. Потом он повесил трубку, и оба пристально посмотрели на нее. Хелен быстро принялась писать свой сюжет о благотворительном марафоне. Спустя минуту ее редактор навис над ней.

— Хелен, — сказал он ей с ухмылкой, инстинктивно пробудившей в ней желание застегнуть свою блузку вплоть до последней пуговицы, — напомни мне, как долго ты с нами?

— Десять недель.

— Тогда, думаю, настало время для твоего первого стука смерти (*прим.: журналистский термин, описывающий ситуацию, когда редактор дает задание журналисту, узнать историю трагедии у семьи погибшего и получить фотографии для статьи*).

— Хорошо, — сказала она быстро, вскакивая на ноги и подхватывая сумочку.

Хелен даже не моргнула, когда тот изучал ее, пытаясь понять реакцию девушки, не желая давать ему удовольствия знать, что она на самом деле чувствует. Дело было не в Малколме; она хотела, чтобы и другие журналисты тоже воспринимали ее серьезно, даже если она работает только на «еженедельнике», как Питер по своей глупости напомнил ей в ходе их последнего разговора о выборе ей профессии.

*«Вестник Дарема»* был хорошим началом, по ее мнению. Респектабельный «региональщик» (*прим.: газета, которую читают в пределах одного региона, в которой выпускается*), который охватывал целое графство. Он зарекомендовал себя как основательную, если не захватывающую, журналистику на протяжении десятилетий. Эта работа, определенно, выигрывала по сравнению с работой на фри-шит (*прим.: бесплатно распространяемая местная газета*), которую кидают в каждый почтовый ящик, не требуя денег, хочет ли ее получатель или нет, чьи первые полосы украшают не новости, а кричащие объявления о дешевых коврах или мебели для спальни.

Малколм протянул руку, чтобы передать ей клочок бумаги, на котором написал имя и адрес. Она попыталась взять его у него, но он специально за него держался.

— Ты уверена, что готова? — спросил он с неискренней заботой.

— Да.

— Хорошо, — сказал он, будто не был до конца уверен в этом, но, по крайней мере, отпустил листок бумаги на ее попечение и начал инструктировать ее. — Ли Уоллеса больше нет, — объяснил мужчина, хоть даже и знал, что она не имеет понятия, о ком он говорит, так как не прожила в области довольно долго, чтобы знать местных персонажей.

— На него последнее время свалилось много несчастий, — сказал он ей, — мужчина пишет о волнах подростковой преступности или, по крайней мере, писал, — он подмигнул. — Ему удалось только врезаться в угнанной машине в бетонную опору моста где-то на

скорости восьмидесяти миль в час (*прим.: приблизительно сто тридцать километров в час*).

Покачав головой из-за безрассудства Ли Уоллеса, он продолжил:

— Теперь же он отправился в самое большое исправительное учреждение для малолетних преступников на небе, и нам надо, чтобы ты съездила к нему домой и поговорила с его семьей, посмотрела, сможешь ли добиться от них внятной информации. Теперь марш отсюда.

Хелен Нортон пыталась воздержаться от формирования мнения по поводу своего редактора до этого момента, но она начала осознавать правду. Не то чтобы Малколм не был достаточно компетентным, чтобы курировать верстку новых выпусков каждую неделю, да так, чтобы не превратить их в не пойми что, но качество «*Вестника Дарема*» в значительной степени зависело от его журналистов, и их продолжительный успех приходил вопреки усилиям Малколма, а не благодаря.

Малколм, казалось, проводил немереное количество времени, прогуливаясь среди столов репортеров, делая то, что он считал шутливыми замечаниями. Он был тем типом мужчин, что смеялись над собственными шутками и больше не над чьими. Стоит добавить, что его шутки были просто ужасны.

И он был ленивым.

Для Малколма сильная новостная статья, появившаяся в последний день перед печатью, была раздражающим фактором, а не возможностью. Чем-то, что вставало на пути гладкого течения его семейной жизни. Он не вдохновлял своих журналистов и не мотивировал добиваться большего. Вместо этого он просто ожидал, что они напекут как блины достаточно материала, чтобы он смог заполнить страницы газеты как можно раньше на неделе, а затем уйти домой. Казалось, что все в «*Вестнике*» смирились с его манерой вести дела, но никто не воспринимал парня всерьез.

Забравшись в свою машину, Хелен почувствовала легкую тошноту, но велела себе держаться. Ей было двадцать три года, взрослая, образованная и интеллигентная молодая женщина, имеющая степень по английскому языку и закончившая аспирантуру по журналистике, которая была завизирована национальным союзом журналистов и одобрена НСПЖ, Национальным Советом по Подготовке Журналистов. У нее даже была пресс-карта: — маленькая голубая пластиковая штучка с ее фотографией. Хелен так гордилась ей в первую неделю, что девушке приходилось сдерживаться от соблазна продолжать тайком вытаскивать ее, чтобы еще раз полюбоваться. И прямо сейчас она была в ее сумочке, рядом с извиняющейся открыткой Питера.

Хелен хотела стать журналистом с тех пор, как себя помнила, и была сейчас частью команды репортеров в уважаемой газете. Так почему она каждое утро ощущает ужас, а не восторг? Может, потому что она чувствовала, будто понятия не имела, что делает? Да, так и было. Иногда, девушка не могла избавиться от ощущения, что она была самозванкой; маленькой девочкой, играющей в переодевания в старую одежду матери, а сейчас ее затащило на самую глубину.

«Стук смерти». Каждый студент журналист знает о нем, и в ужасе от того дня, когда им придется его совершить. Хелен Нортон конечно же ждала его, но неожиданность застала ее врасплох. Девушка сильно старалась собраться с мыслями, пока ехала к несчастливому семейному дому.

Люди умирают от рук террористов или же их убивают в бесправных частях света. Поножовщина и стрельба, автомобильные аварии, пешеходов сбивают удирающие

преступники или иногда полиция, которая тех преследует: все они попадают в газету. Смотрят на тебя с фотографий, в то время как их смерти объясняются и неким образом рационализируются при помощи высказываний партнеров, родителей или любимых. Хелен гадала, прекратит ли кто-либо задаваться вопросом, чьи цитаты приведены или откуда взяты интимные фотографии; те фотографии прекрасных невест, утонувших в море во время своего медового месяца, многообещающих студентов, сбитых уехавшими с места аварии водителями, маленьких мальчиков и девочек, чьи жизни жестоко обрублены аварией, болезнью или убийством. Не существовало базы данных фотографий всего населения страны, хранящейся на некоем гигантском компьютере, который ждет того дня, когда из него вытащат изображение, чтобы сопроводить трагическую газетную статью. Те фотографии приходится добывать, брать из альбомов семьи несчастной жертвы, выхватывать из цепких пальцев обездоленных и горюющих, когда те испытывают самый пик боли от утраты.

Непростое дельце позвонить кому-то, когда они потеряли все, когда их мир был уничтожен смертью сына или дочери, жены или мужа, и спрашивать их, что они чувствуют по этому поводу. Вы должны убедить кого-то, кто вне себя от горя, доверить вам фотографию, которая была дорогой сердцу прежде, а теперь стала бесценной. Больше не будет новых фотографий любимого человека. Ты должен заставить их расстаться с частицей памяти и все это время, на задворках сознания, ты молишься, что тот, кто впоследствии примет ее у тебя в газете, вернет в том же состоянии, так как такие вещи очень важны.

Хелен припарковала машину на длинной, тихой улице на задворках Дарлингтона, а затем прошла оставшееся расстояние до двери номер тридцать девять. Она шла медленно, молчаливо проговаривая про себя слова приветствия, надеясь, что они адекватны в сложившихся обстоятельствах. Она достигла входной двери, глубоко вдохнула и постучала.

Она некоторое время стояла там, полунадеясь, что дома никого не окажется, а затем услышала приближающиеся шаги и, слишком скоро, дверь открылась. Женщина, которая должна была быть матерью, стояла на пороге, но, если Хелен ожидала увидеть слезы, их не оказалось. Эта женщина была крупной и устала на нее, ничего не сказав, просто бесстрастно рассматривая Хелен.

— Мне так жаль беспокоить вас, — начала Хелен. — Правда.

Женщина скрестила руки и продолжала смотреть на Хелен, не показывая никаких признаков, что она являлась женщиной, у которой отняли сына-тинейджера этим самым утром. Хелен попыталась зайти дальше.

— Я из местной газеты и хотела бы знать, готовы ли поговорить с нами о Ли, — добавила она.

Хелен наблюдала, как женщина разняла руки, закатила глаза и голосом, в котором не было и следа горя, спросила:

— Дьявол его побери, что он снова натворил?

\*\*\*

В то время как Том безмолвно проходил мимо столов репортеров, никто не обратил на него внимания. Голос Дока разносился далеко, и тот специально не закрыл дверь; так что теперь все знали, что попал под его гнев и станет жертвой, и они не хотят стать следующей. Все вдруг стали очень занятыми. Если ты перешел дорогу шефу, никто не уделит тебе времени, они не хотят быть тобой или даже быть ассоциироваться с тобой. Ты был «Винстоном», в честь Винстона Смита, героя Орвелла 1984, потому что иногда люди,

получившие разнос буквально исчезают, и их больше никто не видит.

Том был свидетелем этого прежде, а теперь настала его очередь. Ему было дурно. Как день так быстро мог превратиться из триумфа в самую настоящую катастрофу? Он посмотрел на свои часы.

«Иисус», — подумал он, — «нет даже и десяти, а я уже в оплачиваемом отпуске».

Девушка, стоявшая у кулера с водой, быстро схватила телефон, когда он приблизился к ее столу. В этот раз никакой улыбки. Она даже не взглянула на него.

В настоящий момент Том не мог дожидаться момента, когда зайдет в лифт и выберется отсюда. Он почти достиг последней линии столов репортеров, когда раздался голос с конца ряда.

— Эй, Том! — это был Ангус Бойл, самопровозглашенный туз криминальных репортажей. — Ты из мрачного старого севера, — напомнил он ему. — Знаешь Грейт Мидлтон?

Насколько странным это было? На вершине его величайшего унижения, он получил своевременное напоминание о своем прошлом.

— Да, — промямлил Том. — Я жил там годами ранее. Уехал, когда еще был ребенком, но я занимался областью для местной газеты, прежде чем переехал сюда.

— Это твой родной город?

— Был. Это на самом деле деревня.

— На что похожа?

Какого черта Бойл спрашивает его об этом? Ничего там никогда не происходило, и даже с натягом нельзя было назвать местом для проведения отпуска.

— Маленькая, — все, что он смог предложить в качестве ответа. — Полусельская местность с фермами на каждом конце, — он видел, что Бойл все еще заинтересован, так что подумал, что стоит приложить больше усилий. — Одна младшая школа, четыре паба, сельский клуб, там живет около двенадцати сотен людей. Почему ты спрашиваешь?

Бойл фыркнул.

— Ты что не читаешь свою чертову газету?

Том читал ее сегодня утром, но его интерес сконцентрировался на первых пяти страницах, на которых рассказывалось о предположительном падении Тимоти Грейди.

— Пропала молодая девушка, — сказал Бойл как ни в чем не бывало, как склонны делать все журналисты. — Они говорят, что он сделает это снова. Ловец детей.

Официальное прозвище, данное убийце детей таблоидами, было «Жнецом», но между собой журналисты и офицеры полиции называли его Ловцом детей, используя грубый мужской черный юмор, так чтобы им не приходилось размышлять о реалиях дела.

— Она какая по счету? — спросил Бойл. — Девушка №5?

Том кивнул.

— Да, — согласился он. — Девушка №5.

\*\*\*

— Как все прошло? — спросил ее Малколм при всех.

Хелен пыталась сдержать ярость, но ее голос дрожал от гнева и все в отделе новостей повернулись посмотреть на нее, когда слышали его.

— В следующий раз, как ты пошлешь одного из нас на «стук смерти», потому что получил наводку от своего дружка в полиции, убедись, что они сначала сказали чертовым родителям!

— О, боже, — покраснел Малколм. — Я думал, они знают.

И он понял, что все его репортеры сейчас смотрят на него.

— Нет, — проинформировала она его. — Они не знали!

Хелен на своей шкуре узнала, как быстро полиция рассказала местному редактору газеты о преждевременной кончине молодого Ли Уоллеса, и как медленно те информируют собственную мать, которая не имела понятия, почему репортер из «*Вестника*» стучится в ее дверь тем утром, запрашивая интервью. Хелен быстро извинилась и ушла, пробормотав, что все это было ошибкой.

— О, дерьмо, — добавил Малколм, не выглядя самим собой.

— И когда они, наконец, проинформируют ее, — добавила она, — не посылай меня туда обратно!

— Нет, — быстро ободрил он ее, — не пошлю.

Малколм затем отступил в свой офис и оставался там остаток дня.

Брэдшоу наблюдал, как Винсент прошаркал в комнату с предельной концентрацией на лице, нервозно неся большой поднос с дымящимися кружками. Когда крупный мужчина, наконец, поставил поднос перед своими коллегами, ни один из них не поблагодарил его или даже не удостоил приложить усилие, чтобы обратить внимание. Казалось, таковой была роль Винсента Эддисона в эти дни: офисный мальчик на побегушках, которого терпят, но не уважают. Он прекрасно справлялся с тем, что получал зарплату констебля так давно, что ему уже не доверили бы реальную полицейскую работу. Это было грустно, но в настоящее время Брэдшоу завидовал даже и такому.

— Ты пытаешься отравить меня? — скривился Скелтон.

— Что? — откликнулся Винсент.

— Здесь примерно три кусочка сахара, — констебль сморщил лицо, — а я не пью с сахаром.

— О, извини, — Винсент казался искренне расстроенным, но не раздраженным тоном Скелтона, — я, должно быть, перепутал твою чашку и Дэвида.

— Ты реально пустая трата кислорода, Винс, — пара его сослуживцев офицеров зафыркала от смеха из-за этого комментария, наслаждаясь спектаклем, где Скелтон издевался над более крупным, но слабым мужчиной. — Ты даже не можешь приготовить чертов чай правильно, — теперь Скелтон стал играть на публику. — Что-то хочешь сказать, а? — и когда пожилой мужчина замешкался с ответом, он повторил: — А?

— Ой, — сказал Брэдшоу.

Скелтон повернулся к Брэдшоу.

— Ой? Что значит «ой»?

Брэдшоу сказал, не подумав, и не знал, что теперь сделать.

— Почему вы просто не оставите его в покое? — определился он, в конце концов.

— Опять ты? — сказал Скелтон. — Черт возьми, каждый раз, когда я поворачиваюсь, ты тут как тут, чтобы испортить мой день, — Брэдшоу увидел, как пожилой мужчина улыбнулся при этих словах. — Тебе-то какое дело? Он большой мальчик. Дай ему самому за себя постоять.

Винсент тем временем проковылял прочь с пустым подносом.

— Просто оставьте его в покое. Вы издеваетесь над ним каждый чертов день.

— О, верно. Ну, если ты ставишь вопрос так, может, я буду издеваться над тобой каждый день вместо него.

Брэдшоу понял, что ни один из его коллег не собирается за него вступить.

— Как об стенку горох, — пробормотал он с равнодушием.

— Что? — Скелтон встал, используя промятый ответ, как повод, чтобы нависнуть над Брэдшоу для запугивания. — Что ты только что сказал?

— Я сказал, что как об стену горох.

— На самом деле? Посмотрим, а? Просто не лезь не в свое дело в следующий раз. Шерлок, — они прозвали так Брэдшоу много лет назад, когда слышали, что он прошел квалификацию. Сейчас же оно прилипло, что мужчина ненавидел его. Это было еще одним напоминанием его неудачи. — Иначе мне придется вбить в тебя немного здравого смысла.

Скелтон сейчас смотрел прямо на него, бросая ему вызов встать с кресла и подраться,

но Брэдшоу знал, что это закончится плохо. Победит он или проиграет, именно его обвинят в устраивании драки.

Вместо этого Брэдшоу просто смотрел прямо него. Скелтон смерил его пренебрежительным взглядом, затем сказал:

— Да, я так и думал, — прежде чем сесть назад с улыбкой на лице.

Но Брэдшоу не мог это просто так оставить.

— Позорище, — сказал он.

— Я позорище? — повторил Скелтон. — По крайней мере, я никогда не сажал никого в инвалидную коляску.

Затем комната погрузилась в тишину. Все решили не лезть не в свое дело. Брэдшоу внезапно понял, что Пикок наблюдал за всем этим, находясь в дверном проеме, но сделал вид, что только что пришел.

— А, ну, — сказал он, — у вас нет времени на чай, проваливайте отсюда.

Брэдшоу был последним, кто в шеренге покинул помещение. Пикок остановил его и подождал, пока другие не смогут их услышать.

— Выбирай с кем воевать тщательнее, сынок. У тебя здесь осталось не так много друзей, а у Винсента их нет вообще. Они пытаются избавиться от него из-за возраста. Он обуза, а тебе не завоевать симпатий, заступаясь за него.

— Спасибо за совет, босс, — сказал Брэдшоу ровным монотонным голосом.

Пикок выглядел рассерженным, но оставил все как есть.

\*\*\*

Подземка была зловеще пустынной в этот час. Том Карни решил не перечитывать статью «Грейди и Путана». Он не хотел, чтобы ему напоминали, что высокооплачиваемые адвокаты Тимоти Грейди собирались довести его карьере репортера до быстрого бесславного конца, если предсказание Дока будет верным.

Том никогда всерьез не размышлял о другой работе. Журналистика была единственной, чего он когда-либо желал и в чем был хорош. Он проработал шесть долгих лет в «Вестнике Дарема», прежде чем, наконец, совершил свой большой прорыв, получив работу в «Газете». Шесть лет недостатков о летних празднованиях, королевах красоты, планирующих прогулки на лодке, о футбольных матчах недолиги, отупляющих заседаниях совета, о повседневном рационе питания в самовлюбленных сообщениях для печати от местных бизнесов или об их эгоцентричных членах парламента. После шести месяцев написания настоящих новостей для национального таблоида, он никогда уже не вернется в свою местную газету, да они его и не возьмут, не после того, как он ушел. Христос, чем он будет заниматься, если его обвинят в этой катастрофе? Он не мог вынести мысли об этом.

Хоть Тома это и раздражало, но Док был прав.

— Не важно, виновен ли Грейди, что в свое свободное время выбрасывает деньги на трех проституток за раз, — убеждал его редактор. — Даже не имеет значения, считает ли среднестатистический человек с улицы его виновным. Единственное, что имеет значение, — это как далеко по садовой дорожке кучка высококвалифицированных адвокатов может завести судейскую коллегия простофиль. «Газета» может пережить семизначную выплату, но мы, определенно, нет!

Все эти годы Том ждал успеха, но, когда он, наконец, добился его, облажался и все выглядело так, что, по всей вероятности, это его уничтожит. Все не может быть более унижительным.

В попытке увести свой беспокойный ум подальше от мыслей о проблемах, Том взял в руки газету и пролистал ее, пока не дошел до страниц о пропавшей девушке с северо-востока. Пять молодых девушек в возрасте от десяти до пятнадцати исчезли из маленьких городков и деревень графства. Четыре тела уже были найдены. Теперь все ожидали пятое. Было сложно надеяться, что для жертвы №5 все закончится благополучно.

Последнее место происхождения поразило Тома. Грейт Мидлтон был таким небольшим, что казался маленьким даже тогда, когда мужчина был ребенком и жил там со своей матерью, отцом и сестрой несколько жизней назад, прежде чем все обернулось дерьмом. Сразу после этого его отец перевез их в городок в десяти милях. Никто не мог вынести оставаться там и дальше, ведь Грейт Мидлтон был полон призраков.

В газете было опубликовано старое фото Мишель, где ей было лет двенадцать; школьная фотография девочки с длинными темными волосами, завязанными в две тугие, аккуратные косички по обе стороны от бледного, веснушчатого лица. Мишель натянуто улыбнулась перед фотографом, очевидно помня о металлических брекетах на зубах. Она была одета в белую рубашку и в черно-желтый галстук с гербом ее средней школы на нем.

Том обратил внимание, с какой осторожностью его коллега-журналист сообщал о судьбе Мишель, но вы легко могли читать между строк. Полиция оставила достаточно намеков на озабоченность ее безопасностью так, чтобы все журналисты связали исчезнувшую девушку с другими пропавшими детьми. Весьма вероятно, бедная девочка будет найдена в канаве в нескольких милях от дома. Страна массово ужаснется на какое-то время от статьи, все будут сочувствовать девушке и ее семье.

*«Как такое вообще можно пережить»*, — спросят они себя, выражая досаду и поедая свои кукурузные хлопья, прежде чем вернуть внимание к более обыденным вещам, как сбор на работу утром. Именно семье придется жить всю их оставшуюся жизнь с отсутствием девушки. Намного дольше, чем будут помнить имя девушки. Конечно, всегда есть надежда на чудо, но Том достаточно долго работал в журналистике, чтобы знать, — чудеса редко случаются.

Том вернулся домой и смотрел новости по телевизору про Тимоти Грейди: политик выполз из своего лондонского дома, чтобы выступить на импровизированной мини-пресс-конференции за его пределами. Невозможно было не увидеть, что он в абсолютной ярости по тому, как мужчина спускался по ступеням своего кенсингтонского таунхауса. Мужчина из «БиБиСи» протолкнул микрофон сквозь толпу папарацци, атаковав им Грейди.

— Эти голословные обвинения абсурдны и глубоко оскорбительны, — пролаял Грейди населению страны. — Я буду вынужден выступить в суде. Могучая артиллерия британской правовой системы разнесет на куски хрупкие основы этой беспочвенной, порочащей лжи, отправляя их туда, где им и место, — министр обороны сделал драматическую паузу, — в сточную канаву!

Грейди попытался проложить путь к своей ожидающей машине, но репортер новостей потребовал ответа. Голос репортера невозможно было расслышать, но вспыльчивый ответ Грейди был слышен всем.

— Я очень даже мог встретить мисс Искру. Очевидно, что она тоже избиратель! — пробушевал он, прежде чем добавить: — Нет, я не уйду в отставку. Нет никаких сомнений!

Бывший золотой мальчик консервативной партии, наконец, успешно пробрался через толпу в ждущую его служебную машину, черный «Ягуар Соверен», его лицо было пунцовее, чем министерский кейс.

— Подонок, — сказал Том, смотря, как политик уезжает прочь.

Он прошел на кухню и включил чайник, а затем задумался и выключил его. Он вернулся в гостиную и прислонился к дверному косяку ровно в тот момент, когда по новостям «БиБиСи» стали рассказывать заинтересовавшую его историю.

Том наблюдал за тем, как появился тот самый фотограф улыбающейся Мишель Саммерс в школьной униформе, диктор бездумно повторил избитые заранее заготовленные фразы, которые всегда применялись, когда полиция боялась худшего: *«Беспокойство растет после того, как прошлой ночью пропала пятнадцатилетняя девушка из графства Дарем. Мишель Саммерс не видели с тех пор, как она покинула молодежный клуб в деревне Грейт Мидлтон, около десяти часов вечера во вторник вечером».*

Затем последовало краткое описание внешности девочки.

*«Полиция просит откликнуться каждого, кто мог видеть Мишель».*

Том принял инстинктивное решение, которое подтолкнуло его к действию. Он поднялся в крошечную комнату для гостей, которую снимал у Терри — подчиненного. Том ужасался мысли остаться в этой тесной комнате, ожидая судебного разбирательства над газетой и решения его судьбы, в то время как ему не позволялось даже появиться в офисе. Он знал, что судебная тяжба может длиться месяцами, и ему предстояло встретиться лицом к лицу с фактами. Более чем вероятно, что с «Газетой» покончено, и, возможно, с журналистикой тоже. Может какое-то время он сможет поработать фриланс-журналистом, но ему не разрешат заниматься этим под его собственным именем. Все, что он писал, могло и не иметь подписи, а «Газета» никогда не узнает, но мир таблоидов был небольшим, и, если он появится в офисе газеты-конкурента, Док слетит с катушек и его уволят навсегда.

Он порылся под кроватью и вытащил свою спортивную сумку, которая покрылась пылью от того, что долго там лежала. Мужчина кинул ее на кровать, а затем вытащил содержимое из всех ящиков и побросал их в вещевой мешок; носки, рубашки, белье и пару джинсов. Потом он пошел в ванную комнату, сгреб бритву, дезодорант, расческу и зубную щетку и кинул их в несессер (*прим.: сумочка для ванн принадлежностей*), которая полетела вслед за вещами.

Том взял свой блокнот и ручку, быстро нацарапал на нем записку, оторвал страницу, а затем выписал чек в счет арендной платы.

Он набросил кожаную куртку и распахнул по карманам блокнот, ручки, фотокамеру, кошелек и ключи, затем, наконец, взял габаритный сотовый телефон, который они дали ему, когда он присоединился к штату «Газеты», и засунул его в боковой карман. Том осмотрел комнату и заметил, что ему удалось убрать все следы своего присутствия менее чем за пять минут. Осознание, которое было как печальным, так и освобождающим одновременно. Том спустился по лестнице, положил чек и записку на каминную полку, а затем направился к двери.

Были детали, которые, казалось, отваливались от черного двудверного Форда-Эскорта, которые все еще держались из-за твердого слоя ржавчины, но Том до сих пор был глубоко привязан к отжившей свой век старой развалюхе. Он молился, чтобы та завелась. Журналисты в «Газете» гордились тем, что повсюду ездили на такси, требуя компенсации затрат каждый месяц, даже когда было легче съездить на метро, и он последнее время редко ездил на своей машине.

Ему потребовалось четыре попытки. Каждый скрежещущий, скребущий поворот ключа звучал как предсмертный хрип Эскорта, но машина, наконец, завелась и неожиданно

вернулась к жизни как престарелый полковник, резко пробудившийся от послеполуденной дремы. Он сказал себе, что в Лондоне солнечное утро, и, что ему оплатили отпуск. То был «стакан-на-половину-полон» подход, который он заставил себя принять.

Том Карни направлялся домой.

Телевизионный репортер изучал скопившуюся в сельском доме культуры толпу новостных репортеров.

— Чертовы газетчики, — пробормотал он себе под нос, но достаточно громко, чтобы услышала Хелен.

— Поспеши, — проинструктировал он изнуренно выглядящего оператора за камерой, который торопливо принялся устанавливать треногу.

Другой фотограф проскользнул мимо двух мужчин в спешке, наскочив на телевизионного репортера в процессе.

— Стервятники, многие из них, — пробормотал он.

Хелен наблюдала как тот дает указания оператору, заканчивая словами «быстро... быстро... быстрее...», когда появился старший офицер полиции в униформе, за которым следовал одетый в гражданское детектив, а затем в самом конце мать Мишель Саммерс и ее отчим.

— Тебе бы лучше быть готовым... — предупредил оператора телевизионный репортер, пока тот продолжал выравнивать кадр.

Старший офицер сел перед микрофоном, и у телевизионного репортера оказалось достаточно времени, чтобы дать финальные инструкции оператору, прежде чем тот заговорил.

— И помни, если мать начнет рыдать, покажи ее лицо крупным планом, плавно и медленно.

Затем телевизионный репортер повернулся и заметил, что Хелен изучает его с выражением неприязни на лице.

— Что? — спросил он.

Хелен открыла рот, чтобы сказать что-либо в ответ, но прежде чем она смогла ответить, оказалась заглушена первыми словами полицейского в униформе.

— Я суперинтендант Трелоу, — сказал он им важно. — А это старший инспектор Кейн. Со мной мать Мишель Саммерс Фиона и ее отчим Даррен. Мы начнем эту пресс-конференцию с обращения Фионы.

Мать Мишель нервно посмотрела в ряды фотографов и журналистов, а затем вниз на стол, на котором стояло с полдюжины микрофонов, установленных на радиостанциях, чтобы уловить ее слова. У нее в руках был клочок бумаги, и она смотрела на него, но так и не начинала читать. Отчим Мишель, грузный мужчина с бесстрастным лицом, положил на ее плечо руку в виде поддержки или же, вероятнее, чтобы подтолкнуть, и ей удалось начать. Голос женщины дрожал от эмоций.

— Мишель, если ты слушаешь это, — прочитала она, — что бы ни случилось, это неважно, мы с этим сможем разобраться, любимая. Просто возвращайся домой; пожалуйста, дорогая, свяжись с нами или просто позвони в полицию и скажи, где ты. Они приедут и заберут тебя.

А затем она начала плакать. Позже, Хелен Нортон будет смотреть телевизионный повтор этой самой пресс-конференции и заметит, что, как и было указано, оператор выберет этот момент, чтобы начать медленно увеличивать план, дабы показать детальнее лицо бедной женщины. Фиона была не в состоянии сдержаться, так что ее муж помог ей встать на

ноги и вывел жену из комнаты.

Когда убитая горем мать ушла, суперинтендант Трелоу поделился с журналистами голыми фактами, включая последние известные передвижения Мишель, перед тем как та исчезла, и описанием внешности девушки, вплоть до образка Святого Кристофера, который она носила на шее на серебряной цепочке. Затем посыпались первые вопросы. Вверх взмыло множество рук, и суперинтендант выбрал мужчину репортера в первом ряду.

— Вы полагаете, что Мишель Саммерс — девушка №5?

— Мы не можем быть уверенными в этом на данной стадии расследования, — ответил Трелоу, — но, определенно, есть схожие детали между предыдущим случаем и этим.

— Так, значит, вы так считаете? — настаивал репортер.

— Это одна из версий расследования, которую мы в настоящий момент развиваем.

Трелоу быстро указал на другого журналиста, надеясь, на смену темы.

— Мишель последняя жертва Жнеца? — спросил репортер с лондонским акцентом.

— Я полагаю, что только что ответил на этот вопрос. Это одна из версий следствия, но мы не можем категорически утверждать...

— Мишель Саммерс — несовершеннолетняя девушка, которую схватили в общественном месте, да так, что никто ничего не видел или слышал, и с тех пор ее не видели, — добавил репортер. — Звучит идентично.

— Суперинтендант был предельно ясен, — вмешался старший инспектор Кейн. — Мы придерживаемся объективного подхода и прорабатываем различные версии, как от нас и ожидается. Мы настоятельно призываем любых представителей общественности, обладающих относящейся к делу информацией, связаться с нами по номеру горячей линии.

Это только сделало Кейна мишенью для вопросов репортеров.

— Старший инспектор, как вы собираетесь поймать этого мужчину и предотвратить его следующий удар? — другой голос прозвучал из задних рядов.

— Мы делаем абсолютно все, что в нашей власти... — начал Кейн, но его прервали.

Репортеры начали перекрикивать друг друга, соревнуясь за то, чтобы быть услышанными. Трелоу знал, что потерял контроль.

— На данный момент это все, леди и джентльмены, спасибо!

Он быстро собрал свои бумаги и встал.

— Вас уведомят, — ободрил он репортеров, которые не затихали, продолжая звать его, когда офицеры полиции покинули помещение.

\*\*\*

Том Карни проследовал за домовладельцем по узкой, скрипучей лестнице до мрачного первого этажа с четырьмя маленькими комнатами. У него ушло пять с половиной часов, чтобы добраться из Лондона до Грейт Мидлтона, включая короткий перерыв на сэндвич с недожаренным беконом и чашку безбожно дорогого растворимого кофе, которое слегка отдавало средством для мытья посуды. Он устал, но, по крайней мере, его машина не сломалась по пути.

— Твоя крайняя справа, — объяснял Колин, вручая ему ключ. — Ванная комната, напротив.

— Спасибо, Кол, — сказал Том. — Ты уверен, что не хочешь больше денег за комнату? Мне неловко.

— Как много раз ты упоминал мой паб в местной газете? — возразил домовладелец. — Вечера караоке, благотворительные мероприятия, соревнования по бильярду, матчи по

дартсу, луковые шоу и футбольные игры; ты писал обо всем этом на своей странице все эти годы. Я обязан тебе.

— Сгодилась бы и пинта пива.

— Я обычно не сдаю комнаты, — объяснял Колин. — Они не пользуются здесь спросом. Она твоя так долго, как будет тебе нужна, — он пожал плечами. — Та сумма, что ты платишь, покрывает мои расходы. Мне больше не нужно.

— Спасибо, бро.

Том зашел в комнату. Она была небольшой, но ему сгодится: тут была кровать, старый шкаф и раковина, установленная у стены. Переносной телевизор примостился на комодке рядом с маленьким чайником, двумя чашками, несколькими пакетиками кофе и чая. Мужчина положил свою сумку на кровать и прошел к окну, отвел занавеску в сторону, чтобы рассмотреть улицу внизу и поржавевшую вывеску паба, на которой красовалась худая серая собака и надпись «Грейхаунд».

— Пойдет.

Ему даже понравилась мысль остановиться над пабом.

\*\*\*

Том спустился в бар, где Колин налил ему пинту местного знаменитого индийского светлого пива. Том с благодарностью принял ее. Кто-то оставил копию последнего «Вестника» на столе, и он подобрал ее и стал читать впервые, с тех пор как покинул редакцию газеты в Лондоне. Было странным читать ее копию, где не содержалось страницы с его именем на ней, и он понял, что, как и для бесчисленного количества других журналистов из тысяч других газет, его вклад был мимолетным и скоро будет забыт. Насколько он мог судить, «Вестник» прекрасно справляется и без него.

Он сделал большой глоток пива, прикончил пинту и заплатил за еще одну.

Еще две пинты пива оказались выпиты достаточно быстро, и Том стал позитивнее воспринимать себя и мир вокруг. Нет ничего такого как пиво, что дает временное поднятие духа, даже хоть он и не имел привычки пить так много и так рано. Бар начал заполняться людьми, пришедшими пообедать, журналистами, которые присутствовали на той самой утренней пресс-конференции и остались найти тихий уголок.

— Том, — позвал его голос откуда-то из-за его плеча, и он полуобернулся и увидел улыбающееся лицо Майка Ньютона. — Я не знал, что ты вернулся.

— О, да, — произнес невнятно Том. — Я освещаю эту историю.

Он бы охотнее желал столкнуться с кем-то из «Вестника», если бы его положение в «Газете» было хоть наполовину прочнее.

— Твое старое пристанище, — кивнул Майк. — Это имеет смысл, — было ясно, что он поверил, что Тома отправили обратно в «Газете». — Так как там?

— Великолепно, брат, великолепно, мне там очень нравится.

— Да?

Майк, казалось, жаждал услышать все о легендарном Алексе «Док» Докерти, и был сильно впечатлен тем, что Том общается с великим на ежедневной основе.

— Эй, я рад тебя увидеть, — сказал он. — У Малколма ушло много времени, чтобы найти тебе замену.

— Это потому что я незаменим.

— Может быть, — улыбнулся Майк, — или он просто тянул кота за яйца, чтобы урезать фонд зарплаты, пока мы выполняем твою работу?

— Типичный Малколм. Так какая она, новая девушка? Я слышал, что она строит из себя принцессу, прилетевшую на парашюте с юга?

Лицо Майка застыло, и стало видно, что тот чувствует себя неловко. Том уже хотел было спросить его, в чем дело, что не так, когда второй голос прервал его.

— На самом деле я сюда приехала на машине.

Том повернулся, чтобы увидеть привлекательную молодую женщину с хорошо подвешенным языком, взирающую на него с нотками неприязни. Она держала в руках пинту пива, которую вручила Майку.

— Спасибо, — сказал он. — Том, это Хелен Нортон.

Том Карни обычно гордился своей способностью быстро соображать и выпутываться из любой ситуации, но не в этот раз. Он был без понятия, почему Хелен стояла позади него. Должно быть, она пошла в бар, чтобы взять напитки, а затем тихо присоединилась к ним без представления. В другой руке Хелен держала бокал вина. Она сделала глоток, пока Том пытался придумать, что сказать, чтобы спасти ситуацию.

— Приятно познакомиться с тобой, Хелен, — было лучшим, что он смог придумать.

— Держу пари, — произнесла она без энтузиазма в голосе.

Когда приготовили их сэндвичи, Хелен и Майк пошли с ними за угловой столик, но Том не сделал попытки присоединиться к ним. Вместо этого, обошел комнату, болтая с местными и освежая старые знакомства. Он быстро заметил, что, хоть некоторые и были счастливы видеть его снова, другие относились к нему с подозрением после того, как мужчина получил образование, чтобы работать в таблоиде, будто он неким образом пересек темную черту, и ему больше нельзя было доверять.

Никто из них не мог ничего ему рассказать о Мишель Саммерс, чего бы он сам не знал, так что Том покинул паб и позволил свежему воздуху отрезвить его. Ему было необходимо поговорить с кем-то, кто действительно знал, что происходит в этой деревне.

\*\*\*

Том попытался попасть в старый дом приходского священника, но экономка, которая работала у Мэри Кольер, проинформировала, что у последней назначен прием у врача. Следующим делом он направился к дому Родди Монкура и стал стучать в дверь, но никто не откликнулся. Двух самых лучших информаторов Тома не было в деревне, и он почувствовал, что останется ни с чем.

Том надеялся провести полдень, следуя по ряду зацепок в деле об исчезновении Мишель Саммерс, но не было ни одной. Он полагал, что эти контакты и знание местных дали бы фору перед группой репортеров, которые обрушились на Грейт Мидлтон, но никто, с кем мужчина говорил, не мог сказать ничего дельного о Мишель. Все только и говорили каким ужасным было ее исчезновение.

Том потрусил через деревню, пытаясь не думать о Тимоти Грейди, пока впитывал в себя виды вокруг, испытывая смешанные чувства от возвращения домой. Он не знал, было ли ему комфортно в знакомой среде или же испытывал ужас, будучи загнанным в ловушку в маленьком провинциальном местечке, из которого мужчина пытался сбежать на протяжении многих лет. Несколько пинт, которые он выпил, по крайней мере, сделали его нечувствительным к перепаду температур. Здесь должно было быть на три или четыре градуса холоднее, чем в Лондоне. Ничто не сравнится с греющим ощущением тепла, после выпитого пива, подумал он про себя, направившись в единственное дельное место после приводящего в уныние дня — в «Красный лев».

«Грейхаунд» был неплохим выбором, если хотелось тихо выпить послеобеденную пинту и посидеть в приятной обстановке, когда возвращаешься сюда, но, если желали приличной атмосферы вечером, то вам в «Красный лев», где толпа моложе и грубее. В пабе было как в тумане: покрыто толстой завесой сигаретного дыма, которая всегда здесь висела. «Лев» был уже наполовину битком, и Том знал почти каждого здесь. Вскоре мужчины постарше разойдутся по домам, а те, что моложе займут их места. Он вжался в свободное место у бара и заказал пинту пива у владельца Гарри. Его сразу же стали подкалывать из-за его акцента.

— Не может быть, — протестовал он.

— Много изменилось, мужик, — убеждал его Гарри. — Ты у нас стал аристократом.

— Брехня, — сказал он, но увидел улыбки на лицах завсегдатаев, которые были согласны с шутником.

Том выдержал пять минут добродушного подшучивания на предмет того, что он превратился в мягкотелого южанина, проведя только пару месяцев в Лондоне.

— Если это тебя утешит, надо мной они шутят сильнее.

Комментарий прозвучал со стула рядом с ним, от мужчины, с которым Том никогда прежде не говорил. Парень был слишком молод, чтобы быть алкашом, но он определенно был завсегдаем: один из тех ребят, чье свободное время по большей части состояло из часов, проведенных в пабе. Том замечал его и прежде, тихо сидящим в углу в обнимку с пинтой, читающего книгу или пялящегося в пространство, потерянного в своих собственных мыслях. Он выглядел не к месту, выделялся на фоне более взрослых постоянных пьянчуг по большей части уставших парней, которых прогнали из собственного дома жены, что хотели немного покоя или заняться уборкой, когда их мужья не мешаются под ногами.

— Значит не местный? — спросил Том.

Мужчина, примерно того же возраста, что и Том, ответил:

— Я из того мифического места, известного как «юг», что занимает всю противоположную сторону Скотч-Корнера. Все были милыми, когда я прибыл, но, если останусь тут еще лет на двадцать, полагаю, они все еще будут считать меня приезжим.

— Ты, вероятно, прав, — признал Том, — но я на самом деле отсюда.

— Вернулся?

— Я журналист. Я еду туда, где есть новости, — быстро сказал Том. — Так случилось, что теперь они здесь.

— Я никогда не читаю газет, — сказал он бесстрастно. — Новости вгоняют меня в депрессию. Я серьезно, они всегда плохие, — добавил, когда заметил, то Том ему не верит. — Если газеты или телевизионные новости расскажут о чем-то хорошем, я уделю им больше внимания, но они этого не делают, так что я не буду их смотреть.

Том был поражен искренностью этого заявления. Это было так непривычно, что почти освежало.

— Черт возьми, разве это не странно не знать, что происходит в мире?

— Я знаю, что происходит в мире. Просто узнаю это не из газет. Я читаю специализированную литературу, журналы.

— Специализированную литературу?

— Регби, рыбная ловля, история, — пожал он плечами, — такого рода вещи. Я просто не выношу политики или трагедий других людей.

Том представил себе мир без газет или телевизионных сводок, и задумался, как долго он смог бы без них прожить.

— Я один из тех людей, кто готов пройти мили, чтобы получить копию вчерашней английской газеты, когда я в отпуске.

— Не помню, когда в последний раз открывал одну.

— Рад, что ты в меньшинстве, иначе я потерял бы работу. Так чем ты занимаешься в Грейт Мидлтоне?

— Я учитель.

— Учитель, который не читает газет? — Том еще сильнее удивился.

— Я учу маленьких детей. Они недостаточно взрослые, чтобы интересоваться делами в мире. Я преподаю в начальной школе.

— Я ходил в нее, — сказал Том. — Я Том Карни. Не знаю твоего имени.

— Эндрю Фостер, — ответил его новый друг. — Я провожу дни с девятилетками, а большинство вечеров в пабе. Я уверен, что эти два факта не совсем связаны.

— Держу пари. Тогда может ты знаешь ту пропавшую девушку, Мишель Саммерс?

— Прежде чем я устроился туда, друг, она там уже не училась. Она училась в местной муниципальной школе.

Это было почти облегчением. Избавленный от необходимости разговаривать на профессиональном языке с учителем, Том начал расслабляться. Двое мужчин вместе пили и обменивались историями об опасностях преподавания непослушным детям или интервьюирования тупых моделей, трахающихся с футболистами. Несмотря на то, что между ними ничего общего с этим одиноким молодым человеком, кроме, вероятно, их возраста, Том нашел в Эндрю Фостере прекрасную компанию. Тот обладал «сухим» чувством юмора, которое можно было описать только, как здоровый цинизм, который органично вписывался в мировоззрение Тома.

Кто-то постучал его по плечу, и Том повернулся, чтобы увидеть СкучногО'Брайана, как прозвали его местные.

— На пару слов, — важно сказал пожилой мужчина.

— Хорошо.

Брайан показал, чтобы Том последовал за ним в тихий уголок. Неохотно он слез с барного стула и последовал за завсегдатаем паба к столу. Они сели по разные стороны большой пепельницы, на которой горкой возвышалась куча залежавшихся сигаретных окурков.

— Ты хочешь узнать, что случилось с бедной маленькой Мишель? — спросил тот заговорщицким тоном, как только они сели.

— Ну, да.

— Ты видел пресс-конференцию?

Том покачал головой.

— Я ехал сюда в это время.

— Посмотри ее в последних известиях, — порекомендовал ему Брайан, — посмотри повнимательнее.

— Почему?

— Потому что *он* сделал это, — непреклонно провозгласил пожилой мужчина.

— Кто сделал?

— Отчим, — сказал тот Тому, будто это было очевидно.

— Итак, — произнес Том неуверенно, — что заставляет тебя думать так, Брайан?

— Я видел их по телевизору в обед. Он не выказал никаких эмоций. Его падчерица пропала, жена в полном расстройстве, а он просто сидит там, глядит на всех этими мертвыми глазами, будто с этим миром все в порядке.

— Да, но, Брайан, просто тот факт, что он не плакал на пресс-конференции, не является доказательством. Такого рода вещи действуют на людей по-разному.

— Он сделал это, — Брайан постучал пальцем по груди Тома. — Запомни мои слова.

Затем он встал на ноги и посеменил к народу.

Том был оставлен размышлять над фактом, согласно которому Скучный Брайан был убежден, что отчим Мишель выглядел подозрительным, так что он вполне вероятно может быть убийцей, и есть его главной зацепкой, которую он получил за сегодняшний день.

— Христос всемогущий, — пробормотал он, пошагав обратно к бару.

Школьный учитель держал свой пустой бокал и сказал губами «пинту?». Том кивнул. Может несколько, подумал он, какой в них вред?

*День второй*

— Убирайтесь отсюда, мелочь.

Голос директора был громким и полным скрытой угрозы, так что полдюжины семилеток сразу же бросились врассыпную, удирая прочь от огромной машины, которая привлекла их. Они бежали вверх по холму и через игровую площадку, не оглядываясь, чтобы не встретиться с неодобрительным взглядом мистера Нельсона. Он наблюдал за их уходом, последними не вернувшимися в классы после утренней перемены, прежде чем продолжить идти вниз по холму к свежевскопанной земле. Он повернул голову, чтобы обратиться к Тео Хантону, который на него хмурился. Директор запоздало понял, что член городского совета не привык наблюдать его агрессивную сторону, что он приберегал для непослушных детей, и, что это может быть не совсем тем имиджем, который он хочет продемонстрировать одному из наиболее влиятельных политических вершителей судеб северо-востока.

Он натянул на лицо улыбку.

— Мальчишки всегда будут мальчишками.

— Вы быстро с ними управились, — сказал советник.

Советник Хаттон посмотрел ему за спину на начальную школу; одноэтажное здание с плоской крышей, стенами, сделанными почти полностью из металла и стекла.

— Все это раньше было частью фермы Маккензи, — сказал он директору.

— Я знаю.

— И это, — сказал советник, указывая на землю, вырытую экскаватором, — раньше было ничем, чертовым болотом. Полгода оно было проходимым, но большую часть времени было покрыто кишащей головастиками водой.

— Я слышал, — ответил директор. Ему не хватало терпения выслушивать сегодня одну из речей советника Хаттона: «это-все-вокруг-было-полями-когда-я-был-ребенком». — И решение осушить его стало одной из самых эффективных с точки зрения затрат частей нового проекта строительства, преобразовавшей бесполезное болото в первоклассное место застройки.

— Мы сейчас не стоим перед комитетом по планированию.

Нельсон самодовольный мудак, подумал советник, решительно настроенный наслаждаться успехом своего личного проекта, нового строительства, включающего возведение двух дополнительных классных комнат, бассейна, столовой, которые разместят детей из соседней деревни, обрекая их собственные школы на закрытие.

Когда они приблизились к экскаватору, мысли обоих мужчин были прерваны резким пронзительным звуком, когда водитель наспех нажал на тормоза, и экскаватор тревожно накренился. Водитель выскочил из машины, потеряв в процессе свою желтую каску, которая запрыгала по земле. Он проигнорировал этот факт и выбежал вперед прямо перед экскаватором. Директор школы испытал беспочвенный страх, что ребенок мог попасть под экскаватор, но они бы, определенно, его заметили. Они приблизились ближе, когда водитель вглядывался в свежеврытую дыру. Они не могли видеть, что встревожило его, но могли расслышать его испуганные бормотания.

Они осторожно приблизились, и водитель ощутил их присутствие и повернулся.

— Вызывайте полицию, — сказал он, и, когда они просто уставились на него, выругался

и побежал к зданию школы.

Советник Хаттон и директор посмотрели друг на друга, затем подошли к дыре, жирная, влажная земля цеплялась к их ботинкам.

Они приблизились прямо к краю и всмотрелись вниз.

— О, мой боже, — произнес директор.

— Иисус Христос всемогущий, — добавил советник для верности.

Йен Брэдшоу принял звонок. Первый голос, который он услышал, был женским, у сержанта полиции за передним столом спрашивали разрешения поговорить с Кейн.

— Старший инспектор Кейн в доме Мишель Саммерс, — исправно ответил он.

— Тогда с инспектором Пикок? — спросила она с надеждой, будто она не могла доверить свое сообщение полудурку в полицейском участке.

— Он вместе со старшим инспектором. Может я могу помочь? — добавил он резонно, зная, что их отсутствие не оставит ей выбора.

Последовала заминка, пока та обдумывала эту новость. Посчитает ли его достаточно надежным в эти дни? Казалось, что да. Наконец, она заговорила, и в ее голосе ощущался намек на обреченность.

— Они нашли тело, — сказала она ему. — В школе Грейт Мидлтон.

\*\*\*

Брэдшоу намерен был не привлекать к себе внимания. Он отзовет старшего инспектора в сторонку и тихо сообщит ему, что тело девушки было найдено. Избавит семью от лишних мучений до тех пор, пока это более не станет возможным. Он знал, что если они поймут, что Мишель нашли, их первым побуждением станет пойти к ней, но как смогут криминалисты собрать все улики, если горюющие родственники испортят место преступления? Брэдшоу выбрался из машины, поправил куртку и целенаправленно зашагал к входной двери и нажал на звонок.

— Кто нашел ее? — спросил инспектор Пикок минутой спустя, когда машина Брэдшоу набирала скорость вниз по холму, по направлению к школе.

— Водитель экскаватора.

— Где он сейчас? — старший инспектор Кейн сидел на заднем сиденье, а инспектор Пикок сидел рядом с водителем на переднем.

— В кабинете директора с чашкой чая и бисквитами, так чтобы не выболтал ничего прессе или прохожим, — он мог сказать по их молчанию, что они остались этим довольны. — Все дети в главном зале в центре школы, на «особом собрании», пока они не придумают, как вывести их оттуда без лишнего шума.

— Кто-нибудь еще знает об этом?

— Еще один рабочий, он также в здании, — Брэдшоу повторил практически каждое слово, рассказанное ему сержантом за столом. — Есть еще местный политик — член городского совета, который осматривал земли с директором, когда нашли тело.

— Это все, что нам надо, — пробормотал инспектор.

Они вышли из машины, а затем завернули за угол школы, направляясь к игровому полю за ней. Брэдшоу сказал себе, что результат будет предсказуемым. Никто не ожидал, что бедная Мишель Саммерс вернется живой, и сейчас они сконцентрируют свои усилия на поисках киллера. Станным образом, идя бок о бок со своими коллегами, он почти ощутил, будто снова в деле.

Офицер в униформе стоял рядом с экскаватором и свежевскопанной земле, насыпанной горкой. Брэдшоу мог видеть края различимой, но неровной ямы, и начал морально готовиться к виду тела молодой девушки.

Они бодрым шагом пересекли первое игровое поле, пока не достигли места, которое

выравнивали экскаваторы. Земля была сырой, а их прогресс медленным. Офицер в униформе выглядел так, словно хотел встать по стойке смирно, когда три детектива достигли его.

— Это здесь, сэр, — констебль без надобности сказал Кейну, показав жестом в направлении дыры.

Кейн подошел к месту и заглянул за край, чтобы исследовать сцену преступления. А затем, он застыл.

— Что это? — старший инспектор резко развернулся к Брэдшоу. — Какого дьявола происходит?

Брэдшоу был позади него и не имел никакой возможности узнать, о чем тот говорит. Он мог только наблюдать, как инспектор Пикок шагнул вперед и посмотрел вниз в яму.

— Ты, должно быть, разыгрываешь меня?

Затем констебль Йен Брэдшоу тоже шагнул вперед, почти потеряв равновесие на мягкой кучке земли. Он заглянул вниз в яму, вырытую экскаватором, но не мог понять, что за вид его поприветствовал.

\*\*\*

Мэри Кольер не верила в шестое чувство, но некая форма предчувствия, должно быть, привлекла ее к заднему окну тем полуднем, именно тогда, когда начали прибывать полицейские машины.

Старый дом приходского священника возвышался над школьными полями, располагаясь на выходе скалистых пород на самой верхушке Черч Лейн, что рядом с церковью Святого Михаила. Дом использовался поколениями клириков, пока церковь Англии не решила, что может получить больше денег, продав место, и переселив викария (*прим.: в православной церкви: помощник епископа, епископ без епархии; в протестантской церкви: помощник священника*) в непритязательный домик у подножия холма. Мэри жила здесь сначала со своим отцом, когда тот был викарием Грейт Мидлтона, а затем со своим мужем, когда тот стал директором старой младшей школы. Генри каким-то образом удалось наскрести денег, чтобы приобрести дом. Муж Мэри был уже мертв как двадцать лет, а ее отец — сорок, но для людей Грейт Мидлтона, которые все еще казалось относились к ней со смесью мягкого почтения и подозрения, Мэри всегда была дочерью викария или же женой директора, но никогда отдельной личностью.

Мэри часто наблюдала, как дети собираются стайками на игровых полях во время перемен или шумно высыпают из здания, чтобы отправиться домой. Амбициозный, саморекламирующий себя модернист директор почти всегда оказывался в местной газете последние дни; полный грандиозных идей, но не чета ее Генри. Тот был настоящим учителем и благовидным директором. А этот же был ни рыба, ни мясо, как сказал бы ее отец.

Скрюченные, поврежденные артритом пальцы одной руки схватили тяжелую бархатную портьеру для поддержки, на случай, если ее старые ноги предадут ее. Она наблюдала за тем, как мужчины целеустремленно шли к яркому, темно-коричневому шраму, вырезанному на поле этим утром. Назовите это инстинктом, назовите предчувствием или призраком их прошлого, но, что бы это ни было, Мэри Кольер наблюдала за событиями, разворачивающимися перед ней, с печальным, тяжелым сердцем и растущим чувством тревоги.

Фиона Саммерс встревожилась из-за громкого стука в дверь, судя по его силе, произошло что-то срочное. Она была ближе, чем женщина-полицейский координатор, и имела фору.

— Я открою, — сказала она ей.

Фиона открыла дверь и увидела там свою сестру, стоящую на пороге, с безумным взором и заплаканным лицом,

— Сьюзен, — все, что удалось произнести Фионе, — они нашли ее?

Сьюзен бросилась к дому своей сестры, как только до нее дошел слух, что полиция нашла что-то в младшей школе Грейт Мидлтона, и это что-то — тело. Теперь же, когда она прибыла на порог своей сестры, задыхающаяся и вся в слезах, она поняла, что не знает, что сказать. Как она может найти слова, чтобы рассказать Фионе, что ее драгоценная дочь умерла? Вместо этого, все, что ей удалось, это кивнуть.

— О, мой бог, — ахнула Фиона, — где?

\*\*\*

Место преступления становилось многолюдным, и инспектор Пикок взял на себя командование, приказав офицерам в униформе отойти назад и рассредоточиться, чтобы оградить место от посторонних. Кейн, Пикок и Брэдшоу ушли, оставив криминалистам делать свое дело.

Брэдшоу было нехорошо. Как он мог быть настолько глуп?

Когда Йен Брэдшоу принял звонок, он не удосужился проверить принадлежало ли тело молодой девушке. Вместо этого, он опирался на необоснованное предположение, что два тела за одну неделю, в месте такого размера как Грейт Мидлтон, были статической невозможностью, и, что должно быть это была Мишель Саммерс, которую нашли мертвой на школьной территории.

Брэдшоу сосредоточил свое внимание на текущем местонахождении водителя экскаватора, директора и советника, затем понесся к дому, чтобы подобрать инспектора и старшего инспектора. Когда они все шагнули вперед, чтобы заглянуть в яму, однако, в ней не оказалось останков молодой Мишель Саммерс. Вместо этого, они столкнулись со зрелищем в виде древнего скелета, таким, который даже для нетренированного глаза Брэдшоу, выглядел, будто пролежал там десятилетия, судя по состоянию его пожелтевших костей, забитых землей глазниц и серых лохмотий, обернутых вокруг его тела. Разинутый рот, словно его неожиданно застали в момент смерти, отражал собственное удивление Брэдшоу.

— Брэдшоу, — спросил его инспектор Пикок, как только понял, что это не девушка, — ты совсем debil?

Брэдшоу не смог ничего ответить. Вместо этого, он отступил назад, когда поле стало заполняться машинами. Именно тогда, когда Йен Брэдшоу думал, что его жизнь не может стать хуже, он уловил размытое движение и наблюдал, как Фиона Саммерс спускается по холму по направлению к ним, мчась мимо медлительного констебля в процессе.

— Дерьмо, — пробормотал он, а Пикок повернулся к ней.

— Иисус, — прошипел он, — этого нам только не хватало.

— Мишель! — закричала бедная истеричная женщина, выкрикивая имя своей дочери, ускоряясь по направлению к ним, ее платье колыхалось на ветру. — Мишель!

Брэдшоу инстинктивно двинулся, чтобы преградить ей путь к телу. Он играл в футбол и регби в школе, но удержать Фиону Саммерс оказалось делом нелегким, даже для мужчины его размера; Она была низенькой, но крепкой женщиной, которая врезалась в него на скорости, и не собиралась позволить кому бы то ни было помешать ей дойти до дочери. Брэдшоу удалось схватить ее, но она изворачивалась и вертелась в его хватке, молотя его руками, все время выкрикивая имя своей дочери.

— Пусти ее, Брэдшоу, — сказал ему спокойно инспектор. — Какая разница?

Он имел в виду, что такое старое место преступления, как это, не может быть испорчено сильнее, если Фиона Саммерс пробежит по земле, которую они уже протоптали. Легче будет позволить ей увидеть труп, чем пытаться убедить ее, что это не Мишель. Очень вероятно, что та прыгнет в могилу и обнимет ее. Как только он отпустил ее, Фиона прошла напрямик к яме, спотыкаясь на бегу, заглянула вниз, а затем застыла, прежде чем повернуться к ним.

— Что? — ахнула Фиона, и инспектору пришлось констатировать очевидное.

— Это не она, — сказал он перепуганной матери. — Это не Мишель.

Когда они вернулись в полицейский участок, инспектор Пикок отвел Брэдшоу в сторонку и дал ему четкие инструкции.

— Я хочу, чтобы ты пошел и сел в столовой, — сказал он констеблю. — Хочу, чтобы ты взял эту большую папку с собой, в которой есть детальное описание всех известных растлителей малолетних и насильников на нашей территории, чтобы ты положил ее на стол перед собой. Я хочу, чтобы ты взял ручку и тетрадку так, чтобы каждый, кто на тебя посмотрит, подумал, что есть мужчина, усердно работающий по заданию инспектора Пикок. Он проверяет подозреваемых, пытается найти зацепку, ищет несоответствия.

— Да, сэр.

— Но знаешь ли ты, что я действительно хочу, чтобы ты там делал?

— А..?

— Ничего, — сказал он Брэдшоу, — ничегошеньки. Я хочу, чтобы ты сидел там весь полдень, пил чай и держался подальше от меня. Не хочу видеть твое лицо снова до завтрашнего дня. Даже завтра будет слишком рано. Не желаю, чтобы ты путался под ногами у настоящих полицейских, которые знают, что они делают. Ты знаешь почему?

— Да, сэр.

— Почему?

— Потому что я облажался, сэр.

— Нет, — ободрил его Пикок, — неверно, Брэдшоу. Не по этой причине. Любой может облажаться время от времени, даже я. Нет, я не хочу видеть тебя поблизости, потому что ты идиот, Брэдшоу. Несмотря на все твои отметки «отлично», ты, мать твою, не знаешь даже какой сегодня день. У меня нет тех аттестатов, что у тебя, но у меня есть врожденный здравый смысл. Я усердно работал, чтобы достичь того, что достиг, и я не позволю тебе, все это испоганить, ты меня слышишь?

— Да, сэр.

— Так что ты собираешься сейчас сделать?

— Пойти в столовую.

Пикок кивнул.

— И..?

— Оставаться там.

— Мои поздравления, Брэдшоу, ты, наконец, хоть что-то сделаешь правильно.

Хелен бросила свою сумку на стол и уже готовилась сесть.

— Они нашли тело в Грейт Мидлтоне, пока тебя не было; на поле за школой, — сказала Мел, репортер, делившая с Хелен стол.

— Дерьмо, — произнесла Хелен, проклиная тот факт, что потратила полутра, опрашивая подросткового бегуна по кроссу, который был выбран представлять графство, и сразу же набросила сумку обратно на плечо.

— Я бы не стала беспокоиться, — сказала ей Мэл. — Он только что попросил Мартина подменить тебя.

— Это мой район, — твердо сказала Хелен.

\*\*\*

Хелен вышла перед машиной Мартина и помахала рукой. Он театрально изобразил, что тормозит, что его швырнуло вперед. Затем он медленно опустил стекло окна.

— Гребаный ад, Хелен, хорошо, что я смотрю куда еду.

— Они сказали мне, что Малколм попросил тебя подменить меня в Грейт Мидлтоне, — сказала она, затаив дыхание.

— Да, — сказал он.

— Ну, я вернулась, так что нет необходимости.

Она могла сказать по выражению его лица, что он этим недоволен, но, если мужчина хочет поспорить, он выбрал не ту женщину не на той неделе.

— Я уже в пути, — упрямо заявил он, будто это было большим неудобством.

— Ты даже не покинул парковку, — сказала она ему.

— Послушай, красавица, — начал он, — ты все еще новенькая, а я занимаюсь этим еще с тех времен, как Иисус был сосунком. Почему бы тебе не оставить это мне, а? Если ты накосячишь с убийством, Малколм не будет впечатлен. У нас их случается не так уж и много.

— Спасибо за предложение, Мартин, — удалось выдавить ей, — но я не облажаюсь.

— Я не знаю, красавица, — сказал он задумчиво, будто он был отцом Хелен, обдумывающим разумно ли отпускать ее на первую подростковую вечеринку.

Хелен решила, что с нее хватит этого разговора.

— Послушай, Мартин, эта история произошла на моей территории. Если ты хочешь обогнать меня, твое дело, но я еду. Мы можем поехать вместе, если хочешь, тогда мы оба будем выглядеть, как идиоты.

И прежде, чем он мог ответить, она направилась к машине.

Он высунулся из окна и позвал ее.

— Не нужно так разговаривать с людьми!

Тогда она крутанулась на месте.

— Не нужно? — провонила она. — О, прости, красавчик, ты не понимаешь шуток?

Она спародировала громкий запугивающий тон, каким взрослый мужчина в «Вестнике» разговаривал с молодыми женщинами в редакции.

— Слегка обидчивая, да? В чем дело? Определенное время месяца?

И голова Мартина быстро юркнула обратно в салон.

Он деловито парковал ее, когда она промчалась мимо.

\*\*\*

Том Карни провел на северо-востоке только одну ночь, но проснулся сегодняшним утром с похмельем, которое свалило бы с ног менее крепкого мужчину. Как только его угораздило?

Он практически решил взять выходной, когда Колин, домовладелец, уведомил его, что полиция нашла тело, и об этом в деревне только и говорят. Ему удалось заставить себя покинуть «Грейхаунд» и спустя какое-то время прибыть на место преступления, мелькнув своей пресс-картой перед молодой полицейской в униформе, которая занимала пост у школьных ворот.

— Это она? — спросил он без преамбулы.

Констебль покачала головой, и это удивило Тома.

— Тогда, что именно они *нашли*?

— Вам стоит спросить их, — констебль мотнула головой в сторону здания школы. — Они на поле позади.

— Вы не можете просто мне сказать? — спросил Том, зная, что сотрудничество от напряженных детективов на такой ранней стадии расследования было маловероятным.

— Меня расстреляют, если я скажу, — сказала полицейская. — Тащите свою задницу вниз по холму и спросите их сами. Может они расскажут вам что-нибудь.

Что бы они ни нашли, это должно было быть важным, судя по количеству офицеров полиции, снующих туда-сюда между полем и зданием школы. Многие из них были одеты в защитные костюмы, чтобы предотвратить загрязнение места преступления. Большой белый навес был возведен, чтобы укрыть место от любопытных глаз, в то время как экскаватор простаивал без дела рядом.

Том подошел к детективу.

— Я не могу рассказать вам ничего на данном этапе, — сказал он ему твердо. — Это место преступления, дайте нам пространство, чтобы выполнять нашу работу, — и, когда Том попытался задать вопрос, ему сказали, — и я имею в виду тотчас же.

Ответ был таким выразительным, что, казалось, нет смысла спорить, так что Том сделал, как ему велели, поднявшись по холму от места преступления. Он все еще не мог сказать с уверенностью, были ли человеческие останки под тем белым тентом или же что-то другое вызвало подозрения полиции. Он едва ли мог написать статью, основываясь на слухах, собранных Колином.

Том помотался по периметру, сделал фотографии активности своей старенькой камерой «Олимпус». Срок ее гарантии закончился десять лет назад, но она все еще работала и подходила ему, потому что была достаточно небольшой, чтобы поместиться в кармане куртки, вместе со своими компактными телефотграфическими линзами. Тогда он и заметил ее, когда та шла вдоль бокового фасада школы, опрашивая детектива, который отмахивался от ее вопросов. Даже с расстояния и ничего не слыша, он знал, что она получает обычные дерьмовые ответы «без комментариев», ничего не подтверждающие и не опровергающие, от полицейских сил, которые становятся очень чувствительными к журналистским нападкам прямо сейчас.

Том поднял камеру и сделал снимок Хелен. Может она почувствовала это, так как повернулась, чтобы посмотреть прямо на него, прежде чем задать еще один вопрос детективу. Том пошел обратно к школьным воротам и полицейскому констеблю в униформе.

— Спасибо, — сказал он полицейской, — я узнал все, что нужно. — а затем добавил,

словно интересовался мимоходом, — Сколько вам еще здесь торчать? Такие вещи могут занять очень много времени.

— Могут, — подтвердила констебль. — Вероятно, буду тут весь день.

— Правда? Никакого перерыва на обед? Не хотите, чтобы я прихватил вам сэндвич из магазинчика за углом?

— Один из парней решит этот вопрос, — возразила она. — Но в любом случае, спасибо.

— Мне не трудно, — сказал Том. — О, дерьмо.

— Что такое? — спросила коп.

— Я забыл спросить, кто обнаружил тело, — сказал Том. — Мне бы так не хотелось возвращаться туда снова и досаждать вашим ребятам, когда те так заняты. Не хочется попасть под их дурное настроение, особенно сегодня.

— Это верно, — произнесла констебль. — Это был водитель экскаватора. Он разравнивал землю для нового школьного здания. Его ковш погрузился в землю, и тогда-то обнаружилось тело.

Том задумался, как сильно он сможет разболтать ее, не выдавая себя.

— Он должно быть шокирован? — предложил он.

— И не говорите. Не каждый день ты случайно выкапываешь старый труп.

Том ощутил всплеск возбуждения. Теперь он получил подтверждение, что тело было найдено на школьной территории и, если оно было старым, оно не могло принадлежать Мишель Саммерс. У него почти хватало материала для статьи, но ему нужно больше, чем это.

— Будет что рассказать своим приятелям в пабе, — коп улыбнулась при этих словах.

— Труп должно быть пролежал там давно? — рискнул спросить Том.

Констебль шмыгнула носом.

— Они не сказали вам? — в ее словах сквозило подозрение.

— Им и не надо было, — обыденным тоном произнес Том. — Если он выкопал его из Кэпперз Филд. Там было не более чем болото полгода назад, как и всегда до этого.

Констебль, казалось, удовлетворилась таким объяснением.

— Они не узнают точно, как долго он пролежал там, пока криминалисты не возьмут пробу, но предполагают, что лет пятьдесят, может шестьдесят, а то и больше. Кто знает, сможем ли мы когда-нибудь идентифицировать парня?

— Это сложно сделать, когда он находился там так долго, если только нет никаких отличительных особенностей.

— Как, например, нож в спине, вы имеете в виду.

Том испытал еще одну волну дрожи, получив эту ключевую информацию.

— Жаль, что у него не было с собой кошелька или еще чего. Все же, в такой небольшой деревне кто-нибудь должен знать, кто он. Здесь сейчас, а через минуту его уже нет. То есть, здесь иногда случаются неприятности, когда людей выставляют из пабов, но обычно никого не бьют ножом в спину.

— Я не знаю, что насчет свидетелей, — молодая констебль сказала это несколько презрительно. — Они все одной ногой в могиле: очень старые или уже мертвые. Большинство из них не знают, что делали вчера, не говоря уже о половине столетия назад.

— О, ну, удачи с этим.

Том подумал, что лучше будет по-быстрому уйти, пока кто-нибудь не застукал, как тот выуживает у констебля информацию.

Он не любил ругаться. В этом не было необходимости, но ему пришлось заставлять себя не произносить матерное слово, когда они совсем чуть-чуть не успели обогнать светофор. Он ехал слегка быстрее, и ему пришлось тормозить резче обычного, дабы избежать проезда на красный. Его дочь развела из этого проблему, как делала теперь практически из всего, вступая в подростковый возраст.

— Тпру! — сказала Линдси, будто машина была вышедшей из-под контроля лошадь.

Ему следовало отругать ее за излишнюю драматичность, но у него не было на это сил, так как он уже поссорился с ее сукой матерью, когда приехал, чтобы забрать ее сегодня в обед. Это даже не было официальным визитом. Вместо этого ему пришлось взять Линдси на шоппинг, чтобы купить ей обувь для школы, так как ее мать настаивала, что это почему-то его обязанность, хоть даже он и отдал своей бывшей жене практически все свои деньги.

Теперь им придется долго ждать, так как светофор стоял на перекрестке, и всегда уходила вечность на то, чтобы машины со всех направлений разъехались.

— Пап? — позвала его Линдси тем певучим голосом, который всегда использовала, когда чего-то хотела, растягивая один гласный на два. — Па-ап.

— Что?

— Когда я приеду к тебе в следующее посещение, — начала она, а он почувствовал раздражение, так как этот-то едва начался, а она уже говорит о следующем, — не согласишься ли ты дать мне денег вместо подарка?

— Денег? Зачем тебе деньги? — он не понял причины.

— Так я смогу купить, что действительно хочу, — сказала она ему. — Одежду и прочее.

— Посмотрим.

Он надеялся, что интонации его голоса будет достаточно, чтобы донести до нее его разочарование, и, чтобы она оставила эту тему.

— О, да ладно, — улыбнувшись, почти кокетничая, что пробудило в нем желание ударить ее по лицу тыльной стороной ладони. — Это мой *день рождения*, — напомнила девушка ему.

На какое-то мгновение он был поражен тем, как сильно она стала походить на одну из них — грязную шваль, использующую улыбку, строящую глазки и лесть, чтобы получить то, что хочет. Он глубоко вдохнул и попытался подавить эту мысль, но был уверен, что скоро все начнется. Сперва мальчики, потом взрослые мужчины. Будут слезы и манипулирование, пока она не получит, что хочет, а затем его дочь станет такой же, как и остальные. Эта мысль была невыносима.

— Я сказал, посмотрим, — отрезал он, и в этот раз она поняла, что ей лучше заткнуться.

Когда это началось, гадал он... с первой просьбы купить новую куклу? Так рано? И так будет продолжаться всегда; новый дом, затем новая кухня для дома, новая одежда и украшения; никогда не удовлетворена. Ровно до того дня, пока она не устанет от своего мужа, не ляжет и не станет заниматься отвратительными вещами со следующим мужчиной так же, как и делала ее шалава мать. На краткий миг перед его глазами вновь возникло изображение Саманты, лежащей на полу их гостиной с рукой их соседа, засунутой в переднюю часть ее джинсов, прямо в трусики, касающуюся ее самых интимных мест, насаживающую ее на пальцы, будто это ничего не значило. Словно они просто пожимали

руки. Отвратительная, грязная, порочная...и что *он* сделал, когда обнаружил ее, лежащую там?

Ничего.

И, пока она барахталась, пытаясь убрать непристойную руку их соседа и в то же время сесть прямо и оправиться, он все еще ничего не сказал, даже пока смотрел, как вся его жизнь рушится в один момент.

Пол, их сосед, прошел прямо мимо него и сквозь входную дверь, не произнеся ни слова.

Даже тогда; ничего.

Он понял это почти сразу. Он не был мужчиной. Больше нет. Спасибо ей. Он был им раньше, но она сбила его с пути, выбила из колеи, лишила его мужественности до такой степени, что парень даже не мог поднять руку на мужчину, который осквернил его дом и совратил его жену. Единственным утешением, за которое он цеплялся, было тем, что они оба отправятся в ад и будут вечно гореть в агонии за то, что сделали с ним. Ибо так изложено в заповедях, написанных самой рукой Господа на каменных табличках, что последний будет судить всех прелюбодеев.

А когда все закончилось, она даже не взглянула на него, вероятно, не смогла. Не сказала ни слова, просто застегнула молнию на джинсах, затем прошла на кухню и стала мыть посуду, уставившись вперед. Он смотрел на нее какое-то время, в его голове метались мысли, его подташнивало, он не мог придумать, что сказать. В тот момент, когда он обнаружил свою жену и соседа вместе, он понял, что все, во что он верил до того, было ложью.

Вероятно, он был виновен, так как поместил свою жену на пьедестал, он знал это теперь, но не это ли и должен делать муж: любить ее, обожать, поклоняться ей? Она доказала, что абсолютно недостойна этой любви. Его взгляд упал на подставку с ножами, и секунду он всерьез размышлял, а не взять ли самый большой и не вонзить ли его острый конец глубоко в мягкую плоть в задней части ее шеи. Он был уверен, что сделал бы это, если бы дело не было бы в маленькой Линдси. Он не мог оставить ее с мертвой матерью и отцом, отбывающим пожизненное заключение.

В конце концов, он был не способен соединить слова вместе в предложение. Его голос надломился.

— Почему? — спросил он ее писклявым и хныкающим голосом, который он ненавидел, так как был на грани того, чтобы заплакать.

— Иисус Христос! — она швырнула тарелку на столешницу. Как она может злиться? — Тебе надо спрашивать «почему»? Ты не имеешь понятия, да? Ты не мужчина, ты чертов робот, — а затем она разразилась слезами. — Я в ловушке! — заключила она, прежде чем вихрем понеслась из кухни и промаршировала вверх по лестнице в их спальню, захлопнула дверь позади себя, как неблагодарный подросток.

Той ночью он спал на диване, хотя, конечно же, не спал вообще, просто лежал без сна, мучая себя, проигрывая в уме воспоминание о гребанной руке соседа в трусах жены, о его толстых пальцах, похороненных глубоко внутри нее. Он думал и думал об этом, гадая, как много раз они проделывали это, пока он работал допоздна. Как часто он возвращался со смены, чтобы обнаружить ее спокойно готовящей ужин, когда семя другого мужчины вытекало из нее? Был ли их сосед единственным или же была очередь мужчин, для которых он был посмешищем? Сколько еще их было? Осознание того, что он никогда не узнает, врезалось в него внезапной грустью, и он знал, что для него нет пути назад.

Он никогда не возвращался на супружеское ложе.

Условия развода превратились в настоящий скандал. Он согласился с ее предложением оставаться «цивилизованными» ради блага их дочери, хоть это слово и не относилось к ней. Вместо «моя жена шлюха и изменщица», причиной были указаны «непреодолимые разногласия», полезная идея от ее адвоката, чтобы их дочь не узнала, что ее мать грязная шалава. Так что он придерживался этой версии, но был идиотом. Они использовали его исключительно естественную заботу о дочери против него и забрали у него ребенка. Было решено, что она останется со своей матерью, а ему приказали покинуть семейный дом; его дом, где он провел значительную часть своего свободного времени, обустроивая его. Он не был тем, кто раздвинул свои ноги перед незнакомцем в том доме, так почему здание останется у его жены?

Но это ему пришлось платить, чтобы жена и дочь жили так же хорошо, как они и привыкли, в то время как он питался фасолью на тосте и яичницей в дерьмовой однокомнатной квартире, так как он никогда особо и не умел готовить, и у него не было денег на нормальную еду. У них все было хорошо, потому что почти все его деньги шли на них. Они могли позволить себе оплачивать ипотеку и отопление, класть хорошую еду на свои тарелки и, не успеешь оглянуться, как он подумал об этом, его чувство обиды достигло пика, сука-шлюха-шалава начнет «встречаться с кем-то». И как он это узнал? Его собственная дочь рассказала ему.

— У мамы есть бойфренд, — сказала она ему безразлично, будто ее мать только что купила новую пару туфель.

Он не знал, почему был так шокирован. Знал, что она шлюха, но, возможно, он надеялся, что она не будет вести себя так нагло, в то время как живет на его деньги.

Он отдает ей практически всю свою зарплату, чтобы женщина могла растить его дочь без него, платить за дом, в котором другой мужчина трахал его жену. Где в этом справедливость? Ему становилось дурно каждый раз, как он вспоминал о них, занимающихся этим в его доме, пока его дочь спала в соседней комнате, его бывшая жена спаривается, как свинья во время течки, с другим мужчиной. От этой мысли ему захотелось убить их обоих.

— Пап? Пап! — звала Линдси взволнованно.

Он не слышал ее поначалу. Иногда он настолько терялся в своих мрачных мыслях о своей бывшей жене, что у него остывал кофе или он забывал про еду в духовке, пока едкий запах горелого пластика не напоминал ему, что его готовая еда из супермаркета испорчена. Затем он смутно слышал звук; продолжительный режущий уши шум, который соревновался за его внимание с назойливым голосом его дочери.

— Что? — спросил он заторможено, чувствуя себя так, будто только что проснулся от глубокого сна.

— Светофор, — уведомила она его, — зеленый.

И, когда он, наконец, поднял взгляд, понял, что она права: горел зеленый, а шум в его голове был звуком автомобильных гудков, ревущих без остановки, будто владелец машины позади них в конец потерял все свое терпение. Он подумал, что лучше не выставлять себя идиотом перед дочерью, так что он молчаливо поехал вперед.

\*\*\*

Том приехал на самое высокое место в деревне и припарковался у церкви. Ему даже пришлось вылезти из машины, чтобы поймать сигнал.

— Пожалуйста, работай, пожалуйста, работай, — сказал он телефону, и тот заработал.

Прошли три гудка, к его величайшему облегчению, и Терри ответил. Его голос был таким, словно тот находился на противоположном конце туннеля с сильным ветром, и Тому пришлось кричать, чтобы его услышали. Он рассказал Терри о теле на поле, молчаливо молясь, чтобы тот заинтересовался историей.

— Мы уже этим занимаемся, — сказал Терри, и Том понял, что тратит время. — Наш северный корреспондент ведет его. У него есть контакт в полицейском управлении, с кем-то высокого положения. Он не был бы корреспондентом, если бы у него не было. Ты не рассказал мне ничего, чего я уже не знаю.

— Я уже понял, — сказал Том с натянутым весельем. — Подумал, что, в любом случае, стоит позвонить.

Он сильно старался скрыть удручающее разочарование, которое ощущал.

— Как там у вас дела?

— Ужасно, — сообщили ему. — Мы не только имеем дело здесь с кабинетом министров. Также и с его женой.

— Его женой?

— Она адвокат и чертовски психованная. Ее прозвище в официальных кругах — «Сука», что уже о себе говорит, раз уж юристы ее так прозвали. Они считают, что даже премьер-министр ее ужасно боится. Все боятся.

— Включая Дока?

— Особенно Док, — поделился Терри. — Она звонила ему сегодня утром, держала его яйца в тисках целый час. Мы с таким же успехом могли бы выбросить белый флаг на крыше здания.

— Так что он будет делать?

— Ты не слышал этого от меня, — сказал ему Терри, — но нас могут закрыть.

— Ты шутишь?

Этого не может произойти. Конечно же, легендарный Док не собирается на самом деле сворачивать дело при первом упоминании дела о клевете.

— Это очень вероятно, — признал Терри. — Значительная сумма возмещения убытков, опровержение, извинения.

— Эту женщину не волнует, что ее муж трахался с проститутками? — не верил своим ушам Том.

— Она в это не верит, — сказал Терри. — Или решила не верить. Она связана своей жизнью, своим будущим и будущим ее детей с этим мужчиной. Если он идет вверх, они тоже, если он падает, они рухнут на землю вместе с ним. Так что, если он и будет совать свой член еще куда-то, не это для нее в приоритете.

— Иисус, я не верю, что Док собирается закрываться. Мужчина виновен, подобно греху.

— Это под рассмотрением, — Терри понизил голос до шепота. — Атмосфера здесь сейчас ужасная. Люди плачут в туалетах, и я говорю не только о женщинах.

— Я должно быть популярен.

— Не ожидай приглашения на рождественскую вечеринку.

\*\*\*

— Как все прошло? — спросил Пикок, прождавший в офисе главного инспектора Кейна его возвращения.

— Четыре мужчины, — сказал ему Кейн.

— Что? — Пикок не скрывал своего недовольства.

— Но мы можем выбрать их.

— Ладно, — его тон стал более выверенным, но инспектор Пикок все еще не был счастлив. — Так, значит Супер на самом деле хочет от нас, чтобы мы убрали четырех мужчин с текущего расследования по пропавшей девушке, чтобы перекинуть их на это?

— Послушай, Джон, — Кейн понизил голос, когда полицейский констебль в униформе прошел мимо открытой двери. — Он по сути дал мне зеленый свет на то, чтобы выдернуть наших самых слабых парней с дела Мишель Саммерс и перекинуть их на тело в поле. Составь мне список неэффективных бестолочей в количестве четырех человек, от которых навряд ли будет толк в деле. Я переназначу их на этот., — он пытался подыскать верное слово, — ...скелет.

— Я могу назвать четверку, над которой вряд ли стану лить слезы, их имена сразу пришли мне в голову.

— Кто?

— Очевидно, Винсент.

— Очевидно, — кивнул Кейн. — От него столько же пользы, как и от автомата по продаже презервативов в монастыре.

— Дэвис, он всегда на больничном; Вилсон, всегда «под мухой», и Брэдшоу, потому что он всегда ошибается.

— Я не могу оспорить ни одно из имен.

\*\*\*

Бетти Тернер села в постели, ее спина была напряжена, она выжидала. Было поздно, снаружи шел дождь, но это не имело значения. Ничего не имело значения, кроме того, как позволить другой женщине узнать, что она знала.

Она все прекрасно знала.

Старая леди ждала, пока дом не погрузится в тишину, а ее три взрослых сына не уснут, прежде чем мягко прошлепать вниз по лестнице и накинуть дождевик на свою ночную сорочку. Она открыла дверь, дождь превратился в ливень. Она ступила под него и тихо прикрыла за собой дверь. Бетти шла по сырой брусчатке в своих тапочках, игнорируя холод, думая только о пункте ее назначения.

Улицы были пусты в этот час, и никто не видел, как старая леди медленно и неуверенно движется к деревне. Ее тапочки промокли, ее ноги хлюпали в воде, но она не повернула назад. Бетти насквозь промокла к тому времени, как достигла входной двери старого дома священника.

— Это была ты, — произносила в запертую, тяжелую деревянную дверь, сильно в нее барабанила, зная, что где-то в этих стенах, кое-кто слушает. Она постучала снова, в этот раз сильнее. — Это была ты!

Дождь прилепил волосы Бетти к ее голове, и она откинула их прочь нетерпеливой рукой.

— Это была ты!

Бетти была права. Мэри Кольер не спала. Она лежала в постели с одеялом, натянутым до подбородка, с плотно зажмуренными глазами, и могла слышать стук руки Бетти по своей входной двери и ее настойчивый клич.

— Это была ты...

Мэри знала, кто там снаружи попрекает ее. Голос был приглушен дверью и дождем, но

слова все еще были слышимы.

— ..это была ты...

И каждое из них пронзало Мэри Кольер, как клинок.

## *День третий*

Констеблю Брэдшоу не надо было говорить, что он на скамейке запасных. Одного взгляда на его товарищей неудачников, находящихся в комнате этим утром, хватило, чтобы понять, что он больше не часть первой команды. Здесь был толстопузый постоянно под хмельком Тревор Вилсон, который не делал секрета из того факта, что все, чего он хотел, так это спокойной жизни. Боб Дэвис вероятно размышлял, как скоро и с каким недомоганием он сможет правдоподобно снова заболеть. Последнюю пару лет Дэвис долгое время не появлялся на работе по целому ряду жалоб, включая головную боль, боль в шее, тревогу, стресс, депрессию и, что впечатлило, болезнь Крона. Единственным, что связывало все эти недомогания, кроме того факта, что Дэвис якобы болел ими, была сложность в диагностике, или, что более важно, в том, чтобы их развенчать, что означало, что подозрительно долгие отсутствия Дэвиса на работе продолжали оставаться безнаказанными.

— У меня стресс, — запротестовал он однажды, когда ему был брошен вызов коллегой в столовой, сможет ли он проработать более недели подряд.

Затем он обыскал глазами комнату ради вероятного союзника, пока его взгляд не упал на Брэдшоу, и он громко не объявил, что «знает каково это», тотчас же связав Йена с ассоциацией ленивого, филоныщего ублюдка, которым он может себе позволить на данный момент быть. Когда Брэдшоу провалился с ответом, Дэвис прошипел ему «спасибо за поддержку» и помог убедиться, что никто в комнате не сохранил никакого уважения к Брэдшоу, даже симулирующий Дэвис.

Оставшаяся часть группы состояла из Винсента Эддисона и самого Йена.

«Мы — неудачники», — подумал Брэдшоу, — «слишком старые или слишком молодые, слишком ленивые, слишком больные или слишком опозорившиеся».

Он знал, что это было. Это была команда неэффективных людей «мертвого груза».

Инспектор Пикок кратко проинструктировал их.

— Вам полагается провести тщательный и методичный обход в Грейт Мидлтоне, в попытке идентифицировать труп на школьном поле и раскрыть вероятный мотив убийства. Ваше присутствие на улицах пошлет важное сообщение населению деревни, и, что крайне важно, медиа, о том, насколько серьезно мы принялись за это дело. Однако мы не хотим, чтобы вы спешили с этим расследованием, поскольку можете упустить что-то важное. Обо всех уликах сообщайте лично мне, прежде чем предпринимать любые действия. Это ясно?

Другими словами, действие по их собственной инициативе встречало активное противодействие. Ни один из других мужчин не был удручен подобным ограничением, но у Брэдшоу руки чесались доказать, что он не полный идиот, хоть даже и начал сомневаться в этом сам.

Инспектор Пикок завершил свой брифинг, признавшись, что дело их далеко от легкого.

— Криминалисты считают, что тело находилось там пятьдесят или шестьдесят лет, так что это убийство могло произойти во время войны или даже до нее, что очевидно означает, что обычный поиск свидетелей будет бесполезным. Однако у вас есть внушительное население Грейт Мидлтона, так что найдите старикашек и опросите их, посмотрим, сможем ли мы найти что-то об этом мужчине. Кто он, с кем поссорился и почему, когда умер, почему был убит и почему никто не сообщал о его пропаже все эти годы? Есть ли у него

друзья или вся деревня была рада лицезреть кончину бедного ублюдка, поэтому они все молчат в некоем большом криминальном сговоре? Я сомневаюсь в этом, а вы? — никто не ответил, и Пикок продолжил: — Жил ли он тут или проезжал мимо? Обманул ли он кого-то, поспорил с кем-то или спутался с чьей-нибудь дочерью? Помните, тогда мир был совсем другим. То, что мы бы посчитали ерундой, было большой проблемой полвека назад, так что поменяйте ваше видение и подумайте по-другому. Большинство из живущих тогда не может вспомнить свои собственные имена, но у меня есть такая тетушка, которая неожиданно начинает рассказывать вам о коронации или о чертовой Второй Мировой Войне, будто они произошли вчера, так что используйте это.

Он заметил отсутствие у мужчин энтузиазма.

— По крайней мере, вы получите по паре чашек чая и по щедрому куску торта «Баттенберг».

Он взглянул на апатичные лица перед ним.

— Может это мотивирует некоторых из вас, — а затем сдался и оставил их.

Четверо мужчин молчаливо стояли, переглядываясь какое-то мгновение, затем Винсент заговорил.

— Я поставлю чайник, хорошо?

Христос, он даже не мог принять такого решения, не спросив сперва у других.

— То есть, он имел в виду никакой спешки и слишком раннее время для обхода.

Никто не побеспокоился одарить Винсента любезностью ответа, но и никто не прекословил ему. Он пошаркал прочь, чтобы сделать заварку. Вилсон и Дэвис сели. Дэвис даже взял газету и начал читать спортивные страницы.

— Я думаю, я пойду, — сказал Брэдшоу к всеобщему безразличию, — положу начало.

И он ушел прежде чем кто-либо из них соберется с силами сказать ему, что он тратит время.

\*\*\*

Хелен позвонила в полицейский участок по поводу своей встречи с инспектором Рэйд. Каждый день один из журналистов «Вестника» проходил ту же рутину: Рэйд расскажет о деталях каждого преступления, о которых сообщалось в предыдущие сутки, и они запишут бесчисленные акты вандализма, краж со взломом, угонов, надеясь получить стоящий материал для статьи.

Инспектор Рэйд был почти на пенсии и не прочь проводить пятнадцать минут каждого дня в компании молодой женщины репортера, но даже казалось он был лишен воодушевления этим утром. Возможно, он чувствовал себя отбившимся от коллектива, в то время как его коллеги по цеху в штатском искали пропавших девушек или выкапывали древние трупы, а он дежурил за столом в штабе. Его голос был монотонным.

— Ограбление в Ньютон-Холл, взяли немного; комплект клюшек для гольфа и байк.

— Они вломились в дом? — с надеждой спросила Хелен, полагая, что спящие владельцы, испуганные ночью грабителями, потянут на полстатьи.

— В садовый гараж, — ответил он, разрушая эту надежду, затем снова посмотрел вниз на список. — Подойдет машина, взятая без согласия с Коронейшн Авеню? Вероятно, малолетние угонщики, — он взглянул на нее. — Нет?

— Не совсем великолепное ограбление поезда.

Инспектор улыбнулся ей.

— Я-то думал, что на твоём участке хватает веселья в последнее время.

— Хватало, — признала она, — но нам все еще нужно заполнить страницы нашего района. Больше ничего нет, — она теперь почти умоляла, — кроме угнанных тачек, наборов для гольфа или разбитых окон паба?

— Ничего необычного, — сказал он. — Ну... один инцидент... на самом-то деле это ерунда.

По ее лицу он понял, что она заинтересована.

— Наши ребята проводили старую леди до дома, — затем он умолк. — Я не уверен, что мне стоит это тебе рассказывать. Никакого преступления не было совершено.

Хелен улыбнулась.

— Между нами тогда.

— Я сомневаюсь, что ты сможешь из этого что-либо выжать. Старушка в Грейт Мидлтоне прошла половину деревни под льющим дождем в тапочках и сорочке. Наши ребята вернули ее домой прежде, чем она словила пневмонию. Это не совсем новости, но ты спросила меня, есть ли что-то необычное, а такое не происходит каждую ночь.

— Спросила, — признала она. — И ты прав, я, вероятно, не смогу использовать это; это будет несправедливо по отношению к старой леди, если она страдает слабоумием.

— Я бы не сказал, что Бетти Тернер, определенно, выжила из ума.

— Ты знаешь ее?

— Я знаю семью, — сказал он. — Она милая старушка, но у нее три сына и никакой власти над ними. Мы были в доме бесчисленное количество раз, ничего серьезного, сама знаешь.

Он пожал плечами, показав, что отпрыски Бетти Тернер в сущности были подонками.

— Так она не страдает маразмом? — спросила Хелен. — Так что она делала под льющим дождем в нощнушке?

— Это и есть странная часть, — сказал инспектор. — Она не хотела говорить нам, но, когда наши ребята пересеклись с ней, она стояла снаружи старого дома приходского священника, стучала в дверь и кричала.

— Правда? — спросила Хелен. — Что кричала?

— Это была ты, — сказал он.

Брэдшоу вел машину к «коттеджам», ряду муниципальных, принадлежащих старикам бунгалов, в которых жили бывшие шахтеры. Те, которые пережил тридцать с лишним лет обвалов и угольной пыли, могли провести скромную старость здесь, в простом однокомнатном доме с маленьким прямоугольным, с земельным наделом под сад позади. Брэдшоу не был родом из Грейт Мидлтона, но знал по своей работе офицером полиции в графстве Дарем, что ему более вероятно удастся вступить в контакт с пенсионерами, живущими здесь, если он обойдет их собственность вокруг, избегая формального стука в переднюю дверь. И в самом деле, в первом доме по улице, старик сидел позади дома на крошечном крыльце, посматривая на аккуратные ряды овощей, пока читал страницы про скачки в газете. Ему должно быть было около семидесяти с небольшим. Достаточно старый, подумал Брэдшоу.

Он надеялся на фору перед оставшейся командой «балласта». Если ему чрезвычайно повезет, возможно, кто-то даже расскажет ему, кем был мертвый мужчина. Брэдшоу давно не испытывал оптимизма, но почувствовал малую его искру, когда мужчина с газетой поднял взгляд, когда он наклонился, чтобы открыть крошечную калитку и войти в сад, и поприветствовал того веселым «привет».

— Чего вы хотите? — спросил мужчина с подозрительностью.

— Извините, что беспокою вас, сэр. Я офицер полиции. Вы вероятно слышали, что мы нашли тело на поле рядом со школой, и, что оно очень старое. Мы пытаемся узнать, кто бы это мог быть.

Мужчина отложил газету и встал на ноги. Может Брэдшоу даже получит чашку чая.

— Вы офицер полиции? — спокойно спросил тот.

— Верно, — подтвердил Брэдшоу.

— Тогда можете катиться к черту.

И, не говоря ничего больше, он повернулся спиной к потрясенному констеблю Брэдшоу, плотно закрыл дверь дома и повернул ключ в замке. Брэдшоу не знал точно, чего ожидать от своего обхода, но он не ожидал такого.

\*\*\*

Небольшой деревянный знак был прикреплен к воротам дома Родди Монкура, последний раз, когда Том навещал мужчину. На нем было написано слово «Дунроамин». Том с интересом наблюдал из своей припаркованной машины, как Хелен Нортон внезапно появилась из дома Родди. Он уже готовился выйти из машины, когда Хелен прошла через эту калитку, засовывая свой блокнот в кожаную сумку, перекинутую через ее плечо. Родди, казалось, не спешил закрывать за ней дверь. Вместо этого, он провожал девушку глазами, только, наконец, закрыв дверь, когда та села в машину. Том подождал, пока она не уедет.

Судя по улыбке, застрявшей на лице Родди, он, должно быть, предположил, что та забыла что-то. Она исчезла, когда он увидел Тома на пороге.

— Полиция здесь еще не была? — спросил Том, без предисловий.

Родди Монкур моргнул при виде Тома.

— Ох, — сказал он, — ты вернулся. — затем он добавил: — Нет, но я не думаю, что они знают о... — он на миг задумался, подыскивая подходящие слова, — ...моем маленьком хобби.

Родди Монкуру было где-то пятьдесят пять, у него были седые волосы и борода. Он носил тот тип ворсистого свитера, который любят рыбаки и настоящие поклонники пива. Он расспросил Тома о его возвращении и получил ту же историю, как и Майк Ньютон из «Вестника».

— Может тогда я могу войти? — спросил Том. — Или же ты теперь пускаешь только блондинок в узких джинсах?

— Ты видел ее, — Родди выглядел немного смущенным. — Ну, она получила твой старый участок.

— Что она хотела?

— То же, что и ты, как мне представляется, — Родди раскрыл дверь шире. — Заходи.

Том прошел в один из Грейт Мидлтонских укрупненных домов. Когда старая младшая школа наконец закрыла свои двери в семидесятых, сменившись новым зданием, построенным на бывшей фермерской земле, корпус старой викторианской школы остался. Какое-то время никто не знал, что делать с этим местом; мрачным и внушительным зданием из темного кирпича с маленькими окнами, которые плохо пропускали свет, как будто, специально были спроектированы так, чтобы поколения школьников, загнанных в тусклые классные комнаты со скрипящими половицами, не отвлекались на внешний мир.

В конце концов, в дело вступил застройщик, превратив старую школу в три дома. Половицы были отшлифованы песком и покрыты лаком, окна выдраны и заменены на большие с двойным стеклопакетом, старый престарый бойлер увезли на грузовике на металлолом, а на его месте установили современное центральное отопление.

Одним из покупателей стал Родди Монкур, мужчина, чья работа иногда приводила его в другие страны на месяцы, его навыки инженера пользовались высоким спросом в таких экзотичных, отдаленных местах, как Оман и Дубай, где поговаривали его заработная плата была огромной, а его налоги несущественными, из-за некоторых малопонятных обходов правил по выплатам пособий иностранцам. Вскоре после того, как Родди стукнуло 50, его кругосветка подошла к концу, когда он вернулся в Грейт Мидлтон, якобы, чтобы похоронить мать. Через неделю после похорон, он сделал предложение по оставшемуся дому.

— Здесь зарабатывают не так много, чтобы уйти на отдых в пятьдесят, — сказал ему тогда Том.

— У меня достаточно денег, чтобы продержаться, — сказал Родди. — В этих местах многого не надо, да и с собой это не заберешь. Я не один из тех мужиков, кто горит желанием ломать себе спину до шестидесяти пяти, а затем падать замертво через год после выхода на пенсию. Не так я мечтаю прожить жизнь. В любом случае, мне есть чем заняться.

То, как Родди находил себе занятия, и стало причиной, по которой он стал важным именем в списке контактов Тома Карни. Если Том хотел узнать, что происходит в Грейт Мидлтоне, он мог опросить любое количество народа: включая членов городского совета, полицейских, владельцев пабов и их завсегдатаев. Если же он хотел узнать, что происходило в деревне в любой момент за прошедший век, он шел и навещал Родди Монкура.

Свидетельства маленького хобби Родди были повсюду вокруг них. Дом мужчины содержал в себе груды старых газет и журналов, также здесь были и программки с давно забытых любительских драматических театральные постановки. Каждая поверхность каждой стены была покрыта черно-белыми фотографиями в рамках деревни и графства, в котором находилась, в то время как другие были собраны в стопки и ждали более постоянного места обитания. Повсюду находились старые книги, даже лежащие стопками на лестнице, потому

что их некуда больше было положить. Родди был коллекционером и историком-любителем. Он также считал себя хранителем деревенской жизни, поддерживая живыми воспоминания о месте, в котором родился и вырос. Том думал о Родди, как о барахольщике, мужчине со странной одержимостью прошлым, из-за чего его дом превратился в хаотический беспорядок, но тот был бесценным источником любопытных фактов о местных.

Том проследовал за Родди по коридору на кухню, которая была также завалена, как и остаток дома. В раковине лежала грязная посуда со вчерашнего вечера; еще одно доказательство того, что Родди Монкур жил один и ему было наплевать, что кто-либо думал о его образе жизни. Они сели за кухонный стол.

— Я удивлен, что ты добровольно не вызвался предложить свои услуги, — сказал Том.

— Полиции? Я бы так и сделал, — заверил он Тома, — если бы считал, что смогу быть полезным, но я не вижу, чем я могу помочь.

— Ну же, Родди, ты должен знать что-нибудь, — и Родди посмотрел на него ничего не выражающим взглядом. — Или же знать кого-то, кто что-нибудь знает?

— Я в такой же темноте по этому вопросу, как и все.

— Я думал, если кто-то пернул в этой деревне за прошедшие сто лет, ты об этом знаешь.

— Я тоже так думал.

Том увидел, что Родди причиняет боль признанием в собственном невежестве, что касается тела на поле.

— Все эти школьные праздники, конкурсы красоты и драматические постановки, собрания женского клуба и заседания приходского совета, они все запечатлены у тебя на кончиках пальцев, но посмотри на себя сейчас.

Том покачал головой.

— Молчи лучше. Я помогал тебе заполнять местные страницы истории годами.

Это было правдой, что, когда Том получил отравленный кубок колонки местной истории, двойной разворот в «Вестнике», для которого нужны были ностальгические статьи каждую неделю, по общему мнению это было наказанием за один из его проступков, но Родди постоянно выручал его из беды. Неделю за неделей, он предоставлял Тому фотографии и информацию обо всякого рода давно забытых событиях, которые могли бы украсить страницы колонки «Минувших дней» «Вестника». При помощи Родди, Том умудрился поднять популярность почти забытой колонки до той точки, где «Вестник» на самом деле стал получать письма от читателей о ней. Это был меч о двух концах, так как Малколм позаботился о том, чтобы он продолжил вести колонку и в последствии. Том также стал своего рода звездой с постера для леди определенного возраста, получая Рождественские открытки и даже шоколадки от «синей бригады», как называли престарелых читателей. Девушки немного его подкалывали по этому поводу:— Одна из твоих друзей леди оставила тебе шоколадный апельсин на стойке регистрации. Ты такой жеребец, Том.

Ребята высказывались еще более прямо, обвиняя Тома в том, что он «Бабулькотрахатель».

— Ты же знаешь, что я благодарен тебе, но почти у тебя на пороге произошло старое убийство и такого здесь не случается. Ты всерьез говоришь, что ничего не слышал об этом?

— Нет, не слышал. Ты тоже рос здесь, Том, — вспыхливо напомнил ему Родди. — Ты никогда не слышал о нем, не слышала полиция и даже чертов «Вестник Дарема». Попридержи коней, насчет последнего; должно быть выдалась загруженная новостная неделя. Вероятно, Германия вторглась в Польшу.

— Ну, вы бы не освещали эту историю, не так ли? — сухо возразил Родди. — Гитлер не был местным парнем.

— Верно, — и он улыбнулся Родди, наслаждаясь подшучиванием. — Что твое нутро подсказывает тебе?

— Насчет чего?

— Те кости на поле, когда-то ходили. Он был живым, дышащим человеком. Так кем он был?

— Это-то и странно, — признал Родди. — В деревне было не так много людей. Не считая двух мировых войн и парочку аварий в шахтах, большинство людей здесь умирали от естественных причин, некоторые из них задолго до своего времени, но обычно не при подозрительных обстоятельствах. Убийство бы сильно выделялось на их фоне, и, если бы кто-то пропал без объяснения, полиция бы только этим и занималась, как и газеты.

— Так, значит, это было убийством, о котором никто не знал. Ты эксперт; почему чей-то неожиданный отъезд из деревни не вызвал никаких вопросов?

— Мужчина мог записаться в армию, вступить в торговый флот или поехать работать на кораблестроении в Тайне. Городок Свен Хантерс забирал много мужчин, и мужики шли за работой, когда она становилась здесь в дефиците, как и было большую часть времени, если только ты не хотел пойти в шахты, но не все об этом грезили.

— Разве это не близко к дому? Не стало ли бы это выглядеть странным, если кто-то ни разу не вернулся, даже нанести визит?

— Люди путешествовали немного, перед войной. Они склонялись к тому, чтобы осесть, куда там была работа, но ты прав, они бы вернулись и навестили семью.

— Что насчет проезжего? — предложил Том.

— Возможно, — признал Родди, — но кто?

Том понял, что без понятия, кто бы это мог быть.

— Было бы необычным нажать врагов так быстро, — признал он, — послушай, сделай мне услугу и поспрашивай вокруг, хорошо? Ты мне очень поможешь, если удастся найти зацепку. Кто-то в этой деревне должен знать что-то.

— Сделаю, друг.

Том нацарапал номер своего мобильного телефона на клочке бумаги из блокнота, а затем дал его Родди, который положил его в карман и проследовал за Томом к входной двери. На полпути Том повернулся к нему.

— Кстати, — спросил он, — *она* хотела тоже, что и я?

Родди лишь загадочно улыбнулся Тому, а затем медленно закрыл дверь.

Хелен получила мало инструктажа, когда начала работать в «Вестнике», но она узнала, что Том Карни использовал два основных источника местной информации о Грейт Мидлтоне. Одним из них был Родди, местный историк-любитель. Другая же только что заходила в свой дом, когда Хелен подошла к ней.

— Мисс Нортон, — произнесла Мэри Кольер, сохраняя ту официальную манеру речи, которой она научилась за годы работы в учительской. — Ищите материал для страницы местной истории?

Хелен уже посещала дом Мэри по ряду случаев, таких как собрать воедино статьи для страницы по ее участку или для колонки «Дни минувшие», которую она унаследовала от Тома Карни.

— Ну, не пускайте сквозняк внутрь, — добавила старая леди, пропуская Хелен в двери.

Она стояла в гостиной Мэри, просматривая ее библиотеку, в то время как ждала, пока ее хозяйка организует чай. Здесь были ряды классических новелл в похожих друг на друга изданиях в кожаных переплетах, как и полный набор «Британской Энциклопедии» и «История заката и падения Римской Империи» Гиббонса. Один том в частности привлек внимание Хелен, и она извлекла его с книжной полки для более тщательного рассмотрения.

Когда старая Мэри Кольер прошла обратно в комнату, она казалась немного сбитой с толку, обнаружив Хелен, держащей одну из ее книг.

— «Грозовой перевал», — улыбнулась Хелен. — Я читала его в школе.

— Что вы думаете? — Тон Мэри был нейтральным, не выдавая никаких подсказок о том, что та сама думала насчет произведения.

— Мне он очень понравился.

Мэри фыркнула.

— Я посчитала его абсурдным.

— Правда? Оно довольно романтическое, насколько я помню.

— Весь этот огонь и лед, эта страсть, — резко сказала Мэри, — сентиментальный мусор.

Хелен была несколько ошарашена силой чувств Мэри Кольер на предмет «Грозового перевала» в частности и романтики в целом.

— Над любовью стоит работать, она *требует* усилий. Это то, чего не понимают молодые.

Хелен не могла понять, упомянутые «молодые» включают ли ее и приготовилась к лекции.

— Спросите любого как они остаются со своим мужем или женой многие годы, и они все скажут вам одну и ту же вещь: «дари и получай». Нельзя просто брать, — она фыркнула, — Кэти и Хитклифф; весь этот гнев, вся эта страсть и как долго она продлилась? Пять дурацких минут. Он был монстром, а она избалованным ребенком. Если все изучают этих двоих в своей образовательной программе, или как они сейчас ее называют, то они выйдут из школы, ища то, чего нет.

— Вы и правда верите в это? — спросила Хелен. — Что романтика — глупость, а любовь — лишь практическая вещь, над которой стоит трудиться?

— Молодые ничего не знают о любви, — заявила старая леди. — Они все думают, что

знают, конечно же, но это лишь фантазия, голливудский фокус для глупых маленьких девочек. Настоящая любовь—это просыпаться рядом с тем же мужчиной каждое утро 35 лет подряд и все еще волноваться идет ли он на работу, съев хороший завтрак, и в чистой ли рубашке на спине. Она ничего общего не имеет с С.Е.К.С., — Хелен заметила, что Мэри ощутила необходимость произнести слово по буквам, а не сказать его, — или *мечтанию* о ком-то. Все это настолько мимолетно, все же молодые одержимы этим, поэты и писатели тратят жизни на это, и никто из них не имеет и малейшего понятия. Почему вы думаете, все эти романтические новеллы и фильмы заканчиваются браком? Потому что они не могут придумать способа, как сделать время после волнующим. Ну. Оно не волнующее, да и не должно таким быть, но это любовь, а любовь не должна быть волнующей. Американские горки волнующие, но я не захочу потратить тридцать пять дурацких лет на них.

Хелен не знала, что сказать после такого, и Мэри выглядела несколько уставшей после своей тирады. Вместо того, чтобы заговорить, они обе стали разглядывать черно-белые фотографии в рамках на книжной полке.

— Это ваш муж?

— Эту фотографию сняли как раз после того, как он стал директором.

В ее голосе звучала гордость. Пара стояла в саду вместе, мужчина в сером костюме, а Мэри в темно-синем платье. Хелен предположила, что ей там примерно тридцать лет, но она все еще была красивой женщиной, с длинными темными волосами и выразительными чертами лица.

— Дети любили моего мужа, — сказала Мэри.

— У вас были дети? — спросила Хелен. — Я не знала.

Мэри потрясла головой.

— В школе. Ученики всегда любили его, — сказала она, — но не меня. Я думаю, большинство из них немного боялись меня. Были некоторые, которые уважали меня, учились у меня и были благодарны за эти знания, потому что они помогли им выбраться из этого чертова места, но они никогда не любили меня. Не так как они любили Генри. Он был одним из той редкой породы; учителем, которого и любят, и уважают. Есть те, кто или одно, или другое, но оба сразу? Это сложно, знаете ли, быть любимым и уважаемым в то же время в любой сфере жизни, не говоря уже о нашей. Я думаю, это потому что он начинал среди них, — добавила она прежде чем сказать почти рассеянно, — у него неплохо получалось, у Генри.

Хелен проводила какое-то время в компании Мэри и прежде, но это был первый раз, когда пожилая женщина открылась ей. Возможно, на лице молодого репортера отразилось удивление, так как Мэри неожиданно произнесла:

— Может нам стоит присесть?

\*\*\*

Йен Брэдшоу жевал мятные конфеты, пока вел машину. Он, как обычно, размышлял над той ямой, которую сам себе выкопал. Ты проклят, если что-то делаешь, и ты же проклят, если ничего не делаешь. Все время одно и то же, думал Брэдшоу. Если бы он не принял звонок насчет тела на поле, если бы он оставил его кому-то другому, подождал пока сообщение не дойдет до инспектора, он определенно все еще находился бы в «собачьей будке», так как пребывал там на постоянной основе последние дни, но недоброжелательность, преследовавшая его, не была бы такой сильной. Но Брэдшоу принял звонок и действовал согласно протоколу, в последней, ошибочной попытке исправиться, и

чем его наградили? Застрять в команде «балласта». Сейчас он и правда был в «собачьей будке», с забитыми наглухо окнами и с плотно захлопнутой дверью.

Ты проклят, если что-то делаешь, и ты проклят, если ничего не делаешь, и то же самое было и с посещениями. О, боже, как он боялся посещений; каждое из них было пыткой, каждое из них, без исключений. Он знал, однако, что они были малой ценой, которую приходилось платить. Все-таки, ему приходилось иметь дело с последствиями своей глупости всего час в неделю. Алану Картеру приходилось жить с ними всю оставшуюся жизнь, как и его семье.

Кэрол встретила его у двери. Жена Картера была хорошенькой штучкой. Брэдшоу в тайне она нравилась. Он завидовал своему коллеге и ему даже нравилась мысль жениться на такой, как Кэрол. Ей было около двадцати пяти, она выглядела в джинсах и простой футболке лучше, чем большинство женщин, умело накладывала макияж, и всегда раньше улыбалась.

Сейчас Кэрол больше не улыбалась. Теперь она даже не беспокоилась по поводу не расчесанных волос. Они всегда были стянуты в хвост, немыты и слегка засалены. Ее лицо было бледным, лишенным макияжа, а под ее глазами красовались черные круги, что говорили о недосыпании.

— Проходи, — все, что она сказала, и Брэдшоу протрусил по ковру гостиной, как мужчина, идущий к виселицам.

В задней части дома был зимний сад, хорошее место для Картера, чтобы посидеть и полюбоваться садом, за которым он больше не может ухаживать.

— Как поживаешь, друг? — спросил Брэдшоу.

Хоть они не совсем были друзьями. Они были коллегами, которые имели мало общего. Если бы не случилась авария, они бы какое-то время поработали вместе, а затем, наконец, разошлись, когда одного из них назначили бы на новые обязанности. Они бы устроили небольшую прощальную вечеринку в пабе, отпустили пару шуточек и немного острот, обязательный набор на прощание, и разошлись бы своими дорогами, обреченные обмениваться рождественскими открытками в течение года или двух лет, пока оба не потеряли бы интерес. Вместо этого, из-за того, что случилось, они оба были пойманы в ловушку вины и отчаянья навсегда. Вина была полностью на Брэдшоу, отчаянье они делили и, вероятно, будут делить до конца жизни.

— Великолепно, — ответил Картер знакомым, мертвым голосом, разворачивая инвалидное кресло к Брэдшоу, — встал рано, выгулял собаку, позже поиграю в мини-футбол.

Как обычно, Брэдшоу не знал, что ответить. Вместо этого он беспомощно огляделся по сторонам, нет ли Кэрол поблизости. Вероятно, он мог бы предложить пойти выпить чаю, но ее нигде не было видно. Кэрол специально поощряла визиты, так что Брэдшоу никогда не был уверен, что рассказал ей муж о событиях того вечера. Возможно, Картер не винил его полностью. Нет, это не было правдой, Брэдшоу был уверен, что винил. Это было одной из не озвучиваемых сторон этих кошмарных визитов. Они оба знали, что были частями наказания Брэдшоу. Между ними было безмолвное согласие, что одним из единственных удовольствий Алана Картера, оставшихся в жизни, было сидеть в своем инвалидном кресле и смотреть, как его бывший коллега корчится, пока тот его осуждает.

«Посмотри на меня», — словно говорит он, каждый раз, как кладет руки на колеса дьявольского кресла и неуклюже маневрирует по комнате, — «я бесполезный, конченный, проклятый по жизни, и все из-за тебя. Вот что ты со мной сделал. Это должен был быть ты».

\*\*\*

Когда Том подъехал к дому Мэри Кольер, первой вещью, которую он заметил, была машина Хелен, припаркованная снаружи. Он решил подождать, пока та не уедет. Чтобы убить время, он читал статьи из сегодняшней «Газеты», обратив внимание, что там не было ничего нового насчет исчезновения Мишель Саммерс и совсем немного о теле-на-поле. Северный корреспондент «Газеты» может и имел контакты в полиции, подумал Том, но казалось, что у репортера было не больше информации, чем у него.

Том прочитал газету от корки до корки, когда Хелен, наконец, вышла и уехала.

Мэри Кольер в этот раз сама ответила на стук в дверь.

— О, — произнесла она, без особой теплоты, — я не ждала тебя.

— Я вернулся, — объяснил он, — на какое-то время.

— Я только что разговаривала с твоей преемницей, — сказала она Тому, когда тот последовал за ней в старый дом викария. — Вы с ней знакомы?

— Немного.

— Что ты думаешь о ней?

Мэри остановилась в коридоре и повернулась, чтобы посмотреть на него, когда спрашивала вопрос.

— Кажется довольно приятной.

— Она красивая и умная, — Мэри прищурила глаза. — Многие мужчины были бы напуганы таким сочетанием, — она разглядывала его какое-то время, — но не ты.

Мэри проводила его в гостиную. Чайные принадлежности еще не были убраны.

— Сегодня утром здесь как будто цирк на Пиккадилли, — отпустила она наблюдение.

— Кто еще тут был?

— Кроме тебя и Хелен Нортон? Полиция.

— Полиция?

— У Бетти Тернер «поехали шарики», — произнесла Мэри. — Она пришла искать их тут, — затем она добавила, — посередине ночи.

— Ох, — сказал он, — что привело ее к вашему дому?

— Кто знает? Ты можешь также спросить, что нашло на нее, что она пошла под ливнем только в домашних тапочках и ночной сорочке.

Она бросила на него взгляд, показывающий, что она не имела понятия, что сподвигло Бетти Тернер на это, если не некоего рода безумие.

— Полиция обнаружила ее, барабанившей в мою входную дверь. Я могу только предположить, что она хотела зайти, чтобы спрятаться от дождя. К счастью, я проспала большую часть произошедшего. Они приходили этим утром, чтобы узнать, смогу ли я пролить свет на ее эксцентричное поведение. Очевидно, я не смогла.

— Вы близкие подруги с Бетти Тернер?

— Едва ли.

— Тогда почему она выбрала ваш дом?

— Без понятия. Мы были подругами, когда были детьми, если ты можешь себе представить себе такое далекое прошлое, но очень и очень недолго.

— Что случилось? — спросил он, а она посмотрела на него так, будто это было не его дело. — Если вы не возражаете, что я спрашиваю.

— Люди меняются, Том, — произнесла она категорично.

— Сейчас с ней все в порядке?

— Они забрали ее домой. Я предполагаю, она высохла к этому времени. В любом случае, почему ты хотел встретиться со мной? Едва ли из-за страниц местной истории, теперь, когда ты уехал на новые пастбища.

— Из-за тела, — сказал он, — в Кэпперз Филд. Я подумал, может, вы знаете, кто бы это мог быть.

— Нет, — ответила она быстро. — Это именно то, о чем только что спрашивала меня мисс Нортон. Это может быть кто угодно. Я могу многое знать об этой деревне, Том, но я не мисс Марпл.

— Просто мысль, — сказал он, когда на самом деле хотел оспорить ее утверждение, что это мог быть любой. Не в деревне такого размера.

Он задавался вопросом, почему она не предложила ему чай или кекс, как обычно делала, когда он приходил. Также она ничего не спросила его о его новой жизни в Лондоне, что, он ожидал, женщина сделает из вежливости. Том пришел к очевидному выводу, что она не хотела его видеть. Какое-то мгновение он испытывал соблазн спросить ее, почему Бетти Тернер выбрала именно эту ночь, чтобы пройти через деревню под ливнем, а затем стучала в дверь Мэри, менее чем через двенадцать часов после того. Как полиция нашла тело-на-поле. Но он почувствовал, что она уйдет в себя, оставив его ни с чем.

— Тогда не стану вас больше задерживать, — сказал он.

\*\*\*

— Не мог бы ты вынести кое-что из гаража для меня пока ты не ушел, Йен?

— Конечно, — он испытал облегчение, что его попросили об этом, отчаянно желая обратиться из этой комнаты. — Увидимся в следующий раз, — сказал он Картеру.

— Я никуда не уеду.

Пока Брэдшоу следовал за Кэрол по подъездной дорожке, у него возникло предчувствие, что должно произойти что-то важное, он мог ощутить это. Тон ее голоса бы осознанно ровным, а задание, которое ему поручили слишком пространным.

«Йен, не мог бы ты помочь мне вытащить *кое-что* из гаража, пожалуйста?» Не, «не мог бы ты помочь мне вытащить газонокосилку» или «мусорный контейнер».

Ее муж наконец-то рассказал ей всю правду? Собирается ли она сообщить Брэдшоу, что он подонок, который навсегда разрушил их жизни? Если это так, он будет стоять и слушать, пока она не закончит, затем скажет ей, как ему жаль, что он знает, что у нее есть право так говорить.

Он наблюдал за тем, как покачиваются ее бедра, когда она идет к гаражу в своих узких джинсах. У Кэрол все еще осталась «красивая, аккуратная попка», шутил так Картер еще до того, как стал инвалидом. Брэдшоу вдруг понял, что задумался, как давно у нее был секс, пытались ли они после аварии, вставал ли вообще у Картера или, если он был работоспособен, хотел ли он еще этого? Все задавались этим вопросом, но никто не осмеливался спросить. Вероятно, однажды Картер попросит его позаботиться о Кэрол.

— Я предпочту, чтобы она была в безопасности и не с незнакомцем, ты окажешь мне услугу, друг.

Брэдшоу не мог отрицать, что эта мысль его взбудоражила.

О, Боже, о чем он думает? Что с ним не так? Вот он тут, идет следом за женой мужчины, парализованного по его вине, в гараж, и все, о чем он может думать, так это о том, чтобы подхватить ее, положить на рабочий стол и переспать с ней. Боже, не было ли тут темной ямы еще глубже, чтобы поместить туда свой собственный разум? Но это было не так,

как если бы он заполучил хотя бы одно. Он не был с девушкой со времен аварии, а это было больше года назад. Это казалось чем-то неправильным, да и кто черт возьми его захочет?

Еще больше вины.

Ей не будет конца?

Кэрол наклонилась, чтобы вставить ключ в замок гаражной двери, повернула его, а затем потянула металлическую дверь вверх. Но, когда Кэрол повернулась, она не стянула с себя футболку или расстегнула джинсы. Она не умоляла его взять ее, прежде чем Картер что-либо заподозрит. Не стала она и проклинать его за то, что он сделал ее мужа инвалидом.

— Я не думаю, что визиты помогают, — сказала она, просто уперев руки в бока вместо этого.

— О, — просто ответил он, и сразу же на него нахлынула радость, от малейшей перспективы быть освобожденным от этой обязанности и от ее просьб.

Он будет свободен и неповинен. Брэдшоу сейчас всерьез сконцентрировался на том, чтобы выглядеть разочарованным, а затем сразу же почувствовал себя виноватым снова. Какой он человек, если обрадовался освобождению от обязательств перед женщиной, которого он оставил калекой?

— Я думала, они станут хорошей идеей, — продолжила Кэрол, — немного человеческого контакта, чтобы отвлечь его разум от плохих мыслей, чтобы он перестал просто сидеть там, час за часом.

Были ли это нотки обиды в словах «час за часом»? Должно быть, она сильно старалась, чтобы Картер почувствовал себя лучше, в одиночку поддерживая дом в порядке, потом задаваясь вопросом зачем ей вообще беспокоиться об этом, если все чего он хочет — это жалеть себя день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем. Брэдшоу предположил, что впоследствии она вспомнит свое раздражение и пожалеет о нем.

Еще больше вины.

Ее вина, его вина, вина на вине.

— Но я считаю, что они наносят больше вреда, чем пользы. Он становится очень мрачным, после того как ты уходишь, будто он вновь переживает то, что произошло, — добавила она.

Кто не переживает? Брэдшоу тоже переживал, бесчисленное количество раз, и он был не тем, кто застрял в металлическом кресле на все оставшиеся дни.

— Я прекращу их на какое-то время, — он надеялся, что его голос не выдавал его сильного желания, — если ты считаешь, что так будет лучше.

— Прекратишь?

— Я только хочу сделать то, что будет правильным для тебя и Алана.

Возможно, он больше никогда не постучит в их дверь снова. Боже, он впервые за последние месяцы почувствовал себя приободренным.

— Ты всегда можешь позвонить в участок, если он захочет меня увидеть.

Это было хорошим бессрочным предложением, которым он надеялся, она никогда не воспользуется.

— Хорошо, — сказала она. — Ты не мог бы отогнать газонокосилку на газон на заднем дворе и подключить удлинитель, чтобы он не подумал, что мы просто болтаем о нем?

— Конечно.

Она не поблагодарила его. А почему она должна была?

Он размышлял, когда началась ложь. Йен не думал, что Кэрол была тем типом девушки,

которая стала бы обманывать мужа за его спиной еще до его «аварии». Сейчас же он был в инвалидной коляске, и она, должно быть, ловила себя на том, что скармливает ему ложь за ложью, говорит о нем за его спиной с докторами, своей семьей, своими друзьями, его друзьями. Будет еще много лжи от Кэрол, прежде чем Алан Картер обретет покой в этом мире.

— Я не думаю, что визиты помогают, — сказала она.

Ты мне это говоришь, милая.

Проклят, если делаешь, и проклят, если нет.

Вернувшись в свою машину, Том не мог избавиться от чувства, что Мэри Кольер казалась взволнованной и, что она знала больше, чем говорила. Возможно, он сможет получить версию событий от Бетти Тернер.

Бетти была старой участницей Женского Института, и он был в ее доме — муниципальной двухэтажке с двойным подвалом, который она делила с тремя сыновьями среднего возраста, отказывающихся взрослеть по ряду случаев в свои ранние годы по делам газеты, что хотела публикаций о событиях в Женском Институте. Бетти всегда была достаточно приятной женщиной, но ее последний муж был «ничтожеством», как эвфемистически выражалась бабушка Тома, подразумевая под этим, что тот был пьяницей, лентяем, мелким вором и драчуном в придачу. Казалось, что парни Бетти переняли характер отца, и их имена фигурировали в «Вестнике» от случая к случаю.

Этим утром дом Бетти казался тихим, но Том не мог быть уверенным, будет ли она одна, пока не постучится. Бетти была известной фигурой в Грейт Мидлтоне, и не только как старейший матриарх бесславного клана Тернер, а из-за того, что она владела деревенским магазинчиком более двадцати лет, что сделало ее знаменитостью среди детей в деревне, когда Том сам был мальчишкой. Если ты хотел монпансье дюшес, кока-колу, жевательный мармелад, «Лав Хертс» или «Рефрешерс», то шел в магазинчик Бетти и получал микс за десять пенни в белом бумажном пакете. К сегодняшнему дню она была на пенсии уже десять лет или больше, но женщина, которая открыла дверь, не выглядела дряхлой.

— Здравствуйте, Бетти, — сказал он. — Помните меня? Том из «Вестника», — он не рассказал ей, на кого работает теперь. — Я публиковал новости о собраниях Женского Института.

Она настороженно посмотрела на него.

— Чего вы хотите?

— Могу я войти, — попросил он, но она не сдвинулась. — Я хотел бы с вами поговорить, — затем он пошел на риск, — о прошлой ночи, когда вы ходили к старому дому священника.

— Ох, — он ожидал сопротивления, но вместо этого она сказала, — тогда входите.

Она автоматически прошла на кухню и стала наполнять чайник, будто у нее и мысли не возникало, что кого-то можно пригласить в дом и не предложить им напиток.

— Итак, с чем это было связано? Вы пытались поговорить с Мэри Кольер? — спросил он ее, когда чайник начал закипать.

Бетти на мгновение задумалась. Том был уверен, что ее ночная вылазка к дому Мэри Кольер была чем-то большим, чем ранней деменцией, но поделится ли она с журналистом своими причинами? Пока Том ждал ее ответа, он услышал звуки наверху лестницы. Один из ее сыновей должно быть ходит там. Они все были одинаковыми; огромными, кряжистыми мужчинами, которым нравилось демонстрировать свою силу всем вокруг, они были хулиганами, которые не работали и дня в своей жизни. Он знал, что им вряд ли понравится его вторжение. Тому нужны были ответы от Бетти, и они были нужны ему быстро.

— Не поговорить, нет, — наконец ответила она.

Женщина казалась теперь нерешительной, когда он вызвал ее на этот ответ.

— Тогда зачем вы туда пошли?

Наверху захлопнулась дверь, и мужские голоса приглушенно переговаривались между собой. Их было более одного в доме, но они не знали о его присутствии.

— Чтобы сказать ей, что я знаю, — просто ответила Бетти.

— Что именно вы знаете?

— Что это была она.

Послышался звук еще одной открывающейся двери, затем шаги по лестничному пролету над ним. Пожалуйста, не спускайся, подумал Том. Не сейчас.

— Что вы имеете в виду?

— Что это она всему виной, — ответила Бетти, словно он должен был знать, о чем она говорит. Том начал думать, что, может все-таки, она начала терять здравомыслие. — Я хотела, чтобы она знала, что я знаю, — твердо заявила она.

Наверху послышался скрип, который прозвучал, как будто кто-то наступил на расшатавшуюся половицу, затем тяжелые шаги на лестнице. Кто-то спускался вниз.

У Тома оставались секунды.

— Это имеет какое-то отношение к мужчине? — быстро спросил он. — Телу-на поле?

— Конечно, — сказала она, будто он был идиотом. — Это я вам и говорю.

Шаги стали громче.

— Мам? С кем ты разговариваешь? — послышался голос.

Том проигнорировал его, из него посыпались вопросы.

— Кто он, Бетти? Вы знаете? Кто был похоронен на поле?

Бетти визуально выглядела расстроенной, она выпятила вперед нижнюю губу, как ребенок, который вот-вот заплачет.

— Если вы знаете, тогда скажите мне, — поторопил ее Том, как раз в этот момент как топот тяжелых ботинок прекратился. Кто-то достиг коридора и будет с ними в мгновение ока. — Пожалуйста, — попросил он.

— Шон, — все, что ей удалось сказать, прежде чем у нее полились слезы.

— Шон? — повторил Том, надеясь, что сможет узнать больше, чем это, когда распахнулась кухонная дверь.

— Какого черта ты здесь делаешь? — крепко сложенный и очень злой мужчина средних лет, в котором Том признал Фрэнки, среднего сына Бетти, стоял на пороге кухни. Затем мужчина заметил слезы на щеках матери. — Ты ее расстроил? — спросил Фрэнки, оскалился и шагнул к Тому.

Том вытянул руку, чтобы утихомирить его.

— Нет, все в порядке, — сказал он. — Я журналист.

Задворками ума Том понял, что это был не лучший ответ, который он мог дать.

— Я знаю, кто ты, и все не в порядке, — прошипел Фрэнки Тернер и схватил Тома за грудки. — Из-за тебя моя мама плачет.

— Остынь, мужик, — попросил Том. — Я лишь задал ей несколько вопросов... — но ему не дали объясниться. Вместо этого его с силой вышвырнули из комнаты и протолкали через коридор. — Она была рада поговорить со мной, — протестовал Том, но еще один толчок послал его ближе к двери, затем Фрэнки схватил его за волосы и ударил его головой о входную дверь, заставив того вскрикнуть от боли.

— Не возвращайся сюда, ублюдок, или я сломаю тебе хребет, — и с этими словами Фрэнки Тернер отпустил его, открыл входную дверь и грубо выпихнул Тома через нее. Он покинул дом так быстро, что оступился на лестнице и упал, тяжело приземлившись на бок.

— Теперь съеб\*сь!

Перед его лицом захлопнулась дверь.

Том полежал там минутку, чтобы проверить, как сильно ему досталось, но казалось, что серьезных повреждений нет, кроме резкой боли там, где его голова встретилась с входной дверью до того, как он пролетел через нее и врезался в свою руку там, где жестко приземлился. Он осторожно поднялся.

В доме Тернер возник переполох, послышался крик мужчины «Зачем ты впустила его?», затем к нему присоединился другой. Тому на ум пришла мысль, что второй член клана Тернер может подумать, что с ним обошлись слишком мягко, так что он поспешил убраться.

«Добро пожаловать домой», — подумал Том, когда тащил свое тело в синяках назад к машине.

## *День четвертый*

Хоть и «команда балласта» теперь работала над другим делом, их присутствие на утренних брифингах все еще было обязательным, на случай, если им придет в голову какая-то идея, которая поможет в поисках Мишель Саммерс. Детектив суперинтендант Трелоу давал им всем то, что он считал таким необходимым пинком под задницу.

— У нас было двадцать пять детективов, работающих над делом и все же ни одной зацепки, стоящей хоть йоту, — сказал он им. — Так не пойдет и это должно прекратиться. До сих пор, мы все спали за рулем, — под этим, он, конечно же, имел в виду, что они уснули за рулем, — так что отныне, я стану проводить утренние брифинги самолично, каждый день, пока дело не прояснится.

Он знал, что они этого не оценят.

— Мысли, джентльмены? — потребовал он.

Последовала долгая пауза, в течение которой Трелоу гадал, собирается ли каждый в самом деле игнорировать его.

Наконец, констебль Скелтон нарушил молчание.

— Ну, — произнес он, — кто-нибудь вообще задумывался, что это может быть не Ловец детей?

— Пожалуйста, не используй это оскорбительное прозвище в этой комнате, — сказал ему Трелоу.

Скелтон продолжил как ни в чем не бывало.

— Я имею в виду, есть отчим, не так ли?

— Да, — подтвердил старший инспектор Кейн. — Есть.

— Ну, вот, — сказал Скелтон с некоторой категоричностью. — Это стоит этого.

— Стоит чего именно? — спросил Трелоу.

— Рассмотрения, сэр, — нахмурился Скелтон. — Ну, я имею в виду, если есть отчим и девушка, которой сколько? Четырнадцать?

— Пятнадцать, — поправил его старший инспектор Кейн.

— Еще лучше, — многозначительно кивнул Скелтон. — Пятнадцать. Все эти гормоны, она не знала, что с ней происходит и для чего, и он, перед которым девушка проходила все время, и они не были кровными родственниками, — пожал плечами Скелтон. — Его женушка — не красотка, тем более, — он огляделся вокруг, будто хотел получить поддержку своего мнения. — Ну, я имею в виду, эту версию стоит рассмотреть, не так ли?

Некоторые из мужчин усмехнулись. Детектив суперинтендант не показал никаких эмоций.

— Он водитель грузовика, верно? — это был сержант Брайан, заговоривший неожиданно.

— Да, так и есть, — подтвердил Кейн.

— Ну вот, — сказал Скелтон.

— Что вы подразумеваете под этим, констебль? — спросил Трелоу.

— Большинство из них грязные извращенцы, для начала, — ответил ему Скелтон. В команде раздалось еще больше смешков, которым явно все это нравилось. — Все то время, что они проводят в одиночестве, — добавил Скелтон.

— Вы говорите, что дальнобойщики — потенциальные убийцы? — спросил Трелоу.

— Ну, не все из них, — Скелтон смягчил свое высказывание. — Не убийцы, нет, — затем он посмотрел на своего сержанта, ища поддержки, — но, я имею в виду, как много из них мы посадили за прошедшие годы, за всякого рода вещи?

— Немало, — ответил О'Брайан, невысокий мужчина скваттер, который сполз по стулу так низко, что оказался почти в горизонтальном положении. Двух мужчин коллеги ласково прозвали Даремские Реган и Картер, в ужасе от их беспечного отношения к закону, который они поклялись защищать. Брэдшоу презирал их обоих.

Скелтон стал отсчитывать преступления на пальцах.

— Нападение, непристойное поведение, развратные действия, сексуальное домогательство, изнасилование, избиение шлюх... — он произнес последнее, словно существовало официальное уголовное преступление, связанное с «избиением шлюх». — Домашнее насилие... инцест... и, да, убийство, по крайней мере, одно, про которое я могу вспомнить.

— По крайней мере, — пробормотал сержант О'Брайан.

— Не был ли Потрошитель водителем грузовика? — спросил кто-то, и Трелоу посмотрел на них, будто не был уверен, шутят они или нет.

И вот они были здесь, тренированные детективы, пережевывали странности водителей грузовиков в противопоставлении с остальными людьми. Тысячи мужчин там снаружи весь день, каждый день, водят грузовики, доставляют товары, которые держат британскую промышленность на плаву и кладовые нации заполненными, а их просто называют большими и извращенцами.

— Ну же, сэр. Разрешите нам заставить его немного попотеть? — подтолкнул Скелтон. Трелоу покачал головой.

— Нет, ничего официального. Никаких формальных вопросов.

— По крайней мере, разрешите обыскать его дом, — попросил Скелтон. — Кто знает, что мы сможем найти?

Детектив суперинтендант на минуту задумался. Все глаза сосредоточились на нем.

— Нет, — наконец сказал он.

Послышались вздохи мужчин. Они даже не удосужились скрыть свое недовольство. Трелоу выглядел раздраженным, но он поднял руку, чтобы призвать их к молчанию.

— Не будет никакого ордера на обыск дома. Без улик, связывающих любого из них с исчезновением Мишель. Если мы это сделаем, пресса узнает об этом в одно биение сердца...

— Это все, о чем мы заботимся, сэр? — усмехнулся сержант О'Брайан. — Что подумает пресса?

Суперинтендант, казалось, был на грани того, чтобы отчитать О'Брайана за его тон вопроса, но, очевидно, он передумал.

— Если пресса сообщит, что мы мимоходом обыскали их дом, а у них есть противная привычка узнавать о такого рода вещах, семья подвергнется испытанию и признана виновной миллионами диванных критиков, не важно кристально ли они белы или нет. Вы знаете это. Теперь давайте возвращаться туда, люди, — попросил он, когда резко покинул брифинг.

Брэдшоу последним вышел из комнаты. Когда он последовал за удаляющимися детективами, он был удивлен видеть, как Винсент Эддисон задержался, как будто ждал молодого человека. К тому времени, как Брэдшоу достиг его, они уже были одни.

— Что? — спросил он, не ожидая много в ответ. — В чем дело, Винс?

К удивлению, Брэдшоу, Винсент выглядел желающим поделиться с ним чем-то. Он сперва проверил, что никто их не подслушивает, затем понизил голос.

— Нам не нужен ордер, чтобы обыскать их дом.

Хелен сидела в тихом уголке «Грейхаунд», с опущенной головой, с лихорадочной быстротой делая записи в блокноте, и он знал, что она записывала. Она не заметила Тома, пока он не поставил новый бокал вина на стол перед ней. Даже не взглянув на него, она отодвинула бокал, протянув руку. Том посчитал, что, либо она была чрезмерно занята, невероятно груба или то и другое.

— Я купил это для вас, — сообщил он ей.

Тогда она прекратила писать и посмотрела на Тома.

— Ох, я подумала, что вы один из местных, — сказала она, но ее лицо не смягчилось.

— Так и есть, — ответил он.

— В отличие от меня, — взбрыкнула она. — Я прилетела на парашюте, помните?

Затем она смерила взглядом напиток, который он купил ей.

— Что это? — он открыл рот, чтобы ответить. — И не говорите, что это бокал вина.

Он снова закрыл рот, так как именно это и собирался сказать. Вместо этого он пожал плечами.

— Предложение мира, — и, когда ничего не сказала в ответ, он пояснил: — Послушайте, мне жаль. Я был придурком. Я выпил больше пары бутылок пива и строил из себя не пойми кого, но на самом деле я не имел в виду ни слова из этого. Я вас даже не знаю.

Она посмотрела на него, казалось, с интересом.

— Вот, я признался. Я идиот. Мы можем начать сначала?

— Извинения приняты, — холодно сказала она.

Девушка использовала ту же самую руку, чтобы придвинуть бокал вина к себе, затем вернулась к письму, оставив его стоять там. Он понял, что завсегда так и будут наблюдать за этой стычкой из бара, и почувствовал себя глупо.

— Заняты?

Он решительно настроился не быть отшитым ее безразличием.

— Очень.

— Если я отгадаю, чем вы занимаетесь, могу я присоединиться к вам на пять минут? Есть кое-что, о чем я хочу спросить вас.

Хелен вздохнула и одновременно с этим прикрыла свои записи рукой. Она была почти уверена, что ее тонкие каракули, все загогулины в рамках, со стрелочками, указывающими на случайные, поясняющие записи, не мог расшифровать никто кроме нее.

— Дерзайте, — она бросила ему вызов.

— Вы пишете страницу по вашему округу, — сообщил он ей уверенно.

— Откуда вы вообще смогли об этом узнать? — спросила она. — Я могла писать любую статью.

Он занял место напротив нее.

— Вы сидите в «Грейхаунд» в одиночестве, что необычно для женщины. Не смотрите на меня так. Женщины обычно не сидят в пабах одни, особенно, в пивных как этот, — рассказал он ей. — Вы получили мой старый участок, и сегодня понедельник, привычный день для паники из-за страницы по району, потому что у вас осталось только сорок восемь часов до следующего выпуска. Всю неделю мы работали над «тяжелыми снарядами», ну, более-менее крупными, все это относительно, в конце то концов.

— Хорошо, мистер мужчина-ас-таблюдов. Я знаю, что вы думаете, что «Вестник Дарема» отстой.

— Нет, я так не считаю, — заверил он ее, — я работал в «Вестнике» шесть лет. Я был намного старше вас, когда мне удалось сделать следующий шаг вверх.

— Ну, у вас неплохо получилось.

— Я узнаю панику из-за страницы по району, когда вижу ее. Мы всегда оставляем ее до последней минуты, потому что она чертовски скучная и ее тяжело наполнить содержимым.

Она посмотрела вниз на свои нацарапанные записи и протяжно вздохнула.

— Вы правы, — признала она, — я паникую. Такое случается каждую неделю и не становится лучше. Как вы справлялись с этим на протяжении шести лет?

— Страница по району – заколдованный круг, — пояснил он, — как только вы это поймете, вы на полпути к этому ближе.

— Да, — горячо согласилась она, — все именно так.

Страница по району было проклятием в жизни каждого репортера в «Вестнике». Также как сообщать о главных событиях, за каждым журналистом закреплялась территория, включающая в себя несколько деревень, и ожидалось, что они будут заполнять страницу, посвященную новостям лишь с этого района, — если ваш материал недостаточно хорош, он не попадет на страницу по району, но, если он достаточно хорош...

— Редактор позаимствует его для своих новостных страниц?

— Именно! — он был позабавлен ее огорчением из-за противоречивой логики газеты. — Каждую неделю я трачу часы на нее. Это сводит с ума.

— Как я и говорил, это парадокс. Вам просто необходимо найти материал, который попадает в середину.

Она покачала головой.

— С ваших слов все звучит легко, — сказала она. — Может так и было, для вас, — и она отпила вина. — В любом случае, о чем вы хотели поговорить со мной?

— Мы продолжаем встречаться.

— И вас беспокоит, что люди начнут говорить? — сухо спросила она.

— Нет, я беспокоюсь, что мы встанем друг у друга на пути.

— Как мне кажется, я была здесь первой, — она помахала рукой в воздухе.

— Сегодня, да, но технически, я опередил вас на годы.

— Хотите, чтобы я ушла?

— Дело не в пабе.

— Я уже поняла.

— Я говорю о том, что, куда бы я ни пошел встретиться с кем-то, вы уже там.

— Мы оба журналисты, — сказала Хелен. — Предположу, что мы освещаем один и тот же материал?

— Вероятно, но люди менее вероятно открываются, если мы оба наведываемся к ним в дверь.

— Это был ваш участок, теперь он – мой. Может, вы обижены на это?

— Он не позволит вам опубликовать их, — поведал он. — Малколм либо отвергнет ваши статьи или же сделает их тон спокойнее, так что люди будут засыпать в автобусе, читая их.

— Вы говорите по опыту?

— О, да.

— Может и так, но я, по крайней мере, должна попытаться, иначе с тем же успехом могу собрать вещи и поехать домой, а я не собираюсь этого делать.

— Я не собираюсь просить вас прекратить. Вы неверно меня поняли, Хелен.

— Что тогда вы хотите?

— Я подумал, так как мы продолжаем наталкиваться друг на друга, мы можем использовать это в качестве нашего преимущества.

— Как?

— Работая вместе.

— Вместе? — она оглядела его, пытаясь понять, насмехается ли он над ней. — Вы серьезно?

— Абсолютно.

Она сделала большой глоток вина, пока размышляла.

— Что вы с этого получите? Вы талантливый журналист, который работает на известный таблоид, а я просто изнеженная юная корреспондентка.

— Я вижу вас не такой. У вас есть мозги, вы были здесь только пять минут и уже говорите с правильными людьми, с контактами, которые я приобретал в течение шести лет, и я читал ваш материал. Он хорош, вы можете писать, не каждый в «Вестнике» может. Плюс, у вас все еще есть удостоверение местной газеты, — он добавил, прочитав сомнения на ее лице: — Я работаю на крупнейший таблоид в стране, но это меч о двух концах; иногда, он открывает двери, иногда, их захлопывают у меня перед носом.

Воспоминание о том, как его вышвырнули из дома Бетти Тернер посередине интервью, все еще было свежим.

— Ладно, что я получу с этого?

— Я знаю местность и людей, особенно, поблизости. Я занимался этим долгое время. Думаю, у нас есть разные достоинства, и предлагаю делиться тем, что мы узнаем. Здесь два больших материала и множество дверей, в которые можно постучаться.

— Полиция уже занимается этим.

— Они не уйдут отсюда далеко.

Она задумалась, почему он был так уверен в этом.

— Это не станет таким уж суровым испытанием, не так ли? Мы можем составить довольно неплохую команду.

— Я рискну, — согласилась она.

— Почему?

— Если мой редактор узнает, что я работаю в команде с печально известным Томом Карни, он придет в ярость.

Том улыбнулся.

— Как же я скучаю по Малколму. Ну, я не скажу ему, если вы не скажете. Скажу вам вот что: если я напишу вашу страницу по району за две минуты, уделите ли вы некоторое время этим материалам вместе со мной?

— Две минуты? Как вы сможете...

— Доверьтесь мне, — и, когда она бросила на него взгляд, который ясно обозначал, что она ему не доверяла, он добавил: — Или же вы не продвинетесь вперед. Я могу разрешить проблемы вот так, — и он щелкнул пальцами.

— Я не понимаю, как вы сможете, — сообщила она ему.

— Ладно, хорошо, есть целая серия традиционных местных старых историй, которые

можно публиковать снова и снова с небольшими вариациями.

— Например?

— Травяные изгороди.

— Что?

— Окружной совет обычно подстригает изгороди раз в неделю. Примерно четыре года назад они изменили это на раз в две недели, чтобы сэкономить деньги, и приходские советы с тех самых пор враждуют.

— Затем есть еще собачьи экскременты, — поведал он ей.

— Вы серьезно?

— Совершенно, и обязателен к упоминанию токсокариаз.

— Что это?

— Болезнь, вызванная червяками, которые живут в собачьих кишках. Когда они испражняются на игровых полях и у ранее упомянутых травяных изгородей, они могут оставить яйца, которые загрязняют землю. Если ребенок играет поблизости и прикасается к собачьему дерьму, а затем случайно засовывает руки в рот, яйца могут попасть во внутренности ребенка, и затем личинка отправляется в мозг, легкие и глаза, что может вызвать слепоту.

— О, мой Бог, это отвратительно, — сказала она. — Такое случилось?

— Не с ребенком на участке «Вестника», к счастью, нет, но это теоретически возможно, что собачьи экскременты могут вызвать слепоту у детей в Грейт Мидлтоне.

— Но это *маловероятно*, — сказала она.

— Но, *вероятно*, — рассмеялся он и показал на ее записи. — Позвоните в автобусную компанию и спросите их, планируют ли они повышать плату за проезд или модифицировать услуги. Если они ответят «нет», по правде говоря, вы можете написать «Автобусная компания отрицает планы по повышению тарифов».

— Но разве это этично? — она снова была раздражена.

— Большинство газетных редакторов думает, что этика — это графство рядом с Хертфордширом.

— Я не знаю.

Он опустил руки и посмотрел на нее.

— Хорошо, эта страница по дистрикту не напишет сама себя.

Она на мгновение задумалась.

— Вы правы, — признала она, — не напишет, и у меня нет ничего другого.

— Именно, — сказал он. — Запишите все это, и дело почти сделано.

Хелен поняла, что ее первое впечатление о Томе Карни было ошибочным. Он мог показать определенную долю заносчивости, но он знал свое дело.

— Спасибо, я не знала об этом до того, как вы мне рассказали, — призналась она. — Никто ничего не рассказывал мне в «Вестнике».

— Ну, они и не расскажут, — констатировал факт.

— Почему нет?

— Потому что знание — сила, и, если они расскажут вам все, что они знают, может так оказаться, что вы окажетесь в этой работе лучше, чем они, и с чем они останутся?

— Но это глупо.

— Таковы некоторые из них, — сказал он. — Послушайте, Хелен, не тратьте время, как это делал я, просто получите необходимый опыт и переходите в газету побольше, как только

будете готовы.

Он глубоко вдохнул и улыбнулся ей.

— На этом урок окончен.

— Спасибо, — сказала она. — Я подумаю.

— Теперь пойдете и съедим ланч.

— Что? Я не могу.

— Конечно же, можете, — сказал он. — Мы заключили сделку, помните? Я только что написал вашу страницу по району, и теперь мне удастся поговорить с вами. Я не знаю насчет вас, но я голоден, так что я подумал, мы можем поговорить и поесть.

— Мы не можем поесть здесь?

Он понизил голос.

— Я знаю намного лучшее место, и оно дешевле. Какая разница? — спросил он ее. — Это не свидание.

— Я знаю, что нет, — твердо сказала она.

Фиона и Дэнни открыли дверь вдвоем. Они обнаружили, что матери Мишель журналисты задавали слегка менее неприятные вопросы, если гигантского роста фигура Дэнни стояла на пороге позади нее.

— Фиона? — позвал Бредшоу, когда та не показала никаких признаков, что узнает его, они встречались раньше на поле для игры. — Констебль Йен Бредшоу, а это констебль Винсент Эдисон, — он показал ей свое удостоверение. — Вы не возражаете, если мы войдем?

— У вас есть новости? — спросила она, ее глаза были как у перепуганного животного.

— Боюсь, что нет.

Она начала оседать.

Было ли это от облегчения или печали?

— Мы надеемся немного осмотреться в вашем доме, если вы не возражаете?

Она неуверенно посмотрела на него.

— Зачем?

— Просто протокол, — с пренебрежением ответил Винсент. — Вы будете удивлены, что можно узнать при более детальном осмотре. Мы думаем, что можем начать с комнаты Мишель, если можно.

— Ну, я думаю, да... но что вы ищете?

— Мы не узнаем, пока не найдем, красавица, — сказал ей Винсент, — но обычно всегда есть что-то: дневники, письма парням, журналы с обведенным красным местами, в которые, о чудо, пропавший человек и сбегает.

— Ваши коллеги уже все осмотрели, но, если вы считаете, это поможет...

— Если вы и отец Мишель не возражаете? — добавил Бредшоу.

— Ох, он не... — начала она, — ...это Дэнни. Он мой муж, но не отец Мишель.

— Верно, — согласился Бредшоу. — Моя ошибка, — и тогда он посмотрел Дэнни прямо в глаза. — Вы совсем не имеете никакого отношения к Мишель, не так ли, Дэнни?

Проскочила ли тогда малейшая искра вины или, вероятно, страха в глазах Дэнни?

— Нет, — признал Дэнни, затем пробормотал, — как она и сказала.

Фиона повела их вверх по лестнице к комнате Мишель, следом за ней шел Бредшоу, а за ним Дэнни. Винсент сделал вид, что идет, но задержался у подножия лестницы.

— Она всегда такая? — спросил Бредшоу, когда зашел в комнату девушки.

— Что вы имеете в виду?

— Несколько опрятная, да? — спросил он, — Я думал, что большинство комнат девочек подростков выглядят так, будто кто-то бросил в них гранату.

— Я прибралась, — ответила Фиона.

— Обычно здесь тот еще беспорядок, — сказал Дэнни, и его жена бросила на него взгляд, который говорил ему, что тот не солидарен.

— Но ведь это дети, не так ли? — Бредшоу показал на постеры на стенах. — Мне нравилась тогда ее музыка.

— Да, — настроение ее матери на миг прояснилось, — если ее так можно назвать.

— «Take That», — прочитал он название на одном из постеров. — Мне самому нравилась «The Jam» в ее возрасте. А вам?

— А? — спросил Дэнни.

— Какая музыка вам нравится? — спросил он, будто это был нормальный вопрос в комнате пропавшей девушки.

— Мне нравится кантри.

— О, да, — ответил Брэдшоу, — я так и предположил.

— Как это понимать?

— Быть водителем грузовика, вся эта дорога впереди; ставлю на то, что вам нравится Глен Кэмпбелл или кое-что у Чарли Рич?

— Да, верно, — сказал он, оживившись, — она предпочитает «The Carpenters».

Брэдшоу увидел раздражение на лице Фионы Саммерс. Между ними было напряжение, но был ли оно из-за стресса, вызванным пропажей дочери, или чем-то более глубоким? Брэдшоу провел следующие пятнадцать минут, опрашивая Фиону и Дэнни об их домашнем обиходе, друзьях Мишель и парне, нравилась ли ей школа, о ее хобби, которые у нее могли быть, кроме увлечения поп-группами. Ничего из этого не имело значения для Брэдшоу. Он просто хотел дать Винсенту достаточно времени.

— Стоит ли мне поставить чайник? — спросила Фиона после того, как у него закончились вопросы.

— Чай, было бы отлично, — попросил Брэдшоу, — с молоком и без сахара.

Когда она ушла, Брэдшоу прошелся по комнате Мишель. Дэнни наблюдал, как констебль взял кое-что из личных вещей девушки, рассмотрел их, а затем поставил осторожно назад; книгу, снежный шар, музыкальную шкатулку.

— Могу я сделать что-нибудь?

— М-м-м? — спросил Брэдшоу рассеянно.

— Чтобы помочь? — спросил Дэнни. — Могу я сделать что-либо, чтобы помочь?

— Почему бы вам не помочь хозяйке с чаем?

Дэнни не выглядел так, будто не возражал оставить Брэдшоу одного в комнате Мишель, но, в любом случае, ушел. Когда он спустился вниз по лестнице, вспомнил про другого офицера полиции. Как и следовало ожидать, когда он достиг коридора, Винсент шел через дом к нему. Где он был, пока они были в комнате Мишель?

Винсент ничего не сказал, когда прошел мимо Дэнни.

Брэдшоу держал школьную тетрадь для заданий, поверх которой была страница из экземпляра «Smash Hits», так что мальчишеские лица «Take That» смотрели на него

— Не думал, что они в твоем вкусе, — неловко заметил Винсент, будто прошло много времени с тех пор, как он шутил с коллегой.

Брэдшоу уронил тетрадь обратно на комод.

— Здесь ничего нет, — сказал он, а затем понял, что его коллега выглядит очень довольным собой.

— Отгадай, что я нашел?

\*\*\*

Они сели в его машину, и в этом не было абсолютно ничего хорошего. Кафе «Роузвуд» было одноэтажным зданием на окраине города Дарем, с побеленными стенами и белосиними клетчатыми шторами, висящими по обе стороны запотевших окон. Место было наполовину заполнено.

Том заказал полный завтрак, пока Хелен выбрала сэндвич с беконом.

— Вы готовите капучино? — спросила официантку.

— Мы делаем чай и кофе, — сказала она, будто у нее только что спросили термидор из лобстера (*прим.: французское блюдо, состоящее из сливочной смеси вареного мяса омара, яичных желтков и бренди, фаршированных в раковину омара*).

— Чай сойдет.

Они заняли маленький столик у стены.

— Мне нравится это место, — сказал он. — Отсюда удобно наблюдать за людьми.

— Зачем вы наблюдаете за другими людьми?

— А вы так не делаете? Мне нравится пытаться отгадать, кто они и что у них на уме.

Это отличная практика для журналиста — пытаться прочесть людей.

— Нельзя узнать людей, просто наблюдая за ними.

— Конечно же, можно, — сообщил он ей. — Попробуйте.

— Вы серьезно? — спросила она.

Он понял, что она заглотила наживку.

— Выберите кого-нибудь.

Она оглядела комнату. Два парня, которые выглядели как строители, поглощали огромные завтраки. Рядом с ними была уставшая молодая мамочка со спящим в коляске ребенком в ползунках. Две пожилые леди сидели напротив друг друга и молчаливо пили чай с кексами. Они выглядели так, будто у них закончились темы для разговоров много лет назад, но Хелен выбрала молодого парня.

— Тот парень у окна, — сказала она. — Он работает в банке или в офисе, вероятно, последнее, потому что у него нет бейджа с именем на его рубашке. Этот парень немного «Билли-ноу-мэте» (*прим.: Billy-no-mates — старый ирландский слэнг, обозначающий человека редко сближающимся с кем-либо*) — более счастлив, когда читает газету, чем когда зависает с коллегами. Вероятно, просматривает секцию «Работа», чтобы уйти.

— Неверно.

— Неверно?

— Неверно, — заверил он ее.

— Откуда вы знаете, что я неправа? Как вы можете быть так уверены?

— Он здесь не один. Парень встречается с кем-то за ланчем. С женщиной. Он боится, что она не собирается появляться. Это важно для него.

Хелен наморщила лоб.

— Как вы вообще можете говорить это, просто посмотрев на него?

— Он постоянно смотрит на часы, — сообщил он ей. — Посмотрел на них дважды, пока вы изучали его.

— Если он у него перерыв на ланч, парень будет смотреть на часы.

— Каждые несколько минут, а не каждую пару секунд. В любом случае, это не все.

— Поразите меня своими способностями к наблюдению.

— Он не переворачивал страницу газеты с тех пор, как зашел. Это реквизит. Он делает вид, что читает ее. Просто ждет кого-то и не знает, собирается ли она прийти.

— Я не уверена, действительно ли вы хороши или просто разыгрываете меня. Если его спутница по ланчу не появится, мы никогда не узнаем правды.

— Верно, — признал он.

— Тогда, что вы скажете обо мне? — и она скрестила руки.

— Вы имеете в виду что-то помимо защитного жеста по скрещиванию рук?

Она сразу же расцепила руки.

— Это может начать раздражать.

— Вот почему я обычно не делаю этого с моими друзьями.

— Мы друзья?

— Мы можем ими быть.

— Почему я подозреваю, что у вас не так уж много подруг?

— У меня много подруг. Мне нравятся женщины.

— Нет, не нравятся, — сказала она ему. — Секс с женщиной не делает ее вашим другом.

— Грубо.

— Но справедливо, если верить девушкам в офисе.

— Которые, очевидно, знают настоящего меня, — сухо сказал Том. — Я думал, мы говорим о вас.

— Ладно, — позволила она. — Так расскажите обо мне.

— Верно, — сказал он неуверенно. — И вы не разозлитесь на меня?

— Это зависит от того, что вы скажете, очевидно же.

— Буду иметь в виду.

Теперь они смотрели прямо друг на друга.

— Я бы сказал, что вы не старшая в семье, но, в то же время, и не средний ребенок.

— У меня есть старшая сестра. Как вы узнали это, и почему я не средний ребенок?

— Она немного честолюбива, работает на какую-то первоклассную компанию?

Хелен кивнула.

— Она работает в сфере маркетинга.

— Так, значит, у вас есть к чему стремиться, — сказал он, — но вы хотите заниматься чем-то другим, а не просто следовать по ее стопам?

— Это, действительно, так, но не является причиной, по которой я захотела стать журналистом. А средний ребенок?

— Вы не выглядите так, будто страдаете от синдрома среднего ребенка. Вы не являетесь каким-то дополнением. Ну, знаете, когда старший ребенок первым идет в университет, это такое событие, и младший не может совершать ошибок, потому что они дети своей семьи. Средний может чувствовать себя слегка не у дел. Я не вижу этого в вас.

— Что вы видите тогда?

— Серьезного человека.

— О, да, я невероятно серьезная.

— Спорим, что вы никогда не прогуливали школу.

— Какое это имеет значение?

— Вы не такая. Ставлю на то, что вам она даже нравилась, школа, я имею в виду.

Она фыркнула.

— Она была нормальной.

— У вас было не много парней.

— Не много?

— Два или, может быть, три, первый в восемнадцать лет.

— Семнадцать.

— Семнадцать, и вы встречались с ним, как минимум, год, заставили его помучаться перед тем, как переспать с ним, хотели убедиться, что он имеет значение. Вы расстались, когда вам нужно было отправляться в университет, пытались продолжать отношения на расстоянии, но они не работали. Вы разошлись, стали двумя отдельными людьми.

— Вы можете описывать тысячи людей моего возраста.

— Вы порвали с ним, а не он с вами. Он был опустошен.

— Как вы...

Она замолкла, но было уже поздно.

— Просто он был бы, — он усмехнулся. — Вы расстались с ним, потому что стали влюбляться в кого-то другого, вероятно, парня постарше, зрелого мужчину, скажем... двадцати, — она одарила его кривым взглядом, словно собиралась вот-вот спросить его, как он узнал все это. — Было бы неправильно обманывать вашего бойфренда, поэтому вы порвали с ним до того, как стали встречаться с новым парнем, и были по уши влюблены.

— Была?

— Да, были, но, я предположу, что он был сволочью.

— Что с ним было не так?

Затем она скрестила руки, а затем тут же их раскрестила.

— Он не был также заинтересован в вас, как вы в нем. Поначалу это было хорошо, потому что было волнующе, но через какое-то время вы поняли, что отношения идут в никуда, что он никогда не станет тем единственным, поэтому порвали с ним, — она испустила что-то среднее между фырканьем и невеселым смешком. — И затем вы долгое время держались подальше от мужчин, сконцентрировались на вашей учебе, проводили время с друзьями. Затем, вероятно, на финальном году обучения, вы встретили кого-то, кто не воспринимал вас как должное, но и в то же время не идеализировал вас. Вы могли положиться на него, он был таким же амбициозным, как и вы, хотел сделать себе имя, и вы видите совместное будущее с ним: дом, дети. Я прав?

— Кое-что из этого верно, а кое-что — нет.

— Что было верным?

— Не скажу.

— Обломщица. Тогда у вас был парень?

— Да, но я встречалась с ним на втором курсе, а не на третьем.

— Черт возьми, — сказал он, — я совсем в этом не хорош, ведь так?

— Вы в этом необыкновенно хороши, — признала она.

— Он должен быть очень горд, — сказал Том, — за вас, я имею в виду журналистка. — и, когда она заколебалась прежде, чем ответить, он добавил, — или нет?

— Он к этому нормально относится, — возразила она.

— Нормально к этому относится, — кивнул он, — тогда ладно.

— Можете остановиться. Мы собирались поговорить о Мишель Саммерс и о загадочном теле-на-поле.

— Ладно, — сказал он. — Вы ходили увидеться с Мэри Кольер и спросили ее, знала ли она о теле.

— Да.

— И вы сделали это, потому что?

— Кажется, что она знает все, что происходит в деревне.

— Как и Родди Монкур?

Она кивнула.

— Я нашла их номера в вашем файле местной истории.

— Малколм отдал эту страницу вам? — девушка кивнула снова. — Мне жаль вас. Так вот почему вы пошли с визитом к Мэри?

— Да.

— Это не имеет никакого отношения к Бетти Тернер, ошивающейся на ее пороге посередине ночи?

— Вы знаете об этом?

— Да, — сказал он, — но я бы предпочел услышать это от вас. Предполагается, что мы будем делиться.

— Намек понят.

— Как вы узнали, что Бетти Тернер ходила туда?

Хелен рассказала ему о своей встрече с инспектором Рэйд.

— И она просто стучала в дверь к Мэри?

— И кричала.

— Что она кричала?

— «Это ты».

— И Мэри Кольер списала инцидент на бредни выжившей из ума старухи?

— Да, — ответила она.

— У меня сложилось впечатление, что она говорит не всю правду.

— Это интересно, — сказала она. — У меня тоже.

Том задумался на мгновение.

— Итак, у нас есть очень старый, не идентифицированный труп, случайно выкопанный на поле, и в ту же самую ночь старая Бетти Тернер проходит через всю деревню в своей пижаме под льющимся без конца дождем, чтобы постучать в дверь Мэри Кольер и сказать ей «это была она»?

— Да.

Затем он ей улыбнулся, — Ну, я заинтригован. Не думаете ли вы, что это неплохое начало для чертовски хорошей истории?

— Возможно.

— Вы поговорили с Бетти Тернер?

— У меня не было шанса. Меня вызвали обратно в офис, чтобы взять интервью у новой Мисс Дарлингтон.

— Спорю, что это было увлекательно.

— Было, — сухо сказала она, — она «на седьмом небе от счастья», ее мать и отец «на седьмом небе», а что касается ее парня...

— «На седьмом небе»?

— Как вы отгадали?

— То, как подросток королева красоты завоевывает мир, всегда стоит того, чтобы об этом рассказать.

— Что насчет вас? Вы поговорили с Бетти Тернер?

— Поговорил.

Затем принесли еду.

— Я голоден, — сказал он, полив каждый квадратный дюйм своей тарелки кетчупом.

— Можно забрать парня с Севера... — сказала она. — Но не север из парня.

Он пожал плечами, затем продолжил есть, как мужчина в спешке, пока она откусывала от своего сэндвича.

— Так что у вас есть для меня? — спросила она. — Раз мы делимся?

— Немногое, — сказал он, с набитым завтраком ртом, — только имя.

— Имя? — спросила она неуверенно, — у вас есть имя того тела-на поле?

— Согласно Бетти, его звали Шон.

— О, мой Бог. Вы сказали полиции?

— Пока нет.

— Должны ли мы? То есть, мужчина был убит. Это настоящее расследование убийства.

— Я не думаю, что есть большая опасность того, что преступник сбежит из страны на своих ходунках. Он уже, вероятно, в шести футах под землей.

— Она сказала вам еще что-нибудь?

— Имя — все, что я получил, — сказал он, — прежде чем ее сын вышвырнул меня, буквально, большая жалость, потому что я считаю, что ей есть многое, что рассказать, так что я думаю...

Он бросил на нее взгляд.

— Что?

— Я едва ли могу пойти туда снова. Вероятно, меня выкинут через окно.

— Грубая семейка? — спросила она, и он кивнул. — Вы хотите, чтобы я пошла туда?

— Ну, они никогда не били женщин, — ободрил он ее, — по крайней мере, мне об этом не известно.

— Все когда-то бывает впервые.

— Я прикрою вам спину, — пообещал он ей.

— Почему меня это не утешает? — спросила она.

Именно тогда дверь кафе широко открылась, и появилась молодая женщина, которая выглядела взволнованной. Ей было лет двадцать пять, ее можно было бы назвать красивой с ее длинными светлыми волосами и фигурой, которая привлекла внимание двух строителей. На ее лице проступило выражение боли, и она сказала слово «извини» молодому парню в рубашке и галстуке.

— Вы не хотите сказать, я же говорил вам? — тихо сказала Хелен.

— Мне и не надо, вы увидели, как он спрыгнул со своего стула, чтобы поприветствовать ее, что он вовсе не возражает, что она опоздала. Мужчина без ума от нее, бедняга.

— Ладно, вы были правы. Но нет никаких причин быть в ужасе. Если он любит ее, это не делает его идиотом.

— Вы не заметили ее обручальное кольцо, — сказал он ей. — И он его не носит.

— Ох.

— Эти двое не женаты, — заверил он ее. — По крайней мере, не друг на друге.

Когда Брэдшоу нашел Винсента Эддисона, его коллега смотрел из окна рядом со своим столом. Там казалось было не на что смотреть: только небеса, потемневшие от мелкого дождя, густой туман, укутывающий окружающие здания и делающий их серыми.

— Ты в порядке, Винсент?

— Я, ах... — неуверенно начал Винсент, все еще смотря в окно. — Просто, я не делал этого долгое время.

— Все будет хорошо, — приободрил его Брэдшоу, — как ты хочешь разыграть это? Хороший-плохой коп?

— Как насчет плохой и плохой коп?

\*\*\*

Тротуар был скользким и блестящим от дождя, который они пропустили, пока были в кафе.

— Полиция считает, что Бетти, пришедшая к дому Мэри и стучащая в ее дверь, не имеет значения? — спросил Том. — Ты считаешь, что они должны были опросить ее?

Хелен задумалась на мгновение.

— Бетти привели домой офицеры в форме. Они составили протокол, но, может быть, они не сказали детективам, расследующим дело о теле-на-поле...

— Шоне, — поправил он ее.

— ...расследующим дело о Шоне, извини. Вероятно, никто, на самом деле, не связал воедино небольшую прогулку Бетти ночью с телом.

— Левая рука, правая рука, — сказал он ей, — одно и то же в каждой крупной организации, включая и полицию, что означает, что мы на шаг впереди.

— Если Бетти, действительно, что-то знает, — напомнила она ему.

— Она наверняка что-то знает, и я узнаю, что, если ее закаменелых сыновей не будет дома.

— Так теперь тебе нужно, чтобы я отправилась в логово ко льву?

\*\*\*

Винсент нарушил правила. Он зажег сигарету в комнате для допросов, сделал затяжку, а затем стряхнул пепел в пепельницу на столе между ними. Глаза водителя грузовика следили за его движениями.

— Вы знаете, почему мы попросили вас прийти сюда?

— Вы сказали для того, чтобы помочь найти Мишель, — ответил Дэнни.

— Мы просто хотели поговорить с вами, Дэнни, — сказал Брэдшоу. — Дэнни, так?

— Да.

— Это сокращение от чего? — спросил Винсент. — От Дензела?

— Нет, — ответил глухо Дэнни.

Оба констебля посмотрели на него с подозрением. Дэнни почувствовал укол страха. Вероятно, будет лучше, если постарается сотрудничать. — Мое имя...

Брэдшоу прервал его.

— Ваше имя Дэнни? — он заглянул в бумаги перед ним. — Нет.

— Нет, — Дэнни почти заикался.

— Я так и сказал, — ответил Брэдшоу.

— Мое настоящее имя — Даррен, — быстро сказал он, прежде чем они могли прервать его снова, — но, когда я был маленьким, мой младший брат не мог произнести Даррен, — они оба нахмурились. — Он часто бегал за мной, потому что я был старше, и всегда кричал «Дэнни! Дэнни!», — они продолжили смотреть на него так, будто он мог все это выдумывать. — И, когда взрослые слышали, они все посчитали это забавным, так что тоже начали звать меня Дэнни... и как-то приклеилось. Теперь все зовут меня Дэнни, всегда звали. Он пожал плечами, чуть ли не извиняясь.

Последовало долгое молчание.

— Дэнни, ты чертовски хороший рассказчик. Это было увлекательно, — наконец, сказал Брэдшоу.

— Ну, вы спросили меня...

Брэдшоу снова прервал его.

— Нет необходимости писать об этом книгу.

Дэнни посмотрел в жесткие глаза полицейского и попытался понять, что там видит. Почему они так с ним разговаривают? Это несправедливо. Он хотел пойти домой. Когда Брэдшоу не получил никакого ответа от нервного мужчины перед ним, он закричал:

— Нет?

— Нет! — закричал Дэнни в ответ.

Боже, они могли попросить его встать по стойке смирно прямо сейчас, и он бы сделал это, настолько он нервничал.

— Хорошо, Дэнни, — и Винсент засмеялся, одарив его сверкающей улыбкой «между-парнями», — не нужно кричать, а? Мы прямо тут.

— Простите, простите, просто я немного...

Винсент снова улыбнулся.

— Нервничаешь?

— Да, — кивнул Дэнни, благодарный за сочувствие.

— Почему ты нервничаешь, Дэнни? Что ты сделал, чтобы так нервничать?

Лицо Винсента было жестким, как камень, и таким же неумолимым.

— Ничего.

— Ты уверен? — спросил Винсент. — Будет лучше, если ты расскажешь нам все, лучше для тебя, лучше для Мишель, где бы она не была.

— Нет, — Дэнни был в шоке. — Я ничего не сделал. Я просто имел в виду, что вы заставляете меня нервничать, вот и все. Я не привык к такому.

— Не привык к чему?

— К полиции.

— Ты сделал что-то противоправное, да, Дэнни?

— Нет, Боже, нет, конечно же, нет.

— Мы хорошие парни, — Брэдшоу напомнил ему, — не так ли?

— Я знаю, я никогда не имел в виду...

— Ты не должен нервничать из-за нас, старина, — сказал Винсент, — только, если ты не скрываешь что-то, — Винсент наклонил голову набок, от чего стал выглядеть как любопытный пес. — Ты скрываешь что-то, Дэнни?

— Нет.

— Ты уверен?

— Конечно, я уверен.

— Ну, мы считаем, что, да, — сказал Брэдшоу, — по факту, мы знаем, что ты скрываешь.

— Я ничего не скрываю. Я не знаю, что случилось с Мишель. Не знаю.

— Мишель? — спросил Винсент невинно. — Кто сказал, что мы говорим о Мишель? — и он изобразил удивление.

— Ну... — стал заикаться Дэнни. — Что еще могло...

— Мы говорим о том, что ты прячешь в гараже, — сказал Брэдшоу.

Дэнни попытался выглядеть невинным и непонимающим, но у него плохо получилось. Его глаза расширились, он даже облизал нижнюю губу нервным жестом.

— Я без понятия, о чем вы говорите...

— Прекрати, Дэнни, — сказал Брэдшоу.

— Мы нашли твой тайник, — спокойно сказал ему Винсент. — Тот, что ты так тщательно скрывал.

Дэнни пытался выглядеть так, как будто понятия не имел, на что они намекают, но он не обманул никого, и он знал это.

Брэдшоу потянулся под стол и взял знакомо выглядевшую хозяйственную сумку. Он перевернул ее, и содержимое высыпалось на стол перед Дэнни — дюжина журналов. Каждый с молодой девушкой на обложке, очень молодой.

— Я не...

Дэнни, казалось, подыскивал подходящее объяснение, но ему ничто не шло на ум.

— Здесь лишь некоторые из них, — уведомил его Винсент. — Я оставил другие в гараже, на случай, если нам придется сделать все официально.

— Официально?

— Однако, все хорошо, да, Дэнни? То есть, мы все тут друзья. Никто не возражает против небольшой грязи, не в эти дни. Сейчас девяносто третий, а не шестидесятые, — приободрил его Брэдшоу, — у кого нет старого порно?

— Когда-то я хотел свою собственную модель «Плейбой», когда был юношей, — признался Винсент. — Как эту пташку из «Спасатели Малибу». Это просто мое личное предпочтение.

— Я больше неравнодушен к обычным леди, — поддержал Винсента Брэдшоу. — Грязная пташка соседка со своими пошлыми фантазиями о мойщике окон. Я больше реалист. Маловероятно, что я проснусь рядом с Памелой Андерсен, но у меня есть полшанса найти какую-нибудь пошлую домохозяйку в Дарлингтоне, чей старый муж уехал по делам и, когда я найду, я буду готов для нее, уж поверь мне.

Дэнни не мог скрыть своего облегчения. По крайней мере, они поняли.

— Не идут ни в какое сравнение с «Райдерс Вейвс» это специальный разворот в порнографическом мужском журнале «Фиеста», — сказал Брэдшоу, как ни в чем не бывало, — если ты понимаешь, о чем я?

— Да, — застенчиво сказал Дэнни, — думаю, да.

— Только вот, нет, Дэнни, — сказал Винсент.

— Ты не понимаешь, что он имеет в виду.

Настроение в комнате снова изменилось в одно мгновение.

Брэдшоу взирал на него этими пронзительными, лишенными эмоций глазами.

— Как видишь, то, о чем мы говорим — старая добрая порнография для взрослого мужчины с горячей кровью. О тех вещах, которые любой мужчина будет горд иметь в своем

тайнике, пока его старая леди не прознает об этом. И даже, если узнает, ну, «Мне очень жаль, дорогая, но...», и ты можешь отшутиться, перевести стрелки. Она может не говорить с тобой день или два, но это... отлично, еще один добавленный бонус в большинстве современных браков. Но то, что было у тебя в тайнике — немного другое. Оно очень далеко от нормального.

— То же самое, — сказал Дэнни, но его голос стал слишком высоким. — Чуть жестче, вот и все.

— Откуда, во имя Бога, ты взял все это? — спросил Винсент.

— Амстердам, — пропищал Дэнни. — Я езжу в дальние рейсы, некоторые из них в Европу. Там много таких вещей. Все их смотрят.

— Нет, не смотрят, Дэнни, — сказал ему Винсент.

— Девочки в белых хлопковых трусиках, — запричитал Брэдшоу, — в школьной форме?

— С леденцами во рту, — пробормотал с отвращением Винсент.

— Они все совершеннолетние, — заверил их Дэнни, его голос снова надломился.

— Ты уверен? — спросил Винсент.

— Да, конечно.

— Как ты можешь быть, если только не ты делал снимки?

Брэдшоу поднял один из журналов и пролистал его.

— Большинство из них выглядит так, будто им, вероятно, четырнадцать, пятнадцать, — и он покачал головой из-за порочности мира. — Мишель пятнадцать, не так ли, Дэнни?

Лицо Дэнни покраснело, стыд жег его, как физическое ощущение. Что Фиона подумает, если узнает о его маленьком омерзительном секрете? Она никогда не поймет, а эти двое, вероятно, скажут ей ради забавы.

— Мне нужен адвокат, — наконец, сказал он.

— Зачем тебе адвокат? — спросил Брэдшоу. — Тебя не арестовали, ни в чем не обвинили, — и он замолчал. — Зачем тебе адвокат, Дэнни? Что ты сделал?

— Ничего.

— Только виноватые мужчины просят адвокатов, Дэнни, — сказал Винсент.

— Была ли это ее ошибка? — спросил Брэдшоу, его тон снова стал нормальным. — Ставлю, что да, — и он кивнул, как будто случайно натолкнулся на правду. — Она расхаживала вокруг в своем белье? Вероятно, она не понимала, что делает, — предложил Брэдшоу, — или, может быть, понимала. Так и было, Дэнни? Она наслаждалась, утирая тебе нос?

Дэнни потряс головой.

— Ты хотел преподать ей урок, показать, что к чему, хм-м, пока ее мать вышла в магазин? — спросил Брэдшоу. — Вела ли она себя, будто хочет этого поначалу, а затем внезапно меняла мнение? Вот почему тебе пришлось изнасиловать ее? Вот почему ты убил ее после? Если она собиралась рассказать своей матери, мы пойдем.

— Я не... — запнулся Дэнни, протестуя. — Я никогда не трогал Мишель.

— Ну же, Дэнни, ни разу? — пожурил Брэдшоу, — все это время под одной крышей? Ты должно быть думал об этом.

— Где она, Дэнни? Что ты с ней сделал? — спросил Винсент. — Ты знаешь, что хочешь сказать нам, а мы узнаем, так или иначе, так что сэкономь нам время и труды.

— Ты почувствуешь себя намного лучше, когда расскажешь, — добавил Брэдшоу, — поверь мне. — Это будет казаться огромным весом, поднятым с твоих плеч.

— Я хочу...

В глазах Дэнни появились слезы, и он сморгнул их, прежде чем продолжить.

— Что ты хочешь? — спросил Брэдшоу. — Расскажи нам, Дэнни, — подтолкнул он.

— Мне нужен адвокат, — повторил настойчиво Дэнни, затем большой мужчина вытер глаза.

Брэдшоу медленно встал и навис над Дэнни, как темное облако.

— Я не был уверен до этого момента, — сказал он запуганному водителю грузовика. — Я хотел дать тебе кредит доверия, пока не увидел твою реакцию на твой... — он, казалось, подыскивал подходящие слова, — маленький грязный секрет.

Констебля придвинулся еще ближе.

— И затем я знал, просто знал, ты тот еще подлец. Ты скрываешь что-то, и мы теперь знаем, что. Что ты сделал с ней? Что ты сделал с Мишель?

— Я... — голос Дэнни прозвучал писком, и он прочистил горло. — Мне нужен адвокат.

Винсент и Брэдшоу обменялись взглядами.

— Нет нужды в этом, Дэнни, — обходительно сказал Винсент. — Мы закончили, пока что.

\*\*\*

— Мы сидим здесь больше часа, — сказала она ему.

— Такова журналистика.

— Нет, — сказала Хелен, — журналистика — это написание вещей. Ведение наблюдения за домами людей, ожидание, когда они уйдут, это для полицейских или частных сыщиков.

— Ты можешь постучаться к ним в дверь, но я подозреваю, что это не сработает. Я говорю по опыту, — напомнил ей Том.

Они еще какое-то время посидели в тишине, наблюдая за домом Бетти Тернер через лобовое стекло машины Тома.

— Как он делает это? — внезапно спросил Том, как будто Хелен имела доступ к его мыслям.

— Делает что?

— Заставляет их пойти с ним, — он пожал плечами, и она поняла, что он говорит о Ловце детей.

— Они не маленькие девочки. Им по десять или одиннадцать лет. Они знают, что нельзя разговаривать с незнакомцами. Все девочки знают в их возрасте. Знают ведь? Ты знала?

— Предположу, что да, — она на мгновение задумалась, — да, я знала в этом возрасте, конечно же, знала.

— Ты бы знала, — сказал он. — Самая наивная девушка в мире знала бы, что не нужно садиться в машину к незнакомцу, — и он посмотрел на нее. — Знала бы?

Хелен кивнула. Она попыталась вспомнить, как много она знала на самом деле о мужчинах, изнасиловании и убийстве, когда ей было двенадцать лет. Немного, но достаточно, даже тогда. Это вбито тебе в голову. Ты не разговариваешь с незнакомыми мужчинами или садишься в их машины и не отправляешься покататься. Если ты так сделаешь, случится что-то ужасное.

— Я не знаю. Только если он не хватает их с улицы, засовывает в свою машину...

— Нет, — сказал он с такой уверенностью, которая не подразумевала никакого

возражения, — никакой борьбы, никаких свидетелей, никто даже не сообщил, что видел, как Ловец детей тащит ребенка в машину. Ни единожды. Несмотря на то, что говорят люди, если девочка закричит достаточно громко, люди прибегут. Конечно же, прибегут.

— Так как он делает это?

— Хотел бы я знать, — признался он, — и почему полиция все еще не нашла тело Мишель? Всех других нашли быстро. Он не сжигает и не хоронит их, просто оставляет их за городом и ждет, пока их не найдет первый попавшийся.

— Вероятно, место более уединено, и никто еще не натолкнулся на нее.

— Или он все еще удерживает ее, или она вообще не жертва Ловца детей. Вероятно, кто-то еще похитил ее, или она исчезла.

— Люди просто так не исчезают, — сказала она. — Не так.

— Да, исчезают. Люди исчезают постоянно, множество людей. Ты просто не обращаешь на это внимания. Никто не обращает. Ты знаешь, о скольких пропавших людях сообщалось в прошлом году по всей стране?

— Нет.

— Отгадай, — побудил он ее.

— Ни малейшей идеи.

— Попробуйся, ты ведь образованная женщина. Как много людей, ты думаешь, просто поднимаются и растворяются в воздухе, оставляя своих друзей и семьи без понятия об их местонахождении или даже, живы они или нет.

— Как мне представляется, много, — ответила она. — Должно быть больше, чем можно предположить, так что я скажу, что три тысячи.

— Даже не рядом.

Она распахнула глаза, задумалась, переоценивая свои подсчеты.

— Тогда сорок тысяч.

Он покачал головой.

— Больше чем двести тысяч.

Она казалась искренне шокированной.

— Я и не знала, что так много.

— Мы склонны думать об этом так, что будто бы подростки сбегают в Лондон, связываются с наркотиками или проституцией, но исчезают люди разного возраста ведущие разный образ жизни. Некоторые возвращаются через пару дней или недель, но другие исчезают на годы. Взять, к примеру, мужчин среднего возраста, которые ломаются под давлением работы или ипотеки, и они просто исчезают.

— Оставляя своих бедных жен собирать себя по кусочкам.

— Женщины исчезают тоже.

— Ставлю на то, что больше мужчин.

— Не всегда, — его настроение, казалось, испортилось при этих словах.

— Ты можешь привести пример? — спросила его она. — Спорю, что это исключение, которое подтверждает правило.

Она не собиралась позволить ему соскочить с темы, полагая, что женщины также часто сбегают и бросают свои семьи, как и мужчины.

— Да, есть, — сказал Том. — Моя мать.

Хелен чувствовала себя полной идиоткой. В своем стремлении бросить вызов предубеждениям Тома Карни, она пустилась в него с разбега и теперь сгорала от стыда.

— Я не знала... — начала она, но он прервал ее.

— А откуда ты могла знать? — резонно заметил он.

Она попыталась продолжить, но он прижал палец к губам, затем показал на окно. Входная дверь Бетти открылась, и вышло трое приземистых мужчин, в возрасте от сорока до пятидесяти, включая сына, который выдворил Тома.

— Барри, Марк и Фрэнки, — сказал Том, — что означает, что единственным человеком, оставшимся в доме, должна быть Бетти Тернер.

— Но ты не уверен.

— Я уверен настолько. Насколько могу быть, — ответил он.

— Это не очень-то успокаивает.

— Вероятно, они едут на подработку, сказал Том, когда три мужчины забрались в древний красный «дацун-санни» и уехали.

— Что, если они просто поехали неподалеку за газетой или сигаретами?

— Клан Тернеров не умеет читать, и у них никогда не заканчиваются сигареты, — сказал он ей с убеждением. — Давай, беги.

Затем добавил, — Лучше справишься побыстрее, тьфу-тьфу, просто на всякий случай.

Хелен вздохнула и вышла из машины.

— Не волнуйся, — сказал он, — я же сказал тебе, что прикрою тебе спину.

Как будто визита Тома и не было. Как только Хелен объяснила, кто она, Бетти Тернер выпустила ее. Они сели напротив друг друга в гостиной старой леди. Когда Хелен спросила о ее раннем визите в старый дом викария, Бетти не разочаровала.

— Мэри чертова Кольер? Она не лучше, чем ей следует быть.

Бетти использовала негласный кодекс сплетен севера пожилых людей, оставляя слушателю заполнять пробелы, но давая достаточно намеков, чтобы Хелен пришла к верному заключению.

— Что вы имеете в виду под этим? — спросила Хелен.

— Жена директора... с ее традициями и обычаями... считает, что она Леди Докер.

Бетти снова замолчала, как будто сказала свою реплику.

Хелен подтолкнула ее.

— Что насчет Мэри?

— Дочь викария, — невнятно проговорила она, — брала уроки дикции и называет себя учителем, но мы знаем, кем она была, — она сказала это так, будто Мэри Кольер была секретом, который знала вся деревня.

— И кем она была? — спросила Хелен.

Бетти продолжила так, будто говорила сама с собой, а Хелен не было в комнате.

— Развлекалась, когда была почти замужем, выставила себя на посмешище.

— Развлекалась? С кем она развлекалась?

— С Шоном, конечно же, — отрезала Бетти, будто только что упоминала это, а Хелен уже забыла.

— Расскажите мне об этом, — попросила Хелен.

\*\*\*

Том прождал в машине добрых десять минут. Он пытался позвонить в «Газету» три раза по мобильному, но сигнал был слишком слабым на этом конце деревни, делая телефон бесполезным. Он сдался, затем посмотрел в боковое зеркало, когда в поле его зрения попала другая машина. В этот раз это был красный «дацун-санни».

— Вот дерьмо, — сказал он.

Братья Тернер уезжали ненадолго, и теперь Том не знал, что делать. Его первым побуждением было вмешаться, чтобы убедиться, что с Хелен все в порядке. Если они поймают женщину журналиста из местной газеты у себя в доме, это им не понравится, но может они обойдутся мягче с женщиной. Однако, зная, что она работает с мужчиной, которого уже грубо вышвырнули из их входной двери, может спровоцировать их на более радикальные действия, так что, может быть, ему стоит дать ей попытаться и выпутаться самой.

— Проклятье, — сказал он, в недовольстве ударив по рулю кулаком, но выбрал пока оставаться в машине.

Том наблюдал, как три брата зашли в свой дом и закрыли дверь.

Затем он ждал.

И ждал.

Секунды текли и становились минутами. Том опустил окно, внимательно прислушиваясь, но он не слышал не повышенных голосов, никаких тревожных криков от Хелен или яростных выкриков братьев Тернер. Он даст ей пять минут, не больше. Затем он постучит в их дверь, и как-то заставит их отпустить ее, несмотря на последствия. Он даже не может позвонить в полицию, спасибо отсутствующему сигналу мобильного.

Каждые несколько секунд он смотрел на часы, чтобы знать, когда пройдет пять минут. Он продержался четыре, прежде чем вышел из машины. Он быстро пошел, смотря в упор на входную дверь. Том пересек дорогу и был уже почти у входной калитки, когда дверь внезапно открылась, и он отступил в сторону, прячась за кустами, что шли между садом Тернеров и соседским домом. Понадобилось всего два слова, чтобы унести тревогу из его мыслей.

— Спасибо вам, — живо сказала Хелен, когда вышла на дорожку, а за ней тихо закрылась дверь. Том подождал, пока Хелен заметит его, когда она прошла калитку.

— Я думала, ты прикрываешь мне спину? — она нахмурилась.

— Так и есть, — сказал он. — Прикрываю. Я просто дал тебе несколько минут, чтобы посмотреть, сможешь ли ты выкрутиться.

Хелен выглядела скептически настроенной.

— Что произошло?

— Поначалу, они не были счастливы, — сказала она, — когда поняли, что я журналистка.

— Что ты им сказала?

— Я сказала им, что пишу статью для «Вестника» о последствиях долгосрочной безработицы в тяжело трудящихся семьях.

— «Тяжело трудящихся семьях»? — спросил он. — Здесь таких полно в округе, но я бы не стал включать клан Тернер в их число.

— Они казались польщенными, что я их спросила, — подтвердила она. — У меня есть цитаты, — и она протянула свой блокнот, чтобы доказать это.

Они пересекли дорогу и сели обратно в машину Тома. — Ты узнала что-нибудь у Бетти?

— У меня было всего несколько минут с ней наедине, но она подтвердила, что наш мужчина не местный. Если она говорила правду и не совсем брехала, тогда Шон был ирландцем, который посетил Грейт Мидлтон одним летом за несколько лет до войны.

— Зачем бы он стал это делать?

— Я до этого не дошла, но, согласно Бетти, Шон был ее воздыхателем; по сути, ее первой любовью.

— Правда?

— Она была влюблена по уши, — подтвердила Хелен, — и отгадай, кто украл его у нее?

Том улыбнулся.

— Мэри Кольер?

— В яблочко.

— Я знал, что из этого получится великолепная история, — сказал он, просияв. — Так что случилось? Почему Бетти обвиняет Мэри в смерти Шона?

— Вот тогда все и стало немного запутанным. Бетти стара, и больше чем просто запуталась. Она сказала мне: «Мэри Кольер убила его», а затем мгновение спустя, она сказала: «все равно, что убила его». Я надавила на нее, но с этого места от нее было мало толку, затем вернулись ее сыновья. Я не думаю, что она, на самом деле, знает, что случилось с Шоном.

— Проклятье.

— Все же, я кое-что узнала, — сказала она, когда он завел двигатель.

— Что?

— Его полное имя. Тело-на-поле — Шон Доннеллан.

Родди Монкур лицезрел Хелен и Тома, стоящих на его пороге вместе.

— Если не можешь победить их, присоединяйся к ним, а? — сказал он, затем пригласил их внутрь.

— Шон Доннеллан? — повторил он, когда они назвали ему имя ирландца несколькими секундами ранее.

Они сидели за кухонным столом Родди, окруженные обломками его непутевой жизни, молчаливо надеясь на информацию. Хелен и Том выжидающе смотрели на него, ожидая, что Родди даст показания по делу и единолично разрешит загадку тела-на-поле.

— Он приехал в деревню перед войной, — подтолкнула Хелен, — мы не знаем почему. Родди медленно покачал головой.

— Мне жаль, — сказал он, прежде чем, наконец, признаться, — никакие колокольчики не звенят.

Затем он показала в направлении передней части дома.

— Пойдемте, — сказал он им.

Они проследовали за Родди по коридору.

— Куда мы идем? — спросила Хелен.

— Проконсультироваться с Оракулом, — сказал Родди.

Он поднялся по лестнице, бросив через плечо:

— Не оступитесь.

Они осторожно переступали через стопки старых книг, любезно составленных на лестнице в уникальной системе файлов Родди, пока он не найдет им постоянный дом.

Они поднялись по второму пролету ступенек и вышли в большой лофт с низким потолком, который был долей Родди от верхнего этажа старой школы, который был поделен так, чтобы каждый дом имел свой собственный лофт. Родди щелкнул переключателем, и голая лампочка, висевшая в центре комнаты, осветила беспорядочную сцену, по сравнению с которой кухня стала выглядеть чистой. Пыльная комната была наполнена старой техникой, выглядевшей, будто ее позаимствовали из музея: каток для глажки белья, твердый металлический каркас обрамлял старую швейную машинку. Груда составленных виниловых пластинок на семьдесят восемь оборотов стояла рядом с граммофоном в шкафчике из орехового дерева, который располагался по соседству со старым креслом-качалкой. Стиральная машина сороковых годов стояла в деревянном окружении: разбитый туалетный столик, напольная лампа исключительной уродливости и две прикроватные тумбочки. Тут и там были вазы и старые горшки, пивные керамические кружки и оловянные высокие кружки были разбросаны посреди других памятных вещей минувших лет. Все было беспорядочно расставлено у низких покатых стен верхнего этажа, присутствовал заплесневелый запах от векового здания и от его древнего содержимого. Оказалось, что это частная коллекция Родди, на самом деле, предмет его гордости и радости.

— Та-да! — сказал Родди.

— Что? — спросил Том.

— Архив, — сказал ему Родди, удивившись, что Том не понял важности этого места. — Все здесь.

Том посмотрел еще раз и заметил огромную стопку картонных коробок, составленных в

дальнем конце чердака. Затем его глаза привыкли к относительному полумраку, и он заметил поблизости два металлических шкафчика. Родди зашагал по направлению к ним, половицы тревожно скрипели под его ногами, и Том наполовину был уверен, что Родди провалится сквозь пол, но тот дошел до шкафчиков и выдвинул ящик, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения.

— Если бы это случилось в этой деревне, — сказал он им с гордостью, — это будет здесь.

Хелен хотела сказать что-нибудь вдохновляющее, но она чувствовала угнетение от огромного количества бумаг, которые скопил Родди. Если каждая коробка была заполненной, это займет часы, даже дни, чтобы их просмотреть, и нет никакой гарантии, что они обнаружат что-то.

— Я думал, ты будешь довольна, — сказал он.

— Это замечательно, Родди, спасибо, — выдавила она из себя.

Он одарил ее гордой улыбкой.

— Газеты, местные журналы, протоколы заседаний совета, школьные записи, любительские драматические постановки, рождения, смерти и браки. Это все здесь: тщательно помечено, рассортировано и разложено, — он снова улыбнулся. — Если этот парень отметился здесь как-то, пока был здесь, его имя будет где-то упомянуто. Мне нужно ненадолго выйти, но я верю, что вы будете обращаться с моим архивом со всем уважением, которого он заслуживает, так что можете оставаться и приступать к поиску. Я вернусь через несколько часов.

Родди спустился по лестнице. Когда он ушел, Хелен посмотрела на груды записей, а затем посмотрела на Тома, который пожал плечами.

— Хорошо, ладно, — сказал он. — Я начну с коробок, а ты займись картотекой.

Том подтащил первые две коробки к себе и сел на пол. Он начал вытаскивать бумаги и просматривать их одну за другой, сортируя их в аккуратные стопки, которые отправятся прямым ходом в коробку, когда он закончит с ними.

— Как только ты прочитаешь что-то, Бога ради, положи это в кучу на другом конце комнаты, я не хочу просматривать ничего из этого дважды.

— Хорошо, — сказала Хелен, начиная извлекать файлы из картотеки Родди, — но это может занять несколько часов.

Том улыбнулся.

— У тебя на уме другое место, где бы ты хотела быть больше, чем здесь? — спросил он, широко обведя рукой заплесневелую комнату.

— Ничего не приходит на ум.

Она горько улыбнулась, затем упала в старое кресло-качалку, положив первую кучку пыльных бумаг к себе на колени одновременно с этим.

\*\*\*

Рождественский визит прошел не хорошо. Это было не так, как он хотел. Он запланировал все заранее, даже взял отгул на работе, который предполагал подготовку всего, что она обычно любила в свой особенный день, ее так называемый день рождения; так как оно проведет свой двенадцатый день рождения со своей сукой матерью.

Линдси всегда нравилось в парке, когда она была маленькой, даже когда шел дождь, а ее мать всегда винила его, когда их дочь приходила домой в грязной одежде, когда все, что он пытался сделать, так это порадовать свою маленькую дочь. Как и следовало ожидать, в

этот раз снова шел дождь, но он не думал, что она станет возражать. Они все еще могли покормить уток, и он пообещал ей после мороженное, но она лишь закатила глаза. Он не был уверен, почему. Теперь же он думал об этом, его дочь часто закатывала глаза, когда он учил ее жизни. От этого он чувствовал себя глупо, даже если был взрослым, а она все еще была ребенком, который абсолютно ничего не знал о мире.

Они провели в парке немного времени, но она бесконечно ныла.

— Пап, тут холодно, — детское преувеличение, воздух был лишь едва свежим, или же «Пап, идет дождь или ты не замечаешь»?

— Не хитри, Линдси, — сказал он ей, но это лишь привело к еще большему закатыванию глаз и тому, что она уперла руки в бедра.

Пришлось перейти к ланчу, в виду отсутствия у нее интереса находиться на улице. И нет, она не захотела идти в кафе, которое они посещали по особенным случаям.

— Но тебе нравилось это место, когда ты была маленькой, — запротестовал он.

— Да, вот именно, пап.

Ему стало больно, он расстроился. Он ждал того момента, когда они пойдут сюда. Это стало бы радостью после месяцев питания дешевой дрянью, и вернуло бы назад воспоминания о счастливых временах, когда они втроем все еще были семьей, до всех этих ссор, мерзости и гнусности, о которых он старался не думать.

— Хорошо, куда тогда ты хочешь пойти, Линдси? Где-то нам надо перекусить.

— Я могу выбирать любое место? — спросила она, умоляюще.

— В пределах разумного, — ответил он, затем упрекнул себя за то, что подумал, что она выберет какое-то дорогое место, чтобы поесть. Его маленькая девочка не была такой же, как женщины, с которыми он пытался встречаться, после того как его брак развалился. С теми, которые считали, что ты должен засыпать их подарками и потчевать ужинами, прежде чем они позволят с собой что-то делать. Линдси не была такой же, как и они.

— Мы можем пойти в МакДональдс?

Его дочь была обрадована такой перспективой, но он не мог вынести идеи об еще большем количестве тяжелой, жирной пищи.

— Ох, нет, Линдси, не в МакДональдс. Может мы пойдем в какое-нибудь место получше?

— О, пожалуйста!

Девочка состроила гримасу боли, как будто он был самым несправедливым отцом за всю историю. Иногда, он чувствовал, что больше, на самом деле, не знает свою дочь. Вот что бывает, когда долго живешь не под одной крышей. Сейчас она была для него, как незнакомка. Он хотел схватить ее и трясти, приказать перестать меняться таким образом, оставаться такой, какой она была, когда была папиной маленькой девочкой. Вместо этого, он просто посмотрел на нее и сказал:

— Ладно, только в этот раз, — и она снова просияла, но для него день уже был испорчен. У него началась одна из его головных болей, жгучая боль позади глаз, которая, как ему говорили, была связана со стрессом.

— Круто! — закричала она, как только он уступил, ее настроение было таким же переменчивым, как погода, и его также тяжело было предсказать.

Он не был уверен, как все пошло настолько неправильно с того момента, но все началось, когда они увидели парней постарше, которых она знала. Линдси сразу же пошла к ним, затем встала и флиртовала, пока он одиноко стоял в очереди за их ланчем, что,

казалось, займет века, хоть предполагалось, что это фаст-фуд. Когда они, наконец, обслужили его, он отнес шаткий пластиковый поднос к столику у окна, настолько далеко от парней, насколько возможно. Линдси даже не обратила внимания, и, казалось, что забыла, что ее собственный отец вообще существует. Он наблюдал, как она оживленно размахивала руками, пока рассказывала им какую-то глупую историю; как она заливисто смеялась, перебрасывала волосы и практически вела себя, как ее мать. Он гадал, было ли уже слишком поздно для нее. Сколько еще он сможет спасти ее? Парни только ухмылялись, пытаясь выглядеть равнодушно, но он знал, чего они хотели.

— Страдай маленькое дитя с приходом меня, — произнес он слова, пока наблюдал, как его дочь строит из себя дурочку. Он даже не понимал, что сказал их вслух, пока не поймал взгляд женщины поблизости, которая тотчас же отвернулась. Никто больше не слышал его, к счастью, но теперь он чувствовал себя дураком и злым.

— Линдси, — позвал он, но она либо не слышала его, либо сделала вид, что нет, — Линдси! — затем, наконец, — Линдси! Твоя еда остывает! — так громко, что другие едоки, повернулись посмотреть на него, и он понял, что его лицо должно быть искажено от гнева.

Молодая пара за соседним столиком опустила взгляд и обменялась взглядами, как, если бы он был каким-то ненормальным, которого молчаливо терпят, что разозлило его еще больше. Затем он увидел взгляд, который бросила на него Линдси, по сравнению с которым их неодобрение показалось пустяком. Ее лицо было картиной стыда и смущения. Она промаршировала к столу, театрально села и спросила:

— Ты хоть когда-нибудь можешь вести себя нормально?

— Еда, которую ты хотела, которую ты заказывала, — он теперь почти сжимал зубы, — в месте, в которое ты попросила меня привести тебя... остывает.

— Да? — возразила она. — Ну, я больше не голодна.

Теперь у каждого из них была огромная куча отбракованных бумаг, составленных аккуратно с одной стороны или помещенных обратно в коробки и отодвинутых подальше, чтобы избежать путаницы. Среди бумаг находились разнообразные записи, но не было никакого упоминания о пропавшем ирландце.

— Если я увижу еще одну листовку о Коронации пятьдесят третьего года и сопутствующей уличной вечеринке, я порву ее на мелкие кусочки, — сказал Том.

— Я с радостью поменяюсь с тобой, — сказала она ему. — Ты можешь забрать протоколы собраний женского института за тридцать лет. Поменяю твой чай и булочки на мой джем и Иерусалим.

Они продолжили работать в тишине последующие полчаса, пока Том, наконец, не озвучил свои мысли.

— Нет никакой закономерности, насколько я могу судить, — сказал Том.

— Я имею в виду, у Ловца детей. Я прочитал все статьи, и преступления кажутся случайными, незапланированными.

Вместе они просмотрели каждую статью, которую смогли найти о жертвах Ловца детей, в поисках связи.

— Мне нужно было взглянуть на карту, — сказала она. — Я не знаю местность, также хорошо, как ты, так что я подумала, что может быть полезно, если я отмечу все: дома жертв, откуда их забрали, и где их нашли, все выглядело случайным, — согласилась она, — кроме того факта, что все они из одного графства. Сару Хатчисон похитили с автобусной остановки на границе, но все еще в Графстве Дарем.

Они продолжили просматривать на скорую руку кипы бумаг, пока разговаривали, бросая листы бумаги на пол, когда заканчивали с ними.

— Так, значит, нет закономерности, — сказал он. — Только, если это и есть закономерность.

— Что ты имеешь в виду?

— Люди в наши дни знают больше о работе полиции. Это все по телику. Они знают, что у них есть карта на стене с местоположениями похищений на ней, и местами, где тела были найдены. Они будут пытаться обнаружить тренд или проверить, смогут ли обнаружить эпицентр зоны убийств. Он не захочет убивать на пороге собственного дома, значит, он выберется подальше. Может, в следующий раз он выберет другое место. Если он продолжить все таким образом, у вас будет система, которая как спицы в колесе, с жертвой на каждом конце спицы и с домом убийцы прямо в центре.

— Но в этот раз так не случилось, так что он мыслит не так, или, вероятно, он нарушал законы раньше, — сказала Хелен, — был в тюрьме, за что-то менее серьезное и научился по опыту.

— И он не хочет возвращаться обратно.

— Если он ранее нападал на женщин или девушек, и они выследили его, может, он выяснил, как они сделали это. Это бы объяснило, почему он избегает закономерностей.

— Возможно, — согласился он. — Я слышал, что серийные убийцы обычно начинают не с убийств. Обычно все начинается с небольшого правонарушения, которое постепенно становится все серьезнее, пока...

— Они идут до конца и убивают кого-то.

Он кивнул.

— И, если он раньше бывал в тюрьме, и не хочет попасть обратно, это станет еще одной причиной убить девушек после того, как он похитит их.

Хелен почувствовала себя неуютно от этой мысли.

— Никаких свидетелей, — сказала она.

— Конечно же, все, что, на самом деле, нам нужно, так это файлы Малколма, — сказал он.

— Какие файлы?

— Твой редактор может быть одержимым чистотой и порядком идиотом, но он очень организованный. Он сохраняет вырезки из документов, чтобы иметь возможность свериться с ними, если руководство запаникует насчет чего-то, из-за чего на них могут подать в суд. На первой странице располагается небольшой файл, содержащий первый неотредактированный текст, подробности о людях, упомянутых в нем, фотографии и любые записи, которые сочли имеющими значение, такие как информация, которая не появится в финальной статье.

— Ты имеешь в виду слишком вздорная?

— Да.

— Ты думаешь, там может быть что-то полезное?

— Кто знает, но не то чтобы я мог попросить у него это. Я персона нонграта в «Вестнике».

— А я — нет, но скоро буду, если буду зависать с тобой.

— Я просто подумал, что ты можешь позаимствовать файлы на каждую жертву, — заявил он.

— «Позаимствовать» их?

— Только на одну ночь, — приободрил он ее, — просто задержись, пока все не уйдут, сунь их в сумку и уходи оттуда. На следующий день ты можешь прийти пораньше и вернуть файлы после того, как мы просмотрим их.

— Я не уверена, что мне все это нравится.

— Их не хватятся за одну ночь, говорю тебе.

— Ты не можешь быть уверен в этом.

Она вспомнила по своему опыту с братьями Тернер.

— Могу, и это — единственный способ, которым мы сможем напасть на след. Ты же знаешь, что он редактирует много всего. Нам надо просмотреть неотредактированные версии репортажей.

— Я подумаю об этом.

— Супер, — сказал он. — Спасибо.

— Я не сказала, что сделаю это, — напомнила она ему. — Боже правый, — сказала она.

— Ладно, если ты настаиваешь.

Она раздраженно покачала головой.

— Нет, нет.

Он смотрел на нее в недоумении. Хелен смотрела на публикацию из ее документов по Женскому Институту: единственный лист бумаги из тридцатилетнего пласта.

Том встал и подошел к ней. Она вручила ему древний листок. Вполне определенно это был примитивный постер, который использовали для рекламы события. На нем было написано: «Двадцать пятое августа. Деревенский клуб. Расскажет о предмете зарисовок

местных достопримечательностей для публикаций, мистер Доннеллан — художник».

\*\*\*

Инспектор Пикок очень старался сдерживать свою ярость.

— О чем во имя... — он сжал и разжал кулаки, глубоко вдохнул, обдумал все, что собирается сказать, заставил себя успокоиться, затем выдохнул и закончил, — ...вы думали?

Он сердито посмотрел на двух констеблей в своем офисе.

Брэдшоу бросил взгляд на своего коллегу в поисках поддержки, но Винсент смотрел вперед ничего не выражающим взглядом, казался согласным признаться в их противоправных действиях и принять последний в длинном списке выговор. Брэдшоу понял, что он один.

— Суперинтендант сказал вам не притаскивать его на допрос, — добавил Пикок, на случай, если они забыли, кто отдал приказ.

— Мы не притаскивали его, — запротестовал Брэдшоу. — Мы пригласили его прийти в участок добровольно, чтобы помочь нам в наших поисках. Он сотрудничал.

— Не рассказывай мне, — зашипел Пикок. — Вы знали, что делали, нарушили прямой приказ, когда предполагалось, что вы занимаетесь другим делом.

— Нам было сказано работать над обоими делами.

— Только, если что-то упадет к вам на колени! — закричал Пикок. — Предполагалось, что вы не станете стучать к ним в дверь, обыскивать их дом и тащить отчима в участок.

— Но он что-то скрывает, — настаивал Брэдшоу. — Я знаю это.

— Что именно? — спросил инспектор. — Кроме нескольких порно магазинов?

— Мы не знаем, — ему было больно признавать это, — но что-то не так в том доме. Я чувствую это.

— О, ну, ладно, на минутку я подумал, что у нас нет никаких доказательств правонарушений, но ты можешь их почувствовать. Предлагаю арестовать ублюдка. Что ты скажешь, босс?

Пикоку было сложно сохранять самообладание, но главный инспектор Кейн наблюдал за взбучкой спокойно. Наконец, он заговорил:

— Он пожаловался?

— Пока, нет, — признался Пикок.

— А станет ли? — спросил он Брэдшоу.

— Нет, сэр.

— Ты уверен в этом?

— Да, сэр.

— Тебе, черт возьми, лучше бы быть.

Затем ему показалось, что от него требуется продолжить, и Брэдшоу спросил:

— Вы пожалуетесь, если кто-то найдет схрон журналов в вашем гараже, полные обнаженных, несовершеннолетних девочек? — прежде чем добавить, — сэр?

— Вероятно, нет, — снизошел Кейн. — Так что, возможно, все в порядке, — сказал он Пикоку. — Но, если нет, мы знаем, кого бросить волкам.

Он обращался к инспектору Пикоку, но злобно смотрел на Брэдшоу и Винсента, затем вздохнул.

— Может быть, просто может быть, эти два полудурка наткнулись на что-то, — сказал он, затем повернулся обратно к двум подчиненным, — не то, чтобы я счастлив, каким образом.

— Я говорю вам, сэр, что что-то не так с Дэнни, — Брэдшоу почти умолял сейчас.

— Ты считаешь, что он убил ее? — спросил главный инспектор.

Брэдшоу инстинктивно хотел сказать «да», но передумал, предложив вместо этого: «это возможно».

— Тогда мы пристальнее к нему присмотримся, — сказал ему Кейн. — Теперь вы двое, идите и сделайте работу, которую вам дали в первую очередь. Постучитесь в несколько чертовых дверей. Идите, убирайтесь.

Два констебля встали и покинули офис Кейна. Винсент не сказал ничего за все время. Брэдшоу перехватил его в коридоре.

— Спасибо за поддержку там, Винсент, — пробормотал он, когда быстро проходил мимо своего коллеги.

— Что мы ищем? — прокричала она вниз по лестнице из лофта, когда он не ответил ей в первый раз.

— Кое-что... — начал Том, но рассеянно умолк.

Она вздохнула и проследовала за ним вниз по лестнице. Когда девушка достигла площадки второго этажа, Том энергично вышел из одной комнаты с решительным видом.

— Должно быть, он переместил их, — пробормотал он, скорее для себя, чем для Хелен.

— Можем ли мы так рыскать по дому Родди, пока его нет? — спросила она, но он проигнорировал ее и направился вниз на нижний этаж без объяснений. Хелен опять последовала за ним.

Том прошел к комнате, которую Хелен не видела прежде.

— Он не часто пользуется гостиной, — объяснил он, — потому что оставляет зал для лучшего. Так люди делали давным-давно, и, как ты знаешь, Родди живет в прошлом. Зал оставляли для развлечений, обычно воскресными полуднями.

И он провел ее в темную гостиную, свет из окна был приглушен плотными тюлевыми занавесками. Том раздвинул их. Сразу же полумрак рассеялся.

— Вот вы где, — сказал он, указывая на противоположную стену, которая была беспорядочной массой из старых картин и рисунков. — Настоящая коллекция.

Это была причудливый ассортимент работ из картин разных размеров и разделяющих общую тематику: местные пейзажи, которые узнаешь, если знаком с сельскохозяйственными угодьями вокруг Грейт Мидлтона — дома фермеров, поля, леса и, конечно же, река. Качество варьировалось, от любителя-энтузиаста до талантливого профессионала. Более чем дюжина рам, нагроможденных на стене. Хелен и Том рассматривали каждую по очереди.

— Приглядишься к этим двум, — наконец, сказала она.

Том перевел свое внимание на два черно-белых карандашных рисунка в середине экспозиции. Оба были вставленными в рамку иллюстрациями реки, текущей у деревни, и были высокого класса. Изобиловали деталями, каждый штрих карандаша художника был великолепно пропорциональным исполнением водной глади, речного берега или сельских окрестностей.

— Они очень неплохие, — сказала Хелен. — Здесь есть дата.

И они придвинулись ближе, чтобы рассмотреть нижний левый угол первого рисунка.

— Август тысяча девятьсот тридцать шестой, — сказал Том. — Такой же на втором, и здесь есть подпись, — он прищурился, а затем улыбнулся, — как мне кажется, тут написано Ш. Доннеллан.

— Может быть, — согласилась Хелен.

\*\*\*

Йен Брэдшоу только собирался выехать с парковки у полицейского участка, чтобы провести бесполезный поквартирный обход в Грейт Мидлтоне, когда заметил профессора Ричарда Берстоу, выходящего из здания. Нет сомнения, что психолог-криминалист делился своим мнением с суперинтендантом Трелоу. Брэдшоу быстро двинулся через парковку к Берстоу, но был осторожен и осмотрелся вокруг, чтобы убедиться, что никто не увидит, как он преграждает путь профессору.

Брэдшоу добрался до машины профессора как раз к тому моменту, как тот положил

свой портфель на заднее сиденье.

— Профессор? — позвал он, и пожилой мужчина поднял взгляд.

Вероятно, он вспомнил участие Брэдшоу в том первом брифинге, которое было более активным, чем участие более скептически настроенных коллег молодого детектива, так как он удостоил Брэдшоу тем, что можно было назвать легкой улыбкой узнавания.

— Детектив, — сказал Берстоу. — Чем я могу помочь вам?

— Я бы хотел перекинуться словом, — ответил Брэдшоу, — если можно.

\*\*\*

— Откуда ты достал их, Родди? — спросил Том.

Они втроем теперь смотрели на рисунки. Они даже не позволили Родди закрыть входную дверь по его возвращении, чуть ли не потащили его в гостиную, чтобы показать сценки с рекой и подписи.

— Он оставил их, — сказал Родди, слегка хмурясь, пока вспоминал, — не заплатил аренду за комнату. Его домовладелица овдовела в Первую Мировую Войну, так что она брала жильцов, чтобы свести концы с концами. Люди посещали Грейт Мидлтон, потому что он находился в пешей доступности от того места, где бушует река, что именно он и рисовал, — он показал на одну из картин. — Элзи Робинсон поселила его в своем доме, пока однажды он не сбежал ночью, или так, по крайней мере, сказал мне ее сын. Она подумала, что он просто смылся и оставил некоторые свои рисунки. Она хранила их годами.

Родди на мгновение умолк, пока собирался с мыслями.

— Элзи умерла в середине шестидесятых, насколько я помню. Ее сын разместил их на своем стенде на летнем празднике, когда я только начал собирать коллекцию. У меня есть только эти две в рамках, но я уверен, что их должно быть больше, — сказал он рассеянно, будто говорил сам с собой. — Они должны быть где-то, — но он не выглядел абсолютно уверенным.

— Было бы неплохо увидеть их, — сказал Том, хоть он и не питал особой надежды, что Родди сможет найти что-то посреди всего этого хаоса. — Это бы объяснило, почему не было заявлено о пропаже парня. Если он был не отсюда, если он был здесь только проездом, и все, даже его домовладелица, думали, что он сделал ноги, чтобы не платить за аренду.

— Да, — согласился Родди.

— Теперь мы знаем, что Бетти не придумала это все, — сказала Хелен. — У нас есть имя, личность и, спасибо тебе, Родди, у нас есть даже некоторые рисунки мужчины.

Они тщательно осмотрели картины, оценивая тонкость работ, в то же время молчаливо размышляя о мужчине, который создал их, и как он пришел к жестокой кончине в этой деревне, да так, что никто не знал об этом.

— Ты хорошо поработал, Родди, — сказал Том, — но кое в чем ты не прав. Шон Доннеллан не оставлял эти картины, — поставил он в известность пожилого мужчину, — потому что никогда не уезжал.

\*\*\*

— Существует две точки зрения относительно этого, — разжевывал профессор, когда сделал большой глоток из пинты пива, которую Брэдшоу купил ему. Если он и был озадачен просьбой поговорить подальше от полицейского участка, он это никак не прокомментировал, вместо этого, проследовав за Брэдшоу в паб, расположенный поблизости, но достаточно далеко от штаба, чтобы избежать столкновения со знакомыми.

— Некоторые считают, что порнографические изображения не имеют абсолютно

никакого долгосрочного влияния на зрителя, что они просто безвредная форма сексуального освобождения. Существует ужасно огромное количество легко доступной порнографии, но, к счастью, только лишь небольшой процент мужской популяции превращается в насильников или убийц. Фактически, нет никакого статистического доказательства, связывающего порно и увеличение числа сексуального насилия. Некоторые даже верят, что порно и проституция предотвращает мужчин от совершения преступлений, которые в ином случае были бы совершены, без той отдушины, что они предоставляют.

— Верно, — сказал Брэдшоу, пытаясь скрыть разочарование, что наука не подкрепила его теорию о вероятной вине Дэнни. — Вы сказали, что существует две точки зрения?

— Есть еще одно суждение, — снизошел профессор после еще одного огромного глотка пива, — подкрепленное более недавними исследованиями, которое проводит связь между экстремальным порно и жестоким поведением. Этот вид порнографии может иметь десенсибилизирующий эффект на мужчин, приводя к менее чуткому поведению по отношению к женщинам и даже к толерантности к изнасилованиям или сексуальной жестокости.

Он опустошил свое пиво и посмотрел на пустой стакан.

— Спасибо за напиток, кстати.

Брэдшоу едва прикоснулся к своему.

— Позвольте мне купить вам еще один, профессор, — Брэдшоу быстро привлек внимание бармена к стакану профессора.

— Спасибо вам.

— Что насчет того типа людей, которые тайно хранят неприличные изображения с молодыми девочками или женщинами, притворяющимися молодыми девушками? — спросил он. — Что такая тяга может сказать о мужчине?

— Ну, — профессор задумался, — это скажет нам, что этот мужчина, вероятно, не Жнец.

— Почему?

— Вы забыли, что я сказал вам? Мужчина, похищающий маленьких девочек, не имеет к ним никакого сексуального интереса. Вспомните его комплекс Бога. Он делает это, чтобы иметь власть над жизнью и смертью его жертв. Это приводит его в трепет. Так что кого-бы вы не имели на уме, он не может быть Жнецом, — заключил профессор.

— Что только доказывает мою точку зрения, — подтвердил Брэдшоу.

Он больше не придерживался мнения, что Мишель Саммерс была жертвой Жнеца. Брэдшоу был уверен, что тут был замешан кто-то намного более близкий к дому.

\*\*\*

Том постучал в дверь, и снова открыла ему экономка, которая произнесла одно лишь слово.

— Доктора.

— Снова?

— У нее артрит, — хмурая женщина напомнила ему.

Он повернулся к Хелен.

— Нам придется подождать.

Экономка проигнорировала намек на то, чтобы впустить их, и закрыла дверь, так что они сели в машину.

— Забавно, — сказала Хелен. — Все стало более реальным, после того как увидели егс

рисунки. Это делает его реальным человеком, а не просто...

— Кучкой старых костей?

— Да, — сказала она.

Том пристально смотрел на старый дом викария.

— Что? — спросила она его.

— Каждый раз, как я приезжаю сюда, она либо у врачей или на приеме в больнице, если верить словам экономки.

— Вероятно, у нее проблемы со здоровьем, — урезонила его Хелен. — Она уже старая.

— Думая, так и есть, — сказал он, — но она не изменилась ни на йоту, все еще разговаривает со мной так, будто я один из ее учеников, даже сейчас.

— Она учила тебя? Какой она была?

— Строгой, — сказал он, — тебе ничто не сходило с рук. Некоторые из других учителей не имели авторитета. Дети чувствуют такое. Если они почуют слабость, они сядут тебе на шею, но не к ней. Она всегда быстро хваталась за тапок.

— Тапок?

— Она раньше хранила тот старый тапок в своем ящике и пользовалась им, даже тогда, когда ты просто разговаривал, когда не должен был.

— Я не согласна с тем, чтобы бить детей, не важно, что они натворили.

— Мэри Кольер была из другой эпохи, — объяснил он. — Она часто била меня им. Я никогда не забуду один случай: мне было девять, и меня задирали ребенок постарше. Это продолжалось неделями. Он был мелким отвратительным паршивцем. Неважно, сокращаю историю, он ударил меня однажды, и у меня перед глазами все покраснело.

— Каким-то образом я могу себе это представить, — сказала она.

— Да, ну, в любом случае, он ударил меня сильно, так что я взял поднос, на котором мы хранили все наши учебники, и ударил его им.

— О, мой Бог, с ним было все в порядке?

Том пожал плечами, будто судьба задиры не имела значения.

— Со временем, — он выглядел несколько пристыженным. — Разбитый нос, рассеченная губа, была кровь и слезы. Миссис Кольер была первой на месте преступления, и она взбесилась. Я получил тапком так, как никто им не получал. Затем она позвонила моему отцу, и мне пришлось ждать снаружи офиса, пока она рассказывала ему, каким неприемлемым было мое поведение.

— Ты боялся своего отца?

— В том возрасте? До ужаса, — признался он. — Он не сказал ни слова, когда вышел, просто мотнул головой в сторону своей машины. После того как мы выехали из школьных ворот, он спросил меня: «Ребенок был больше тебя?», и я сказал: «Да, пап». Последовала пауза, затем он спросил: «И он ударил тебя первым?», и я живо закивал и сказал: «Да, он, отец». Затем он, наконец, спросил меня: «И вместо того, чтобы просто ударить его в ответ, ты взял большой тяжелый поднос и ударил им по лицу парня перед всем классом и учителем?», и мне пришлось признать свою глупость, и я сказал: «Да, отец». Он долго ничего не говорил и, когда я уже подумал, что он собирается взорваться, он просто сказал: «Хорошо».

— Хорошо? — спросила Хелен.

— Хорошо, — подтвердил Том. — И, когда я спросил его почему, он сказал: «Потому что никто, бл\*ть, больше не станет заирать тебя».

— Боу, — сказала она. — Это слишком для ушей девятилетнего.

— Я знаю. Не думаю, что когда-либо слышал, как он использовал слово на букву «Б» раньше, тем более при мне. Я рассказал ему, какой сердитой была Миссис Кольер, но он просто сказал: «Учителя живут не в реальном мире», будто ее мнение не имело никакого значения. Я думаю, он был доволен, что я не позволил парню крупнее шпынять себя. Это был единственный раз, который я могу вспомнить, когда он гордился мной.

Он не произнес это с надломом, но то, как Том сказал «единственный раз», сделало Хелен невероятно грустной.

\*\*\*

Ему пришлось привезти Линдси обратно к матери пораньше, и она была в слезах. Он стоял на дверном коврике, пока его жена заблокировала путь в их старый дом, будто она единолично укомплектовала контрольно-пропускной пункт «Чарли». Все в порядке, он не хотел заходить, не имел желания видеть следы ее нового мужчины: другую газету, сложенную на его старом кресле, чьи-то еще ботинки у огня.

— Не делай этого, — сказала она ему, — хоть раз, можем мы быть просто...

— Цивилизованными людьми? — фыркнул он.

— Да.

— Не я был тем, у кого джинсы болтались у коленей, а рука другого мужчины...

— Прекрати! Просто прекрати! Ты хочешь, чтобы твоя дочь слышала это?

— Я не знаю, может это и не будет такой уж плохой идеей. Вероятно, она не будет так злиться на своего старого папочку, если узнает об этом!

— Я думаю, тебе следует сейчас же уйти, — прошипела она. — И, если ты станешь настраивать ее против меня такими разговорами, я пойду напрямиком в суд, и они посадят тебя за решетку, если ты к ней приблизишься.

Он усмехнулся.

— На каком основании, ведь я же скажу ей правду? Мы с твоей матерью расстались, потому что она не могла не снять трусы, пока я не приду домой.

Тогда она стала язвительной, вредной и ехидной, какой всегда становилась, когда у них происходила стычка, и он побеждал. Она шагнула с порога к нему и посмотрела ему прямо в глаза.

— На каком основании? Мне не нужны никакие основания. Я что-нибудь придумаю. Я ее мать, и она ненавидит не меня, а тебя, идиот. Ты даже не можешь сводить двенадцатилетнего ребенка в МакДоналдс, не устроив скандал.

— Тебя там не было, — парировал он. — Ты не видела, как она вешалась на шею к тем двум парням.

— Она не вешалась на них. Они оба ее одноклассники. Дочь только что рассказала мне. Они все идут на вечеринку по случаю дня рождения на следующей неделе, и она в восторге, Бога ради. Это нормально в ее возрасте: радоваться чему-то. А теперь она плачет в своей спальне.

— Вечеринка в честь дня рождения? Чья вечеринка? Там будут родители? Ты просто собираешься позволить ей пойти?

— Боже правый! Да что с тобой не так? Она нормальная девочка с хорошими друзьями. Оставь ее в покое, — потребовала она, прежде чем добавить: — или, Боже помоги мне, я буду держать тебя подальше от нее!

Он не мог поверить, что она упомянула Бога: какая наглая женщина.

— Как ты собираешься сделать это? Ты не станешь препятствовать моим отношениям с дочерью.

— Ты слетел с катушек, у тебя и прежде бывали случаи вспышек ярости. Как ты назвал ту женщину мирового судью? Психанутой сучкой? Ты думаешь, что они не записали это и не поместили в какой-нибудь файл? У тебя был срыв, Бога ради! Если ты скажешь Линдси хоть слово обо мне или попытаешься прикоснуться к ней там, где отец не должен прикасаться к дочери...

— Ты этого не сделаешь, — выплюнул он, но знал по ее лицу, что сделает. — Ты чудовище.

— Я ее мать. Я скажу и сделаю что угодно, чтобы защитить ее от тебя. Кому ты думаешь, они поверят? Они станут держать тебя подальше от нее так долго, что она перестанет узнавать тебя на улице.

— Ты этого не сделаешь... никто не может сказать такого об отце своей дочери...

— Не сделаю? Если ты хочешь еще хоть раз увидеть Линдси, не говоря уже о чередующихся выходных, тогда ты будешь держать свой рот на замке, или я засуну тебя так глубоко в дерьмо, что ты подумаешь, что находишься в аду.

Он долгое время смотрел на нее. По той ненависти, что мужчина видел в ней, он знал, что женщина имела в виду каждое слово. На мгновение он прикрыл глаза так, как научил его доктор, когда ему было необходимо унять ярость, но в этот раз это не помогло. Вместо этого, он потянулся и схватил ее за волосы и сильно потянул, заставляя ее встать на колени, даже когда она протестующе визжала. Он опустил на колени рядом с ней, плотно зажмурил глаза и начал крепко молотить ее черепом по подъездной дорожке. Мужчина мог слышать ее крики, но он не останавливался, не мог остановиться. Вместо этого он продолжил, и вместе с действием к нему пришло славное ощущение освобождения, покуда разбивал ее злую, извращенную голову о цемент снова и снова, пока, наконец, ее крики не прекратились, и от ее мозга ничего не осталось, кроме каши, размазанной по бетону, и крови, собравшейся в лужицы. Затем он почувствовал головокружение, моргнул и открыл глаза.

Он был удивлен увидеть ее, стоящую там, в целости и невредимости, взирающую на него пристальным взглядом жалости и подозрения.

— Что не так с тобой? — спросила она его.

Когда он тотчас не ответил ей, взгляд стал выражать презрение. На миг, изображение было таким живым, таким реальным, что он, на самом деле, поверил, что сделал это. Его сердце быстро билось, и он сжимал зубы так сильно, что ему было больно. Ему пришлось сделать глубокий вдох, затем еще, и начать считать, медленно и про себя в голове... один... два... три... так, как его терапевт сказал ему «управлять своим гневом» ...четыре... пять... шесть... чтобы избежать взрыва, освобождения дикого животного из клетки... семь... восемь... девять... она смотрела на него, как будто он был никем, как на дерьмо на ее туфлях, сука, грязная, маленькая... десять... одиннадцать... двенадцать... выражение ее лица изменилось, когда она медленно начала опасаться его. Он снова на мгновение закрыл глаза... тринадцать... четырнадцать... пятнадцать... он устал... он так сильно хотел прилечь. Мужчина чувствовал себя так, как всегда чувствовал, когда только что спасал одну из них.

— Я думаю, тебе стоит сейчас же уйти.

Он понял, что она была напугана. Хорошо, она и должна быть. Вероятно, он использует

нож, когда дело до этого дойдет. Порежет ее немного. Превратит в месиво это личико, так чтобы ни один мужчина не захотел посмотреть на нее снова, покажет ей, как она выглядит в зеркале, прежде чем покончит с ней. Или, возможно, он просто сделает это быстро, покончит со всей этой гребаной хуйней, сожжет дом с ними со всеми.

— Пожалуйста, — сказала она твердо, — я хочу, чтобы ты ушел.

Нож, или может быть молоток, чтобы разбить им ее зубы, выбить их все. Если он привезет ее в тихое местечко, уединенное, где никто не сможет услышать их. Мужчина сохранит ее живой на часы, даже дни, тогда она пожалеет обо всем, что сделала с ним. Он заставит ее пожалеть, умолять его о прощении, но он не простит, он никогда не простит.

— Я сказала, что хочу, чтобы ты ушел.

Готова ли она была исчезнуть в доме и позвонить кому-нибудь? Вероятно, она будет призывать на помощь, расскажет еще больше лжи о нем. Кто знает, на что она способна. Так что не сейчас — но однажды. Одним славным деньком, он заберет у нее все, что она украла у него, по одному удару за раз.

— Я уже в аду, — сказал он мягко.

— Что? — она уже забыла про свое обещание. — Ты будешь думать, что ты в аду.

Он сделал шаг вперед, и она вздрогнула, он наклонился ближе так, чтобы его лицо почти прижалось к ее, она стала выглядеть испуганной. Он вдохнул сладкий запах и наслаждался ее страхом.

— Я... уже... в аду.

Мэри Кольер помогли выйти из такси, остановившегося около ее дома, водитель крепко держал свою руку, чтобы она могла нее опереться. Она отмахнулась от его предложения дальнейшей помощи, и самостоятельно дошла до своей входной двери. Мэри поворачивала ключ в замке, когда ощутила чье-то присутствие, она повернулась и увидела Хелен и Тома, стоящих в конце дорожки.

Если Мэри и была удивлена увидеть их вместе, она хорошо это скрывает.

— Вернулись так быстро? — спросила она. — Что Бетти Тернер сказала обо мне теперь?

— Извините за беспокойство снова, — сказала Хелен, игнорируя вопрос, — но у нас появилось больше информации.

Она надеялась, что это будет достаточно пространно, чтобы зажечь любопытство пожилой леди.

— Вам придется подождать, пока я не зайду.

Ее тон был ворчливым, будто они были нетерпеливыми детьми, но она открыла дверь, и они проследовали внутрь, пока Мэри отпускала комментарии, пока медленно, пошатываясь, шла по ковру.

— Раньше я ходила на долгие прогулки по полям. Теперь у меня уходит полдня, чтобы встать со своего кресла, — сказала она. — Дурацкий артрит на моих руках и бедре. Вот почему я редко выхожу из дома. Миссис Харрис делает все за меня: покупает продукты, оплачивает счета и чего только не делает. Я езжу на такси к врачам: мое единственное маленькое потворство, но я бы отдала месячную пенсию, чтобы побегать голыми ногами по полю еще один раз, — и она вздрогнула, когда повернулась к ним лицом снова.

Том не мог представить себе свою старую учительницу, бегающую босой по полям.

— Проходите, — она нетерпеливо махнула рукой в сторону следующей комнаты, но не сделала и движения вслед за ними. Никто из них не двинулся, и она огрызнулась: — По крайней мере, позвольте мне поставить чайник, прежде чем вы забросаете меня вопросами. Я задыхаюсь.

— У нас есть свидетель, — сказал Том Мэри, когда они, наконец, уселись и разобрали старые фарфоровые чашки, наполненные чаем. — По факту, несколько.

Том не хотел раскрывать, что их единственным источником была Бетти.

— Они говорят, что, когда вы были молоды, вы сдружились с ирландцем по имени Шон Доннеллан.

Хелен и Том смотрели пристально на лицо Мэри Кольер, чтобы уловить ее реакцию, но она не выдала никакой.

— Художник из Ирландии, который посещал Грейт Мидлтон в тридцать шестом году, чтобы нарисовать реку. Мы считаем, что Шон Доннеллан и есть тело-на-поле.

Том на мгновение умолк, чтобы дать ей осмыслить услышанное. Лицо Мэри было ничего не выражающей маской. Она взирала на Тома, как если бы хотела узнать, как много домашней работы он проделал, прежде чем прийти к ответу самой.

— Правда, — сказала она, как если бы он просто прокомментировал погоду, — свидетели, — усмехнулась она. — Вы имеете в виду сумасшедшую старую Бетти Тернер?

— Но вы знали этого мужчину? — настаивал Том.

— Да, — ответила она, но это было все, что она сказала.

— Итак, считаете ли вы, что Шон Доннеллан был погребен на поле?

— Без понятия. До вчерашнего дня, как и все, я не знала, что где-либо в деревне погребено тело, — сказала она, — кроме как на кладбище.

— Так вы удивлены, что это он, или нет?

— Я была бы удивлена, кем бы он не оказался, учитывая, что человек был убит.

— Бетти считает Шона Доннеллана своей первой любовью, — сказала Хелен испытывая новую тактику.

— Ха! — пожилая леди громко и насмешливо воскликнула. — Вот так новости. Ну, я подозреваю, что эта любовь была слегка односторонней.

— Она также сказала, что вы украли его у нее, — добавила Хелен.

— Ну и ну, в каком выдуманном мире она последнее время живет?

— Но вы знали Шона Доннеллана? — спросил Том. — Вы только что признали это.

— Когда ты растешь в деревне, все знают друг о друге все. Он был чужаком. Посетители любого рода были экзотическим видом. Следовало помнить, что во всем Грейт Мидлтоне было едва ли три автомобиля, и один из них принадлежал врачу. Раньше к нам заезжали люди, следующие по пешему маршруту, но они оставались на день. Шон Доннеллан провел здесь целое лето. Он был ирландцем и художником в такой дыре, как эта деревня. Конечно же, я помню его. Все помнят.

— И, когда она пропала? — спросил Том. — Что все подумали?

— Что он уехал, — сказала она приглушенно, — обратно в Дублин, наиболее вероятно. Определенно, никто не подумал, что он погиб.

— Вы имеете в виду, что он был убит, — напомнил ей Том. — Бетти, кажется, считает, что в этом есть ваша вина, кстати, вот почему она стучалась к вам дверь посередине ночи, крича: «Это была ты!».

— Ну, вы знаете, что я думаю о Бетти, — возразила она, — и об ее поехавшей крыше.

— Так, значит у вас не было отношений с этим мужчиной, Шоном Доннелланом? — спросила Хелен.

Мэри Кольер сузила глаза.

— Люди не перебегали от одного мужчины к другому в те времена, не так, как сейчас. Ухаживание было серьезным делом, которое почти всегда оканчивалось браком и горе той девушке, если нет. Я была уже обручена с Генри. Мы поженились в тридцать седьмом году. Мы с Генри выросли вместе и всегда понимали, что однажды поженимся. Я даже не могу припомнить дня, когда было не так. Все скажут вам то же самое.

— Не все, — поправил он ее и, когда она повернула свои сердитые глаза на него, он добавил: — ведь с тех времен прошло полвека, осталось не так много людей, которые смогут рассказать нам об этом.

— Значит Бетти Тернер лжет? — спросила Хелен.

— Или же у нее помешательство? — предположила Мэри. — Если мы будем придерживаться более мягкой точки зрения.

— Можете ли вы назвать какую-либо причину, почему кто-то мог хотеть убить Шона Доннеллана?

Было ли это легким колебанием Мэри, легкой дрожью в ее голосе?

— Я не могу придумать никакой причины, по которой кто-либо захотел убить кого-то.

— У него были враги? — спросила Хелен.

— Не могу таких припомнить, но это было так давно.

— Так расскажите нам об этом Шоне Доннеллане, — попросил Том. — Когда вы познакомились с ним, каким он был?

— Почему я должна? — неожиданно отрезала Мэри.

— Причин нет, — признал Том. — Просто я подумал, что вы предпочтете рассказать нам, а не полиции.

— Полиции? — она выглядела напуганной.

— Это не просто история, — напредила ей Хелен, — это расследование убийства. Мы обязаны передавать любую информацию, которую услышим в полицейский участок.

— И прямо сейчас мы слышали, что вы и мертвый мужчина были больше, чем друзьями. Если вы скажете, что это не так, тогда мы выслушаем вас.

— Я не хочу, чтобы полиция появилась на моем пороге второй раз, — сказала Мэри. — Каждая занавеска на улице отодвинется.

— Вы помните, как Шон Доннеллан приехал в деревню? — спросила Хелен, — я понимаю, что это было очень давно.

— Мисс Нортон, — сказала Мэри Кольер, — все, кто достаточно стар, чтобы вспомнить те времена, не забудет, как Шон Доннеллан приехал в деревню, особенно, девушки.

Это был первый раз, когда Хелен увидела легчайший след улыбки, расплывающейся на старом лице, там была теплота, глубоко скрытая.

— Он был красивым парнем? — спросила Хелен.

— Можно и так сказать, — снизошла до ответа пожилая женщина.

— Вы вспомнили многое, — сказала Хелен дразнящим тоном.

Теперь они стали парочкой подростков, обсуждающих самого симпатичного парня в классе, и Том решил позволить им вести беседу.

— Так как не так уж много всего происходило со мной в те дни, воспоминания — все, что у меня осталось.

— Что еще вы можете вспомнить о нем?

Она наклонила голову набок, казалась смотрящей в пространство где-то над плечом Хелен.

— Откуда начать? — спросила она сама себя. — С бедной старой Бетти, я так думаю.

1936 год

В голосе Бетти звучал детский восторг.

— Подожди, пока не увидишь его, — сказала она своей молодой подруге. — Он высок, хорош собой, а его голос, — она захихикала и в удивлении покачала головой, — будто он поет тебе. Я могу слушать его часами!

— Я не уверена, что прямо сейчас хочу отправиться к реке, — возразила Мэри. — Кажется, собирается дождь, — лицо Бетти помрачнело. — Я подумала, что останусь и закончу свою книгу.

— Но ты же сказала, что пойдешь, — напомнила ей Бетти. — Пожалуйста, скажи, что пойдешь, — взмолилась она. — Я не могу пойти туда одна. Что скажут люди?

— Всякие гадости, могу себе представить.

— Именно, — сказала Бетти, — это будет неподобающе. Но, если я пойду с тобой... — и она с надеждой улыбнулась Мэри.

Мэри закрыла свою книгу и встала.

— Ладно, я рискну словить простуду под проливным дождем, чтобы ты могла строить влюбленные глазки мистериу Бларни Стоуну (*прим.: Камень Красноречия (англ. Blarney Stone) — камень, вмонтированный в стену замка Бларни (графство Корк в Ирландии), по легенде — часть Скунского камня, дающая поцеловавшему ее дар красноречия*).

— Спасибо тебе, Мэри, ты настоящая подруга.

Затем она добавила:

— И не будь такой. Он славный мужчина.

— Откуда ты знаешь? Ты только что познакомилась с ним.

— Иногда, ты просто знаешь, — мечтательно проговорила Бетти.

— Любовь с первого взгляда?

— Возможно. Ты в нее не веришь? Была ли это любовь с первого взгляда, когда ты встретила Генри?

— Мы были детьми, так что, едва ли я так думаю.

Бетти радовалась, как ребенок, болтая без умолку о мистере Шоне Доннеллане вскорогу, наконец, перестав говорить про него, когда они свернули на Безымянную Тропу и увидели мужчину, сидящего на берегу реки и полностью увлеченного своей работой.

— Хорошего вам дня, — сказал он, когда они подошли к нему.

Он, должно быть, услышал их, но не поднял взгляд, что Мэри посчитала верхом грубости.

— Доброе утро, мистер Доннеллан, — обратилась к нему Бетти с официальнойностью, которую она, вероятно, приберегала для одного из своих старых школьных учителей.

Его карандаш пролетел над рисунком, над которым он работал, последний раз, а затем он посмотрел на них. Красивое лицо сощурилось от солнца, которое светило позади них.

— Бекки, верно? — спросил он девушку помладше.

— Бетти, — напомнила она ему слегка отчаянно.

— Бетти! Конечно же, — и он широко улыбнулся ей, чтобы сгладить свою забывчивость. Он быстро вскочил на ноги и взял одну из ее рук в свои. — Пожалуйста, прости меня. Я был поглощен своей работой. Я могу забыть собственное имя, когда такое

случается.

Улыбка становилась шире, а его глаза блестели, от чего Бетти засмеялась и покраснела одновременно. Мэри могла видеть сквозь его очарование и знала очень хорошо, что не купится на него... в отличие от ее глупой подружки, которая ничего не знала о мире или мужчинах, таких как Шон Доннеллан. Мэри перевела свое внимание на его рисунок, который, она должна была признать, был великолепным изображением берега реки, в тщательно проработанных деталях.

— Это весьма впечатляюще, мистер Доннеллан, — сказала она ему.

— Что ж, спасибо, мисс, — теперь он улыбнулся ей, — но вы поставили меня в неловкое положение: вы знаете мое имя, но я не знаю вашего.

— Это Мэри, — Бетти ответила за нее.

— Мэри, — и он замолчал, как будто запоминал его.

— Не беспокойтесь, — сказала ему Мэри, — я напомню его вам в следующий раз, как мы встретимся.

Он засмеялся от ее дерзости.

— У меня есть чувство, что я не забуду вас в спешке.

Он, казалось, не замечал очевидного разочарования Бетти, даже хоть оно и было написано у нее на лице. Он смотрел на Мэри, будто Бетти там не было. Она чувствовала удовлетворение от того, что прочитала мужчину верно. Что бы он ни говорил Бетти раньше, когда остановил ее в деревне, чтобы спросить направление к берегу реки, этого было достаточно, чтобы вскружить ей голову. Мистер Доннеллан, однако, забыл ее минутой спустя и теперь обратил свой неискренний ирландский шарм на Мэри. Ну, с ней он не сработает, даже если бы она и не была обещана другому.

— Я так понимаю, что вы здесь из-за реки, — она сознательно придерживалась официального тона.

— Верно. Я подписал контракт с Эдвардом Каммингсом на выполнение некоторой работы, — сказал он ей, — или скорее, поручение от его издателя.

— Вы делаете иллюстрации к книге? — спросила его Мэри.

— О, да, несомненно.

И было что-то в лирическом тоне его голоса, что даже Мэри вынуждена была признать располагало к себе. Бетти была права насчет этого. Было сложно не наслаждаться тем, как он заставлял обычные слова звучать поэтичными, «Больше эссе о Природе и Топографии», — провозгласил он, — таково название книги: *больше*, потому что до этого было еще одно, и их продали достаточно, чтобы выпустили второе, что, по крайней мере, приносит мне оплачиваемую работу.

— Звучит очаровательно, — сказала Мэри неубедительно.

— Вы так считаете? Я не так уверен. Я не из тех, кто читает эссе о чем-либо. Мне нравится хорошая книга, как и любому, но мне нужна в ней история. Мистер Каммингс очень сухопарен, и в его книгах можно прочитать лишь о гнездовьях, изгородях и деревенских персонажах. Однако, его произведения позволяют мне заработать на честную жизнь, на выезд на природу летом, так что, кто я такой, чтобы жаловаться? Ваша сельская местность настолько близка к местности, описанной в новой книге мистера Каммингса, насколько возможно. Очевидно, он прогуливался здесь, пока писал ее.

— Люди так делают, — объясняла Мэри, — они гуляют по берегам реки, потому что Грейт Мидлтон был построен на одной из самых широких ее частей. Воды собираются здесь,

время от времени случаются наводнения, заливая поля в самое влажное время года.

— Вы останетесь здесь надолго? — спросила Бетти, и Шон Доннеллан ответил ей, не отрывая глаз от Мэри.

— На время: меня попросили отправить несколько рисунков им на размышление. Они выберут те, которые им понравятся, и отвергнут остальные. Чертовски уверен, что они заплатят только за те, которые отправятся в книгу.

Они поговорили еще, Шон Доннеллан объяснял несправедливости издательской индустрии и сложности заработка на жизнь в качестве иллюстратора, о дефиците работы и таких различных требованиях. Бетти говорила немного, и Мэри предположила, что она чувствовала себя не в своей тарелке.

— Я прочитала цитату, — сказала ему Мэри серьезно, — что художник не может быть настоящим художником, пока не голоден, потому что никто не создавал ничего подлинно стоящего на полный желудок.

Шон Доннеллан кивнул.

— Я знаю, кто сказал это, — сказал он ей.

— Кто? — спросила Мэри.

— Идиот.

Против своей воли Мэри рассмеялась.

— Может быть верным, что некоторые художники должны быть голодны, чтобы творить, но не я. Если я не кормлен, я теряю всю способность к концентрации, под чем я подразумеваю, что я перестаю рисовать деревья и начинаю рисовать сосиски.

Несмотря на все, Мэри обнаружила, что теплеет по отношению к этому простому мужчине, так что она решила, что пора уходить и извиниться за них обеих.

\*\*\*

— Нам не обязательно было уходить так скоро, — сказала ей Бетти.

— Если ты чувствуешь, что любезничаешь с мужчиной, — возразила Мэри, — тогда, лучше всего покинуть его, прежде чем он услышит все, что ты можешь рассказать, или он от тебя устанет.

Бетти задумалась на мгновение.

— Ты и правда так считаешь?

— Я это знаю.

— Но ты и Генри разговариваете часами, — напомнила ей Бетти, — на ваших прогулках.

— Мы на более высоком уровне, — и Мэри тотчас же пожалела, что ее слова прозвучали так высокомерно, — под чем я подразумеваю, что мы знаем друг друга давно и достигли точки взаимной любви, уважения и восхищения.

Бетти тогда улыбнулась ей.

— Так он сказал.

— Что? — спросила Мэри, раздраженная подмигиванием своей подруги.

— «Под чем я подразумеваю», — напомнила ей Мэри.

— Мистер Доннеллан не имеет исключительных прав на английский язык, — проворчала Мэри.

— Однако, как же он красноречив, — вздохнула Бетти, — и имеет такой талант в рисовании. Я думаю, однажды он станет великим и известным художником. Он просто изумителен, — и она обняла себя в восторге.

— Ох, да ладно, Бетти. Мистер Доннеллан может и имеет определенное кокетливое обаяние, но он такой же обычный, как и дождь.

— Ну, он мне нравится, — отрезала Бетти, — и не у всех нас есть шанс выйти замуж за школьного учителя.

После этого, они прошли остаток пути по Безымянной тропе в молчании.

Они прислушивались к местным новостям, пока ехали обратно к машине Хелен, но там не было ничего нового о Мишель Саммерс, так что Том выключил радио.

— Она, определенно, скрывает что-то, — сказал он напоследок, когда направил машину к обочине дороги.

— Бетти, может, мыслит не совсем ясно, но она более убедительна, чем Мэри Кольер, — согласилась Хелен.

— Спасибо за сегодня. Было интересно.

— Не справился бы без тебя, — сказал он ей, — буквально. Я бы не перенес еще одного визита в клан Тернеров.

— Я хочу узнать больше об этом Шоне Доннеллане. Нам может понадобится раскрыть его имя, сообщить общественности. Я собираюсь действовать быстро по любой информации, которую мы обнаружим. Я не могу просто сидеть и ждать, пока «Вестник» не наверстает упущенное, без обид.

— Я знаю, — признала она. — Я понимаю, что ты не можешь ждать неделю, пока мы сможем поделиться информацией.

— Так как ты хочешь сыграть на нем?

— Шаг за шагом, — предложила она. — Ты прав. Мы узнали сегодня многое, работая вместе, так что я в игре, — затем она добавила, — пока что. Может, что-то упадет ко мне на колени в нужное время. Это не идеально, но я все еще учусь.

— Ты учишься быстро, — сказал он ей. — Я не имел понятия, чем занимался первые шесть месяцев, — и это признание, больше, чем все, что она узнала сегодня, приободрило Хелен.

\*\*\*

— Я не гей!

— Ладно.

— Не гей! — заявил Йен Брэдшоу.

— Прекрасно, — сказал доктор, — хоть я и никогда не говорил, что да.

— Сказали, — настаивал Брэдшоу, — правда, не такими словами.

Доктор Меллор покачал головой.

— Нет.

— Вы подразумевали это.

— Я так не думаю, Йен.

Они находились в кабинете доктора Меллор всего двадцать минут, а Брэдшоу уже сидел как на иголках.

— Вы спросили меня о моих отношениях с противоположным полом. Напомнили мне, что у меня их не было долгое время, выдвинули теорию, что это может быть из-за моего бывшего напарника в полиции и моих чувств к нему, — он бросил слова доктора обратно. — Вы подразумеваете, что я могу быть скрытым гомосексуалом.

Доктор минуту его разглядывал, будто пытался решить стоит ли спор продолжения.

— Тогда я приношу извинения.

Как он часто и делал, когда хотел уменьшить напряжение на их сессиях, доктор пошел к чайнику и включил его.

— Так как вы соблаговолили извиниться передо мной, — доктор напомнил Брэдшоу о его предыдущем унижительном признании своей неправоты, которое его вынудили совершить, когда начальство отказало в просьбе прекратить встречи с доктором, — за вашу вспышку и преждевременный уход с нашей последней консультации, я захотел вернуть любезность.

Он взял чашку и положил в нее чайный пакетик, но в этот раз не предложил Брэдшоу.

— Я извиняюсь, если мои слова были бестактными, Йен. Не хотел делать предположений, что вы скрытый гомосексуалист, — он выудил молоко из маленького холодильника в его офисе. — Хотя, не считаю, что каждый бы отреагировал так бурно, как вы тогда.

Брэдшоу вздохнул.

— То есть имеете в виду, что я гомосексуал?

— Нет, — голос доктора прозвучал раздраженно, — хотя, вероятно, вы имеете небольшое предубеждение против них.

— Бред, я не имею предубеждений против кого бы то ни было. Я не имею ничего против геев или лесбиянок, если уж на то пошло. Я считаю, что мое поколение намного более толерантно к такого рода вещам, чем ваше.

— К такого рода вещам?

— Гейскому сексу, — пояснил Брэдшоу. — Мне наплевать, чем занимаются два взрослых мужика в своих спальнях. Я просто говорю вам, что я нормальной ориентации, вот и все. Боже, половина Констебулярии Дарема — гомофобы. Придирайтесь к кому-нибудь из них для разнообразия.

— Я ни к кому не придираюсь, Йен. Это просто часть терапии.

— Моя частная жизнь и личные отношения? Они на самом деле так важны?

— Все человеческие отношения важны, — парировал доктор. — Чем ближе отношения, тем более важными они становятся, а в настоящее время у вас нет никаких близких отношений, — доктор вытянул руку в умиротворяющем жесте. — Я просто говорю факты. У вас нет никого, с кем бы вы могли разделить бремя этой жизни. Вы сталкиваетесь с ними в одиночку. Я не уверен, что это нормально.

— Послушайте, я находился не в самом позитивном умонастроении, когда расстался с Анджелой. Я не был хорош для нее.

— То было вскоре после аварии, — напомнил ему доктор, — и можно понять. Но с тех пор?

— Я просто никого не встретил.

— Никого?

— Никого, кто бы мне понравился.

— М-м-м, да, хорошо, ничего не могу поделать, но я чувствую, что с этим не все так просто. Вы делали попытки познакомиться с кем-нибудь?

— Не совсем.

— Почему нет?

— Потому что... — начал он и понял, что об этом и не задумывался.

— ...это не лучшее время... Я занят, *всегда* занят и...

— Слишком заняты, чтобы пойти выпить со знакомой леди? Конечно же, для этого есть время. Даже у детективов есть личная жизнь, Йен.

— Я просто..., — и у него закончились слова.

— Я считаю, что тут нечто более глубокое. Я гадаю, сознательно ли вы избегаете контакта с женщинами после аварии.

— Ну, я был подавлен, так ведь?

— Да, действительно, но, может быть, есть еще причина?

— Какая?

— Я думаю на данный момент очень важно для вас быть открытым и честным с собой и со мной. Я думаю, если мы добьемся в этом прогресса, если мы захотим, чтобы наши встречи приносили плоды, нам нужно опустить барьеры, и я бы очень хотел, чтобы вы назвали мне причину. Вы можете это сделать, как вы думаете? Пожалуйста.

Брэдшоу так долго собирался с ответом, что почти ожидал, что Меллор в любой момент потеряет терпение, но вместо этого доктор просто ждал. Он сделал себе чашку чая, сел и прождал еще.

В конце концов, Брэдшоу ответил ему, не совсем осознавая, что делает это. — Я не хочу ничего подобного прямо сейчас.

— Почему нет?

— Потому что это не то, что мне нужно.

— Нужно или...

— Чего я хочу, — сказал Брэдшоу.

— Но почему нет, Йен? Пожалуйста, расскажите мне. Вы знаете, что это останется между нами, в этой комнате. Никто никогда не узнает.

— Я не думаю, что я...

— Скажите это, Йен, — подтолкнул его доктор, — скажите, что у вас на уме.

— Я не думаю, что я заслуживаю их, — и лицо Брэдшоу нахмурилось в явном смятении, как будто слова были произнесены кем-то другим, как будто это не было тем, о чем он сознавал.

Доктор кивнул, — Я так и думал, — сказал он, — вы не считаете, что заслуживаете быть счастливым, так ли это, Йен?

— Нет, — сказал Брэдшоу, и он был намного сильнее удивлен, чем доктор, обнаружить правду.

\*\*\*

Его сердце сильно билось, и он тяжело дышал. У него сердечный приступ? Так ли ощущается смерть? Нет, он был просто напуган. Они были так близко, чтобы поймать его.

Девушка стояла снаружи сельского клуба, как привязанная коза, просто ждущая, пока он проедет мимо нее. Она пропустила свой автобус или же за ней позже должны были заехать взрослые? Мог ли он рискнуть приблизиться к ней, уговорит девушку сесть к нему в машину, прежде чем кто-либо увидит? Затем он вспомнил Исайю: «И добыча тирана будет избавлена, потому что я буду состязаться с противниками твоими и детей твоих я спасу», и это привело его в движение.

Он притормозил у обочины дороги и наблюдал за ней через боковое зеркало со стороны пассажира. Она была подходящего возраста, но все же это был риск. Он посмотрел через плечо, улица была тихой и пустынной. Она была абсолютно одна, так что он решил воспользоваться шансом, его сердце стучало, когда он совершил разворот и поехал обратно к ней. Она стояла позади припаркованных машин, так что ему пришлось самому припарковаться и рискнуть выйти к ней. Девушка не заметила, как он начал идти к ней. Она даже не подняла взгляд, когда он был в нескольких ярдах от нее. Он открыл рот, чтобы

заговорить с ней.

— Андреа! — позвал кто-то, и девушка повернулась на голос. — Что ты делаешь? — спросил мужчина, который приближался к ней с тропинки, идущей сбоку от деревенского клуба. — Я сказал тебе, что подберу тебя с черного вдоха.

— Прости, пап.

— Давай, поехали домой, — нетерпеливо сказал ее отец.

Ни один из них не обратил на него никакого внимания, когда он прошел мимо. Он сделал вид, что обходит здание, чтобы это выглядело, будто он просто вышел на прогулку, но его сердце грохотало. Он убедился, что никто не смотрит, когда вернулся к машине. Он не хотел, чтобы кто-то сообщил о подозрительном мужчине или записал его регистрационный номер.

Девушка никогда не узнает, как близко была к спасению, но он знал, как близко он был к тому, чтобы быть пойманным. Он почти выдал себя и поклялся быть отныне более осторожным. Он не был готов попасться.

Том вернулся в свою комнату в «Грейхаунд» и написал статью от руки. Он должен был признать, что она стоила немногого, но был уверен, что Шон Доннеллан был телом-на-поле. Тем не менее, при втором прочтении, он понял, что тут не хватает вескости. Пока все, что у него есть, это слова полусумасшедшей пожилой леди.

Она была недостаточно хороша для «Газеты», да и других тоже. Что если Том ошибался, и это был вовсе не Шон? Он будет выглядеть полным идиотом. Если он все еще работает в «Газете», то сможет провести некоторые исследования. Оставшихся в живых членов семьи жертвы можно было найти, чтобы проверить, пропал ли он в самом деле в тридцать шестом году. Нет никакого способа, которым Том сможет сделать это в одиночку, без контактов и с мобильным телефоном, который едва ловил сигнал.

Том просто не мог рисковать рассказать всю историю, как она есть. Она была чертовски неубедительной. Он понимал, что Шон Доннеллан может сейчас сидеть в пабе в Дублине и обнимку с «Гиннесом».

\*\*\*

У Хелен было прикрытие, но, когда они покидали отдел новостей, никто из ее коллег не спросил, почему она осталась. Она решила подождать полчаса на случай, если репортер или фотограф поздно вернется с выезда.

Когда время прошло, она встала и осторожно приблизилась к картотекам, которые хранили известные вырезки Малколма. Хелен открыла ящик первой картотеки и заглянула внутрь. Затем она энергично принялась за файловую систему в алфавитном порядке, и извлекла необходимые документы один за другим, пока у нее не образовалась небольшая кучка документов, по одному на каждую пропавшую девушку. Она открыла первый и начала читать, когда услышала звук в области ресепшн, прямо позади двойных дверей отдела новостей. Хелен замерла. Она могла неясно расслышать приглушенный разговор. Кто-то направлялся в ее сторону.

Она быстро закрыла тяжелый ящик и перебежала комнату, все еще цепляясь за документы. Она была на полпути к своему столу, когда звуковой сигнал оповестил, что кто-то прошел через электронный вход в отдел новостей. Хелен упала на сиденье, зажав документы между коленями и днищем своего стола, чтобы их не было видно, затем села прямо на стуле, как раз, когда дверь открылась.

Малколм стоял на пороге и был не один. Он вовсе не был рад увидеть Хелен.

\*\*\*

Йен Брэдшоу купил пинту горького пива и прошел в тихий уголок паба. Он тяжело опустился вниз и стал размышлять о плодотворном дне, который он провел, расследуя старое-престарое убийство, о котором, казалось, никто ничего не знал. О его странном сеансе с доктором Меллором, который, фактически заставил его задуматься о своей личной жизни впервые за долгое время, о том, что у него было окно перед несколькими часами пустого обхода по дверям.

Будучи офицером полиции, Брэдшоу привык к враждебности некоторых групп широкой публики, и не только криминальных элементов. Было много людей, которым следовало быть осторожнее: включая учащихя левого толка и даже некоторых из их преподавателей, которые постоянно называли его и его коллег «фашистами», даже не задумываясь, каким

был бы их мир, если бы полицейские силы их не защищали. Брэдшоу мог смириться с этим, но Грейт Мидлтон был необычным местом, чтобы проводить подверный обход. Почти каждый, казалось, относился с подозрением к нему и его стандартным вопросам. Некоторые отказывались говорить. Другие даже не утруждались, чтобы скрыть свое презрение. Были некоторые достаточно дружелюбные, обычно молодые пары с маленькими детьми, но они были в очевидном меньшинстве и, что важно, никто из них не обладал информацией. Все, молодые и старые, отрицали, что знают что-либо о личности тела-на-поле, а еще меньше о причинах его там нахождения.

Спасибо Богу, что он был, наконец, не при исполнении. Он наполовину просмотрел спортивные страницы брошенной газеты, когда кто-то заговорил с ним.

— Йен Брэдшоу?

Он поднял взгляд и увидел Тома Карни, который смотрел на него.

— Не так ли?

— Да.

Брэдшоу не был уверен, что знал мужчину, стоящего напротив него, и это могло означать лишь проблемы.

— Я так и думал, — Том улыбнулся ему. У него была пинта индийского светлого пива в одной руке и чашка с чипсами в другой. — Том Карни, — сказал он озадаченному Брэдшоу, — мы учились в одной школе, вы на год старше меня, может, на два. Вы не помните меня, но я видел пару раз, как вы играли в футбол. Вы были чертовски хороши.

«Недостаточно хороши», — подумал Брэдшоу.

— Спасибо, пожалуй, был неплох, много воды утекло.

— Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

Брэдшоу возражал, но выдвинул стул ногой, и Том сел.

— За ваше здоровье. Так чем вы теперь занимаетесь?

— Полиция.

— Это все объясняет. Вы расследуете дело о пропавшей девушке или о теле-на-поле?

Брэдшоу не хотел говорить правду.

— Оба.

— Тогда, может быть, мы сможем помочь друг другу, — предложил Том.

— Как это?

Том объяснил, чем зарабатывает на жизнь, и Брэдшоу видимо напрягся при слове «журналист».

— Я не предлагаю ничего сомнительного, Йен. Могу прийти с информацией, которую вы оцените, а вы можете отплатить любезностью, — и он улыбнулся, — по проверенной временем традиции для такого рода вещей.

Брэдшоу знал, что члены полицейских сил разглашают информацию репортерам в обмен на дополнительный доход уже в течение многих лет, но он не был уверен, что хотел последовать их примеру. Не имело значения, что практика была широко распространенной, она все же была против правил, а он был именно тем, кого поймают на этом и сделают примером. Его руководство затем сможет использовать это, как повод, чтобы избавиться от Йена раз и навсегда.

— Что заставляет вас полагать, что вы сможете обнаружить то, что я не смогу?

— Местные не слишком-то общительны, когда дело касается полиции.

— Может, и нет, — Том определенно был прав насчет этого, хоть Брэдшоу не имел

понятия, почему. — Тем не менее, у нас есть несколько зацепок.

— Да, ладно, признайте это, — усмехнулся Том. — Вам понадобится небольшая помощь с вашей пропавшей девушкой. Очевидно, что они хотят ее вернуть, но я ставлю на то, что у вас по этому старому убийству гробовая тишина.

Брэдшоу не хватило сил солгать Тому в лицо, он надеялся, что их общее школьное прошлое может поспособствовать тому, что мужчина моложе менее вероятно подставит его в прессе.

— Они все говорят ерунду.

— Неудивительно.

— Почему неудивительно?

— Потому что люди имеют долгую память, и они не забывают, что ваша компания сделала, — сказал Том.

— Что вы имеете в виду под моей компанией? А что нам оставалось делать?

— Битва при Оргрейве, — сказал Том. — Во время забастовки шахтеров. Полиция жестко обошлась с протестующими в прямом смысле этого слова.

— То было в милях отсюда, и это была Полиция Саут Йоркшира, а не мы.

— Да, но бастующие шахтеры приехали отовсюду, включая немалое количество из этой деревни.

— Некоторые из тех бастующих шахтеров были далеко не пай-мальчиками, насколько я слышал.

— Уверен, что не были, парням было поручено поддерживать порядок, будто только что началась Третья Мировая. Одного из ребят из этой деревни избили, ему проломили череп, и он чуть не умер.

— Черт возьми.

— Полиция отрицала свою ответственность, а затем угрожала ему обвинениями в препятствии аресту и нападению на офицера полиции. В какой-то момент парню предъявили обвинение в беспорядках. Его бы упрятали на годы, если бы это всплыло.

— Вероятно, они хотели просто напугать его.

— Они в этом преуспели, и то была не пустая угроза. Почти сотне шахтеров выдвинули обвинения в беспорядках после Оргрейва, но вот в чем дело: все обвинения были мистическим образом сняты, когда дело дошло до суда, потому что так случилось, что услужливые офицеры полиции подделали большинство из них.

— Это немного чересчур.

— Разве? — спросил Том. — Тогда почему Полиция Саут Йоркшира выплатила более четырех сотен тысяч из денег налогоплательщиков в качестве компенсации тем мужчинам, даже не признав ответственности за произошедшее, и не один офицер полиции не подвергнулся дисциплинарному взысканию?

— Я не знаю, — честно ответил Брэдшоу.

— Потому что, вероятно, все было срежиссированно на самом верху, — сказал Том. — Они так и не раскрыли личности офицеров, избивающих протестующих, и пришли к выводу, что нет никаких доказательств противоправных действий. Ваша компания всегда так делает, не так ли?

— Может, вы перестанете называть их «ваша компания»? Это был не Дарем, а Саут Йоркшир, и я тогда еще даже не служил в полиции.

— Нет, новы понимаете, что я имею в виду. Всегда начинают расследование, но никто

никогда не привлекается к ответственности или же, если и да, им позволяют пораньше выйти на пенсию из-за плохого здоровья.

— Некоторые офицеры полиции и в самом деле болеют, — возмутился Брэдшоу. — Стресс и депрессия реальны.

Том кивнул.

— Но большая часть — нет. Все знают, что нужно убить кого-то, чтобы тебя выбросили из полиции, и даже тогда не факт.

— Ладно, вы обозначили свою позицию, — уступил Брэдшоу. — Журналисты не совсем святые, не так ли? Полицейское меньшинство можно поймать на лжи, но ваша компания превратила ее в профессию.

Том улыбнулся.

— Я должен признать, что есть некоторые таблоидные репортеры, которые растягивают понятие достоверности в иной раз.

— И это вы мне говорите.

— Спасибо Богу, что все еще есть честные мужчины, такие как мы, — усмехнулся он, — чтобы реабилитироваться за все эти гнилые яблоки.

Он чокнулся своим бокалом с бокалом Брэдшоу.

— Значит сделка?

— Какая сделка?

— Вы и я, помогаем друг другу, делись информацией?

— Какого рода информацией?

Том наклонился ближе.

— Мне нужно нечто, чего нет у других журналистов: полицейские теории об исчезновении Мишель Саммерс, зацепки, по которым вы следуете, все, что угодно, что лучше, чем пустой старый треп о рассмотрении многочисленных версий.

Брэдшоу задумался. Он все еще был раздражен тем, что Том Карни привычно гребет всех полицейских офицеров под одну гребенку. Даже, если Брэдшоу достаточно легко мог себе представить, как Скелтон или О'Брайан раскалывают головы пикетчиков, ему не нравилось слышать критику от посторонних. Затем он вспомнил слова Тома об Оргрейве и подумал, как проведет следующие две недели, когда перед его лицом будут захлопывать двери.

— Скажу вам вот что, — сказал он. — Если вы найдете что-либо важное по одному из этих дел, я дам вам то, чего нет больше ни у кого. Как вам?

— Что-то важное? — спросил Том осторожно, минуту разглядывая Брэдшоу, чтобы понять серьезен ли он. — Тогда как насчет его имени?

— Чьего имени?

— Тела-на-поле.

Это должно быть был розыгрыш, но Том Карни не выглядел так, будто шутит.

— Вы серьезно?

— Да, если и вы.

— Каким, черт возьми, образом, вам удалось достать его имя? — спросил Брэдшоу.

— Я не полицейский, что дает мне небольшое преимущество в обозленной шахтерской деревне. У меня есть свои контакты и несколько способов получения информации.

— Продолжайте, — побудил его Брэдшоу.

— Подожди-ка минутку, — сказал ему Том, — это ведь сделка, верно? Я жду чего-то от

вас в ответ.

— Вы не можете просто утаивать имя в расследовании убийства, — сказал ему Брэдшоу.  
— Я могу арестовать вас за препятствование полиции.

— Не думаю, что пара часов — серьезная задержка в деле шестидесятилетней давности, — бросил ему вызов Том. — И моя статья будет иметь больше достоверности, если я смогу добавить слова «Полиция работает над предположением, что...» к моему заявлению о личности мужчины. Так что в моих лучших интересах слить его в доверенный полицейский источник, но, я буду честен с вами здесь, я бы скорее выбрал того, кому доверяю, так чтобы поспособствовать их карьере, — и он сделал глоток от своей пинты, прежде чем добавить, — а не какому-то мудаку, который угрожает мне арестом.

Брэдшоу вздохнул.

— Мне жаль, — и опустил голову. — Я не имел в виду этого. Просто... у меня была очень плохая неделя.

— Ну, ваша неделя обещает стать намного лучше. А сейчас наострите ушки, потому что у меня есть история поведать вам.

Брэдшоу слушал, пока Том объяснял визит Шона Доннеллана в Грейт Милтон и его внезапное исчезновение.

— Шон Доннеллан, — повторил Брэдшоу. — И они считают, что он сделал ноги?

— Это то, что люди подумали, тогда. Очевидно, что он не сбежал. Он был убит.

— Если это он.

Том пожал плечами.

— Кто еще это может быть?

— Как вы все это узнали? — спросил Брэдшоу.

— Журналист никогда не раскрывает своих источников, — и, когда он увидел нетерпеливый взгляд на лице констебля, добавил: — это работает в обе стороны. Как вы можете доверять мне, если я сдам вам сразу же, как кто-нибудь спросит меня о вас?

— Пожалуй, — он неохотно уступил.

— Так что вы считаете по истории?

— Звучит правдоподобно, — признал Брэдшоу.

— Я бы сказал, что более чем правдоподобно, — сказал ему Том. — Это все, что у вас есть, и в отсутствие иного, я бы назвал это ведущей линией расследования, а вы?

— Я бы не сказал, что она ведущая.

— Никто из других жителей деревни не пропал бы так, что никто не заметил, — сказал Том.

— Верно, но у нас нет мотива. Зачем кому бы то ни было убивать этого парня? Он был ирландцем, но тогда же это не было политической причиной?

— Он был художником из Дублина, а не мятежником из Белфаста, и это было за тридцать лет до Кровавого Воскресенья, но...

— Но, что? — закинул удочку Брэдшоу.

— Он легко находил путь к дамским сердцам.

— Это неплохой способ нажить врагов в маленькой деревне.

— Именно, и я собираюсь написать эту историю, так или иначе, — запустил блеф Том.  
— Я собираюсь сказать, что это он, но могу ли я также сказать, что полиция считает, что это может быть он?

Том задержал дыхание и наблюдал, как Брэдшоу размышляет над последствиями.

— Я расскажу моему инспектору об этом утром. Этого достаточно, чтобы проверить этого мужчину.

— Что сделает это линией расследования?

— Да, — согласился Брэдшоу, — сделает.

— Тогда у меня будет история, а вас похлопают по спинке за превосходную полицейскую работу.

— Что-то вроде того, — сказал Брэдшоу без энтузиазма.

— Послушайте, — сказал Том. — Я подожду день. Просто позвоните мне, когда ваша компания подтвердит, что они рассмотрят эту версию, хорошо? Я останусь здесь, — и он показал на паб.

Брэдшоу кивнул, и они оба рефлекторно отпили пива.

— Итак, продолжайте, — произнес Том.

— Продолжать что?

Том бросил недоверчивый взгляд на Брэдшоу.

— Дайте мне что-то хорошее, что-то чего ни у кого нет.

— Ох, — Брэдшоу выглядел смущенным.

— Сделка есть сделка.

— Я знаю, — признал Брэдшоу с ужасом человека, ожидающего, что его позовут в кабинет стоматолога. — Хорошо, ладно, — сказал он, — есть кое-что, о чем никто не знает.

Мэри наблюдала за молодой парой с дороги. Они стояли у входа в церковь Святого Михаила, в обрамлении ее готической арки, улыбаясь доброжелателям, которые собрались, чтобы разделить их большой день. Так же, как и семья, и близкие друзья, которые высыпали из церкви следом, были и прохожие, такие как Мэри, которые улучили минутку, чтобы поглазеть на «мечту молодых возлюбленных», пока дети стояли вокруг, надеясь, что друг жениха бросит пенни на улицу.

Жених был местным парнем: высоким и симпатичным, но с небольшими перспективами. Невесте было не больше восемнадцати лет. Мэри заметила ее застенчивость и то, как та неуверенно цеплялась за руку своего новоиспеченного мужа, будто это действие пока не ощущалось естественным. Термин «краснеющая невеста», должно быть, был придуман для нее, и Мэри думала, что знала почему. Конечно же, Мэри не была единственной, кто задумался о том времени, когда свадебное торжество подойдет к концу, а гости разъедутся. Невеста, определенно, была девственницей, если только, конечно же, она по глупости не позволила себе лишнего в момент слабости, и, если так и было, будет удивительно, если мужчина все еще будет хотеть жениться на ней. Однако, предположительная добродетель невесты, означала, что вся деревня знала, чем они займутся сегодня ночью, если брак следует консуммировать. Это казалось Мэри ужасающим вмешательством в личную жизнь, но ей пришлось признать, что она была также повинна в этом, как и остальные.

Женщина не могла перестать представлять себе эту сцену в своем неопытном уме. Она разденется для него или он снимет с нее одежду своими большими грубыми руками? Каково будет, когда он, наконец, положит ее на кровать и возьмет? Будет ли он нежным или будет вести себя, как животное, как она слышала, что мужчины иногда ведут себя, когда их охватывает страсть?

— Пенни для них? — спросил Генри, когда подкрался к ней сбоку, а Мэри не заметила.

— Я не думала ни о чем в особенности, — сказала она.

Шафер бросил горсть пенни в воздух, и они приземлились на дорогу. Несколько молодых мальчишек бросились подбирать их, когда те покатались во всех направлениях.

Отец Мэри вышел из церкви, все еще одетый в ризу. Он покинул свою паству, чтобы поговорить с Генри, отчего в-скором-времени-жених встал немного прямее, будто находился на параде.

— Мы увидим вашего брата в церкви этим воскресеньем, Генри? — спросил викарий.

— Я спрошу его, — заверил Генри викария, — снова.

— Ни один человек не нуждается в утешении и поддержке религии больше, чем тот, что был на войне, — заверил Генри проповедник Райли, затем он посмотрел на небеса, пока силился вспомнить цитату. — «Облекитесь во всеоружии Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских», — процитировал он для Генри. — Я считаю, что на вашей семье хорошо скажется, если Джек выберет присоединиться к нам на молитве, — сказал он молодому мужчине, затем улыбнулся, — но вы не хранитель вашего брата.

— Нет, — ответил Генри, — но я попытаюсь.

— Вы можете сделать больше, — сообщил ему проповедник.

— Мы собираемся пойти на прогулку, отец, — сказала ему Мэри, чтобы избавить Генри

от излишнего дискомфорта.

— Не припозднись, — сказал он ей. Все в деревне знали, что антиморальные действия всегда происходят после наступления темноты. Молодые, ухаживающие пары были тогда, особенно, восприимчивы к своим позывам, и легко могли «совершить грехопадение», так что Мэри и Генри разрешалось совершать свои ухаживания только в приличные часы.

— Мы не задержимся, — заверила отца Мэри, хоть она ничего не могла поделать с мыслью, что они отсутствовали бы достаточно долго, если бы хотели что-то вытворить.

\*\*\*

У него в руке был нож, он пристально смотрел на него, смотря вниз на длинное лезвие с острым кончиком.

— Это не займет много времени.

— Это глупо, — сказала она ему.

— Никто не увидит, — сказал он ей. — Никто не узнает.

— Тогда в чем смысл?

— Мы будем знать, — напомнил ей Генри. — Я не думаю, что ты хочешь, чтобы все это увидели.

— Не хочу, — ее беспокоило, как жалобно она произнесла это.

— Мы далеко от протоптанных троп. Единственные люди, которые сюда приходят, будут заниматься тем же, чем и мы.

— Вырезать свои инициалы на дереве, — сухо заметила Мэри, — и сердечко вокруг них.

Генри погрузнел.

— Я думал, тебе оно понравится.

— Так и есть, — сказала она быстро, когда увидела разочарование на его лице. — Правда, — и в попытке подбодрить его она добавила: — ты не закончил наше сердце.

Он совершил последний надрез на дереве складным ножом, оставляя их инициалы, обрамленными грубым, неровным сердцем.

— Вот, — сказал он, довольный своими трудами.

Генри сложил нож и положил его обратно в карман своего пальто, мягко притягивая ее к себе. Поцелуи, что за этим последовали, были неловкими и односторонними. Генри ожидал, что такие вольности теперь позволительны, так как они гуляли вместе достаточно долго, и она эпизодически одарит ими его ближе к концу их прогулки и недолго. Они оба знали, что должны подождать до их брачной ночи, мифического времени, которое влечет за собой мгновенное лишение их совместной невинности одним махом.

Генри иногда оставался раскрасневшимся и возбужденным из-за ее настойчивости, чтобы они прекратили, но Мэри никогда не становилась слишком увлеченной, и она гадала, может что-то не так с ней, что она ничего не чувствовала в его объятьях. Они вовсе не были неприятными, но вот и все. Тем днем, однако, Генри увлекся.

— Генри! — предупредила Мэри его с широко распахнутыми глазами, когда почувствовала движение, а затем и прижимающуюся к ней жесткость.

Генри покраснел от стыда и тотчас же отступил от нее на шаг.

— Ох, Мэри, мне жаль, — он казался очень расстроенным. — Пожалуйста, прости меня.

Мэри хотела засмеяться, но сдержалась ради него, так как знала уже достаточно о мужчинах, чтобы знать, что они не выносят, когда над ними смеются, а тем более Генри.

— Конечно же, я прощаю тебя, — сказала она. — Я понимаю, мы не заходили так

далеко. Все в порядке.

— Все не в порядке, — он казался на грани слез. — Я не думаю о тебе так, Мэри. Зверь в поле и то имеет больше выдержки.

Мэри взяла его за руку.

— Давай больше не будем говорить об этом. Погуляй со мной.

И она повела его прочь из-под деревьев.

\*\*\*

Мэри вернулась домой одна, как раз к тому моменту, когда миссис Харрис покидала дом викария.

— Я ухожу к своим сестрам, — напомнила она Мэри, торопливо идя по тропинке. — Твой отец у Дина. Надеюсь, ты не будешь шалить.

Женщина сказала последнюю фразу, будто это была шутка, но на самом деле она не шутила.

Самый большой страх миссис Харрис заключался в том, что Мэри как-то опозорит себя, прежде чем вступит в законный брак.

Мэри наблюдала за уходом миссис Харрис, затем пошла в дом, намереваясь некоторое время почитать, пока ее отец не вернется от Дина, но затем она заметила, что дверь его кабинета приоткрыта. Проповедник Райли никогда не оставлял дверь своего кабинета открытой. Это было его личное пространство, где он писал свои наставления и занимался делами прихода. Серьезная комната, чей порог Мэри никогда не разрешалось пересекать. Возможно, именно из-за запрета, девушка толкнула дверь и шагнула внутрь.

Мэри вошла в кабинет своего отца тихо, чтобы иметь возможность услышать любые звуки преждевременного возвращения от него или миссис Харрис, но как только она оказалась внутри, она наслаждалась своим вторжением. Комната пахла сосновым табаком и старой кожей с книжных шкафов, заставленных тяжелыми, связанными томами религиозной тематики и древней истории, но ни одним романом, так как они были фривольными и не вели к самосовершенствованию. Там был граммофон, чтобы играла музыка, пока ее отец пишет свои проповеди, и старый, с вырезанным орнаментом стол с деревянным креслом, у которого было темно-красное мягкое сиденье, которое соответствовало инкрустации стола. Мэри прикоснулась к креслу, но не села в него. Она заметила, что ящик стола был слегка крив и выступал. Она знала, что ее отец всегда держит ящик стола закрытым. Когда она пришла позвать его на ужин, это было последней вещью, которую он сделал, после того как привел свои документы в порядок, и он держал ключ при себе. Она взяла маленькую, деревянную ручку и слегка потянула. Ящик открылся.

Содержимое по начало разочаровало ее: несколько официально выглядевших бумаг, которые оказались связаны с их проживанием в доме викария, карманные часы и две старые шариковые ручки, но мало других бумаг, за исключением металлической крепкой коробки. Мэри запомнила, как выглядело содержимое ящика, как все располагалось относительно друг друга, чтобы она могла восстановить их точное положение. Она осторожно поставила коробку на стол, затем открыла ее.

Внутри оказалось приличное количество золотых монет, которых Мэри никогда прежде не видела, но на каждой был с одной стороны портрет короля. Она поняла, что это должны быть соверены (*прим.: английская, затем британская золотая монета*), и что каждая очень ценна. Неудивительно, что ее отец всегда старался не забыть закрыть ящик. Проповедник Райли не доверял банкам, и Мэри посчитала, что это сбережения отца с его церковной

зарплаты, от наследства родителей, плюс от имущества ее покойной матери.

Она уже собиралась закрыть крышку и вернуть коробку в ящик, когда заметила маленький коричневый конверт, который был полускрыт монетами в задней части коробки. Она осторожно его извлекла и открыла конверт в волнительном предвкушении, инстинктивно зная, что там содержалось нечто запретное. Сначала она подумала, что это были простые открытки, но вскоре Мэри поняла, что их нельзя было приобрести ни в одном обычном магазине.

На первой открытке, молодая японская женщина лежала на боку, крепко обнявшись с мужчиной. Оба были одеты в кимоно, но им позволили слегка распахнуться, а кимоно женщины было задрано, чтобы обнажить ее ноги и дать полный обзор области между ними, включая густой треугольник лобковых волос. Мужчина засунул руку под ее кимоно, чтобы схватить ее за грудь, пока засовывал огромный пенис в нее. Мэри была и шокирована, и заинтригована увиденным, особенно, когда поняла, что то, что она сперва восприняла как сцену изнасилования, противоречило довольному виду на лице женщины. Но была ли она наложницей или шлюхой, женой или рабыней, и что она делала в закрытом ящике стола ее отца?

Мэри скользнула карточкой вниз стопки, чтобы открыть другую, на которой другой мужчина брал вторую девушку. Ее одежда для удобства была собрана в верхней части тела, оставляя нижнюю часть обнаженной. Он толкался вперед в нее, и она казалась вполне довольной принять его.

Мэри рассмотрела каждую карточку по очереди, дюжина восточных сценок совокупления, где ничто не было скрыто от взгляда, и каким-то образом она знала, что ее отец не просто конфисковал эти запрещенные изображения у прихожанина. Они были его тайной, виновным удовольствием, тем, что он должен был скрывать и запирасть. Обнаружение их девушкой открывало нечто новое для Мэри о нем и о мужчинах в целом.

Она осторожно засунула карточки обратно в конверт и положила его в коробку, прикрыв их верным количеством золотых соверенов, затем поставила коробку обратно в ящик и задвинула его в первоначальное положение, прежде чем тихо покинуть комнату.

Мэри нравилось считать, что она и Генри не имеют тайн друг от друга, и что позже, она расскажет ему о золотых соверенах, которые нашла в крепком ящике своего отца, но манкирует открытками.

Том не задержался в баре после ухода Брэдшоу. Вместо этого он поднялся в свою комнату, снял обувь, носки и рубашку, и тяжело опустился на кровать, надеясь поспать час. Он дремал урывками, когда его разбудил громкий стук в дверь спальни. Звук заставил его резко сесть и непонимающе осмотреть окружение. Будучи дезориентированным, он понял, что все еще в Грейт Мидлтоне. Затем последовал второй стук. Какого черта хочет Колин?

Том открыл дверь, но это был не Колин. Вместо него на площадке стояла Хелен. Поскольку Том был без рубашки, они оба извинились в одно и то же время.

— Подожди секунду, — сказал он и отступил, чтобы натянуть рубашку, затем вернулся, чтобы впустить ее.

Хелен прошла в комнату и какое-то время просто неловко стояла.

— Я не знала, что еще ты спишь, — сказала она.

— Просто дремал, присаживайся, — предложил он ей, но там не было стульев, так что она примостилась на краю постели.

— Ты в порядке? — спросил он.

Она неубедительно кивнула.

— Я достала файлы.

И он понял, что она принесла большую сумку из-под шопинга.

— Супер, — произнес он. — Так почему ты выглядишь, будто кто-то умер?

— Случилось кое-что странное, — сказала она ему. — В офисе. Все ушли. Я осталась одна в здании... — начала она, — я уже готовилась забрать файлы, когда услышала голоса, а затем сигнал у двери. Я быстро вернулась к своему столу, но едва-едва.

— Кто там был?

— В этом-то и есть странность.

— Продолжай.

— Малколм, — сказала она.

— И что?

— Но он не был один, — продолжила она. — Там была эта женщина.

Том усмехнулся.

— Малколм? Вернулся в офис после работы с женщиной? О, это бесценно.

— Не для меня, — заверила она его. — Когда он увидел меня, он не выглядел радостным.

— Ну, а почему должен был быть. Что он сказал?

— Он ничего не сказал.

— Что ты сказала?

— «Привет, Малколм, уже заканчиваю, получила хороший материал о сокращении совета для тебя», — энергично затараторила она. — Будто я была дурочкой, которая не заметила женщину с ним.

Том рассмеялся.

— Что он на это сказал?

— Он просто кивнул, но выглядел так, будто кто-то ударил его по лицу, — сказала она. — И это еще не все. Самая странность была в том, что *они* не были одни. Я имею в виду, могу понять это, если Малколму как-то удалось уговорить бедную женщину быть его телкой-

на-стороне, но...

— Кто был с ними?

В его тоне было что-то, что заставило Хелен задаться вопросом, понял ли уже Том ситуацию.

— Джим.

— Джим фотограф? — она кивнула. — Куда они пошли, Хелен?

— В темную комнату.

Том теперь выглядел слегка задумавшимся.

— Это была женщина за поздние тридцать с крашеными красными волосами и, скажем, полноватая?

— Да, откуда ты знаешь?

— Это Рита-обольстительница-мужчин, — сказал он ей, а затем недоверчиво усмехнулся. — Не могу поверить, что они все еще занимаются этим.

— Занимаются чем?

— Давно, когда Малколм еще был репортером, он встретил Риту. Она... модель... в некотором роде, любительница, снимающаяся в гламурной фотографии.

— О, — сказала Хелен, до нее начало доходить.

— Малколм и Джим раньше зарабатывали несколько шиллингов на стороне, делая фотографии с Ритой художественного характера, а затем продавали их в малобюджетные мужские журналы. Каким-то образом стало известно, что они этим занимаются, и мы все об этом узнали, но я думал, что он прекратил много лет назад. Однако, согласно сегодняшним свидетельствам, я бы сказал, что ты только что поймала своего редактора посередине одного из его порно снимков.

— Ох, Боже мой, — простонала она.

Он рассмеялся.

— Ну, знаешь, у меня ушло несколько лет на то, чтобы Малколм абсолютно возненавидел меня, — произнес он. — Похоже, что ты достигла того же статуса менее чем за три месяца, — он кивнул на ее сумку. — Давай. Посмотрим, что ты получила, и стоило ли оно того.

Она вытащила файлы, и Том сел рядом с ней, оставляя пространство между ними, чтобы она могла положить первый файл на кровать.

— Сьюзан Фриман, — сказала она.

Хелен извлекла фотографию улыбающейся молодой девушки из файла и положила его лицом вверх на кровать. Она была одета в то, что, вероятно, было ее первой школьной формой, и было сложно не реагировать на такую естественную, непринужденную улыбку, зная, что ее больше никто и никогда не увидит.

Хелен продолжила извлекать фотографии из файлов, помещая изображения каждой молодой девушки сверху текущей папки, чтобы они могли увидеть их всех четырех сразу.

— Кэти Сайкс.

Еще одна девушка в школьной форме, эта была темноволосой, а ее улыбка была неохотной гримасой, неудачной попыткой скрыть металлические скобки на ее зубах.

— Сара Хатчисон.

Третья жертва была одета в обычную одежду на фотографии, которая могла быть снята тем видом профессиональных фотографов, которых можно найти на главной улице любого маленького города. Сара была одета в зеленую рубашку и синие джинсы: она, должно быть,

пыталась выглядеть старше своих лет, но она все равно выглядела очень юной.

— Дженни Барбер.

Последняя девушка обладала бледной кожей, рыжеватыми волосами и веснушками, а ее лицо хранило удивленное выражение, будто она не ожидала, что ее сфотографируют, хоть и позировала для снимка.

От того, что они видели настоящие фотографии жертв, все убийства стали казаться более реальными. Изображение в газете позволяет держать дистанцию, словно трагедия их смерти случилась только на бумаге, в вымышленном месте далеко-далеко, на которое кратко бросят взгляд, пока перехватывают кофе перед началом дня, или в нескольких торопливых минутах между остановками на утреннем поезде.

Том смотрел на фотографии долгое время, ничего не говоря.

— Что? — спросила она.

— Хотел бы я знать, — покачал он головой, но его явно что-то беспокоило.

— Почему ты захотел увидеть их фотографии?

Он медленно выдохнул.

— Просто кое-что...

Он умолк, последовала такая долгая пауза, что она задалась вопросом, собирается ли он заговорить снова.

— Сколько лет было Сьюзан Фриман? Одиннадцать? — спросил он, наконец.

— Да.

— А Кэти Сайкс?

— Двенадцать.

— Саре Хатчисон? Ей на вид одиннадцать.

— На самом деле, ей было тринадцать. Я прочитала в файле.

На что он намекает?

— А последней?

— Дженни Барбер было тоже тринадцать.

— Ладно, посмотри на них на всех здесь, — и он раскрыл ладони, указывая на фотографии перед ним. — Что бросается тебе в глаза?

Ничего не бросалось ей в глаза, кроме очевидного.

— Кроме того факта, что все они девочки?

— Да.

Хелен задумалась и, наконец, признала:

— Ничего.

— Ладно, следуй за моими мыслями, — он постучал по фотографии Сьюзан Фриман. — Сьюзан было одиннадцать, мы знаем это из вырезок, но, если бы мы не знали этого, сколько лет ты бы дала ей на вид: старше своего возраста или моложе?

— Примерно также, — инстинктивно сказала она.

— Ты уверена? — спросил он. — Она выглядит уверенной, милой девочкой, я, быть может, дал бы ей на год больше, скажем двенадцать?

— Может и так.

— Что насчет следующей? — спросил он. — Кэти Сайкс? Старше или моложе?

— Ну, ей было двенадцать, и я думаю, что она выглядит на двенадцать.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да, — уверенно ответила она.

— Хорошо, — сказал он, — и я считаю также.

Хелен была сбита с толку. Какую нездоровую игру он затеял?

Он постучал по фотографии девочки в джинсах и рубашке.

— Саре было сколько? Тринадцать? Старше или моложе.

— М-м-м, я бы сказала, что она выглядит слегка моложе своего возраста, может на год или около того.

— Опять же, я соглашусь, тоже считаю, что Дженни выглядит слегка моложе тринадцати. Так что они все разного возраста, но ни одна не выглядит старше, одна примерно своего возраста, и две выглядят моложе. Если мы добавим год Сьюзан, оставим Кэти там же и уберем год у Сары и Дженни, тогда им всем будет по двенадцать.

Хелен попыталась это осмыслить.

— Думаю так.

— И мы знаем их возраст.

— Да, — сказала она неуверенно.

— А он нет. Убийца, я имею в виду. Он просто видит их, стоящими там, на автобусной остановке или снаружи кафе из своей машины, через улицу.

— На что ты намекаешь?

— Я бы сказал, что ему нравится определенный типаж. Он хочет девочек примерно двенадцати лет. Он хочет, чтобы они...

— Что?

— На пороге, — он на самом деле выглядел слегка смущенным, — ну знаешь, полового созревания. Я имею в виду, что они определенно девочки, но не слишком молоды, но и не подростки. Он забирает их как раз перед тем, как они достигнут этого возраста.

Хелен какое-то время молчала, а затем признала:

— В этом что-то есть, — она задумалась на мгновение, — но я не уверена, чем это может помочь. То есть, что это нам о нем говорит, в действительности?

— Я не знаю, — признал он, — но это говорит нам одну вещь.

— Какую?

— Мишель Саммерс была другой. Из того, что мы прочитали или услышали о ней и по тем фотографиям, что мы видели, она не такая.

Хелен вернулась мыслями к моментальным снимкам, которые полиция предоставила медиа, надеясь подтолкнуть память потенциальных свидетелей, которые могли видеть побег с места преступления или похищение. Девочка прошла первый этап полового созревания, была ближе к женщине, чем к ребенку, пятнадцатилетняя с обрисовавшейся женской фигурой, просто ждущая пока сойдет лишний жирок, прежде чем начнет получать нежелательное внимание каждого строителя, мимо которого будет иметь несчастье проходить.

— Она была старше, — сказала Хелен, — на два или три года, но, — и она остановилась, пока осмысляла настоящее значение того, что он сказал, — она выглядела намного старше, даже на той фотографии, которую полиция показала на пресс-конференции.

Он кивнул.

— Вот что я не могу понять. Если это тот же самый парень, тот же самый мотив, та же самая искривленная и извращенная логика, тогда почему он внезапно перешел с маленьких предпубертатных девочек на подростков с формами, которые могут сойти за

семнадцатилетних при помощи небольшого мейкапа? Что-то не сходится.

Том перевел свое внимание на файлы вырезок, и они оба начали про себя читать их содержимое.

— Здесь много всякой информации, но есть ли на самом деле что-то полезное? — спросила Хелен, но он не ответил.

Том был слишком поглощен чтением, и она сидела рядом с ним молча, пока он просматривал записи в файлах вырезок.

— Хорошо, посмотрим, — наконец ответил он, — Эти дела похожи? — задумался он. — По тому, что мы можем здесь видеть, все жертвы молодые девочки.

Он поднял вверх палец, чтобы обозначить эту первую схожесть.

— Их всех похитили на открытых пространствах, с автобусных остановок, обочин дорог и тому подобного.

Мужчина поднял второй палец.

— Никто не видел и не слышал ничего, — третий палец. — Первые четыре девочки все были убиты сходным образом, через удушение, — четвертый палец взмыл вверх, — но не было изнасилования или действий сексуального характера, все были найдены полностью одетыми.

Пальцем он отметил пятую схожесть, затем опустил руку вниз.

— Если Мишель Саммерс подходит под эту модель, тогда они должны вскоре обнаружить ее тело. Она будет задушена, но в этом не будет ничего сексуального, отчего станешь задаваться вопросом, для чего мужчина делает это, что от этого получает?

— Ты предположил, что он неудовлетворенный парень, который не может получить секс или ему только нравится, когда его жертвы борются или беспомощны, — сказала Хелен, — но тут дело совсем не в сексе. Все дело во власти. Он получает восторг от их убийства. Он должно быть зависим от этого.

— Может быть, — и на мгновение он задумался. — Пока что полиция и все в «Газете» сосредоточились на схожестях между делом Мишель Саммерс и другими четырьмя жертвами Ловца детей... но что насчет отличий?

— Ну, я не уверена, что они здесь есть, кроме как очевидного факта, что Мишель была старше других девочек, — сказала она.

— По крайней мере, на три года, — напомнил он ей. — Почему эта девушка была старше? Она не подходит под его типаж, — и, когда она почувствовала себя неудобно, он добавил, — жертвы, то есть.

— Другие все были в возрасте между одиннадцатью и тринадцатью, — заметила она, — тогда как Мишель было почти шестнадцать. Это может быть важно, но...

— Но...?

— Может, она была единственной девушкой, которую он смог найти. Мы об этом не подумали. Он ездит по округе, присматривая себе жертву, когда все знают, что там на улице есть странный мужчина, похищающий и убивающий молодых девочек, что заставляет родителей быть более бдительными, чем обычно. Они не отпускают своих дочерей одних, пока его не поймают.

— Они будут подвозить их куда им надо или убедятся, что девушки путешествуют группами, когда идут домой из школы или молодежного клуба, или кино, — сказал Том.

— Но мать Мишель не догадалась так сделать, потому что та была старше.

— Ей было пятнадцать, — сказал он, — и ей бы следовало знать, что не стоит садиться

в машину к незнакомцу. Если это Ловец детей, что похитил ее, это возвращает нас назад к вопросу о том, *как* он убеждает девочек пойти с ним.

— Я думала насчет этого, — сказала Хелен. — Кое-что случилось однажды, и я сегодня об этом вспомнила.

— Что?

— Вероятно, ничего.

Она сейчас испытывала некоторое смущение, как будто не совсем могла доверять своим инстинктам.

— Расскажи мне, — подтолкнул он.

Хелен сначала заколебалась. — Я остановилась, чтобы прихватить сэндвич в супермаркете на краю города. Я спешила, так что просто съела его в своей машине. Пока я находилась на парковке, маленькая девочка вышла одна. Ей было около трех лет, и я помню, что беспокоилась, что ее собьет машина. Затем следом за ней вышла женщина. Все на мгновение остановилось, чтобы посмотреть, что не так, но затем женщина поравнялась с маленькой девочкой, схватила ее и отчитала ее. Как только она сделала это, все расслабилось и продолжили свои дела как будто ничего плохого не случилось.

— Правильно, — сказал он неуверенно, — а почему бы и нет, они узнали, что она в безопасности.

— Как они могли узнать, что она в безопасности? — спросила Хелен. — Как я могла узнать, что она в безопасности, если уж на то пошло?

— Я не понимаю, — сказал он, — ты видела ее мать.

— Так ли это? Была ли это ее мать или мучительница детей, пытающаяся похитить сбежавшего мальчика?

Тогда он слегка рассмеялся.

— Ну, я имел в виду...

— Потому что это была женщина, — твердо сказала она ему, — нам не пришло в голову, что все может быть намного хуже, потому что это была женщина. Если бы это был мужчина, вся сцена выглядела бы совсем по-другому.

— Так, что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, вот как он может увозить их так просто.

— При помощи женщин? — спросил Том, и она кивнула, пока его мозг размышлял над темой улыбающихся женщин, заманивающих молодых девочек в машины, притворных сообщений от их родителей или сфабрикованных чрезвычайных ситуациях. Том медленно осознавал, что Хелен может быть права. — Иисус, ты же понимаешь, что это может значить?

— Да, — сказала она, — у нас есть еще одна Мира Хайндли на руках.

*День пятый*

— Ты, — Трелоу обратился к молодому детективу перед всеми. — Что ты думаешь, ты делаешь, опаздывая на мой брифинг?

Трелоу прервался, чтобы акцентировать внимание на опоздании Брэдшоу.

— Тебе лучше иметь чертовски хорошую причину.

— Извините, сэр, — ответил Брэдшоу. Правдой было то, что он не мог вытащить себя сегодня утром из постели, он не мог избавиться от чувства, что ничто из того, что он сделал, больше не имеет значения, но он едва ли мог признаться в этом. — Я был в Грейт Мидлтоне, следуя за зацепкой.

Трелоу моментально оказался сбитым с толку. Опоздание на утренний брифинг было преступлением, караемым смертной казнью, но едва ли мог подвергнуть жесткой критике офицера, который озаботился тем, чтобы выйти на улицы с утра пораньше.

— По какому делу? — спросил Трелоу, отсрочивая публичное унижение Брэдшоу, пока его не выслушает.

— По телу-на-поле, сэр, — ответил Брэдшоу, и он почувствовал давление, когда все уши в комнате повернулись в его сторону.

Трелоу почувствовал укол разочарования. Он должен был знать, что это будет менее важное дело. Разумеется, этот детектив был приписан к команде «балласта» Кейна, и в этом не было ничего удивительного. Он помнил Брэдшоу из-за кип бумаг, которые последовали за инцидентом предыдущего года.

— Так у тебя есть зацепка?

— Вероятно, сэр.

Это был неверный ответ.

— Так это зацепка или нет? — потребовал Трелоу.

— Зацепка, сэр, — и Брэдшоу обнаружил в себе унцию дерзости откуда-то. — У меня есть имя жертвы.

Эта информация была поприветствована удивленным бормотанием от его товарищей офицеров. Которые, очевидно, предполагали, что вероятность того, что Брэдшоу придет с чем-то стоящим находилась рядом с нулем. Трелоу поднял руку, чтобы призвать их к порядку.

— Продолжай, — подтолкнул он Брэдшоу.

— Эта информация, конечно же, нуждается в проверке.

Он знал, что теперь увяз по уши. Все, что на самом деле было у Брэдшоу — непродуманная теория Тома Карни.

— Я считаю, что мертвый мужчина — Шон Доннеллан, художник из Дублина, который посещал Грейт Мидлтон в тридцать шестом году, чтобы сделать иллюстрации для книги. У меня пока нет подозреваемого или мотива, но вполне вероятно, что это могла быть ревность. Очевидно, что он пользовался успехом у женщин.

Когда Брэдшоу закончил, он понял, что все в комнате молча смотрят на него, включая детектива суперинтенданта.

— И как ты пришел к этой информации? — спросил Трелоу.

Брэдшоу ни за что бы не рассказал об этом.

— Я получил ее из подверного обхода, — сказал он, надеясь, что это будет достаточно пространным, — по крупницам.

Трелу поначалу ничего не сказал. Вместо этого, он бросил взгляд на старшего инспектора Кейна, затем оглядел комнату с офицерами. Наконец, его взгляд остановился на Брэдшоу, и он кивнул.

— Как видите, это то, о чем я говорю: надлежащая полицейская работа, информация, собранная из добросовестного подверного обхода, и сильная зацепка. Какая жалость, что Брэдшоу — единственный, который ко мне прислушивается.

\*\*\*

При первой же возможности, Том позвонил своему редактору. Он использовал таксофон на углу пустого бара «Грейхаунд» до его открытия. Как и ожидалось, помощница Дока перехватила звонок.

— Дженнифер, это Том.

Ее молчание рассказало ему все.

— Могу я переброситься парой слов с Доком?

— Он занят.

— Да, я знаю, что он занят, — сказал Том, — он всегда занят. Я просто надеюсь, что смогу втиснуть разговор с ним между всем прочим.

— И я только что сказала тебе «нет», — она была хранительницей врат, защищая своего босса от нежелательных помех. — Он не хочет с тобой разговаривать, Том.

— Он сказал тебе это? — потребовал Том. — Он использовал именно эти слова?

— Я знаю Дока, — сказала она. — Он не хочет с тобой разговаривать.

— Сука, — прошептал Том про себя, но его губы были слишком близко к телефону.

— Что ты только что сказал? — ее голос был пронзительным от возмущения.

— Я сказал «сукин-сын», — быстро ответил он. — Слушай, у меня есть хорошая история, и мне надо поговорить о ней с Доком. Она ему понравится. Можешь ты, по крайней мере, передать ему и попросить его перезвонить мне? — попросил он ее. — Пожалуйста, Дженнифер.

Она так долго не отвечала, что он начал думать, что девушка откажет ему, потому что Том был достаточно глуп, чтобы назвать ее сукой. В конце концов, она сказала:

— Я передам сообщение.

— Спасибо тебе, — и прежде чем завершить разговор, он убедился, что она записала номер «Грейхаунда» на случай, если Док не сможет дозвониться ему на мобильный.

\*\*\*

— Ты делаешь это нарочно? — спросил Пикок Брэдшоу, когда он остановил молодого мужчину в своем офисе.

— Делаю что, сэр? — спросил он, не понимая.

— Нарушаешь субординацию, — сказал ему Пикок, — перепрыгиваешь через мою голову.

— Но, я не...

— Ты только что сделал это! — потерял самообладание Пикок. — Там, на утреннем брифинге.

— Но суперинтендант спросил меня...

Снова Пикок прервал его.

— Я знаю, что он спросил тебя. Ты должен был сказать, что идешь по следу

многочисленных зацепок и надеешься, что вскоре они приведут к чему-то конкретному.

— Я не понимаю, — запротестовал Брэдшоу. — Думал, что вы будете довольны, что я пришел не с пустыми руками.

Пикок вздохнул.

— Знаю, что ты не понимаешь, сынок, так что, по крайней мере, я могу списать этот последний случай твоей тупости на невежество, а не на злой умысел. Когда ты обнаружишь что-то, то идешь ко взрослому: то есть, ко мне. То, что ты не делаешь — не выдаешь это, чтобы прикрыть свою собственную задницу посередине коллективного выговора. Ты выставил меня и старшего инспектора безмозглыми мудаками и дал всем в своей команде еще одну причину ненавидеть тебя. *Теперь* ты понял?

И он понял.

Знакомая, отупляющая усталость охватила Брэдшоу, вместе с пониманием, которое ежедневно подкреплялось начальством, пока он не начал верить в это сам, что он бестолочь. Все, чего он хотел — это принять последнюю взбучку, выйти из офиса Пикока, отправиться домой и укрыться одеялом с головой. Он был чертовски уверен, что они не обратят внимания, или им будет все равно, если он так и сделает.

— Да, сэр.

— Мы проверим этого парня, Шона Доннеллана. Возвращайся на улицы и продолжай свой подверный обход.

Брэдшоу предположил, что он должен быть благодарен, что его избавили от еще одного полудня в столовой.

— А теперь убирайся.

\*\*\*

Немногим позднее середины дня, Том вошел обратно в бар «Грейхаунд».

— Тебе звонила девица, — сказал Колин Тому, — какая-то Хелен, сказала, что не сможет встретиться с тобой.

— Спасибо, — пробормотал Том.

Его день, который начался достаточно многообещающе, пошел не по тому сценарию, что он наметил. В настоящий момент, он надеялся предоставить материал Доку для новой статьи в «Газете», основывавшийся на конфиденциальной наводке Йена Брэдшоу, который напомнил бы редактору, что контракт Тома, все же, стоит перезаключить. Он также надеялся на подтверждение от Брэдшоу, что его начальство посчитало имя Шона Доннеллана многообещающей новой зацепкой в их расследовании по телу-на-поле. Но молчание Брэдшоу было оглушительным, Хелен игнорировала его, а Док все еще ему не перезвонил. Ему не хотелось покидать «Грейхаунд» на случай, если он пропустит звонок от своего редактора, и он не мог доверять своей мобильной связи, что означало, что он застрял здесь в пабе.

— Ваша встреча отменилась? — спросил Эндрю Фостер, который улыбался ему со стула в конце бара.

— А вам не полагается учить непослушных детей?

— Школа закрыта, пока они не закончат с телом.

— Как будто у вашей компании недостаточно каникул, — сказал Том. — У вас нет дел получше, чем зависать тут с нами, местными?

— Только зашел опрокинуть стаканчик, — сказал Эндрю, — не присоединитесь ко мне?

— Почему бы и нет?

\*\*\*

Когда Хелен вернулась с интервью с матерью «чудо-ребенка», она намеревалась написать статью как можно быстрее, а затем вылезти наружу на встречу с Томом в деревне. Вместо этого ее перехватил редактор.

— Чертов ребенок может подождать, — сообщил ей Малколм. — Отправляйся в младшую школу Грейт Мидлтона. Я хочу получить хоть какую-нибудь реакцию от директора по поводу тела-на-поле.

То, что ее отправили обратно в Грейт Мидлтон, определенно, подходило планам Хелен, но ее хорошее настроение продлилось недолго. На пути на выход, Джейсон, один из наиболее опытных репортеров, с радостью сообщил ей:

— Ты не добьешься от него ничего. Нельсон всегда счастлив поговорить с нами, когда это выгодно ему: если это спортивный день в школе, вручение призов или летний праздник: его невозможно заткнуть, но, если это что-то плохое, он не станет говорить с тобой. Малколм уже пытался, так же, как и Мартин.

Хелен сразу же поняла, что ей поручили это неблагодарное дело, потому что другие попытались и вернулись назад с пустыми руками. От нее ожидали провала.

Пока она ехала в Грейт Мидлтон, она думала о Питере. Они снова поссорились, в этот раз по телефону. Когда она позвонила ему предыдущей ночью, она собиралась рассказать ему все о делах, которыми он занимается. Она подумала, что, если расскажет ему о деталях работы, которой занимается, он сможет понять, почему ей это так нравится, но Питер не заинтересовался. Сначала он никак не комментировал, когда Хелен рассказывала что-то, и она подумала, что он терпеливо ждет и выслушивает, но каждый раз, когда девушка упоминала что-то о своей рабочей неделе, мужчина начинал рассказывать ей о своем дне.

Возможно, посчитала Хелен, Питер, со всеми своими амбициями, иногда чувствовала себя в тени ее собственных. Может, так вели себя все мужчины. Она не думала, что так правильно или справедливо, но Питер, определенно, стал другим человеком, с тех пор как она стала работать в «Вестнике».

Их телефонные разговоры проходили по схожему сценарию. Как теннисный матч, где каждый раз, как она пыталась начать тему разговора, он отражал ее чем-то, не относящимся к теме. Тем, чем он или его мать и отец недавно занимались. Все же, она упорствовала в тщетной надежде, что он может, по крайней мере, изобразить интерес, но было очевидно, что он все еще был раздражен тем, что она согласилась на работу в такой дали, несмотря на то, что он постоянно говорил ей «все в порядке».

— Ты можешь перестать говорить об этом парне, пожалуйста? — попросил он ее неожиданно таким тоном, который, казалось бы, противоречил вежливому вопросу. — Я думал, что ты звонишь, чтобы поговорить со мной.

*Этим парнем*, конечно же, был Томом Карни и, вероятно, Хелен упоминала чересчур слишком часто, но было сложно не говорить о мужчине, с которым она так плотно работала. Ее утверждение, что он не должен ревновать ее к коллеге журналисту, были встречены угрюмым тоном.

— Я не чувствую угрозы с его стороны, Хелен, просто мне немного надоело слушать о нем.

Затем ссора обострилась, и они оба пытались вежливо завершить разговор, пока она просто не повесила трубку. Хелен испытала, в особенности, боль от недостатка у него

интереса к ее карьере, к которой она испытывала такую страсть.

К тому времени, как Хелен добралась до школы Грейт Мидлтона, ей удалось убедить себя, что ссора возникла по ее вине. Вероятно, она проявила равнодушие, не задав Питеру больше вопросов по поводу его новой работы, хоть она и знала, что он не сталкивается и с половиной препятствий, с которыми ей приходилось бороться, когда мужчина работал на своего отца.

Возможно, она была слишком поспешна в своей оценке Тома Карни, которого Питер никогда не встречал. Он был во многих милях от нее в Суррее, и должно быть навоображал себе бог весть что. Тогда ревность Питера была объяснимой, даже если он и отрицал, что ощущает угрозу, и она будет вести себя с ним более осторожно в будущем. Это был один из многих маленьких компромиссов, которым Хелен пришлось научиться себя в последнее время. Над отношениями нужно тяжело работать и, иногда, ставить другого человека на первое место. Разве не так ей всегда говорили? Ее мать часто объясняла, что «давать и брать» было секретом долгого брака, который она поддерживала с отцом Хелен, хоть, по мнению ее дочери, миссис Нортон всегда отдавала больше, чем брала. Возможно, все женщины так делали. Может, это было великим невысказанным секретом, который они разделяли. Женщины отступают и уступают, по крайней мере, по пустякам, которые не так уж и важны. И надеются, что важные вещи разрешатся сами собой, как результат. Может, все просто так и есть.

Ее заставили ждать на ковре, как нежелательного продавца, в то время как охранника послали к директору. Школа сегодня была зловеще тихой. Обычно в этот час она могла бы услышать вопли и радостные крики дюжин маленьких детей, наслаждающихся последними минутами утренней перемены, но школа была закрыта для учеников, пока тело не изучат и не сфотографируют, не возьмут образцы, а тело не увезут на криминальную экспертизу.

Однако, мистер Нельсон все еще «охранял баррикады», как выразился один остряк из «Вестника», аккуратно подмечая «осадный» менталитет директора, которому нравилось контролировать все на своей территории, даже, когда не было учеников, бродящих по коридорам. Нельсон, вероятно, предпочитал это место таким, подумала Хелен, без детей и только костяком коллектива из охранника и школьного секретаря, служащих ему помощниками, пока он решал вопросы администрирования. Самым первым, по чему Хелен узнала о приближении директора, был звук его ботинок по деревянному полу, когда он целеустремленно направился к передней двери. Был ли гнев в этом стремительном шаге? Она скоро выяснит. Хелен разговаривала с Нельсоном прежде, и поняла, что он был тем типом мужчин, которые делегировали посланника, чтобы дать ей от ворот поворот. Он был тем типом, который будет хотеть поговорить с тобой ровно настолько, чтобы сказать, что он не собирается с вами разговаривать, наслаждаясь властью отказывать. Она была поражена пониманием того, что директор не станет разговаривать с ней, потому что ему не нужно это. У него было причин что-либо рассказывать, так что ей придется дать ему причину. Но как она собирается это сделать?

— Директор? — энергично начала она, когда он открыл дверь. — Я пишу статью для «Вестника» о теле, которое было найдено на землях школы, и для меня будет огромной помощью, если я смогу получить краткое высказывание от вас о...

— Боже мой, — прошипел он, — вы люди никогда не научитесь? Я сказал вашему редактору и заместителю редактора, что мне абсолютно нечего сказать по этому поводу, а теперь они прислали вас, — последнее слово он произнес так, что это показалось глубоким

оскорблением, будто «Вестник» прибежал к откапыванию самого отребья в своем штате.

— Все в порядке, — сказала она, улыбаясь. — Нет проблем, — он казался на мгновение озадаченным такой реакцией, — я могу написать материал без каких-либо цитат из этой школы. Правда, это не имеет значения.

— Ох, — сказал он. Пострадало ли его эго от ее легкого отказа от его вклада? — Тогда ладно.

— Просто, — она придала себе напускное выражение лица, — я слегка беспокоилась о том, как все может выглядеть.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, — продолжила она тоном, пробуждающим доверие, от чего все стало звучать так, будто лучшие школьные интересы были ее первостепенной заботой, — очевидно, если я не получу от вас комментариев, мне придется вставить «директор младшей школы Грейт Мидлтона отказался давать комментарии».

Она дала ему мгновение, чтобы впитать эту информацию.

— Но я всегда считала, что это звучит так, будто вам есть что скрывать, что, конечно же, не так.

Она, определенно, завладела его безраздельным вниманием.

— Но что я могу сказать об обнаружении тела на земле, которой мы даже не владели, когда его поместили туда?

— Возможно, будет целесообразно выразить немного печали из-за умершего человека, — предложила Хелен, — или, вероятно, несколько слов сочувствия для членов семьи, которые, возможно, потеряли близкого человека?

— М-м-м, — сказал он неуверенно, и она могла видеть, как у него в голове крутятся шестеренки, — возможно.

— Я была бы счастлива помочь вам с подготовкой к заявлению, — сказала она, — если вы думаете, что это будет полезно.

— Ну, — он сдавал позиции, и Хелен про себя молилась, потому что он понятия не имел, как чудесно будет вернуться в «Вестник» с цитатой, когда ее редактор и его опытный заместитель не смогли ее получить. — Тогда ладно, — ей пришлось остановить себя от того, чтобы победно не выбросить кулак в воздух, — вероятно, вам стоит войти. Не желаете ли чашечку кофе, мисс Нортон?

— Будет замечательно.

Эндрю Фостер давно покинул «Грейхаунд», но он обещал вернуться через пару часов.

— Ночь викторины во «Льве»! — напомнил он Тому, будто бесспорно это было главное событие недели.

Том все еще сидел здесь, в обнимку с пивом, решив, что оно последнее. Он не хотел потратить слишком много денег или напиться в обед. Прошло более четырех часов с тех пор, как он оставил сообщение Дженнифер, и все еще Док не перезвонил ему. Он больше не мог ждать.

Он покинул «Грейхаунд», чтобы подышать свежим воздухом, а потом купил телефонную карту в деревенском магазине, которую он использовал в расположенной на сквозняке телефонной будке, в которой отсутствовала половина окон.

Дженнифер в этот раз была еще менее веселой.

— Я передала ему сообщение, — заверила она его, должно быть через сжатые зубы.

— Ты сказала ему, что у меня есть история, которая ему понравится?

— Таким *было* сообщение, — она, казалось, подумала, что он ставит под сомнение ее профессионализм.

— И что он сказал?

— Ничего.

— Ничего? Он должен был сказать что-нибудь.

— Он просто проворчал что-то, как он обычно делает, когда занят.

— Но он собирается перезвонить мне?

— Он должен тебе позвонить?

— Нет, — сказал он, она подождала, пока до него дойдет. — Он не собирается позвонить, ведь так?

И, когда она не потрудилась ответить, он добавил:

— Дженнифер, мне было приятно с тобой поговорить, как обычно, — затем он повесил трубку, прежде чем она могла ответить.

Когда Том отсоединился от линии, его первым побуждением было много раз врезать трубкой по телефону, пока она не разобьется на дюжину крошечных пластиковых кусочков. У него ушла минута или две, чтобы успокоиться и перейти к плану «Б», и еще больше, чтобы обдумать хватит ли у него яиц, чтобы его осуществить. Если Док когда-нибудь узнает, что он собирается сделать, он уволит Тома на месте, может даже подаст на него в суд. Его навсегда внесут в черные списки в таблоидном мире, но, похоже, что это произойдет в любом случае и, если его контракт истек без перезаключения, через несколько недель он останется без работы. Ему отчаянно требовались деньги, а историю, которую он придерживал, нужно было рассказать раньше, чем это сделает кто-то другой.

Том порылся в кармане своей куртки в поисках записной книжки, пролистал ее, пока не нашел номер, который искал, и набрал его.

— Дэйли Миррор, — сказал незнакомый голос.

— Переведите меня на отдел новостей...

\*\*\*

В «Вестнике» неохотно признали, что Хелен проделала хорошую работу. Она вернулась с комментариями от директора Грейт Мидлтонской школы и вплела их в содержательную

новостную статью о загадочном теле-на-поле, которая потрясла деревню, уже содрогнувшуюся от исчезновения одного из ее детей. Статья, вероятно, произведет эффект разорвавшейся бомбы с первой страницы завтрашней утренней газеты. Однако у нее сложилось впечатление, что о ней не лучшим образом думали и, это сделает то, что должно было стать ее лучшим моментом, не таким ярким.

Пассивная враждебность старших мужчин коллег в газете останавливала ее от того, чтобы рассказать им все, что она знала о теле-на-поле. Если она напишет, что телом оказался Шон Доннеллан, Малколм зарубит статью на корню, прежде чем она попадет в печать. Он не был тем типом, который бездумно спекулирует на личности трупа, еще до того, как полиция выступит с официальным заявлением, так что пока она решила придержать эту информацию у себя.

Когда ее рабочий день подошел к концу, Хелен тихо покинула офис и пошла напрямик к библиотеке Даремского Университета. Написание ее первой передовицы вынудило ее отложить свою встречу с Томом Карни, и она была преисполнена решимости загладить вину. Она собиралась покопать информацию по делу Шона Доннеллана.

\*\*\*

— Дело в том, что викторина, — Эндрю Фостер говорил слишком громко для тихой улицы в жилом квартале после закрытия паба, — делает тебя и победителем, и проигравшим.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Том, который наслаждался сочетанием свежего воздуха и эффекта от выпитого пива.

— Мы выиграли, потому что мы знаем все вопросы по истории и прочее: фильмы, книги, песни и спорт, что делает нас по существу...

Он посмотрел на Тома, будто подталкивал одного из своих отстающих учеников к ответу.

— Неудачниками? — спросил Том, и Эндрю многозначительно кивнул. — Ох, не будь таким. Мы просто разозлили всех этих старперов, которые выигрывают викторину неделя за неделей, которые проиграли всего раз за целую вечность. Мы чемпионы! — Том проревел эти два последних слова.

— Прекрати, мужик, — произнес Эндрю со смехом, — пока люди не отодвинули занавески и не поняли, что я учу их невыносимых детей.

— Что ты сказал? — закричал Том.

— Я сказал, что я учу их невыносимых детей! — и он разразился смехом. Эндрю бросил украдкой взгляд на безжизненные улицы вокруг и молчаливые дома, затем издал шикающий звук и сказал: — Давай выпьем на сон грядущий.

— Где?

— У меня дома. Он тебе по пути. Пошли, ты не можешь встать, не так ли?

— Это верно! — выразительно сказал Том. — Давай пошли. Я выпью немного сладкого шерри.

— Ты будешь водку, и тебе понравится.

\*\*\*

Хелен провела вечер в библиотеке, глядя на старые страницы «Вестника», датируемые тридцать шестым годом. Это было довольно отчаянное дело и, она знала это, но она надеялась на что-то, что может относиться к исчезновению молодого мужчины в Грейт Мидлтоне тем летом.

Несколько часов спустя, когда ее глаза устали от усилий, связанных с тем, что она бесконечно разглядывала размытые страницы, напечатанные на микрофиш-машинке (*прим.: Микрофиш — копия плоских оригиналов документа, изготовленная фотографическим способом в виде микроформы на прозрачной форматной фотопленке с последовательным расположением кадров в несколько рядов*), и была уже готова сдать. Хелен не нашла упоминаний об ирландском художнике. Также не было сообщений о ссорах, обидах, драках или нападениях в Грейт Мидлтоне, которые могли бы привести к убийству, она начала чувствовать себя глупо за то, что даже подумала, что они тут могут быть, когда кое-что привлекло ее внимание.

Хелен прочитала статью внимательно и сразу поняла, что она должно быть как-то связана с Шоном, хоть в статье и не упоминалось его имя. Дата была примерно той, когда он, скорее всего, исчез, так что она достала свой блокнот и переписала небольшой новостной кусок слово за словом.

Хелен покинула библиотеку, в нетерпении поделиться своим открытием с Томом, и была разочарована, когда не смогла найти его в «Грейхаунд» или дозвониться ему на его временами ненадежный телефон. Вместо этого, она вернулась в свой крошечный дом: полутемная, односпальная квартира на первом этаже в разрушающейся части города, чью аренду она едва могла себе позволить. Она разогрела в микроволновке резиновую лазанью, затем смыла ее вкус двумя бокалами дешевого белого вина, прежде чем, наконец, отправиться в постель.

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**

— Я обожаю этот фильм, — сказал Том, пока они смотрели «Крестного отца», который был одним из видео обширной коллекции школьного учителя.

Можно было сказать, что Эндрю одинок, в тот самый момент, как он повернул ключ в замке. Нигде не было и следа женского присутствия. Вместо этого были простые деревянные полки, заставленные видео, некоторыми купленными, некоторыми записанными на пустую пленку с телевизора с нацарапанными от руки названиями на них. Декор чисто был подростка-с-деньгами, даже хоть Эндрю и было лет двадцать пять. На стене находились два штыка времен Второй Мировой Войны, и Том посмотрел на них дважды, прежде чем понял, что они были настоящими. Они занимали почетное место над камином Эндрю, чуть ниже картин со «Спитфайром» и матчем по английскому регби. Эндрю владел проигрывателем и большой коллекцией виниловых альбомов. На шатком кофейном столике лежали автомобильные журналы, вместе с потрепанной, бумажной копией книги «День шакала» Фредерика Форсайта. Старый автобусный билет служил закладкой. Эндрю был замечательным парнем, но любая женщина, зашедшая в дом, увидит только большого ребенка, запертого в теле взрослого мужчины.

Они были достаточно пьяны, чтобы сидеть на полу, прижавшись спинами к дивану и креслу соответственно, пока смотрели фильм.

— Спасибо, Эндрю, — сказал Том, — что помог мне отвлечься.

— От чего? — спросил учитель.

— Ох, ну знаешь, проблем.

— Ты не похож на человека, у которого так уж много проблем, Том.

— Я бы не был так уверен.

— О чем тебе беспокоиться?

— О немногом.

И прежде чем он понял, что делает, Том обнаружил, что рассказывает Эндрю все о своем изгнании из газеты и потенциально губительном иске Тимоти Грейди. Он также рассказал о своем замысле откопать достаточно крупную историю, чтобы убедить своего редактора оставить его, но теперь Док даже не перезванивает.

— Так, значит, тебе нужна большая история? — спросил учитель.

— Да.

— У тебя такая есть?

— Нет, — а затем добавил, — ну, пока нет.

Когда он закончил, школьный учитель задумался, а затем сказал:

— Ну, все звучит не так уж плохо.

— Правда? — неверяще спросил Том.

— Нет, — ответил Эндрю, — на самом деле все звучит просто ужасно. Я бы сказал, что ты крупно облажался.

И по какой-то причине, которую Том до конца не мог осознать, он начал смеяться. Жестокая честность откровенной оценки Эндрю и серьезность его затруднительного положения поразили его одновременно, и он продолжил смеяться, Эндрю начал смеяться тоже, и вскоре у них обоих началась истерика.

— Спасибо за это, друг.

— Без проблем, — проговорил, захлебываясь, Эндрю, вытирая глаза, — в любое время.

— Тебе стоит работать на Самаритян, — сказал ему Том, и они снова разразились смехом.

*День шестой*

Суперинтендант Трелоу добрался до своего офиса в привычный ранний час. Ему нравилось начинать работу над документами до того, как все пришли. Трелоу пошел положить свой портфель на стол, но остановился, когда понял, что там уже что-то лежит. Копия газеты была аккуратно размещена на столе, так, чтобы нашедший мог увидеть первую страницу, только когда сядет. Трелоу замер, будто все еще ждал, что злоумышленник все еще прячется поблизости. Когда он удовлетворился тем, что это не тот случай, он сел, а затем взял газету.

Там, на первой полосе «Дейли Миррор» была эксклюзивная статья о последних новостях в деле поисков пропавшей школьницы Мишель Саммерс, сопровождаемая услужливым заголовком: «Психо-Охотник» и подзаголовком: «Отчаявшиеся полицейские привлекают к работе Супер-Психолога из ФБР, чтобы поймать Жнеца.

Трелоу быстро прочитал статью, надеясь на то, что она изложена в позитивном ключе, так как это было его личным решением заручиться помощью зарекомендовавшего себя судебного психолога, чтобы он помог выследить этого серийного похитителя детей. Ему придется пережить разочарование.

\*\*\*

Журналист из «Миррор» Том позвонил старому знакомому с Северо-востока, который, как и он, переехал в столицу. Он дал Тому свой номер, чтобы они могли иногда встречаться и выпивать по пинте. Пол Хилл с интересом выслушал историю Тома о том, как Констебулярия Дарема наняла профессора, и пообещал перезвонить ему. Один из контактов «Миррор», детектив на службе, подтвердил заявление Тома и, двадцать минут спустя, Хилл позвонил ему в «Грейхаунд», чтобы купить его историю при условии, что имя Тома не будет упоминаться, так как он все еще связан контрактом с газетой конкурентом, которая отстранила его от работы. После тщетного ожидания в течение нескольких часов проявления интереса от Дока, процесс пошел удивительно быстро. Хилл даже заявил, что это может попасть на первую полосу, так как сегодня был день небогат на новости.

К несчастью для Трелоу, редактор Пола Хилла решил, что история не слишком пикантная, так что он переписал ее полностью, пока она не превратилась в уничижительную критику неудачливых полицейских сил, которые так отчаялись, что тратили деньги налогоплательщиков на мозгоправа из ФБР, использующего псевдонаучные техники, эффективность которых еще не совсем доказано в Великобритании. «Миррор» даже заплатила бывшему столичному полицейскому детективу с некоторой репутацией, чтобы он развенчал новомодные методы, как «полностью бредовые». Последним гвоздем в гроб стало изображение Энтони Хопкинса, играющего Ганнибала Лектора, которое было услужливо вставлено следом за статьей, которое сделало все выглядящим так, как будто на Трелоу, который был упомянут в статье, больше повлиял Голливуд, чем наука в его выборе эксперта.

— О, Боже, — пробормотал Трелоу, потому что он знал, что его карьера пойдет под откос быстрыми темпами.

\*\*\*

Йен Брэдшоу сделал перерыв в своем последнем подверном обходе, чтобы купить сигарет. Пока он ждал своей очереди, его взгляд упал на стойку с газетами и, в частности, на

первую полосу «Дейли Миррор».

— Господи Иисусе, — воскликнул он, когда увидел, что они наделали.

— Вы в порядке? — спросил продавец газет, когда вручал ему сигареты.

Брэдшоу выхватил копию газеты и бросил кое-что из сдачи на прилавок, чтобы заплатить за нее, прежде чем поспешно покинуть магазин, не сказав ни слова. Мгновение спустя, он сидел в своей машине, перечитывая статью второй раз, надеясь, что она не так уж плоха.

Его надежды не оправдались.

Как, черт возьми, газета выбрала такую безобидную информацию, как наем эксперта из ФБР, и превратила его в такое негативное событие? Брэдшоу знал, что, если это отследят до него, с ним будет покончено. Он собирался убить Тома Карни.

\*\*\*

— Пожалуйста, скажите Хелен Нортон, что звонил Том, — сказал он человеку на ресепшене в «Вестнике Дарема», с рукой зажатой между его губами и трубкой, чтобы изменить голос, — брат мисс Дарлингтон. Я буду этим утром в кафе «Роузвуд», если она захочет заскочить. Скажите ей, что я «на седьмом небе».

Озадаченный администратор принял сообщение. Том завершил вызов и пошел в кафе с бумагами, зажатыми под мышкой. Он заказал кофе и бутерброд с двойным беконом, а затем сел, проглотил две таблетки «Ибупрофена» из-за похмелья и перевел свое внимание на заголовки этого утра. С мрачным удовлетворением он оглядел первую страницу «Дейли Миррор». Он только что написал свою вторую первую полосу, главную статью для национального таблоида, но был счастлив, что его имя нигде не было упомянуто. Затем он прочитал статью и быстро понял, что она сильно изменилась с тех пор, как Пол Хилл записал ее. Он сразу же подумал о констебле Брэдшоу.

\*\*\*

Йен Брэдшоу смотрел прямо перед собой, пытаясь сделать лицо чистым холстом, пока слушал проходящего все в большую ярость старшего инспектора Кейна.

— К настоящему времени большинство из вас уже видели первую полосу определенной национальной газеты, — сказал Кейн детективам на утреннем брифинге, в этот раз без Трелоу, который был занят вопросами, связанными с прессой. — В который раз полиция стала предметом насмешек. Что меня больше всего беспокоит, так это то, что эта статья пошла от кого-то, находящегося в этой комнате, — он остановился, чтобы дать им осознать это, а затем добавил, — и мы найдем злодея, поверьте мне.

Он испытующе посмотрел на них всех, и Брэдшоу стал хмуриться из-за этого акта предательства, чтобы попытаться избежать выдать другие признаки виноватой совести.

— Если это был ты, — Кейн сказал им всем, — тебе лучше прийти ко мне потом с чертовски хорошим объяснением: сделай это и можешь избежать распятия. Если же нет, то сильно пожалеешь, когда мы найдем тебя.

Казалось Кейн воспринимал их глубокое и тяжелое молчание, как осознание, и, когда брифинг подошел к концу, он отвел О'Брайана и Скелтона в сторонку.

— Я считаю, что это работа, которая подходит вашим навыкам, — сказал он им. — Переверните пару камней, пока не достанете мне имя. Супер в настроении для человеческой жертвы, так что найдите мне его быстро. Иначе, для меня тут будет сибирский ГУЛАГ, — и он многозначительно на них посмотрел, — а вы двое не сможете даже отлить здесь без предварительного разрешения Трелоу.

— Оставьте это нам, — заверил его О'Брайан, — Мы поспрашиваем в округе, выясним кто якшается с журналистами. Вы получите его имя в течение двадцати четырех часов.

\*\*\*

— Мне очень жаль насчет вчера, — сказала Хелен Тому, когда присоединилась к нему в кафе, — Я просто не могла выбраться.

— Я прочитал твою статью на первой странице, — сказал он ей, а затем процитировал заголовок: «Директор в шоке от убийства на игровом поле, автор Хелен Нортон», и улыбнулся ей.

— Спасибо, — сказала она без энтузиазма. — Вот почему я не могла встретиться с тобой. Мне нужно было написать ее.

— Тебе удалось разговорить Нельсона. Отличная работа.

— Малколм послал меня туда, ожидая от меня поражения, — призналась она.

— Но ты не провалилась, — напомнил он ей, и она кивнула. — И, конечно же, они были любезными и так и сыпали поздравлениями, — сухо добавил Том.

Она не хотела этого признавать:

— Не совсем.

— Дай угадаю, — сказал он, — Мартин надулся, Брэндан не поверил тебе, а старый добрый Малколм обвинил тебя в том, что ты светила перед ним сиськами?

Это было не так уж далеко от правды.

— Малколм на самом деле обвинил меня в том, что я использовала свои женские чары на директоре, но ты был близок.

— Ты, должно быть, нравишься Малколму или, вероятно, он все еще надеется, что ты ляжешь с ним в постель, потому что обычно он намного более груб.

Том был прав насчет этого тоже. Хелен часто слышала отрывки разговоров, вылетающих из офиса редактора, когда дверь была приоткрыта. «Сиськи» постоянно фигурировали в разговоре, наряду с «трахаться» и «динамщицы». Для разнообразия старшая редакторская команда любила отпускать шутки о «гомиках». Когда Хелен была на середине своей аспирантуры по журналистике, это было не то, как она представляла себе свой первый отдел новостей.

— Не думаю, что кому-то из них я на самом деле нравлюсь, — сказала она.

— Проблемы в них. Им не нравится, когда они не самые большие герои в отделе, вот и все.

— Не важно, — сказала она. — Я получила свою первую главную страницу, и у нас есть неделя до следующего выпуска, что означает, что у меня есть время, чтобы поработать над более важными вещами, — сказала она значительно, — как это, — и она достала свой блокнот и вручила его Тому.

— Воры ограбили дом викария, — прочитал он вслух, затем поднял взгляд на нее.

— Из университетской библиотеки, — сказала она, — у них есть все старые выпуски «Вестника» на микрофише. Эта статья тридцать шестого года.

Он бросил на нее взгляд, говоривший, что он впечатлен, затем продолжил чтение. — Отчаянные воры ворвались ночью в дом викария в Грейт Мидлтоне, чтобы украсть некоторое количество золотых соверенов, принадлежащих преподобному Альберту Райли. Преступление было совершено в четверг десятого сентября, пока преподобный отсутствовал. Деньги пока не обнаружены, как и никто еще пока не задержан полицией.

Том прекратил чтение и вернул взгляд на Хелен.

— Не слишком ли большое совпадение? — спросила она.

— Золотые союзерны были украдены у отца Мэри Кольер в то же время, как был убит Шон Доннеллан? Я бы сказал, что да.

— Но что на самом деле это означает? — она казалось размышляла вслух, — мы полагаем, что Шон украл их?

— Таково мое предположение, — сказал Том, — у него было недостаточно денег, чтобы заплатить за аренду, он был близок с Мэри.

— Предположим, что она рассказала ему о деньгах, или он узнал как-то, затем присвоил их?

Он говорил медленно, соединяя все воедино в уме. — Кто-то узнал и...

— Они убили его? — спросила она. — Убит викарием? — предположила она легкомысленно.

— Я знаю, — сказал он, — обычно это дворецкий.

— Я не уверена, что это приближает нас к правде, — сказала она.

— Я бы так не сказал, — сказал ей Том. — Ты только что могла раскрыть мотив.

— Старший инспектор не доволен тобой, — заявил О'Брайан, когда жестко приземлил свой обеденный поднос на стол перед Брэдшоу.

Скелтон присоединился к О'Брайану, и они сели напротив Брэдшоу, который осмотрелся вокруг. Столовая была почти пустой, так что у них было много других мест, куда можно сесть. Винсент все еще был у прилавка и, казалось, не заметил вторжения. Более вероятно, что он игнорировал Брэдшоу после его грубого комментария в коридоре, когда им сделали выговор. Винсент оставался повернутым к ним спиной, пока ждал, когда вынесут с кухни свежий пирог с патокой.

— Правда? — ответил Брэдшоу, — а я-то думал, что он хочет, чтобы я женился на его дочери.

— Послушай, Шерлок, мы все знаем, чем ты занимался, — сказал ему Скелтон. — Так почему ты просто не признаешься в этом. Сознайся и ты получишь, что хочешь... что мы все хотим, на самом деле.

— И что же это?

— Билет отсюда, — сказал ему О'Брайан. — Не будет никакой шумихи, если ты признаешься, но если ты откажешься, а мы докажем, что это был ты, тогда у тебя будут большие неприятности.

— Правда? Хорошо, ладно, — Брэдшоу закивал головой, пока говорил это. — Я слышал кто-то выцепил «Кит-кат» из ланч-бокса Тревора Уилсона пару дней назад, но я могу заверить вас, что это был не я. Я сам-то больше предпочитаю «Твикс», что можете увидеть, — и он показал на шоколадный батончик на его подносе с ланчем.

— Кто-то слил информацию, — сообщил ему О'Брайан, — а нас попросили найти крота.

Брэдшоу просто моргнул в ответ, будто ждал дальнейших объяснений.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Тот местный парень, Том Карни, репортеришка, который уехал в Лондон, а потом вернулся с прижатым хвостом. Это он, так? Мы проверили его, спрашивали в округе. Все это заняло пару телефонных звонков. На самом деле, мы узнали многое о нем.

— Включая, с кем он выпивает, — добавил Скелтон, а затем сказал, — что и требовалось доказать.

— Теперь мы собираемся дать тебе последний шанс сознаться в том, что ты сделал, Шерлок, и ты сможешь уйти тихо, — сказал ему О'Брайан. — После ты будешь сам по себе.

Брэдшоу открыл рот, чтобы отрицать все, затем остановился. Это будет слишком легко. Все, что ему нужно было сделать, это ухватиться за это, и он будет снят с дела о теле-на-поле, изгнан из команды «балласта», и из полицейских сил навсегда. Больше не будет резкой критики от коллег, которые презирали его или головной боли от старших офицеров, которые считали его обузой. Вероятно, он найдет что-то более полезное, чем заняться в жизни. Он сможет начать сначала, может даже уедет за границу, будет работать в баре, в каком-то жарком месте. Все, что ему нужно было сделать, так это, признаться.

Теперь они оба пристально смотрели на него. Ждали, что он сделает.

— Школа, — просто сказал Брэдшоу.

— А? — непонимающе спросил Скелтон.

— Я знаю его со школы, — резонно заметил Брэдшоу. — Том Карни был на год младше меня в моей общеобразовательной школе, — объяснил он, — или ваше обширное расследование не включает в себя эту информацию? Я не видел его много лет, но так случилось, что мы оба оказались в «Грейхаунд» в одно и то же время, как и кучка других журналистов и копов. Он подошел поздороваться. Я, должно быть, поговорил с ним целых пять минут.

Наступила минутная пауза, пока Брэдшоу ждал их реакции. Внутренне он задержал дыхание. Он знал, что они блефуют, предлагая ему признаться и уйти без шумихи, что означает, что они просто подозревают, что он крот, но не могут доказать этого. Он в свою очередь тоже блефует, желая проверить, есть ли у них что-то еще, помимо того, что его видели выпивающим в пабе с Карни, чего будет недостаточно, чтобы обвинить его.

Когда они не ответили, Брэдшоу сказал:

— Это все, что у вас есть? Хорошо, теперь почему бы вам не свалить и не оставить меня одного. А еще лучше, я свалю, а? Я съем свой «Твикс» в машине.

Он встал и забрал с собой поднос. Когда он стал уходить, Скелтон сказал:

— Это еще не конец, Шерлок. Теперь ты — история, и ты знаешь это.

\*\*\*

Родди положил большой рулон бумаги, перевязанный веревкой, на свой кухонный стол.

— У меня кое-что для вас есть, — сказал он, — две вещи, на самом-то деле, — и он извлек клочок бумаги из кармана и развернул его. — Я поспрашивал в округе о Мэри Кольер и о ее покойном муже Генри. Осталось не так много людей, которые помнят его до того, как он стал директором, но этот парень вспомнит.

Он вручил Тому клочок бумаги, на котором было написано имя Сэма Армстронга, а также его телефонный номер.

— Кто он? — спросил Том.

— Помнишь ферму Армстронгов на краю деревни?

— Конечно, — сказал Том.

— Он продал ее только восемь или девять лет назад. Он был крепким, как старые ботинки. Я помню, как играл в его тюках с сеном, когда мы были детьми, и он выгонял нас оттуда, ругаясь и бранясь. Я никогда не бегал так быстро, — он улыбался при воспоминании.

— Как он связан с Генри Кольером? — спросил Том, прежде чем Родди отвлечется на другие детские мемуары.

— Они были лучшими друзьями, когда были детьми, по общему признанию.

— Ты уверен в этом, Родди?

Родди выглядел обиженным.

— Я проверил это, мужик. Я позвонил старому приятелю, и все верно. Он подтвердил это.

— Чтоб мне провалиться, тогда, что ему известно о Генри?

— Я не спрашивал.

— А? Почему нет?

— Я историк, а не репортер, это твоя работа. Я просто открываю для тебя дверь.

— Он встретится с нами? — спросила Хелен.

— Он так сказал. Позвоните ему. Он только недавно переехал в место в десяти милях отсюда.

— Молодец, Родди, — сказал Том, — ты сказал, что есть две вещи?

— Да, — и Родди снял веревку со свернутых бумаг и развернул их, а затем распрямил руками. Первый лист был карандашным рисунком лесов позади речного берега.

— Еще один из пейзажей Шона Доннеллана, — сказал Том.

— Он также хорош, — подметила Хелен.

— Говорил же вам, что найду их, — сказал Родди, будто не стоило и сомневаться. — Парочка из них не закончены. Предположу, они ему не понравились, — и он позволил рассмотреть им каждый из полудюжины рисунков по очереди. Там было четыре из них, на которых были окрестности, но, когда он добрался до последних двух рисунков, он осторожно положил пейзажи на пол, чтобы суметь разместить последние два изображения друг с другом. На обоих был один и тот же субъект: очень симпатичная молодая женщина не улыбаясь смотрела в ответ на художника. — Хороши, не так ли? — спросил Родди, добавив, — не закончены, как и другие, но чертовски хорошее сходство.

— Сходство? — спросил Том.

Родди посмотрел на Тома так, как будто тот упускает из вида нечто очевидное, а затем улыбнулся.

— Ты намного моложе меня, так что ты не можешь видеть, но это, — и он постучал кончиком пальца по одной из картин, — выглядит очень похоже на молодую Мэри Кольер.

Том вглядывался некоторое время в рисунок, а затем сказал:

— Ты прав, Родди.

Хелен, Том и Родди минуту стояли в тишине, размышляя над изображением серьезной молодой девушки, которую Шон Доннеллан запечатлел давным-давно, навсегда застывшую во времени.

1936 год

— Ох.

— Тогда не шевелись.

— Я и не шевелюсь, — заверила ее Мэри, — ай.

— У тебя сплошные колтуны в волосах этим утром, — сказала ей миссис Харрис. —

Чем ты занималась сегодня ночью?

— Ничем, — покраснела Мэри. — Спала.

— В терновом кусту? Я едва могу пройти расческой через эти крысиные хвосты.

— Ты полна доброты и очарования.

— Я едва спала прошлой ночью. Завидую тебе. Ты спала сном младенца.

— Ой!

— Красота требует жертв.

— Кто такое сказал?

— Моя мать частенько так поговаривала, а она редко ошибалась. В этой деревне есть несколько людей, которым стоит прислушиваться к старшим, если вы спросите меня.

Мэри знала, что миссис Харрис подбирается к этому.

— Я видела эту Бетти, — сказала она зловеще, — мы все видели ее, даже, если она думает, что нет, гуляющую с тем ирландцем.

— Это такая ужасная вещь? — спросила Мэри, — что Бетти ходит на прогулки с мистером Доннелланом?

— Если это все, чем она занимается, но языки в этой деревне болтают, люди могут увидеть в этих прогулках то, чего там нет. Девушка всегда должна быть осторожна, особенно, маленькие и глупые, такие как Бетти. Некоторые мужчины умеют красиво говорить, и женщины могут попасться на эту уловку, если не будут осторожны. Ее репутация разрушена навсегда за один единственный день.

— Почему у меня сложилось впечатление, что мы больше говорим не о Бетти? Это потому, что я хожу на долгие прогулки с Генри? Тебе не стоит волноваться, — заверила ее Мэри, — он уважает меня.

— Я уверена, что так, — сухо заметила миссис Харрис, — но мужчины не всегда могут контролировать себя, вот почему леди стоит убедиться... — она не могла подобрать слова.

— Что ее честь не будет скомпрометирована?

— Ты всегда говоришь это лучше меня, — признала она, — что показывает важность твоего образования, но я знаю, о чем говорю, так что просто прислушайся.

Затем она казалось смягчилась.

— Я знаю, что твой Генри — хороший мужчина. Он считает, что ты светлая, как солнышко, и я ожидаю, что ты затянешь его в семейную жизнь, когда выйдешь замуж.

— Нет, — возразила Мэри.

— Теперь, с другой стороны его старший брат, — и миссис Харрис закашляла, — просто скажем, что я бы не хотела столкнуться с ним темной ночью.

А он с тобой, подумала Мэри, а затем тотчас же отругала себя за недоброжелательность.

\*\*\*

Когда Мэри пошла на прогулку тем утром по Безымянной Тропе, она поняла, что

надеется снова встретить по дороге Шона Доннеллана у реки. Она, конечно же, нашла его там, склонившимся над своей работой, но, когда он увидел Мэри, он отложил работу, и они долгое время разговаривали об обыденных вещах.

— Я собирался размять ноги. Не прогуляешься ли со мной? — сказал он затем.

— Я так не думаю.

— Почему? Это будет неподобающе?

— Вся деревня знает, что ты гуляешь с Бетти.

— Так ли это? Я гулял с молодой Бетти, но не ухаживал за ней, — сказал он ей.

— Тогда не обманывай ее, — ответила Мэри, — ведь все так кажется.

— Может ли мужчина пройтись по берегу с женщиной, чтобы не быть обрученным в конце прогулки?

— Не в этом месте, — сказала она, но это было не внушением, а более признанием местных взглядов в ее деревне.

— Я не подхожу такой девушке как Бетти. Она никогда не покинет Грейт Мидлтон, даже и не подумает о таком, — сказал Шон, — но я уеду, потому что там есть целый мир, который хочется увидеть, и я намереваюсь увидеть его, прежде чем потеряю свет.

— Свет? — поначалу, она подумала, что это художественный термин.

— Большинство людей обладают внутренним светом, когда молоды, но он вскоре пропадает.

Было очевидно, что она не поняла его. Он выглядел раздраженным, потому что плохо объяснился.

— Я говорю о надежде, Мэри, и о том, как она растворяется, обычно сменяясь страхом. Молодые люди думают, что все возможно, что Бог любит их, а затем они попадают в реальный мир на пять минут, и они напуганы тем, что видят, тем, за что, им говорят, они должны бороться.

— Что ты имеешь в виду?

— За необходимость зарабатывать на жизнь, иметь крышу над головой и еду в желудках, он берет верх. Страх голода, быть выброшенным на улицу, заменяет все мечты, которые они когда-либо имели, так что они удовлетворяются меньшим. Это печальный факт, но правда. Как много людей ты видела, которые живут той жизнью, о которой мечтали, когда были молоды? — задал он риторический вопрос, — но я не удовлетворюсь меньшим, Мэри, и ты не должна. Здесь тебе нечего делать.

И хоть они и не говорили больше в этот день, и между ними не было никакого физического контакта, Мэри будет оглядываться назад на этот разговор и поймет, что это было тем моментом, когда все началось.

Том вывернул машину с главной дороги на обочину, паркуясь. Дом Сэма Армстронга располагался на конце длинной изрезанной колеями дороги на вершине холма. Он был крутым, с кучей луж из-за дождя и скользким от грязи. Очевидно, что Сэм не смог совсем расстаться с сельской местностью.

— Я не думаю, что моя машина поможет нам приблизиться, — сказал он, и они переглянулись.

— Мы справимся, — сказала Хелен ему, не желая сейчас поворачивать назад.

Они оставили машину, там, где она была, и стали подниматься по холму. В считанные секунды, их брюки оказались заляпаны грязью. Пока они шли, им пришлось осторожно ступать, чтобы избежать лужиц воды в разрушенном полотне дороги. На полпути к дому, Хелен поскользнулась, и Том инстинктивно выбросил вперед руку, чтобы предотвратить ее падение.

— Спасибо, — сказала она, — не самая моя практичная обувь.

Она сделала еще один осторожный шаг, но ее нога начала скользить снова.

— Сюда, — он взял ее за руку, и они начали медленный и неуверенный подъем к дому. Дорога становилась все круче, и они оба почти поскользнулись пару раз. Когда они приблизились к вершине холма, Хелен пришлось подавить желание захихикать, когда она поняла, как это должно все выглядеть, они вдвоем идут по дороге, держась за руки как парочка слащавых подростков.

Том наконец отпустил ее руку, чтобы постучать в дверь. Сразу же, собака начала дико лаять где-то внутри дома.

— Я надеюсь, что он, черт возьми, дома, — пробормотал он, пока рассматривал их грязную обувь.

Дверь была открыта пожилым мужчиной с густо испещренным морщинами лицом и грубыми мозолистыми руками от многих лет работы на улице. Он оглядел их с головы до ног и сказал в качестве приветствия:

— Родди должен был сказать вам захватить резиновые сапоги, вы забрызганы грязью.

Хоть дом Армстронга и не был таким же заваленным, как дом Родди Монкура, дом Сэма Армстронга также говорил об уединенном существовании. Сэм был вдовцом, который казалось проявлял мало интереса в делах по дому. Он оставил на время Хелен и Тома, чтобы унять собаку, затем вернулся и принялся убирать вещи, чтобы они могли сесть. Несколько газет, кучка одежды, отложенная в сторону для стирки, и несколько мелких, маслянистых механических деталей от старого автомобиля, с которыми он возился за кофейным столиком, были убраны. Комната была прохладной, но он не стал использовать старый парафиновый обогреватель в углу.

Старик молча слушал, пока они объясняли цель своего визита.

— Шон Доннеллан, — произнес он медленно. — Пока Родди не упомянул его, я не слышал это имя долгое время. Вы считаете, что он тот самый парень, которого выкопали на Капперз Филд?

— Мы не уверены, — сказала Хелен, — но похоже на то.

— Я не удивлюсь, — спокойно сказал старик.

— Почему вы так говорите?

— У того мужчины был талант пробуждать в людях все самое плохое, — сказал Том. — Он был дерзким и умел обращаться со словами. Девки здесь никогда не слышали ничего подобного прежде. Они вели себя с ним, как будто он был кинозвездой или кем-то подобным, а парням это не слишком нравилось.

— Мы слышали, что Бетти Тернер влюбилась в него, — сказал Том.

— Она была не единственной, — многозначительно ответил фермер, будто собирался выслушать, что они знают, прежде чем раскрыть больше.

— Мэри Кольер тоже, — заявила Хелен.

— Да, и она, как и все, да еще одна или две, кроме того. Некоторые были предприимчивы, а другие так не умели. Вся деревня знала, что он ухаживает за несколькими из них, пока был там.

— Так, значит, Мэри просто была одной из тех, кому он морочил голову? — спросил Том.

Старик на какое-то время задумался, как будто пытался вспомнить или, вероятно, тщательно подбирая слова.

— Нет, она была большим, чем это. Что бы они там не делали, этого было достаточно, чтобы она бросила своего жениха, что в то время вызвало огромную бурю. Немногим в деревне из-за этого нравился ирландец: сбить дочь викария с праведного пути в таком маленьком местечке, как наша деревня...

И он покачал головой, как будто они не могли в полной мере осознать всю серьезность такого события в те дни.

— Звучит так, будто вы все это хорошо помните? — спросила Хелен.

— Помню, — сказал фермер, — Генри Кольер был моим хорошим другом. Мы часто вместе рыбачили.

— По тому, что вы говорите, было немало людей, затаивших злобу против Шона Доннеллана.

— Так и было, — согласился он, — но не так много тех, кто убил бы его за это.

— Тогда, кто, вы думаете, сделал это? — спросила Хелен.

— Это мог быть только один из двух людей, — сказал Сэм, — если вы спросите меня.

Хелен и Том оба были удивлены его уверенностью.

— Мы вас спрашиваем, — сказал ему Том, — кто, как вы считаете, убил Шона?

— Либо Генри Кольер, — назвал он достаточно спокойно имя своего старого друга, — или его брат Джек.

У Сэма Армстронга была история, которую можно поведать, но он решил, что ему сперва нужно выпить. Том отказался, потому что был за рулем, Хелен тоже, потому что не была фанаткой виски. Сэм пошаркал к покосившемуся старому деревянному шкафу, который открылся и обнажил наполовину выпитую бутылку «Беллз» и маленький стеклянный графин с непрозрачной водой и пробкой в нем. Он налил себе щедрую порцию виски и добавил немного воды, прежде чем вновь занять свое место и сделать глоток.

— Генри Кольер поставил все на Мэри, — объяснил он. — На самом деле, всю свою жизнь. Мы были просто детьми, когда она переехала в Грейт Миддлтон со своим отцом, и она даже тогда была настоящей принцессой, надменной и вся из себя. Я видел ее насквозь, но Генри нет. Он думал, что она была самым лучшим, что может быть, после нарезанного хлеба, — и он сделал большой глоток виски. — Он планировал заполучить ее с самого первого дня, начал учиться, типа уехал в Оксфорд или вроде того. Большинство парней посчитали это бессмысленным. В любом случае, все они окажутся в шахтах, так что зачем утруждаться. Все молодые парни в деревне шли туда, когда оканчивали школу. Я бы пошел тоже, если бы у нас не было фермы. Не поймите меня неправильно, жизнь фермера не легкая, но она лучше, чем жизнь шахтера. По крайней мере, воздух свеж, и ты не под землей, постоянно беспокоясь о том, что на тебя рухнет потолок в любое время.

— Как Генри избежал шахт?

Фермер с грустью улыбнулся.

— Получил стипендию, как иначе? Оказалось, что у него все-таки есть мозги, но именно она была той, кто вдохновила его, а ее отец замолвил за него словечко в школе. Тогда их очень уважали, как видите: викарий и директор, никто не задавал им вопросов, так что, если они считали, что Генри Кольер достаточно умен, чтобы преподавать детям в деревне, так и должно случиться. Поначалу, он начал преподавать самым маленьким, доработался до детей постарше, пока, наконец, не стал директором в свои пятьдесят.

— Расскажите мне о его брате.

— У него было два брата, по правде говоря: Джек и Стефан. Стефан был средним братом, он был тронутым.

— Простите? — непонимающе спросила Хелен.

Фермер постучал по голове пальцем.

— Он был глуповатым, у него были не все дома, он таким родился, — сказал он, будто каким-то образом это была вина самого Стефана.

— Что с ним случилось? — спросила Хелен.

— Его увезли в Спрингтон много лет назад.

— Где это?

— Это дурдом, любимица, — объяснил фермер. — Он был пойман за подглядыванием, и это стало последней каплей.

— Подглядыванием?

— Заглядывал в окна, — сказал ей Сэм, — подсматривал как девки раздеваются в постель или в душ. Однажды он попался, получил хорошую трепку от отца девушки и признался, что занимался этим годами, а затем они увезли его.

— Когда это было? — спросил Том.

— Через несколько лет после окончания войны.

— Так, значит он все еще жил со своей семьей в 1936 году?

Фермер кивнул.

— Они закрыли то старое место давным-давно, — сказал Том. — Жив ли он еще?

— Сомневаюсь в этом, — сказал фермер, — ему бы было..., — он сделал подсчеты в голове, — ...около восьмидесяти. Это возможно, но маловероятно.

— И Генри Кольер позволил им увезти его? — спросила Хелен.

— Конечно: он был учителем, который хотел стать директором, а Стефан был позором. Нельзя же, чтобы брат директора подглядывал за девушками, когда они в чем мать родила? — он говорил так, будто поместить его в клинику для умственно отсталых было единственным разумным выходом.

— Он когда-либо причинял кому-то вред? — спросила она.

— Ничего серьезного, — нехотя признал он, — но он закатывал истерики, как ребенок, а после них не мог ничего вспомнить.

— Что конкретно было с ним не так? — спросила Хелен, надеясь получить более точный диагноз.

— Я же сказал вам, — пришел в раздражение старик, — у него было не все в порядке с головой. Я так думаю, что он был достаточно безобидным, за исключением его склонности подглядывать. Я сомневаюсь, что он убил Шона Доннеллана, если вы спрашиваете поэтому. Его старший брат Джек был опасным типом. То был человек, с которым не стоит связываться, — скрестил руки фермер, — самый сильный парень на деревне.

Том прищурил глаза.

— Ставлю на то, что он доказывал это несколько раз.

Фермер кивнул.

— В месте полном шахтеров? О, да, Джек Кольер разбил несколько голов, прежде чем доказал себе, что он хозяин севера. Где-то в субботу вечером почти всегда случались драки, и Джек участвовал больше чем в нескольких. Он был солдатом, как видите, обученным и закаленным в Великой Войне, твердым, как чертовы гвозди. Если вас интересует кто-то, кто способен убить человека, тогда не ищите дальше Джека. Он делал это раньше.

— Он убил кого-то? — спросила Хелен в удивлении.

— На войне, — объяснил Сэм.

— Так, значит, Джек Кольер был твердым, как гвозди, но в каждой деревне есть такой. Зачем бы он стал убивать Шона Доннеллана? Он не выглядит тем типом парня, который будет драться вместо брата в его битвах. Стал бы он говорить Генри быть мужчиной и сам драться с ирландцем?

Фермер усмехнулся.

— Он, вероятно, и сказал бы, если Генри Кольер был бойцом, но, как я и говорил вам, он был ученым. Он и его старший брат были полными противоположностями. Между ними было более пятнадцати лет разницы, для начала. Я не думаю, что кто-то был больше удивлен Генри, чем старая Мамаша Кольер. Она уже потеряла двух детей, затем родила Стефана, который вышел неправильным, так что один Бог знает, откуда Генри получил мозги, но нет, — сказал он, — Генри Кольер не смог бы пробить даже мокрый бумажный пакет.

— Но почему закаленного в боях ветерана войны вообще будет не наплевать на молодую девушку, такая как Мэри, которая бросила его брата, — спросил Том, — семейная гордость?

Фермер хитро улыбнулся.

— Может быть, но, возможно, Генри Кольер был не единственным, кто возлагал все свои надежды на Мэри.

— Что вы имеете в виду?

— Джек Кольер мог быть суровым мужчиной, но была одна вещь, которая его пугала.

— Что это было?

— Шахта: поговаривали, что он по этой причине присоединился к армии. Он был солдатом на войне, но не хотел быть шахтером. Тем не менее, он был из шахтерской деревушки и остался с двумя братьями на иждивении, когда его мать и отец умерли.

— Что он тогда сделал?

— Изучил ремесло кузнеца. Тяжело это представить теперь, когда у всех есть автомобиль, но в каждой деревне раньше такой был.

— Он мог заработать на жизнь будучи кузнецом?

Старый фермер кивнул.

— По началу, да, для него было много работы. Шахтерских пони нужно было подковать, — сказал он в качестве примера, — но годы шли, и спрос на услуги кузнеца падал. Джек не был глупым. Он мог видеть, что так дело дальше не пойдет, но он был слишком молод, чтобы отступить и слишком стар, чтобы научиться чему-то новому, — он посмотрел на Тома. — Вы видите?

— Вижу что?

Старик вздохнул.

— Если бы у его брата дела пошли хорошо, у него был тоже. Если бы Генри стал школьным учителем и женился на дочери викария, Джек получил бы точку опоры в деревне.

— Я не понимаю, — сказала Хелен.

— Работу можно будет найти, школа нуждается в ремонте, может, даже в охране. Викарий имел тогда влияние, он мог замолвить кому-нибудь словечко, убедиться, что брат его зятя устроен, — он улыбнулся. — Вы когда-нибудь слышали, чтобы викарий или школьный учитель голодали или были выселены? — спросил он.

— Так, значит, если его брат не женится на Мэри, — сказала Хелен. — Они все обанкротятся?

— Хуже, — объяснил старый Сэм. — Когда Мэри сказала Генри, что все кончено, он сдал.

— Сдал что? — спросила она.

— Все, — заметил он, — будто бы ничего больше не имело значения. Я видел его однажды, гуляющего на полях. Он выглядел как кто-то, перенесший тяжелую утрату, и я спросил его: «Разве ты не должен преподавать?», он просто пробормотал что-то и ушел, будто едва знал меня. Это был мой лучший друг, — вспоминал он, его лицо выдавало насколько шокирован он тогда был. — Я думал, что он сойдет с ума от ревности. Конечно же, все считали, что ирландец уже ее оприходовал.

— Так вы на самом деле думали, что Джек Кольер убил Шона Доннеллана, потому что его брат, слетевший с катушек, разрушал какой-то масштабный план на их будущее? — спросил Том.

— Вы умный парень, репортер: сын шахтера, как Родди рассказывал мне, который поработал над собой, чтобы не пачкать руки, как работяга. Вам повезло, я не виню вас за это, но вы действительно не понимаете, как тяжело было тогда для парня из рабочего класса,

такого как Генри Кольера, подняться по социальной лестнице. То был другой мир, мужик, — его тон изменился, когда он начал цитировать:

«И бедного достатки,  
И богача сундук,  
И нищего объедки —  
Все дал Всевышний Друг».

Он многозначительно посмотрел на Тома.

— Знаете, откуда это?

— «Весь мир земных творений», — ответил Том.

— Верно. Они даже говорят вам в ваших чертовых церковных гимнах, что вы там, где вы есть, потому что так задумал Бог. Вам не полагается менять этого, но Генри Кольер был достаточно умен и достаточно обходителен, чтобы изменить это так, что они даже не заметили или их не волновало, кем он был, когда он начинал. Даже с двумя братьями, такими как Джек и Стефан Кольер, он был принят, из-за этой стипендии, — сказал он им. — Затем Мэри променяла его на ирландца, и все стало рушиться.

— Все же, в конце концов, он женился на Мэри, — сказала Хелен.

— Да, — признал Сэм, — ни один мужчина не женился бы на ней после того как Доннеллан оставил ее на произвол судьбы.

Затем он нахмурился, будто вспомнил, что Шон Доннеллан на самом деле не оставлял никого на произвол судьбы, потому что был убит.

— По крайней мере, так все посчитали.

— Люди думали, что Шон сбежал и бросил Мэри? — спросил Том.

Сэм кивнул.

— Именно так они и подумали.

— Они также посчитали, что он украл деньги ее отца?

— Вы двое схватываете на лету! Откуда вы об этом слышали? — он должно быть заметил, что при этих словах Хелен выпрямилась. — Это была ты, так, любимица? Я должен был знать. Знаете, что говорят: если хочешь, чтобы секрет узнали все: позвони, телеграфируй или расскажи женщине, — и Сэм начал смеяться, пока не закашлялся, и запил кашель еще одним глотком виски.

— Однажды он пропал вместе с деньгами ее отца. Они знали, что викарий не доверяет банкам, немногие тогда им доверяли, если они пойдут ко дну, то ты потеряешь все, так что вместо этого у него была коробка с золотыми монетами. Полиция обыскала в поисках ирландца все вдоль и поперек, но не смогла найти его. Они посчитали, что он ограбил викария, затем проскользнул на борт корабля и смылся. Он убедил Мэри Кольер, что заберет ее с собой, но он охотился лишь на деньги ее отца. Уехал в Америку, или так они говорили. Он часто поговаривал, что уедет туда.

— Только вот он так и не покинул деревню, — напомнила ему Хелен.

— Нет, не покинул, — признал старик. — Он был убит.

— Джеком или Генри Кольер, — сказал Том, — вы так считаете?

— А кто еще мог сделать это? — спросил фермер, — и так как они оба давно мертвы, мы никогда этого не узнаем, не так ли?

— Вероятно, нет, — согласился Том. — Когда умер Джек Кольер?

— На второй войне. Он поступил на сверхсрочную службу и так и не вернулся.

На какое-то время установилось молчание, затем старый фермер сказал:

— Я не думаю, что мне есть, что еще рассказать вам.

В его заявлении звучала категоричность, и Том сказал:

— Тогда мы вас покинем.

Сэм прошел с ними к двери и выпустил их. Когда они уже собирались уйти, Том повернулся и спросил:

— У Джека Кольера был нож?

— Нож?

— Шона Доннеллана закололи в спину.

— Он мог это сделать, — сказал фермер. — Он был кузнецом, вероятно, носил с собой много чего, я не знаю.

— Намного вероятнее, что он носил с собой перочинный нож, а не Генри, — резонно заметила Хелен, — учителю он не нужен.

Том заметил перемену в лице Сэма, едва уловимую.

— Нет, не нужен, — согласился Том, — но у рыбака может быть при себе перочинный нож, а, Сэм, и вы сказали нам, что Генри ходил рыбачить с вами?

Фермер ничего не сказал, но пожилой мужчина, казалось, слегка прищурил глаза.

— Кто по твоему мнению сделал это? — спросила Хелен. Она снова цеплялась за руку Тома, чтобы не заскользить вниз по холму. — Солдат или школьный учитель?

— Мои деньги на солдата, — сказал он. — Старый Сэм сказал все сам, Генри Кольер не был бойцом.

— Это была не драка. Шона закололи в спину.

— Я был лишь ребенком, когда умер наш старый директор, но мне кажется, я помню, что Генри Кольер был спокойным парнем.

— Который наполовину сошел с ума от ревности, когда был молодым парнем, — сказала Хелен, — и плюнул на свою жизнь, потому что ничто больше не имело смысла, согласно словам его лучшего друга. Разве это не похоже на человека, способного на убийство?

— Я не знаю, — признался Том, — но ты кажешься чертовски уверенной.

— Просто, — ее голос стал раздраженным, — если Сэм прав... даже если это был его старший брат, а не он, Шон Доннеллан умер из-за Генри Кольера и его глупой ревности.

— Верно. По тому, как это рассказывает Сэм, не имеет значения, какой из братьев воткнул в него нож, он умер из-за одной и той же причины, — затем он добавил, — и в любом случае, они оба уже мертвы.

— Что означает, что им все сошло с рук.

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, — сказал он ей, когда они дошли до машины.

— Ну, я зла. А ты нет? Это могло случиться давным-давно, но Шон Доннеллан был просто молодым парнем в то время, а его жестоко убили. Он лишился жизни, которой наслаждались братья Кольер, и все из-за женщины, которая выбрала его, а не другого мужчину. Такое случается постоянно. Обычно это не приводит к убийству.

— Джек Кольер прожил не так уж долго, и Генри Кольеру было всего пятьдесят, когда он крикнул.

Он пристегнул ремень безопасности и молча молился, чтобы машина завелась.

— Генри прожил на тридцать лет дольше, чем Шон Доннеллан, — сказала она с негодованием, — и единственное преступление Шона было в том, что он был популярен у женщин.

— Как мне кажется, все еще популярен, — сказал он ей, но она не поддавалась на провокацию.

К великому облегчению мужчины двигатель завелся в этот раз.

\*\*\*

— Я думал, что мы команда, — напомнил ему Брэдшоу. Винсент Эддисон буквально стоял на коленях, он посмотрел на своего коллегу-детектива и моргнул. — Ты и я — мы хорошо работали вместе, забрались под кожу этому Дэнни.

— Да, — согласился Винсент. — Так и было.

И он сразу же перевел свое внимание обратно на торговый автомат. Брэдшоу наблюдал, как тот полез рукой в защитную дверцу внизу машины, затем просунул ее дальше и согнул в попытке достать шоколадный батончик, за который он заплатил. Этот несчастный каким-то образом застрял между металлической спиралью, которая прежде его держала, и передним

стеклом автомата.

— Я не видел тебя пару дней.

Шоколадный батончик, который они оба изучали, казалось, теперь повис в воздухе против всех законов гравитации, и Винсент пытался дотянуться до него своей громадной рукой, но Брэдшоу уже мог сказать, что он вне пределов его досягаемости.

— Ты же не все еще дуешься из-за того, что я раскритиковал тебя за то, что ты ничего не сказал в нашу защиту? — спросил Брэдшоу. — Потому что, если так...

Он уже был готов защищать свой предыдущий комментарий, но прежде чем он смог, Винсент покачал головой.

— Я не дуюсь, — сказал он тихо. — Я никогда не дуюсь.

Винсент потянулся дальше и распластал пальцы, но без толку.

— Ладно, тогда в чем дело?

Винсент тяжело вздохнул и вытащил руку. Он все еще не смотрел на Брэдшоу. Вместо этого он печально взирал на свой потерянный шоколадный батончик.

— Сейчас я переживаю трудные времена, вот и все.

Брэдшоу мог сказать по поведению Винсента, что он был товарищем по несчастью. Он должен был заметить это раньше. Отчасти все дело было в том, как тот уклонялся от разговоров или, казалось, отступал в свою защитную раковину, когда руководство рвало его на кусочки, но также дело было в том, как тот вел себя, словно не представлял большой значимости. Винсент часто ходил с опущенной головой и смотрел на свои ботинки, когда говорил с людьми, избегая зрительного контакта. Можно с уверенностью сказать, что он чувствовал себя ничтожеством большую часть времени.

— Решил оставаться в тени последнее время? — спросил Брэдшоу.

— Да.

— Мне нравится иногда так делать, — приободрил он старика. — Но мне бы пригодилась твоя помощь, ну, знаешь, когда ты почувствуешь себя лучше.

— Конечно, — Винсент поднял взгляд и встретился с ним глазами. — Помогу.

— Так между нами все нормально?

Винсент кивнул.

— Однако мне пора идти домой.

— Все в порядке, — сказал Брэдшоу, — я сейчас тоже уйду. Мне нужно кое с кем поговорить, — и Брэдшоу сильно наморщил лоб при этих словах.

— В чем дело? — спросил Винсент.

Без предупреждения, Брэдшоу на шаг приблизился и выбросил ногу в пинке с огромной силой. Винсент вздрогнул, когда ботинок молодого мужчины пролетел мимо него и сильно ударил по металлической пластине, через которую в торговый автомат бросают деньги. Автомат выдержал удар, но тревожно отклонился назад и ударился об стену позади, а затем почти сразу же принял исходное положение. Как только он выпрямился, беглый шоколадный батончик избавился от захвата металлической спирали и спокойно упал в раздаточный лоток внизу автомата.

— Вот видишь, — Брэдшоу улыбнулся Винсенту, — командная работа.

\*\*\*

Когда Том вышел из мужской уборной в «Красном льве», все еще застегивая молнию, его поджидал Йен Брэдшоу. Он сделал шаг по направлению к Тому, схватил журналиста за горло и ударил его об стену.

— Какого черта? — запротестовал он, слова слегка исказились из-за хватки полицейского на его горле.

Он схватил Брэдшоу за запястье, но более крупный мужчина держал крепко.

— Я искал тебя! — прорычал Брэдшоу. — Я прочитал ту гребаную статью в «Миррор»!

— Это не я, — прохрипел Том, и в искре сомнения в глазах Брэдшоу он увидел свой шанс избавиться от руки детектива. — Это не моя вина, — сказал он, потирая шею, — они переписали эту чертову штуку, чтобы все звучало негативно.

— Ты говоришь, что это сделали они, — глаза Брэдшоу дико блестели. — Моя судьба под ударом из-за них.

— Мне жаль. Я все исправлю. Я обещаю.

— Как? — потребовал ответа Брэдшоу.

— Я пока не знаю, — сказал Том, — но исправлю. Я перед тобой в долгу, Йен, хорошо? И Брэдшоу посмотрел на него таким взглядом, который говорил, что все, определенно, не в порядке.

\*\*\*

— Все в порядке, Том? — спросила Хелен.

Ни один из них не слышал, как она подошла сзади, но теперь оба мужчины повернулись и увидели, что она неуверенно смотрит на них.

— Все хорошо. Это констебль Йен Брэдшоу, — сказал он ей, — старый друг со школы, — и он принялся поправлять куртку, которая собралась в кучу, когда офицер полиции схватил его.

— Это — Хелен Нортон, — сказал он Брэдшоу. — Талант из «Вестника».

— Рад познакомиться, Хелен, — смущенно пробормотал Брэдшоу.

— Однако мне пора идти.

— Я услышала крики из бара. Из-за чего? — спросила Хелен, когда констебль ушел.

— Я расстроил его, — сказал Том, — ненамеренно.

Он покачал головой, будто это было не важно.

— Пойдем выпьем.

\*\*\*

Констебль Скелтон и сержант О'Брайан наблюдали за входной дверью «Красного льва» с интересом. Они только что видели, как констебль Брэдшоу покинул место, но их текущая цель все еще была внутри.

— Он может проторчать там часы, — заметил Скелтон.

— Прекрати ныть, — сказал ему О'Брайан.

— Он распушит перья перед этой юбкой из «Вестника», — вздохнул Скелтон. — Я просто говорю, что внутри будет намного теплее.

— Мы не будем вести наблюдение из чертового бара, — сказал ему О'Брайан.

— Почему нет? — спросил Скелтон. — Он не знает, как мы выгладим.

— Он работал в «Вестнике» долгие годы. Как часто ты давал показания в суде, когда на слушании присутствовали журналисты?

При этих словах Скелтон застонал, что О'Брайан принял за признание, что Том, вероятно, узнает их по тем дням, когда он освещал заседания суда.

— Послушай, Кейну нужно имя, и мы не можем заставить Брэдшоу сознаться, так что нужно подойти к делу с другой стороны.

— Ну, я надеюсь, что он не проведет всю ночь, пытаясь затащить эту пташку в постель.

- Она не такая, — сказал О'Брайан.
- Откуда ты знаешь? — спросил Скелтон.
- Я знаю, — возразил О'Брайан, — интуиция, — и он постучал пальцем по виску.
- Файвер говорит, что ты ошибаешься, и он займется с ней сексом к концу вечера.
- Спорим.

— Мне стоит извиниться, — сказала Хелен Тому, когда они сели за тихий столик в баре.

— За что? — спросил он.

— Я переживаю из-за нашего разговора.

По тому, как он на нее посмотрел, стало видно, что он понятия не имел, о чем она говорит.

— Ну, знаешь, о пропадающих людях, — напомнила она ему, — и о твоей матери.

— Ох, — сказал он, — все в порядке. Ничего страшного.

— Что случилось? — спросила она, затем тотчас же переменяла тон. — Нет, это не мое дело.

— Я не занимаю оборонительную позицию в отношении этого, — сказал он спокойно. — Я думаю, что у нее, вероятно, была послеродовая депрессия, но бабушка Нэн сказала мне, что она не справилась. С детьми я имею в виду и с жизнью в общем, если быть честным. Мой отец тогда работал, зарабатывал деньги и пил не так уж много. У нее был дом и двое детей. Все считали, что она должна быть благодарной за это, но продолжала все время заливать слезами. Я помню об этом немного, да и о ней. Затем однажды она оставила нас у бабушки и не вернулась, чтобы забрать. Она просто встала и ушла.

— Это ужасно.

— Мой отец, по правде говоря, был идиотом и безнадежным неудачником. Он поздно женился на молодой женщине намного младше него. Ему было около тридцати пяти, как я думаю, а ей было двадцать три или около того. Сейчас это существенная разница в возрасте: тогда это должно быть была разница размером с Персидский залив. Очевидно, меня там не было, чтобы увидеть это, но я слышал, что случилось дальше. Я как бы собрал все, что он сказал, что упомянула моя бабушка, когда ослабляла бдительность или особенно горько отзывалась о моей матери, что другие люди говорили о ней, потому что они думали, что я слишком мал, чтобы понять.

— Всегда журналист, собирающий историю по крупицам? — подметила она.

— Никто раньше ее не видел. Он просто привез ее домой однажды, сказал, что встретил ее на танцах, и объявил, что они помолвлены. Бог знает, как долго он ее знал, но, судя по тому, как все обернулось, я бы сказал, что недолго.

— Головокружительные романы здесь не приветствуются? — спросила она.

— Нет, — он покачал головой, — полагалось выходить в люди вместе годами, выносить бесконечные чаепития по воскресным обедам с тетюшками, дядюшками и всеми кузенами, которые должны были присматриваться к тебе, чтобы понять подходишь ли ты. Она просто появилась из ниоткуда, словно упала с небес, как частенько говорила моя бабушка.

— Тогда они ее не приняли.

— Может быть, нет, но я думаю, что они дали бы ей шанс.

Он сделал глоток от своего пива.

— Она вышла замуж за моего отца, забеременела моей сестрой почти сразу же, а я родился через пару лет.

— Поначалу, они, должно быть, были счастливы.

Он пожал плечами.

— Хотел бы я знать, — сказал он так, будто на самом деле это не имело никакого значения.

— Она оставила записку?

— Не совсем. Она просто написала два слова на клочке бумаги и оставила его на кухонном столе для отца.

— Два слова.

— Мне жаль.

— И ты больше никогда ее не видел?

Он покачал головой.

— Ох, это ужасно, сколько лет тебе было, когда она ушла?

— Четыре.

— О, мой Бог.

Том был поражен выражением искреннего переживания на лице.

— Эй, не нужно из-за этого плакать, женщина, это было почти двадцать пять лет назад.

Девушка поняла, что от мысли о маленьком мальчике, которым он однажды был, брошенным его матерью, ее глаза на самом деле увлажнились. Она закашлялась и быстро их стерла.

— Ты, должно быть, был опустошен, — сказала она.

— Конечно, я был расстроен в то время, но, определенно, мне было лучше без нее.

— Что заставляет тебя так говорить?

— Ну, какая женщина бросает двух детей в возрасте шести и четырех лет? Такая, которая не нужна тебе рядом, пока ты растешь, вот что скажу я.

Том пожал печами.

— Моя сестра и бабушка присматривали за мной. Мой отец приносил домой деньги. Мы справлялись.

— Она, вероятно, была не в себе, чтобы оставить тебя так. Я уверена, что, когда она ушла, думала о тебе постоянно.

— Откуда тебе знать, о чем она думала, — огрызнулся он. — Если бы она в какой-то момент подумала о нас, то могла вернуться и повидаться с нами, но она никогда, мать ее, так не сделала.

— Да, ты прав, — сказала она быстро. — Я просто не знала ее, мне жаль.

Она хотела поменять тему, но не могла придумать, что сказать.

Хелен ушла вскоре после этого, Том выпил свою пинту, а затем усталое побрел через деревню. Он был в унылом настроении: раздражен из-за Хелен и из-за женщины, которую он помнил лишь смутно. Он не заметил машину, которая промчалась мимо него, пока он шел.

Когда он достиг вершины холма, он понял, что двое мужчин стоят у обочины дороги. Один из них прислонился к черному «Форду Сиерре», другой стоял на дороге, блокируя путь. По мере своего приближения, он смог разглядеть их яснее. Тот, что был на дороге, выпрямился, когда заметил Тома. Было ясно, что они ждали его. Том видел этих мужчин раньше, и они не выглядели счастливыми. Скелтон протянул свое удостоверение.

— Могу я помочь вам, офицеры?

— Залезай внутрь, — сказал ему О'Брайан, жестом показывая на машину, на которую прислонился Скелтон.

— Я так не думаю.

— Залезай, — эхом отозвался Скелтон, — или мы сделаем это официально.

— Собираетесь арестовать меня, — упрекнул их Том, — за то, что иду по улице?

О'Брайан пожал плечами.

— В алкогольном опьянении и нарушающий общественный порядок.

— Уходите. Я выпил всего три пинты.

— Попытка управления автомобилем в нетрезвом состоянии, — предложил вместо этого Скелтон.

— Вы видите машину? — запротестовал Том.

— Или как насчет того, что мы сразу перейдем к «нападению на сотрудника полиции»?

Ты предпочтешь так? — спросил Скелтон. — Смотри не ударься головой, пока забираешься в машину.

— Иисус, вы двое серьезно?

— Послушай, просто садись и избавь нас от хлопот. Мы всего лишь хотим поговорить.

Скелтон был в плохом настроении, которое ухудшилось от того, что ему пришлось отдать пятерку, когда они оба стали свидетелями того, как Хелен покинула паб одна.

— Как по мне она выглядит неоттраханной, — сказал ему О'Брайан с усмешкой, а затем протянул руку за своими деньгами.

Том неохотно подошел к машине, и констебль Скелтон придержал пассажирскую дверцу.

— Куда мы едем? — спросил он, когда залез внутрь.

Единственным ответом, который он получил, стало их присутствие, когда они присоединились к нему в машине. Они не начали задавать свои вопросы, пока не покинули деревню. Том начал чувствовать себя неудобно. Здесь не было домов, только фермерские поля, и он запоздало осознал, что никто не видел, как он сел в машину.

— Так в чем дело? — спросил Том, пытаясь не казаться обеспокоенным, но опять же, за его вопросом последовало молчание.

Скелтон увеличил скорость, и машина пулей полетела по боковой дороге, а затем резко повернула налево на другую боковую дорогу. Почему они не использовали главную дорогу, которая приведет их в соседний городок и полицейский участок? Вместо этого они ехали по сельской крысиной дороге, известной только местным. Деревья на одной стороне дороги начали становиться все гуще, а освещения становилось все меньше. В следующий раз, как машина сделала поворот, дорога стала такой узкой, что там осталось только места для их машины. Скелтон ехал слишком быстро для встречного движения. Все, что поедет на них на повороте, съедет с дороги или же врежется в них, как таран.

— Куда вы везете меня? — спросил Том.

— Заткнись, — сказал ему О'Брайан.

Они сделали еще несколько поворотов по дороге, пока, наконец, не достигли длинного открытого участка возвышенности с плоским участком земли, поросшим кустами. Скелтон резко завел машину в сторону, а затем нажал на тормоза. Тома отбросило в бок. Он уже был готов пожаловаться, когда понял, что оба офицера полиции повернулись и теперь смотрели прямо на него с передних сидений, выглядя так, будто дело серьезное, так что он ничего не сказал.

— Пять миль, — сказал Скелтон, и хоть он смотрел на Тома, комментарий был направлен его сержанту.

— Этого должно быть достаточно, — подтвердил О'Брайан, и Тому начало становиться

дурно.

— В чем дело? — спросил он снова.

Затем мужчина огляделся вокруг, чтобы подтвердить свои подозрения, что они были в абсолютной глуши. На небе светила полная луна, виднелся свет из окна фермерского дома, находящегося вдали, но это был единственный признак жилья.

— В твоём источнике, — ответил Скелтон.

Том ждал дополнительной информации и, когда ее не последовало, он повторил:

— Моем источнике?

Сержант О'Брайан кивнул.

— Тот, что рассказал тебе о профессоре Берстоу.

— Что вы имеете в виду?

— Та статья не принадлежала тому мужчине в «Миррор». Мы поговорили с ним, и он отрицал это. Он даже был слегка взбешен, что написал ее не сам. Мы проверили и других журналистов. Ты — единственный, который мог продать статью, — сказал ему О'Брайан, — а информация могла поступить только от офицера полиции.

— Вы будете удивлены, — Том пытался увести их в сторону, но он мог видеть, что они не купятся на альтернативную версию.

— Расскажи нам, кто сказал тебе о профессоре, и останешься у нас на хорошем счету, — сказал ему О'Брайан.

— Да, верно, я вижу, что я у вас на хорошем счету. Вот почему вы увезли меня к черту на кулички, чтобы напугать меня.

— Так ты напуган? — спросил Скелтон. — Мы еще не начинали.

Том мог сказать, что, не имело значения по какому кодексу их готовили, он уже давным-давно был брошен в пользу результаты-это-все-что-имеет-значение подхода. Смотрели ли они телевизор слишком много, или же всегда в полицейских силах было подобное меньшинство, которое полагало, что правила для других людей. Прямо сейчас, Тома это не волновало, и он был уверен в одном: что бы они ни собирались делать с ним, он не выдаст им имя Йена Брэдшоу.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он с вызовом. — Избить меня? Накачать наркотиками? Я не какой-то бунтующий шахтер или студент-большевик с транспарантом. Я журналист, работающий на самую крупную газету в стране, и я размажу вас на первой странице.

— Слышишь это, сержант? — Скелтон улыбнулся. — Не знаю, как ты, но я трясусь от страха.

— Я же сказал тебе, что мы тебя проверили, — сказал сержант О'Брайан. — Ты не единственный, у кого есть контакты. Мы знаем, что у тебя был испытательный срок, который так и не перезаключили. Так вот почему ты продал свою статью в «Миррор»? Не думаю, что твои текущие работодатели будут рады слышать это.

У Тома сжалось сердце. Он надеялся, что справится с двумя крупными детективами, которым нравилось давить своим авторитетом, но он недооценил этих двух.

— Какую статью? — ответил Том. — Я ничего не продавал.

— Твоего имени под ней не было, но мы знаем, что она твоя, — сказал ему О'Брайан. — Репортер в «Миррор» освещает судебное дело. Любой журналист хотел бы дать своей газете эксклюзив. Единственный другой вариант — эта роскошная птичка из «Вестника». Она была достаточно умной, чтобы подцепить одного из наших, и достаточно ловкой, чтобы

заставить его проговориться, но я не представляю, что она стала бы рисковать своей карьерой так скоро, да у нее и нет контактов.

— Что означает, что остаешься ты, — добавил Скелтон. — Но ты не можешь просто ходить тут и приплачивать офицерам полиции, чтобы они сливали информацию. Мы ищем пропавшую девушку, а ты вредишь нашему расследованию.

— Я никому не платил, но я уверен, что вы оба брали взятки у журналистов. Раскрытие того, что судебный психолог помогает полиции, не мешает вам в поисках Мишель Саммерс или ее убийцы. Вы использовали медиа, с самого начала расследования. Мы — ваша лучшая возможность узнать, что ваша девушка жива, и вы знаете это.

— Мы видели, как ты выпивал с Брэдшоу, — сказал Скелтон. — Ты был с ним сегодня вечером.

— Он мой старый школьный товарищ, — сказал Том, — и я едва обменялся с ним тремя фразами сегодня вечером.

Он рассказывал некую версию правды, потому что было бы легче придерживаться ее, если бы они продолжили его допрашивать.

— У меня нет источника в Даремской Констебулярии, но, если бы и был, я бы его не назвал, особенно, коррумпированным копам, которые мне угрожают.

Скелтон оскалился.

— Это твое последнее слово? — просто спросил О'Брайан Тома.

— Да, — сказал он с большим убеждением, чем он чувствовал.

— Вылезай из машины, — приказал О'Брайан и, когда Том не двинулся, он повторил это медленнее и более зловеще, — Выбирайся... из... машины!

Том неохотно подчинился. Он открыл дверь и шагнул на травяную обочину, готовясь к избиению.

Два детектива также вышли из машины. Скелтон крепко схватил Тома за руку и вывел его перед машиной, отведя на пару ярдов от автомобиля, а затем развернул его, чтобы он был лицом к свету фар, которые поставили на полную мощность, чтобы Том был ослеплен ими. Том прижал к глазам руку, чтобы блокировать свет, а Скелтон отошел. Том мог лишь различить две темные фигуры по обе стороны дороги.

— Последний шанс, — сержант О'Брайан сказал ему. — Назови свой источник, и мы забудем обо всем этом. Никто не узнает, что ты рассказал нам: слово скаута.

— Либо так, либо ты вообще не вернешься, — сказал ему констебль Скелтон.

В этих словах было что-то такое, пробирающее до костей, что впервые Том начал думать, что эти двое вышедших из-под контроля офицера полиции, на самом деле, могут всерьез замысливать убить его.

— Пошли вы, — слабо выдавил из себя он.

— Как хочешь, — сказал ему Скелтон, затем свет переменился, когда Скелтон отошел от машины.

Том был полностью ослеплен фарами и готовился к первому удару. Когда этого тотчас же не случилось, Том заморгал у машины. Он больше не мог видеть ни одного из мужчин. Мгновение спустя он услышал, как хлопнула дверь, а затем другая. Он прислушался к тому, как завелся двигатель машины, и готовился броситься бежать, прежде чем они могли сбить его, а затем фары развернулись по дуге, когда машину развернули задним ходом. Том тупо наблюдал, как машина совершила превосходный поворот в три приема, пока не развернулась передом туда, откуда они приехали. Он смотрел в неверии, как автомобиль резко уехал,

оставив его стоять там у черта на куличках.

— Да вы шутите, — сказал он про себя и, наконец, понял значение комментария Скелтона. — Пять миль (*прим.: приблизительно восемь километров*), — повторил он, как идиот.

Том наблюдал за задними фарами автомобиля, пока он не скрылся за поворотом. Мужчина подождал, ожидая, что они блефуют, но вскоре понял, что нет, и отправился в очень долгий путь до Грейт Мидлтона.

## *День седьмой*

Том подавил зевок, пока Родди сканировал свои записи на предмет соответствующего отрывка. Хелен и Том сидели молча и ждали. Хелен была уверена, что Том избегает с ней зрительного контакта.

Верный своему слову Родди обзвонил округу и позадавал вопросы. Он позвонил им обоим этим утром и договорился, чтобы они оба зашли, но теперь, казалось, испытывал трудности с нахождением информации, которую обещал.

— Вот, — сказал он, наконец, постукивая по своим записям шариковой ручкой, — Джек Кольер вновь записался в свою старую часть, Даремскую Легкую пехоту, в тридцать седьмом году, — сказал им Родди, — они указали дату, — и он многозначительно на них посмотрел, — через шесть месяцев после того, как исчез Шон Доннеллан.

Затем он поправил сам себя.

— То есть, был убит.

— Почему он записался на сверхсрочную службу, если его брат воссоединился с Мэри, — спросила Хелен. — Судя по тому, что сказал Сэм, проблемы Джека были бы решены?

— Отягощенная виной совесть, — ответил Том, будто это было очевидно.

Его тон разозлил ее.

— Кто знает, — сказал Родди. — Джек служил в британских экспедиционных силах, которые сражались в арьергарде в Дюнкерке в сороковом году. С того берега было спасено больше трех сотен тысяч солдат. Джек Кольер не был одним из них.

— Только подумать, он пережил все эти сражения в Первую Мировую Войну и вернулся домой через двадцать лет, только чтобы быть убитым в другой чертовой войне, — подметил Том.

— Его удача под конец иссякла, — согласился Родди.

— Так, значит, он не остался безнаказанным, — Том язвительно сказал Хелен.

— А младший брат, Стефан? — спросила Хелен, игнорируя Тома.

— Боюсь, что он тоже умер.

— Я надеялся, что кто-то остался жив, кто может знать правду обо все этом, кроме старой Мэри Кольер, — сказал Том, — потому что мы не добьемся ее от нее.

— Можем добиться, — запротестовала Хелен, — если сможем убедить ее, что знаем больше, чем она считает, — и она повернулась к Родди. — Что случилось со Стефаном Кольером?

— Как и сказал Сэм, Стефана поместили в больницу для душевнобольных, — он провел кончиком шариковой ручки по своим записям, пока не обнаружил нужный отрывок. — В пятьдесят первом году его увезли в Спрингтон.

Он опустил свою ручку и посмотрел на Хелен.

— Это недалеко отсюда. Когда Стефана отвезли туда, это место было известно как психиатрическая больница. Мне стыдно говорить это, но, когда я был ребенком, мы называли его дурдомом. К тому времени, как он закрылся, на данный момент уже около десяти лет назад, он был психиатрическим госпиталем.

Он мрачно улыбнулся.

— В некотором роде, прогресс, как я думаю.

— И Стефан умер там? — спросила Хелен.

— Я позвонил кое-кому, кто работает в консультационной конторе в Дареме, где они хранят все старые записи о пациентах, — сказал Родди. — Приятной леди, такой же любительнице истории, как и я, мы ходим на одни и те же собрания.

Том сопротивлялся искушению забарабанить пальцами по столу от нетерпения. Он всегда хотел перенаправить ход монолога Родди, чтобы он быстрее дошел до сути дела.

— Она перезвонила мне позже, — продолжил Родди, — и сказала, что Стефан находился там до самого конца.

— Так кто присматривал за ним в промежутке между тем, как Джек Кольер записался на срочную службу, а Стефана отправили в Спрингтон? — спросил Том. — Это целых четырнадцать лет. Генри забрал его, когда женился на Мэри?

— Должно быть он. У него больше никого не было.

— Какой печальный конец жизни, — сказала Хелен, — в таком месте. Что именно с ним было не так?

Родди пожал плечами.

— В те времена, на деталях не заостряли внимание: вероятно, что-то с нервами.

— С нервами?

— Это эвфемизм, — объяснил Том нетерпеливым тоном, — всеобъемлющее понятие, которым люди пользовались, когда пытались быть тактичными. Когда Стефан Кольер был ребенком не принято было говорить о болезнях или инвалидности...

— Именно, понятие нервы использовали для описания любого из большого количества заболеваний: от острой контузии до истерии, тревоги или послеродовой депрессии, — объяснял Родди, — и сотен других состояний, которые могут попасть под понятие того, что мы сейчас воспринимаем как ментальное расстройство. Люди тогда толком не понимали такого рода вещи, так что, если кто-то слетал с катушек, их, по большей части, считали спятившими и запирали. То были темные времена. Между войнами они даже запирали девушек за то, что те занимались сексом до свадьбы.

Его глаза озорно блеснули.

— Представьте себе это сейчас. Тогда бы не осталось никого в деревне.

— Ментальные болезни были клеймом, — сказал Том, — людей, подверженных им, стыдились.

— А они называют это старыми добрыми временами, — произнесла Хелен.

\*\*\*

— Мне пора возвращаться в офис, — сообщила она ему, когда они покинули Родди.

— Хорошо, — ответил он, открывая дверь автомобиля.

— Но я смогу встретиться с тобой позже, если хочешь?

— Конечно.

— В чем дело?

— Ни в чем.

— Я думала, только женщинам полагается делать это, — она нахмурилась.

— Делать что?

— Делать вид, что все хорошо, когда все наоборот.

— Я не понимаю тебя.

— Мне жаль, если я вчера расстроила тебя, — сказала она. — Ты был прав: я ничего не знаю о твоей матери. Я не должна была ничего говорить.

— Ах, это, — он покачал головой, будто уже забыл об этом. — Ерунда.

— Тогда почему ты на меня не смотришь? — спросила она. — Ты ведешь себя как разозленный медведь каждый раз, как я открываю рот.

— Ох, да, ладно, — запротестовал он, затем понял, что в чем-то она права. — Извини, — сказал он. — Я не выспался прошлой ночью.

Воспоминание о пятимильной прогулке обратно до Грейт Мидлтона в темноте все еще сыпало соль на раны.

— На меня сейчас многое давит.

— Хорошо, — сказала она, его извинение успокоило ее. — Ладно, если ты когда-нибудь захочешь поговорить об этом.

— С чего бы я захотел этого? — скептически усмехнулся он. — Я — мужчина с Севера, мы не рассказываем о наших проблемах, никогда.

— Извини, — сказала она, — должно быть, выскользнуло из головы.

\*\*\*

Со своего наблюдательного пункта на возвышенности у него был отличный обзор на игровую площадку, так что ему даже не нужно было выходить из машины. Его не интересовали ужасные подростки, те, что прислонились к стенам или дрались друг с другом по пути, чтобы покурить позади рядов гаражей на противоположном конце школы. А вот те, что помладше, да, и только девочки: маленькие ангелочки, которые все еще сладко улыбались, не были циничными и манипулирующими, те, что пока не изменились. Он так отчаянно желал спасти их.

Его окно было открыто, и он мог слышать их смех и вскрики даже отсюда. Он посмотрел вниз на маленькие фигурки далеко под ним с чувством великой печали, ему хотелось плакать, потому что он знал две вещи. Он никогда не сможет спасти их всех, и это не сможет дальше продолжаться.

Он почти попался, шок и внезапное понимание того, насколько близко он был к краху, выбило из колеи. Он знал, что он сможет сделать это еще раз, вероятно, два или даже три, но, в конце концов, сеть вокруг сузится. Что-то пойдет не так и его схватят.

Вероятно, он может просто прекратить и тогда, может быть, они никогда не найдут его. Он может сбежать, отправиться так далеко, что никто даже представления не будет иметь, что он — Жнец. Это была отравляющая мысль. Но нет, кто тогда будет исполнять волю Господа?

Он знал, что ему нужно делать. Святой Августин сказал ему: *«Молись так, будто все зависит от Бога. Работай так, как будто все зависит от тебя»*.

\*\*\*

Во второй половине дня Хелен провела беседу с немногословным юношей, который только что выиграл региональный конкурс пианистов, затем пошла напрямиком на интервью с новым исполнительным руководителем ради краткого биографического очерка для так называемых бизнес-страниц «Вестника». Она приехала в «Грейхаунд» тем вечером раньше, чем Том спустился из своей комнаты. У бара стояла группа неопрятных мужчин, один из них нахмурился при виде нее. Должно быть, Фрэнки Тернер запоздало понял, что Хелен обманула его. Либо Бетти раскрыла ее обман, как только она ушла из их дома, или он самом деле купил местную газету, надеясь оказаться в ней, и ничего там не увидел про тяжело трудящиеся семьи.

Хелен быстро заказала напиток и села в тихом углу. Том не заставил ее долго ждать, но

она почувствовала, как атмосфера слегка изменилась, когда он вошел в бар. Ощущение, что что-то назревает, было почти осязаемым. Некоторые из мужчин, определенно, обсуждали их обоих.

Том кивнул ей и показал на ее напиток. Она покачала головой, так как едва пригубила первый заказанный. Когда он заказал напиток себе, Фрэнки Тернер выпрямил спину и, когда он заговорил, его слова были достаточно громкими, чтобы все в помещении могли слышать.

— Твоя пташка там.

— Спасибо, — ответил Том с улыбкой, которая говорила, что он не воспринимает мужчину всерьез, — но мне нравишься только ты, Фрэнки.

Хелен внезапно испугалась, что он зашел слишком далеко. Она не была удивлена, когда Фрэнки не спустил ему этого комментария.

— Я удивлен, Колин, что ты обслуживаешь его.

— Что ты имеешь в виду? — спросил владелец.

— Я-то думал, что ты собираешься запретить вход всем этим журналистам, — сказал он, когда владелец заведения толкнул к Тому пинту, — ты сказал, что они паразиты, пришедшие сплясать на могиле маленькой девочки. Так ты сказал? — напомнил он Колину.

— Да, ну, я не имел в виду Тома, — возразил владелец, — мы же знаем его годами, мужик.

Остальные выпивающие теперь смотрели в открытую.

— Они все, бл\*ть, одинаковые. Он даже не работает теперь в местной газете. Я бы не стал даже использовать ту газету, в которой он работает, чтобы подтереть задницу.

— А ты стал вытирать задницу, Фрэнки? — спокойно спросил Том. — Когда это?

— В углах помещения раздались один или два неуверенных смешка, но они прекратились, когда те, кто смеялся, увидели выражение на лице Фрэнки. Большой мужчина сделал шаг вперед. Том взял свою пинту и сделал еще один глоток, само олицетворение непоколебимого спокойствия. У Хелен сердце подпрыгнуло к горлу, она ожидала, что на Фрэнки яростно нападет на него в любой момент.

— «Вестник» — куча дерьма, — сказал Фрэнки всем в баре, — но он даже и близко не настолько плох, как та лживая «кокни» газетенка, на которую он работает.

— Ты не думал, что «Вестник» дерьмо, когда победил в луковом шоу? — спросил Том.

Колин, отдавая себе отчет, улыбнулся.

— Я никогда не видел, чтобы кто-то так раздувался от гордости, что его фотография попала в газету.

— Да пошли вы нах\*й, я никогда... — но Фрэнки Тернер уже покраснел от воспоминания.

— Как только Джонни Пэтчем достал свою камеру, Фрэнки тотчас оказался здесь рядом со столом, заваленным горой его удостоенных наград луковиц. Его рубашка была такой новой, что на ней спереди все еще были отутюженные складки, и он даже уложил волосы, ты помнишь, Колин?

— Да, на секундочку, помню, — хозяин улыбнулся при воспоминании.

Фрэнки этонисколько не понравилось. Определенно, расклад сил поменялся: люди в открытую улыбались от воспоминаний Тома.

— Убедитесь, что мои луковицы попали в кадр, может, мне стоит взять одну в руки, — передразнил Том.

— Чушь, — прошипел Фрэнки.

— Вы помните Джонни Пэтчема, парни? От мужчин послышался гул согласия. — Пяте футов четыре дюйма (*прим.: приблизительно сто шестьдесят два сантиметра*) без сапог, но ему хватило здесь всего одного взгляда на Фрэнки, чтобы сказать: «Слушай сюда, мой юный друг, я тут фотограф, а не ты, так что мы сделаем все по-моему или вообще никак».

Том показал на униженного Фрэнки.

— А этот обдолбанный мудила просто потерял дар речи и сказал: «Хорошо, друг», — сказал Том.

Фрэнки огляделся вокруг и увидел, что все смеются над ним, даже его собственные дружки: особенно, его собственные дружки. Мужчина, казалось, видимо сжался перед Хелен, вся грозность испарилась из него.

— Да пошли вы, вы все!

Он быстрым шагом вышел из паба под громкое ироничное веселье, оставив свою наполовину выпитую пинту в баре.

\*\*\*

— Ты рисковал, — сказала Хелен Тому, когда тот сел напротив нее, — не то, чтобы ты знал об этом. Ты был так же хладнокровен, как чертов огурец.

Он бросил на нее странный взгляд.

— Нет, не был, — сказал ей, нахмурившись. — Я наложил в штаны от страха. Думал, что Фрэнки собирается разбить мне бутылку об голову. Он не самый приятный человек, сама знаешь.

— Но ты выглядел таким спокойным.

— Внешне, — сообщил он ей просто, делая еще один большой глоток пива, — внутренне, нет.

Он улыбнулся ей.

Она открыла рот, чтобы ответить, но любые слова, которые она могла произнести, были резко оборваны режущим слух звоном с противоположного конца бара. Мужчина лет тридцати пяти держался за микрофон и решительно смотрел на экран, монтированный на ближайшей стене, когда по тому начали ползти слова, сопровождаемые очень громкой музыкой.

— Чертово караоке, — закричал Том, чтобы она смогла расслышать, — оно повсюду теперь. Что случилось с тем, чтобы просто прийти в паб за тихой пинтой и разговором? — добавил он, говоря в этот момент как старик.

Певец уже расправился с «Sweet Caroline» Нила Даймонда, и как только раздалиса аплодисменты, Том позвала Хелен: — Пошли! — и встал со стула, — возьми с собой напиток.

Они сидели на полу, прижавшись спиной к кровати. Они вновь вспоминали все, что узнали о Шоне Доннеллане и об его убийстве, прежде чем перейти к исчезновению Мишелле Саммерс и к предыдущим жертвам Ловца детей.

— Мы ходим кругами, — наконец, призналась Хелен. — Нет новостей?

И, когда тот заколебался с ответом, она спросила: — В чем дело?

— Я размышлял о твоей теории, почему девочки идут с ним.

— Ах, это, — сказала она, — я могла быть очень далека от истины.

— А могла и попасть прямо в точку. Это может быть женщина, которая заманивает их к нему, но у меня проскочила другая мысль.

— Я уверена, что предпочту ее, неважно, какая она.

— Я сел недавно в машину к незнакомцу, — сказал он ей, — но только потому, что они мелькнули передо мной значком. Они были полицейскими, но, что если не были?

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— Что если ты одиннадцатилетняя девочка, и мужчина с фальшивым удостоверением говорит тебе, что он офицер полиции, и тебе нужно сесть к нему в машину?

Хелен внимательно на него смотрела.

— Я бы села, — наконец, сказала она.

Том кивнул.

— Я так и думал.

Неожиданно громкость музыки внизу взмыла вверх.

— Гребаный ад, — сказал он.

— Удачи тебе в том, чтобы заснуть при таком грохоте.

— Со мной будет все в порядке, если у Колина не будет закрытой пьянки.

Безошибочный хор пения «Delilah» можно было четко расслышать, даже хоть и был приглушен коврами и половицами.

— Я куплю тебе еще выпивки, — сказал он ей, — но кто-то гробит песню Тома Джонса там внизу.

— Все в порядке, — сказала она. — Мне нужно ехать обратно в любом случае, и уже поздно, однако я не знаю, как буду смотреть Малколму в глаза, когда теперь знаю о его маленьком...

— О его бизнесе на стороне? — она улыбнулась. — Не беспокойся. Все забудется через день или два. Никто не воспринимает Малколма всерьез.

— Мне приходится. Для тебя это в порядке вещей.

— Так ли?

— Да, я только начинающий журналист, а ты уже добился признания. Ты в большой лиге.

— Не совсем.

Том не был уверен, что хочет говорить об этом, потому что к своему удивлению он обнаружил, что ему, на самом деле, важно ее мнение о нем.

Хелен продолжила, словно не слышала его слов.

— С учетом того, что я занимаюсь этим всего ничего, мое имя в «Вестнике» уже изваляли в грязи.

— Только потому, что ты поймала своего редактора за грязным дельцем.

— Дело не только в этом, — призналась она. — Большую часть времени я не чувствую, будто знаю, что делаю.

— Я раньше испытывал те же самые чувства, — заверил он ее. — Все еще испытываю большую часть времени. У всех так. Просто они делают вид, что это не так.

— Но ты знаешь, что делаешь, — заспорила она.

— Не всегда и только потому, что я поднабрался жизненного опыта. Я немного старше тебя.

— Только на пять лет старше, — подсчитала Хелен, — не так уж много. Ты едва ли умудренный сединами старый ветеран.

— Годы репортера можно сравнить с собачьими годами, — пять лет в журнализме — целая жизнь. Послушай, не беспокойся из-за Малколма. Я полагаю, что ты начала блестяще.

— Так, значит, ты не считаешь, что я изнеженная южная принцесса, живущая на деньги своих родителей, пока не выйду замуж и не нарожаю детей.

— Нет, — решительно ответил он.

— Забавно, — сказала она. — Все так считают.

— Нет, не считают, — сообщил он ей. — Они просто немного сомневаются в тебе, вот и все.

— Так или иначе, все совсем не так, как я ожидала.

— Не так, — сказал он, — подожди немного. Ты чертовски хороша в своем деле, — и затем он добавил, — уж я то знаю.

Она улыбнулась.

— Откуда? Потому что ты тоже чертовски хороша?

— Именно.

Он широко ей улыбнулся.

— Тогда, может быть, через пять лет, я буду так же хороша, как и ты.

При этих словах он вздохнул и быстро встал на ноги.

— В чем дело? Что я сказала не так?

Он собирался солгать ей, но, вместо этого, во второй раз после того как он приехал в Грейт Мидлтон, Том почувствовал, что может доверять кому-то в достаточной степени, чтобы раскрыть правду.

— На самом деле, все не так уж замечательно.

— Ты работаешь на крупнейшую газету в стране.

— Нет, — сказал он ей, — меня *отстранили* от работы в крупнейшей газете в стране.

— Но я думала...

— Я не распространялся об этом.

Она слушала, пока он рассказывал ей всю трагическую историю о Тимоти Грейди и проститутках, жене-адвокате и ее угрозах разбирательством в суде, затем о Доке и как тот, вероятно, поступит.

Когда он, наконец, закончил, Хелен, должно быть, почувствовала себя обязанной предложить ему небольшое утешение.

— Ты все еще молод, — все, что ей удалось сказать, — ты еще можешь реабилитироваться.

— Мне почти тридцать.

— Тебе двадцать восемь.

— Это рядом с тридцатью, — сообщил он ей. — Все, что перевалило за двадцать пять, ведет к тридцати.

— Что ты будешь делать?

— Не имею ни малейшего понятия. Это все, чего я когда-либо хотел. Я имею в виду, что знал, что это будет нелегко, что редакторы иногда лгут или совершают нечто аморальное. Я не наивен, Хелен, но верю, что газеты — отличная вещь, в целом. Правда. Без них богатые и влиятельные люди делали бы, что хотят, абсолютно неподконтрольные правительству, которому насрать на это. Мы разоблачаем таких людей, подвергаем их критике. Посмотри на Грейди. Об этом парне ходили слухи годами. Он — один из тех людей, о которых все знают, что они пошли по кривой дорожке, но никто не может доказать этого. Есть бизнесмены, звезды, футбольные менеджеры и политики, от которых веет коррупцией. Если мы не будем приглядывать за ними, пока не нароем что-то грязное, тогда они просто продолжат игнорировать законы и не считаться с обществом.

— Ты все еще обозленный молодой человек? — спросила она, но не без доброты.

— Если в тебе иссякнет гнев, что у тебя останется? Ты закончишь как Малколм.

Тогда она тоже встала на ноги и внимательно на него посмотрела.

— Что? — спросил он.

— Он ее не выносит, — внезапно сказала она, — журналистику.

Она стала выглядеть напряженной.

— Мой парень Питер, имею я в виду, — она пожала плечами, — с тех пор, как мы начали делиться друг с другом.

— Почему? — спросил он ее. — Что не так с тем, чтобы быть репортером?

— Дело не в самой работе. А в том, что я далеко, и в вероятности, что я могу никогда не вернуться, если мне выпадет шанс где-то еще, если я решу им воспользоваться, — добавила она, будто это могло подвергаться сомнению. — Я думаю, он переживает из-за этого. Думаю, он бы смирился, если бы я работала на его местную газету.

— Верно, — сказал он, — отношения на расстоянии могут быть сложными.

— Не говори так.

— Не говорить как?

— Как будто мы обречены или что-то вроде того.

— Я и не говорил, — запротестовал он.

— Он не жесток ко мне и все такое, большую часть времени он замечательный. Просто...

— Просто что?

— Иногда я думаю, что он хочет, чтобы я выкидывала все из головы, когда прихожу домой.

— О, — произнес он.

— Что это значит? — спросила она с подозрением.

— Это просто значит «О», — ответил он. — Я бы не осмелился сказать что-то, действительно, провокационное, как, например: «отношения на расстоянии могут быть сложными».

— Прости, — сказала она. — Я не хотела быть... я просто немного... иногда это сложно... я становлюсь такой...

Она испустила отчаянный стон.

— Я понимаю, — сказал ей Том.

— Понимаешь?

— Да, — заверил он ее. — Я не очень разбираюсь в женщинах, но я говорил с их достаточным количеством, чтобы немного понимать.

— Хитрый ты проныра!

— Ты не первая это говоришь, — весело признался он, — пошли, я провожу тебя к машине.

— Все в порядке, знаешь ли, — сказала она, когда они вышли из «Грейхаунд» вместе, — со мной все будет хорошо.

— Уже поздно, — напомнил он ей, — а в этой деревне есть парочка неприятных людей.

Главная улица перед «Грейхаунд» была двойной желтой зоной (*прим.: дорожная разметка, обозначающая «Парковка запрещена»*), поэтому Хелен пришлось припарковаться в нескольких улицах от того места.

— Спасибо тебе, я обещаю, что не расскажу никому, о чем мы только что говорили, — сказала она, когда они дошли до ее машины.

— Ты уверена? — улыбнулся он. — Это бы снова бы сделало тебя у Малколма на хорошем счету. Ему бы это понравилось.

— Думаю, что смогу сопротивляться искушению, — заверила она его, — и не сдавайся. Я знаю, что сейчас все тяжело, но так зачастую случается, когда жизнь кажется хуже некуда, а затем все внезапно становится все лучше и лучше.

— Спасибо, — сказал он.

Она поцеловала его в щеку, задержавшись там всего на секунду. Том вытащил руку и положил ей на талию. Она бросила взгляд вниз, но не отодвинулась от него и, когда она вновь посмотрела вверх, он наклонился и поцеловал ее.

Хелен не оттолкнула его и не стала бороться с ним, она позволила поцелую произойти, даже ответила на него, но внезапно чары будто рассеялись. Хелен высвободилась от него и сделала шаг назад.

— Что ты делаешь?

На ее лице отражались боль и смятение, он был поражен этим.

— Я думал, что... — но он уже знал, что никакие слова тут не помогут.

— У меня есть парень! — настойчиво сказала она, будто они только что не говорили об этом идиоте. — Я думала ты...

Она со злостью покачала головой, словно хотела прояснить мысли.

— Немыслимо... просто невысказанно.

Хелен села в машину, хлопнула дверцей и уехала.

— Ох, дерьмо, — сказал он, пока смотрел, как она уезжала, зная, что только что все разрушил.

Он все еще цеплялся за не совсем уверенную мысль, что она поцеловала его в ответ. Парень был уверен, что девушка поцеловала его в ответ.

Пока он возвращался в «Грейхаунд», вдруг понял, что рассеянно приложил пальцы к губам.

— Идиот, — отругал он себя за это и за предыдущий поцелуй.

Поднялся ветер, он сгибал ветви деревьев на краю пустыря и шумно шелестел листьями, так что он не услышал шаги, пока мужчина почти не поравнялся с ним. Тому удалось полуобернуться, но оказался недостаточно быстр. Удар по затылку был нанесен с такой силой, что он распластался впереди. Он едва успел выставить руки перед собой, прежде чем

упал на бетон. На руки Тома пришлось часть удара от падения, он упал на бок, его голову обжигала жгучая боль, а в животе было болезненное ощущение. Прежде чем он успел подняться, ему в бок въехали ботинком. От удара у него вышибло воздух из легких, оставляя его беспомощно лежать на асфальте.

— Чертов ублюдок! — кричал Фрэнки Тернер.

Последовал еще один пинок от мужчины, которого он унизил. Когда боль перешла с его живота к ребрам от нового удара, Том отстраненно подумал, что Фрэнки должно быть ждал его снаружи на холоде все это время, надеясь, что тот покинет паб, что рассказало ему достаточно о степени ярости мужчины.

— Не смей никогда... выставлять меня посмешищем, — прошипел Фрэнки, ударяя Тома каждые несколько слов, — иначе я убью тебя... усек!

Для Тома драка закончилась еще до начала. Речь шла не о том, чтобы иметь достаточно силы воли или смелости, чтобы дать отпор, он не мог даже встать. Все, что он мог сделать, — это использовать свои руки, чтобы попытаться защитить себя от ударов, которые обрушивал на него Фрэнки.

Затем Фрэнки пнул Тома прямо по подбородку, и от удара последний почти потерял сознание, на чем закончилась даже его способность защищаться руками. Фрэнки не закончил.

— Ты уедешь завтра. Если нет, получишь еще, — затем он с силой наступил на руку Тома.

Фрэнки плюнул в паре дюймов от лица Тома и ушел, бормоча про себя «вздумал шутки со мной шутить, мелкая крыса».

Прошло несколько минут, прежде чем Том почувствовал в себе силы перекатиться на живот, а затем осторожно положить свою целую руку на асфальт, чтобы иметь возможность на нее опереться и попытаться встать. Все болело: его голова, ребра, живот, обе ноги и руки, а в особенности голова. В ударах Фрэнки сквозило чистейшая ненависть, а возмездие мужчины было обстоятельным.

## *День восьмой*

Том проснулся в своей комнате в «Грейхаунд» следующим утром. Как только он открыл глаза, воспоминание о своем избиении Фрэнки тотчас же вернулось вместе с болью, и он застонал. У него болело все. Следующим, что он вспомнил, была угроза Фрэнки: покинь город или получи еще одно избиение. Как будто у него уже было недостаточно проблем. Что там говорила Хелен перед этим, о том, что жизнь станет лучше, когда покажется совсем невыносимой? Однозначно, что его жизнь хуже стать уже не может.

Затем он подумал о Хелен и об их прерванном поцелуе. О чем он думал? Вероятно, он облажался и с ней. Его бедам не будет конца? Он выкарабкался из постели, осторожно осматривая в зеркале яркие синяки на своем торсе, затем включил телевизор, чтобы посмотреть новости. С его-то привычным невезением, первый голос, который он услышал, принадлежал Тимоти Грейди.

— Я встречался с премьер-министром этим утром, чтобы подать в отставку из кабинета министров, — сказал он репортеру, стоящему снаружи Вестминстерского дворца. — Я сделал это, чтобы не отвлекать внимания от правительственных дел. Премьер-министр неохотно подписал мою отставку, но согласился со мной, что пока этот вопрос не будет разрешен удовлетворительным образом, я не смогу полностью посвятить себя своей министерской должности. Премьер-министр четко дал понять, что я продолжаю пользоваться его полным доверием, и он не исключает моего немедленного возвращения в правительство. На этом все.

Грейди бодрым шагом ушел от камер, игнорируя вопросы, бросаемые ему вслед.

Том выхватил мобильный телефон и набрал кнопки. Впервые пошел сигнал.

— Да? — голос Терри звучал встревоженным.

— Это Том, я только что видел этого засранца по телевизору.

— Минутку, — на мгновение повисла тишина, пока Терри предположительно отвернулся от своих коллег, — все тоже смотрели это здесь.

— Так, значит, он перешел от позиции «Я никогда не подам в отставку» до «Я уйду, чтобы очистить свое имя», черт возьми, изумительно!

— Не для нас.

— Разве это не показывает, что всему, что он говорит, нельзя доверять?

— Ну, нет, он не хотел уходить. Его заставил уйти премьер-министр.

— Очевидно, — сказал Том, — мы сделали его позором в собственном правительстве.

— И вот почему это серьезно, Том, — голос Терри стал взволнованным. — Ты не понимаешь? Если он выиграет дело в суде против нас, они скажут, что мы разрушили незапятнанную политическую карьеру, и он обанкротит нас. Этот парень мог бы стать премьер-министром, если бы мы не изваляли его в грязи. Как измерить в деньгах это?

— Я не верю в это. Этот мужчина спит с проститутками, а затем подтягивает брюки и идет вести речи о семейных ценностях. Никто громче него не кричит о матерях-одиночках, наносящих вред обществу.

— За вероятным исключением в виде нас, — напомнил ему Терри.

Том проигнорировал это, его гнев на Грейди рос.

— Мы забыли, что превратило это в статью? Никому нет дела, если Джо Блоггз

трахается с проституткой, но это — правительственный министр, который рассказывает нам, как мы должны жить, чертов лицемер.

— Никто не забыл об этом, Том. Мы просто все обеспокоены, ну, знаешь, из-за нашего будущего, если газета обанкротится или большинство из нас уволят. Вот о таких простых вещах, как эти. Ты можешь хоть раз залезть в нашу шкуру? Если он победит, все окажутся в дерьме.

— Ну, он не победит. Жюри увидит его насквозь.

Том ожидал дальнейших споров с Терри, но, как ни странно, на другом конце линии была тишина. Том начал задаваться вопросом, не оборвалась ли связь.

— Алло? — подтолкнул он.

— Мы не можем так рисковать, — голос Терри стал спокойнее, и от этого каким-то образом шел холодок по коже.

— Что ты имеешь в виду? — последовала еще одна длинная пауза. — Что ты имеешь в виду, Терри?

Терри вздохнул.

— Док собирается уладить дело.

— Он и в самом деле собрался заплатить мужику? Ты не шутишь?

— Внушительная компенсация за причиненный ущерб, очень большие отступные и извинение на публике, может даже на первой полосе, а затем, возможно, все это закончится.

Том не мог поверить услышанному.

— Этого не может быть.

— Все, что у нас есть, так это несколько фотографий, где Грейди выходит из многоквартирного дома в тот же вечер, что и проститутка. Этого мало. Члены парламента остаются с ночевкой, если работают допоздна.

— Он член парламента от Кенсингтона, Бога ради. У него там таунхаус.

— Но его основной дом находится за городом, у него есть квартира, а также он ночует в отелях.

— Квартира дальше от Палаты общин, чем его таунхаус, — запротестовал Том. — Он использует ее для своих потрахушек.

— Это все не имеет значения, ведь у него есть друзья, которые подтвердят, если он скажет, что у него назначены встречи. Его юристы утверждают, что он проводил агитационную работу для своей предвыборной кампании.

— Бред. У Грейди большинство в Палате Общин. Он не занимается агитацией, ему и не нужно. Он — член парламента от одного из самых богатых районов Лондона. Его избиратели практически маршируют на избирательный участок.

— Да-да, и они голосовали бы за Сталина, если он бы носил красную розетку, как ты, — устало сказал Терри.

— Что насчет девушек? У нас их три, которые хотят выступить в суде и дать свидетельские показания, что он заплатил им за секс.

— Нет, Том, нет, у нас нет трех девушек, которые хотят дать свидетельские показания. У нас есть три проститутки, которые хотят дать свидетельские показания против одного высокоуважаемого столпа общества. Первое, что любой приличный адвокат спросит этих девушек, готовых заниматься сексом с незнакомцами за наличку, будет «За вашу историю вам заплатила газета?», а им, ведь, и правда заплатили. Адвокат затем будет спекулировать на том, что их слова, как и тела, легко купить. Жюри присяжных может просто прийти к

выводу, что такие аморальные люди, по всей вероятности, скажут, что угодно, если им приплатить. К этому моменту, они добавят еще один ноль к компенсации за моральный ущерб.

Несмотря на его растущее недовольство и гнев, Том понял, что все, что Терри сказал, правда. Он просто не хотел верить в нее.

— Ты уверен, что Док пойдет на сделку?

— Это единственный выход, который обсуждался, но предложение еще не было сделано, и мы еще не знаем, примет ли его Грейди. Он может захотеть довести дело до суда.

— И, если Док пойдет на сделку, — спросил Том, — что будет со мной?

— Все пока только гипотетически, — сказал Терри после продолжительной паузы, и Тому не нужно было читать между строк, чтобы понять, что ему конец.

В доме, в котором произошла трагедия, часто кипятили чайник. Это то, что делали, когда ваш мир перевернулся с ног на голову из-за неожиданной смерти или ужасной травмы или, в этом случае, внезапного исчезновения вашей дочери с вероятностью, что она вернется целой и невредимой, один на миллион. Вы ставите чайник, делаете всем по чашке чая, а затем снова ставите чайник на огонь. Том по своему опыту знал, что не стоит предлагать помощь, никогда не пытался забрать труд по приготовлению всем по чашке чая у человека, который предложил их сделать. Это они испытывали сильнейшую боль, пытались понять, почему все, что они когда-либо планировали, о чем мечтали годами, внезапно пришло к резкому и шокирующему концу. Наполнить чайник, вскипятить воду, положить чайные пакетики в чашки и отнести напитки на подносе с сахарницей и ложкой было единственным, что им удавалось сделать между приступами плача, проклятием судьбы и сетованиями на Бога. От этого они чувствовали себя снова полезными примерно на две минуты.

Том стоял один в комнате Мишель Саммерс, пока ее мать делала чай. Он знал, что прийти сюда, чтобы встретиться с Фионой, было как хватка за соломинку, но, может быть, он за этот визит обнаружит что-то и, если оно окажется тупиком, тогда оно, вероятно, будет одним из очень большого их числа, прежде чем кто-то, наконец, не сделает прорыв в этом деле.

Том должен был встретиться с Хелен у дома Мэри Кольер во второй половине дня, но он всерьез сомневался, покажется ли она. Пока он ждал возвращения Фионы, Том осматривался в комнате пропавшей девушки, но ни к чему не прикасался. Место уже выглядело как алтарь умершей девочки. Он пробежался глазами по постерам, по дешевым украшениям комнаты, для которых она, вероятно, уже теперь выросла: снежному шару, старой музыкальной шкатулке с балериной на крышке. Комната рассказывала о тяжелом детстве, которое он узнавал. Это была не совсем бедность: на тарелке лежала еда, и они, вероятно, могли позволить себе отопление, но после оплаты счетов оставалось не так много денег. Вещи, принадлежащие Мишель, вероятно, были куплены на дешевых распродажах. Том знал это, потому что он пережил нечто подобное.

— Я не знаю, пьете ли вы с сахаром.

Фиона вручила ему чашку чая с очень большим количеством молока.

— Забыла спросить, — добавила она, такой интонацией, которая, казалось, говорила, что в настоящий момент она забывает многое.

Том никогда раньше не встречался с Фионой, но она выглядела такой изможденной, что он готов был поспорить, что она состарилась на десятилетие за прошедшие несколько дней.

— Так отлично, спасибо, — сказал он, делая глоток.

Фиона смотрела на него сейчас, будто он вдруг попал в резкий фокус. Он задумался, была ли она на сильных антидепрессантах.

— Чего вы снова хотите?

Она, казалось, то и дело отключалась и, если и заметила на нем синяки, очевидно, решила, что не стоит их никак комментировать. Вместо этого, она безропотно впустила его в дом, когда он сказал, что являлся журналист.

— Я подумал, что у вас может быть более свежая фотография Мишель, — сказал он. —

Та, что использует полиция выглядит слегка устаревшей. Новая фотография может помочь найти ее.

— Мы перестали покупать школьные фотографии, — призналась она. — Они всегда такие дорогие. Я не знаю, есть ли у меня ее недавние фотографии.

Ее губы задрожали, когда понимание поразило ее. У нее не было свежих фотографий своей дочери и больше может никогда не быть шанса исправить это.

— Могу я взглянуть на эти? — спросил Том, показывая на ряд из четырех фотоальбомов, которые занимали половину полки в покосившемся деревянном книжном шкафу.

Фиона кивком выразила свое согласие.

— Это лишь глупые фотографии ее и ее приятелей, — сказала она.

Том взял ближайший альбом и пролистал его. Девушка, у которой был день рождения, выглядела лет на пятнадцать, как и другие дети, улыбающиеся с первых четырех фотографий. Их сняла Мишель, и они были аккуратно размещены на странице, а затем покрыты прозрачной пленкой. Девушки сделали попытку нарядиться, но они все еще учились тому, как хорошо выглядеть. Макияж либо отсутствовал, либо его было слишком много. Мальчишки корчили рожицы перед камерой или боролись на снимках. На фотографиях были радостные лица и смех, но в их возрасте парни и девушки то же самое, что два инопланетных вида, которые с настороженностью друг к другу относятся и не знают, как общаться. Том перевернул страницу и затем другую, пока, наконец, не узнал ее.

Мишель Саммерс стояла рядом с подругой, улыбаясь на камеру. Ее поза и улыбка были еще слегка неуклюжими, но это была совсем другая Мишель в отличие от девушки на снимке, который украшал страницу каждой газеты в стране. С таким макияжем, с тщательно уложенными волосами, она выглядела больше как женщина, чем девушка. Она неловко скрестила руки на груди для фотографа, как будто была не совсем уверена, насколько хорошо выглядит. Мишель Саммерс все еще была ребенком, но она не была похожа на других жертв Ловца детей.

— Могу я это забрать? — спросил Том, — у меня есть связи в «Дэйли Миррор». Они напечатают это.

— Если вы думаете, что это поможет, — сказала она.

Он не знал, поможет ли, но все равно отогнул защитную пленку и положил фотографию в карман.

Они спустились вниз по лестнице вместе и поговорили еще немного о Мишель. Он знал, что то, что он слышал, было отредактированной версией жизни молодой девушки обезумевшей матерью: улыбка с хитринкой, озорное чувство юмора, любовь к природе и случайное воспоминание из детства из давным-давно прошедших каникул. Это не давало ему ничего, что может раскрыть причину, по которой она сбежала из дома или была кем-то убита. Мишель и Дэнни «поладили», как сказала ее мать. Парень Мишель был «порядочным, как я думаю, но она встречалась с ним не так долго».

Они проговорили пять минут или чуть больше, пока тема разговора не перешла к школе, которая Мишель не нравилась.

— Но, когда они ее любили, дети, имею я в виду? Не могла дождаться, когда выберусь оттуда, я была такой же в ее возрасте.

Том позадал ей вопросов о младшей школе, чтобы заполнить тишину в разговоре, пока он допивал свой чай.

Фиона, казалось, оживилась при воспоминании.

— Мишель совсем его не любила. Имел ли он на нее зуб? Имел.

— Кто?

— Нельсон, директор. Он притеснял ее. Я ездила туда однажды.

— Что случилось?

— Он ударил ее, — сказала Фиона.

— Нельсон ударил Мишель?

Том воспитывался во времена, когда учителя регулярно били учеников тапочками, тряпками для доски и даже книгами в твердом переплете, но Мишель была ребенком, рожденным в поздние восьмидесятые, такого рода вещи уже к тому времени прекратились.

Фиона кивнула.

— Дал ей пощечину. Я даже не помню, почему, было ли это за что-то или просто так. Я пошла напрямик к нему, чтобы разобраться, в чем дело. Я угрожала заявить на него, он не стал сразу же извиняться: сказал, что его спровоцировали, но признал, что не должен был делать этого, а затем извинился.

Она думала, что вопрос был разрешен к ее удовольствию.

Том достаточно хорошо знал Нельсона, и такое поведение было для него не характерно, что означало, что Мишель каким-то образом удалось довести директора до той степени, когда он совершил нечто, что могло стоить ему всей карьеры.

Фиона взяла пустую чашку у Тома и исчезла с ней на кухне. Пока ее не было, Том заметил лист бумаги в линейку на обеденном столе поблизости. Он был сложен вдвое, но мужчина все же смог различить слово, которое было написано поверх записки ручкой: «*Фионе*».

С кухни доносились звуки звенящей посуды и работающего крана.

Том сделал шаг по направлению к столу, оглянулся на дверь и, когда никто оттуда не вышел, приподнял верхнюю часть записки пальцем, чтобы иметь возможность прочитать слова, которые были торопливо нацарапаны на другой стороне: «*Мне очень, очень жаль, но я больше не могу здесь оставаться. Пожалуйста, прости меня. Д*».

Том вспомнил отчима, которого он видел на кадрах пресс-конференции. Затем он услышал шаги по линолеуму и сразу же убрал палец от записки, которая, повинувшись, закрылась, затем сделал шаг назад и улыбнулся, когда Фиона вновь вошла в комнату.

— Если есть что-то еще, что я могу сделать... — предложил он.

Она проводила его к входной двери.

— Отчим Мишель сегодня на работе? — спросил он обычным тоном, как Том надеялся.

Она кивнула, но слишком быстро и выразительно, будто и сама хотела поверить этой лжи.

\*\*\*

Не в состоянии поймать сигнал между домом Фионы и «Грейхаунд», Том скормил монеты таксофону у паба, а затем подождал, пока Брэдшоу ответит, прежде чем называть себя.

— Я сказал, что перед тобой в долгу.

— Так и есть, — согласился детектив.

— Ты можешь захотеть проверить отчима, — сказал Том. — Думаю, он съехал.

— Съехал? Почему он... как ты это узнал?

Том пересказал свой визит в дом Мишель.

— Ты от меня этого не слышал, — добавил в конце.

Брэдшоу фыркнул.

— У меня уже достаточно проблем. Я не стану упоминать твое имя.

Его тон слегка смягчился.

— Спасибо. Мы проверим это.

— Есть новости по Шону Доннеллану?

— Они все еще проверяют, — сказал Брэдшоу.

«По крайней мере, они этим занялись», — подумал Том.

\*\*\*

Он прошел мимо стола Винсента по дороге в курилку. Его товарищ детектив сегодня плохо выглядел. Не зарази меня сейчас, засранец, подумал он про себя, ты мне понадобишься. Брэдшоу знал, что это его шанс.

Инспектор Пикок курил вместе со Скелтоном и О'Брайаном, когда Брэдшоу вошел в курилку. Недавнее нововведение, которое вызвало крайнее раздражение у толпы, курящей по двадцать раз в день и, которые громко возмущались, что курильщики наносят вред другим людям, из-за какой-то абсолютно недоказанной теории пассивного курения. Воздух в крошечной комнате постоянно был застоялым и задымленным.

— В чем дело? — раздраженно спросил Пикок.

— Извините, что беспокою. У меня появилась кое-какая информация по делу Мишель Саммерс, и я хотел передать ее вам напрямую.

— Ну, что ж, слушаем.

— Отчим Мишель мог уехать.

— Уехать? — спросил его инспектор в неверии. — Вы слышали об этом?

Он посмотрел с обвинением на Скелтона и О'Брайана.

Скелтон покачал головой.

— Почему ты так думаешь? — спросил О'Брайан.

Брэдшоу знал, что он сейчас рискует.

— Я получил звонок от его соседа. Он не назваля, но знал меня из-за подвального обхода. Он подумал, что увидел записку, которую Дэнни оставил на столе у Фионы.

— Какую записку?

— Извинение: там говорилось, что не может остаться и он...

— Что? — прервал его инспектор. — Он что?

— Просил прощения.

— Гребаный ад, — сказал Скелтон. — Ты в этом уверен, Шерлок? Ты это не придумал, а?

Брэдшоу проигнорировал его, а Пикок — нет.

— Закрой рот, Скелтон.

— Позвольте мне поймать его, — попросил Брэдшоу инспектора.

Пикок вновь повернулся к Брэдшоу и внимательно на него посмотрел.

— Думаешь, что сможешь сделать это, не облажавшись?

Брэдшоу кивнул.

— Просто дайте мне шанс.

— Тогда, вперед, — приказал Пикок.

— Нам стоит поехать и снова увидеться с матерью Мишель? — спросил Скелтон, когда Брэдшоу ушел.

Пикок покачал головой.

— Она не в себе, — он сделал долгую задумчивую затяжку сигаретой. — Шерлок отправился реабилитироваться. Посмотрим, с чем он вернется. Если мы выясним, из-за чего Дэнни чувствует вину, думаю, что дело будет наполовину раскрыто.

Винсент Эддисон пялился в пустое пространство, когда Брэдшоу подошел к его столу и положил на него обе ладони, наклонившись ближе.

— Помнишь всю ту чушь, когда я говорил тебе, что мы — команда, и мне нужна твоя помощь, когда ты будешь готов? — потребовал ответа он.

— Ах, да.

— Хорошо, мы команда, и мне нужна твоя помощь, но это дело не ждет, — сказал он своему удивленному коллеге, — так что хватай пальто, потому что у нас есть работка.

Он не ожидал, что она появится, но ошибался. Ведущая себя всегда профессионально, Хелен Нортон подъехала на улицу, на которой жила Мэри Кольер, в назначенное время и остановилась перед его машиной. Том припарковался в паре ярдов от дома Мэри. Если выйдет ссора, он не хотел, чтобы пожилая леди стала ее свидетельницей.

Они оба вышли из своих машин одновременно, он ждал, пока Хелен скажет что-то насчет поцелуя. Он ожидал некоего рода нагоняй, но вместо этого она сказала: — Что с тобой случилось?

Он забыл о синяках.

— Ох, — сказал он, — я говорил тебе, что в этой деревне есть пара неприятных людей. Фрэнки Тернер — один из них.

— Он сделал это? — спросила она, и он испытал облегчение, что все еще ей небезразличен. — Ты сообщил в полицию?

Том покачал головой.

— Нет смысла, у Фрэнки есть полдюжины людей, которые в очередь выстроятся, чтобы сказать, что они были с ним, когда это случилось. Полиции это не будет интересно, — отмахнулся он. — Я буду жить.

Он испытывал облегчение, что она появилась и не прокомментировала их поцелуй, он принял ее молчание за знак.

— Пойдем, проверим дома ли она, — сказал он.

Хелен кивнула, и они начали путь по улице вместе.

В этот раз Мэри Кольер была дома. Их последняя попытка увидеться с пожилой женщиной оказалась сорвана появлением спустя минуту одетого в костюм мужчиной средних лет, который выглядел как агент страхования. Пока они были на достаточном расстоянии от старого дома викария, мужчина вышел из темно-бордового «Ровера», что подъехал напрямик к дому Мэри. Он постучал по входной двери, а затем ему открыла экономка Мэри.

— Бл\*ть, — пробормотал Том.

— Будем ждать? — спросила его Хелен.

— У меня такое ощущение, что он там надолго, — сказал Том. — Хочешь прогуляться?

Она задумалась, имел ли он в виду паб, но вместо этого, они вместе преодолели холм.

— Куда мы идем? — спросила она, но он не ответил.

Хелен не стала настаивать. Она была просто рада, что они все еще были способны работать вместе, и испытывала облегчение, что он никак не прокомментировал предыдущую ночь, даже, чтобы извиниться, что было бы невыносимо неловко. Когда она уезжала, она была зла на Тома, но еще злее на саму себя. Он поцеловал ее, что было неправильно, но она ответила на поцелуй, что было еще хуже, так как именно она состояла в отношениях. Вина за это предательство по отношению к Питеру с тех пор не отпускала ее. Это бы, определенно, подтвердило его худшие опасения на ее счет, и первым инстинктом Хелен было позвонить ему и рассказать о том, что случилось, так как она никогда раньше не хранила от него секретов. Однако что-то остановило ее от того, чтобы сделать это, вероятно, инстинкт, что это будет слишком для него и, что гордость Питера вынудит его тотчас же расстаться с ней. Она чувствовала почти такую же степень вины за то, что держала это втайне от него, как и

из-за поцелуя.

Теперь она молчаливо шла рядом с мужчиной, который стал причиной появления проблемы в отношениях между ней и ее парнем, но все, что она испытывала — облегчение, что тот не чувствовал необходимости упоминать про это. Казалось, что они оба были счастливы забыть дурацкие события прошлой ночи или, по крайней мере, делать вид, что их никогда не было.

Впервые погода была мягкой. Дождь прекратился, и у земли было достаточно времени, чтобы высохнуть. Когда они достигли подножья, он увел ее с главной дороги на безымянную тропинку вдоль фермерских полей. Здесь был указатель и знак, обозначающий пешую тропу общественного пользования.

— Безымянная тропа, — сказал он ей. — Она ведет вниз к реке. Я подумал, тебе может понравиться идея увидеть место, где Шон Доннеллан рисовал свои пейзажи.

— Почему ее называют Безымянной тропой?

— Потому что у нее нет имени.

— Все называют ее Безымянной тропой?

— Да.

— Значит, имя есть.

— Можно и так сказать, — произнес он, будто на самом деле это не имело значения.

Они завернули за поворот, и стало видно реку, ее уровень возрос от недавних дождей до той степени, что она грозила выйти из берегов, вода текла с тревожной скоростью.

— Забавно думать, что это место не изменилось на йоту с тех пор, как Мэри Кольер гуляла здесь, когда была молодой девушкой.

Затем Том стал выглядеть разозленным.

— Это сводит меня с ума, — признался он, — что мы так близко к правде, но я задаюсь вопросом, узнаем ли мы когда-нибудь, что случилось той ночью, потому что все, кто мог рассказать нам, мертвы. Я все еще ставлю на солдата, но нож в спине не похож на манеру действий Джека Кольера.

— Это похоже на манеру действий Генри Кольера? — скептически спросила Хелен. — Или даже Стефана?

— Мужчины с ментальным расстройством, рыскающим в тенях, подглядывающим за полуодетыми девицами и имеющий эпизоды проявления жестокости и провалов памяти и, который после ничего о них не помнил? — спросил он. — Так чем это его делает, гадаю я: смертоносным маньяком или бесхитростной душой, которая не понимает, что его действия неподобающие? Остается загадкой.

— Не похоже, что это один из них, а? — признался он. — Но один из них должен был сделать это или все трое. Кто еще это мог быть?

— Мэри Кольер, — заметила она, — если верить Бетти Тернер. «Это была ты», помнишь?

— Но имела ли она это в виду буквально? — спросил Том. — Или же она говорила, что это было по вине Мэри косвенно? Я не считаю, что Бетти Тернер знает больше, чем мы, но уверен, что Кольеры несут каким-то образом ответственность за смерть Шона.

— Как ты и сказал, они все мертвы. Так что мы никогда не узнаем, верно?

— Нет, — признал он, — вероятно, нет.

Они дошли до известной части реки, где дожди заставляют ее бурлить в самой ее широкой, глубокой части. Воды текли мимо этого места на огромной скорости, будто

спешили достигнуть того места, куда они направлялись.

— Красиво, да? — спросил он, пока они наблюдали за волнами.

— И страшно, — сказала Хелен.

\*\*\*

В то утро было относительно легко найти Дэнни, поскольку его перемещения в точности совпадали с маршрутом, который он заранее предоставил Даремской констебулярии на случай, если им понадобится найти его, когда они узнают новости о местонахождении Мишель. Самым сложным было оставаться внимательным и в боевой готовности, пока тот покрывал милю за милей по автостраде, а они следовали за ним на осторожном расстоянии. Винсент и Брэдшоу ехали следом за ним всю дорогу до Каннока в Уэст Мидлендсе, где Дэнни разгрузил партию консервов, а затем проследовали за ним обратно на трассу А1.

— Что именно ты надеешься найти? — спросил Винсент, уже не в первый раз.

— Я же сказал тебе, — напомнил ему Брэдшоу, — я не знаю. Что-то, что угодно, потому что с этим парнем что-то не так. Говорю тебе. Винсент, этот мужчина что-то скрывает. Я просто знаю это.

— И я собираюсь узнать что, — добавил он, когда его напарник не проявил энтузиазма.

\*\*\*

Они шли почти час вдоль берега реки и говорили о Мэри Кольер и Шоне Доннеллане. Затем, когда по этому поводу больше нечего стало сказать, они перевели свое внимание на исчезновение Мишель Саммерс, но и здесь снова вернулись на изведенные территории.

Хелен поменяла тему.

— У тебя здесь все еще есть семья?

— Только сестра, — ответил он. — Она замужем, живет в Нью-Кастле, у нее две милые маленькие девочки.

— Ты дядя?

— Кажется, ты удивлена. Я поеду и навещу их, когда это все закончится. Остальные умерли: бабушка, отец.

— Ты скучаешь по отцу?

— Мы никогда, на самом-то деле, не ладили. Часто спорили.

— Из-за чего?

— Из-за всего, но забастовка шахтеров, действительно, стала камнем преткновения между нами.

— Ты с ней был не согласен?

— Дело не в этом. Я просто думал, что она была провальной и бесконтрольной. Он видел все иначе или, по крайней мере, хотел так видеть.

К счастью, они вернулись к дому Мэри Кольер, но темно-бордовый «Ровер» все еще был припаркован снаружи.

— Ну, она никуда не денется, — сказал он. — Пошли сходим перекусим в «Грейхаунд».

— Разве это мудро?

— Пошел он, этот Фрэнки Тернер, — сказал он ей. — Если он войдет, я разукрашу его бильярдным кием.

Ей осталось лишь гадать, шутит он или нет.

\*\*\*

— Во что он играет? — спросил Винсент, пока наблюдал за грузовиком, весом семь с

половиной тонн. — Он здесь уже больше часа и даже не выходил из кабины.

— Может, он спит там? — предположил Брэдшоу.

Грузовик Дэнни был припаркован в углу большого грубого клочка грязной обезображенной земли, который служил автомобильной парковкой. Стоянка грузовиков находилась в нескольких милях к югу от Уэзерби. Они вплотную подъехали на своей машине без опознавательных знаков позади большого грузовика с немецкими номерами, оставив лишь достаточно места, чтобы вести наблюдение за кабиной Дэнни и входной дверью кафе, но отчим Мишель не выходил в забегаловку. Он вообще ничего не делал, на самом-то деле.

— Присоединяйся к полиции, говорили они. Проломи несколько черепов и отлови нескольких злодеев, — сказал Винсент, затем вздохнул, — и посмотри теперь на меня.

— Я не помню, чтобы кто-то так говорил, — поправил его Брэдшоу.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, — пожаловался Винсент. — Потраченный впустую день. Я заработаю геморрой от сидения здесь на холоде.

— Прекрати ныть.

Именно тогда дверь грузовика открылась, и вышла молодая девушка, одетая в белую рубашку и черную юбку, частично прикрытая мешковатым аноракотом (*прим.: легкая ветрозащитная куртка из плотной ткани с капюшоном, надеваемая через голову и не имеющая обычного разреза спереди*).

— Просто официантка, — сказал Винсент, так как кем еще она могла быть здесь.

Когда та начала пересекать автомобильную парковку, однако дверь кабины грузовика, наконец, открылась, и они увидели, как тот Дэнни выбирается наружу.

Молодая девушка тогда принялась идти быстрее. Пока наблюдающие детективы пытались понять, что происходит, Дэнни широко развел руки, и она пошла напрямик в его объятия. Он крепко обнял ее, а затем прервали объятие, но только, чтобы приняться страстно целоваться.

— Гребаный ад, сколько ей лет? — с изумлением спросил Брэдшоу.

— Шестнадцать, — ответил Винсент, — максимум семнадцать.

— Грязный ублюдок, — высказался констебль.

Знакомая машина подъехала сбоку от Тома, когда он покинул паб.

— Садись, — приказал О'Брайан.

— Опять? — сказал Том, — у тебя нет больше дел?

— Что происходит? — спросила Хелен.

О'Брайан проигнорировал ее.

— Наш старший инспектор хочет поговорить, — сказал он Тому.

— Так что садись, пока мы не затолкали тебя, — добавил Скелтон.

Хелен выглядела встревоженной.

— Все хорошо, — сказал Том.

Скелтон придержал для него открытой заднюю дверь.

— Если позже меня найдут повешенным в моей камере, это будет дело этих двоих, — сообщил он Хелен, затем подмигнул ей.

Она осталась стоять там, пока они уезжали.

По крайней мере, в этот раз они придерживались главных дорог, и Том вскоре снова оказался в городе. Скелтон повернул свою «Сиерру» на парковку ментовки, как прозвали полицейский участок местные. Том прикусил язык, когда Скелтон и О'Брайан проводили его до офиса старшего инспектора Кейна, но, когда он увидел, как старший офицер спокойно сидит за своим столом, он больше не мог сдерживать свой гнев.

— В чем дело? Я арестован? По каким обвинениям?

— Успокойся, — сказал ему Кейн, — очевидно, что ты не под арестом. Я хотел переговорить, вот и все.

— Правда? Ну, тогда я хочу иметь выбор с кем мне говорить. Я предпочитаю, чтобы меня не хватала с улицы ваша банда хулиганов и не тащила сюда. Так что ответ «нет», чего бы вы ни хотели. Теперь, собираетесь ли вы подвезти меня до дома, придется ли мне вызывать такси, или эти двое собираются сначала избить меня где-то в тихой камере?

— Расслабься, мы не тащили тебя сюда.

Затем он заметил пристыженные лица своих двух детективов.

— Гребаный ад, — сказал он в раздражении. — Я же сказал, попросить его вежливо.

— Извини, Гув, — ответил Скелтон.

Старший инспектор Кейн пристально минуту рассматривал Тома, пока до молодого человека не дошло.

— Не беспокойтесь, — сказал он, — синяки уже были.

— Я и не сомневался, — сказал Кейн, но повернулся к своим людям, — будьте хорошими ребятами и свалите, пока я буду говорить с этим молодым человеком.

Они трусцой покинули его офис.

— Мне жаль, — сказал он Тому. — Эти двое могут быть пугающими, даже когда и не пытаются такими быть, но, в целом, они хорошие копы.

— Нам придется остаться каждому при своем мнении, — возразил Том. — Я считаю, что они позор для полиции.

— Это не их вина, что им доводилось иметь дело с такой плохой компанией последние двадцать лет. Это наносит отпечаток.

— Вам не кажется, что со временем границы дозволенного размываются? — спросил

Том. — Что парни, перед которыми стояла задача ловить преступников, могут стать почти таким же, как и люди, за которыми они охотятся?

— Нет, я так не считаю, — ответил старший инспектор. — Это наивное мнение, и у вас бы его не было, если бы занимались этой работой, также долго, как и они. Есть очень большая разница между ними и преступниками, которых они сажают. Они могут растрепать несколько перьев по ходу дела, но они на правильной стороне закона, поверь мне, что гораздо больше, чем можно сказать о некоторых из вашей шайки.

— Да, существует достаточно испорченных журналистов, я признаю это, но каждый из них имеет двух или трех копов, которым платят за слив информации деньгами на пиво, — сказал Том. — Теперь, из-за чего конкретно вы хотели увидеть меня?

Кейн долгое время смотрел на Тома, будто решая стоит ли продолжать.

— Я хотел поговорить с тобой, потому что слышал, что ты хороший журналист, один из лучших, и ты неболтлив.

— Лесть поможет попасть куда угодно... но не сработает со мной. Чего вы хотите?

— У меня есть для тебя история...

— Ну что ж, начнем...

— Я не хочу за нее денег. Все не так.

— Тогда, продолжайте.

— Эта история... она крупная, принесет тебе пользу и всплыла бы рано или поздно. Я полагаю, что общество имеет право знать о ней, и оно не услышит ее от меня, — он пожал плечами, — так что они услышат ее от тебя: если ты заинтересован, конечно же.

Том заставил себя успокоиться. Он сказал себе, что единственная вещь, которую он сейчас не может себе позволить — упустить хорошую историю.

— Я могу, — признал он.

— Есть только одна вещь.

— Какая?

— Этот разговор, — Кейн посмотрел ему прямо в глаза, — его никогда не было.

— Разумеется.

— Я не шучу.

— Как и я, — сказал Том. — Хороший журналист никогда не выдает своих источников. Просто спросите ваших двух молодчиков, если не верите мне.

— Я спрашивал, — сказал старший инспектор, — вот почему ты здесь.

— Тогда выкладывайте.

Кейн отклонился назад в своем стуле и сложил руки.

— Хорошо, сядь, и я расскажу тебе.

Том занял место напротив Кейна и позволил офицеру полиции начать.

— Ты знаком с профессором Берстоу и его ролью в деле Ловца детей.

— Конечно, — сказал Том, но он все еще не собирался признаваться, что написал статью, которая довела все до знания общественности.

— Его вклад заключался в том, чтобы сузить наше расследование. Это составленный им психологический профиль, позволил нам отсеять несколько сотен зацепок, полученных констебулярией Дарема. Детективы по этому делу, по сути, работали на него. Если он говорит, что зацепка стоящая, то мы идем по ней, если он говорит, что это мертвый конец, мы откладываем ее, потому что он представляет собой новый метод расследования, за ним будущее.

Кейн холодно произнес последнюю фразу.

— Улавливаю картину.

— Не то чтобы ему нельзя было доверять, — продолжил старший инспектор, — я имею в виду, он получает все эти письма на свое имя, блестящий отчет от ФБР после всей проделанной для них работы.

— К чему вы клоните?

— Но что если я скажу тебе, что этот профессор Берстоу не тот, за кого себя выдает?

— Что вы имеете в виду? — спросил Том. — Вы хотите сказать, что некоторые детали его резюме не подтверждаются при более тщательной проверке?

— Вероятно, я говорю, что ничего из этого, — признался Кейн.

— Гребаный ад, — на секунду Том задумался. — Если вы говорите мне, что охота на серийного убийцу детей зашло в тупик из-за мужчины, который направлял расследование — умышленное запутывание, тогда я скажу, что это, в самом деле, крупная история.

— Я так и думал, — согласился Кейн с классической недосказанностью.

— Как, черт возьми?

— Он никогда не работал на ФБР, — сообщил Кейн, — и никогда не помогал полиции ни по одному из дел, а уж тем более по расследованию убийства. Он не профессор и даже не доктор, его дипломы — фальшивки. Мужчина — сказочник.

— Господи Боже!

— Кажется, что мы находились в таком отчаянии, что человек, который занимался подбором кадров, не удосужился провести проверку подноготной на Берстоу. Вместо этого, он прочитал все рекомендации на гербовой бумаге, услужливо предоставленной ФБР, и принял их за чистую монету.

— О, мой Бог.

— Все это вышло на чистую воду только потому, что американский турист прочитал в Лондоне репортаж в газете о деле Мишель Саммерс. Статья содержала упоминание, что профессор Берстоу был активно вовлечен в расследование предыдущего дела в США. Вся беда в том, что тот мужчина был агентом ФБР, который работал по тому делу и знал, что Берстоу не имел к нему никакого отношения. Обладающий развитым чувством гражданского долга, он позвонил, чтобы сообщить об этом нам. Один из наших детективов связался с ФБР в Лэнгли и, каково же было удивление, у них отсутствовали записи о профессоре Берстоу, вовлеченном в это дело или другое. У нас ушло полтора часа, чтобы проверить все остальные факты в его резюме, а затем мы попросили нашего замечательного профессора прийти в участок и помочь нам с нашими расследованиями. Только в этот раз, он оказался по другую сторону стола для допроса. На самом деле, прямо сейчас он в камере.

Том едва мог поверить услышанному.

— Почему он думал, что это сойдет ему с рук?

Кейн пожал плечами.

— Потому что он лает, — сказал он просто, — я не имею в виду, что он крутится вокруг в своем собственном дерьме, в бешенстве и с пеной у рта, но он, определенно, мыслит иначе, чем другие люди.

— Он сознался?

— Не сознался, но и ничего не отрицал. Он просто вел себя, будто это не имеет значения. Он знает, кто убийца, и собирается помочь нам найти его, если только мы выслушаем. Немного ли он на себя берет, а?

— Еще кто-нибудь знает об этом?

— Если ты имеешь в виду других журналистов, то нет.

— Кто об этом знает?

— Полдюжины старших офицеров полиции и парочка ударившихся в панику политиков, включая нашего высокочтимого местного члена парламента.

— Подождите-ка минутку, — попросил Том, — они не пытаются замять это?

— А как ты думаешь?

— Но как они смогут?

— Ох, я не знаю, снимут обвинения или, вероятно, у них есть знакомый, который определит его в психиатрическую больницу в соответствии с законом о психическом здоровье — надеюсь, что никто не заметит.

— И вы не хотите, чтобы так произошло? — Том сузил глаза, — даже хоть это может нанести очень большой вред репутации полиции? Почему это?

— Посыплется целый дождь из дерьма, — признался Кейн, — какое-то время, но я думаю, здесь есть более важные вещи, о которых стоит беспокоиться, ты так не считаешь? Этот мужчина поставил под угрозу жизнь каждой юной девушки в этом графстве, негативно влияя на полицейское расследование по поиску серийного убийцы. Я считаю, пора поднять шумиху, раскрыть все карты. Общественность имеет право знать.

— Очень благородно, — и Том посмотрел на главного инспектора с интересом.

— Что?

— Профессор Берстоу был человеком Трелоу, так?

— Я полагаю, что Трелоу привлек его, так что, да, он был его человеком, как ты выразился.

— И что с ним станет?

— Боюсь, что суперинтендант Трелоу был отстранен до выяснения результатов расследования.

Том, наконец, понял.

— Так, значит, ваш босс может не сносить головы, и вы не хотите, чтобы это замаяли, обвинения сняли, безумных поместили в психушку, а суперинтендант восстановил честное имя? Вот как ваша компания обычно решает дела, да? Вы же хотите увидеть, как Трелоу сделают ответственным за неудачу.

— Почему бы я хотел, чтобы коллега офицер пострадал? — спросил старший инспектор Кейн невозмутимым тоном.

— Может, он вам безразличен или просто недолюбливает вас. Все может быть так просто, но скорее всего, вы следующий, — сказал ему Том, — кто будет вести дело Мишель Саммерс, когда Трелоу отстранят?

— Я связываюсь непосредственно с помощником комиссара, — признался Кейн, — пока что.

— Правда?

Том покачал головой в недоумении.

— Я должен отдать вам должное, Кейн, даже если я и не верю ни одному слову из истории об агентах ФБР не при исполнении в отпуске в Лондоне. Окажите мне услугу. Вы проверили Берстоу. Вы выполнили тяжелую нудную работу, которой не обеспокоился ваш босс, даже связались в ФБР в Лэнгли. Вы изобрели эту наводку, чтобы оправдать свое желание перепрыгнуть через голову своего босса. Вы бросили его на растерзание львам.

— Ты никогда не имел дел с суперинтендантом. Если бы имел, то не был бы так шокирован. Он еще тот политикан, — сообщил ему Кейн, — и, так вышло, что и я.

— Вы решили кинуть его, пока он не кинул вас, так?

— Отчасти, — признался Кейн, — но я по большей части обеспокоен его взглядами, или отсутствием таковых. Офицер полиции его ранга должен их иметь, тебе так не кажется, а этот мужчина лишь пустышка в форме.

— И, когда я напишу эту статью, с ним будет покончено, — сказал Том.

Кейн пожал плечами.

— Какое тебе дело?

Том внезапно почувствовал усталость.

— Никакого.

— Хорошо, — черты лица старшего инспектора Кейна ожесточились. — Так ты заинтересован в этой истории или нет?

В этот раз Том дал Алексу Докерти полтора часа, прежде чем во второй раз позвонить Терри.

— Ты передал Доку мое сообщение?

— А... да, передал.

— И что он сказал?

— Немного, — признался заместитель редактора.

— Хорошо, что именно?

— Ты же знаешь Дока.

— Что он сказал, Терри?

Терри вздохнул.

— Скажи ему, чтобы шел в задницу.

— Замечательно, — ответил Том, — это просто замечательно.

Том повесил трубку и набрал номер Пола Хилла в «Миррор», а затем позвонил Хелен.

\*\*\*

Пока Том направлялся к старому дому викария, он проходил мимо бунгало пенсионеров и пустыря, на котором раньше стояла старая пивоварня. Было удивительно размышлять, что деревня такого размера когда-то имела свою собственную пивоварню, но то было давным-давно, и здание оставалось пустовать годами, пока, в конце концов, его не снесли. Пустырь зарос травой, на нем посадили деревья, некоторые из которых были высокими и взрослыми, но те, что находились ближе к дороге, были посажены не так давно: едва ли больше, чем саженцы, привязанные к крепким деревянным опорам, чтобы они не сгибались и не сручивались от порывов ветра.

Том находился в приподнятом настроении после разговора с Полом Хиллом. С еще одной проданной историей, он чувствовал себя, как будто ему удалось создать подушку безопасности, которая может помочь поддержать его, когда придет время для его неизбежного увольнения из газеты. По крайней мере, он сможет оставаться на плаву, пока будет выяснять, что ему делать дальше со своей жизнью.

Он свернул за угол, его мысли были заняты Мэри Кольер, вот почему он не заметил Фрэнки Тернера, идущего к нему с другого конца улицы, пока не стало слишком поздно. Однако более взрослый мужчина заметил Тома и сразу же пустился бежать.

— Ох, дерьмо, — пробормотал Том, когда запоздало узнал скалящееся лицо, направленное в его сторону, — не сейчас.

У пойманного врасплох Тома, оставалось всего доли секунды для принятия решения.

— Иди сюда! — закричал Фрэнки.

Том принял решение. Он повернулся на пятках и побежал.

— Стой, ублюдок! — заревел Фрэнки.

Том исчез обратно за углом, и Фрэнки Тернер пулей полетел за ним, решительно настроенный догнать его, не совсем веря, что у Тома хватило гребанной смелости оставаться в деревне, когда его предупредили, чтобы он убирался. Гнев Фрэнки придавал ему скорости.

— Иди сюда, ты!

Он был решительно настроен поймать Тома и снова его избить. Фрэнки понесся за поворот, молясь, что он достаточно сократил расстояние, и надеялся, что увидит Тома

впереди.

Но Том оказался намного ближе, чем того ожидал Фрэнки. Он ждал прямо за углом, пока его атакующий не поравняется с ним. Прежде чем Фрэнки мог что-либо предпринять, Том скрутил его и взял что-то, чтобы ударить его. Фрэнки удалось поднять руки вверх, чтобы парировать удар, но Том изменил стойку и опустил деревянный брус, который он вытащил от одного из саженцев, вниз так, чтобы тот пролетел мимо лица и рук Фрэнки, вместо этого приземлив болезненный удар по корпусу.

Фрэнки застонал и ахнул в то же самое время, тяжело рухнул на землю, схватившись за живот. Этот удар сам по себе был достаточным, чтобы завершить бой, потому что Фрэнки не торопился встать, но Том еще не закончил. Он бросил деревянный брус и вместо него обрушил удар ботинка, который попал Фрэнки прямоком по лицу, отбросив его на спину. Фрэнки стонал, пока катался по земле.

— Ты думал, что я убегаю от тебя, Фрэнки? Еще чего! Я ждал этого, ублюдок!

Следующий сильный удар пришелся Фрэнки в колено, и тот закричал от боли.

— Ты считал, что я буду стоять на улице и обмениваться с тобой ударами? Ни за что. Ты любишь драться грязно, хорошо, мне подходит такой вариант.

Следующий удар был направлен в лицо, и Фрэнки попытался защитить его руками, но Том ожидал этого и перенаправил удар так, чтобы он встретился с ребрами Фрэнки. Он снова застонал и попытался отползти, но Том увидел свою возможность и носок его ботинка жестко приземлился мужчине между ног. Фрэнки испустил приглушенный кашляющий звук и перекатился, хватаясь за яйца.

— Я еще не закончил, — заверил его Том, его ярость возросла, когда он вспомнил трусливую атаку, которую он пережил от рук Фрэнки.

— Нет, — взмолился Фрэнки, — прекрати, — задыхаясь, сказал он.

— Пошел ты, — сказал ему Том, и следующий удар попал Фрэнки по голени, спровоцировав новый вскрик от сильной боли, пока он катался по земле.

Недели гнева и недовольства тогда, казалось, взрели в Томе, и Фрэнки Тернер принял на себя весь их удар: предательство Дока, ярость на Тимоти Грейди, гнев на двух вышедших из подчинения детективов, которые оставили его выброшенным в пяти милях от города, и, конечно же, была еще Хелен и ее парень идиот.

Фрэнки принял на себя еще один удар от ботинка Тома.

— Хватит! — взмолился он.

— Нет, — заверил его Том, — ты не решаешь, когда будет достаточно.

Он сел на корточки рядом с мужчиной, отвел руку и сильно ударил его по челюсти.

— Решаю я!

Еще один удар в лицо, а затем еще один, в этот раз, оставивший рассеченной бровь Фрэнки.

— Я решаю!

Он схватил мужчину за рубашку, и она порвалась, когда другой кулак врезался в лицо Фрэнки еще раз. Том отвел руку, чтобы осуществить последний удар.

— Том! — закричала Хелен.

Он посмотрел вверх и увидел, что она стоит там. Парень даже не слышал, как ее машина подъехала к обочине дороги, и девушка вышла из нее.

— Остановись! Бога ради, остановись! Ты, черт возьми, убьешь его! — кричала она ему.

Тогда Том остановился. Он посмотрел в безумные глаза Хелен, а затем бросил взгляд

вниз на мужчину, которого он отмутил. Френки Тернер находился в сознании, но его голова была наклонена, и он издавал неестественный клопочущий звук из-за крови в носу и рту. Его лицо было избито и окровавлено, и он ни за что бы не смог встать без помощи.

Том сделал шаг назад от Фрэнки и лицезрел работу своих рук, когда Хелен подошла ближе.

— Х\*й с ним.

— Ты не можешь просто так оставить его на улице, — сказала она ему. — Ему нужна помощь!

— Если тебе он так важен, сама ему помогай! — огрызнулся он и, прежде чем она могла ответить, повернулся к ней спиной, уходя.

\*\*\*

К тому времени, как Хелен нашла его снова, Том уже сидел в углу «Красного льва», держа в руках наполовину выпитую пинту, но все еще раскрасневшегося от драки с Фрэнки Тернером. Хелен запыхалась от усилий догнать его, что она только что и сделала, сразу же после того, как убедилась, что Фрэнки Тернер не в критическом состоянии. Он просто зарычал на нее и, шатаясь, встал на ноги. Парень выругался и отпихнул ее с дороги, прежде чем поковылял с места. Она была поражена, что тот вообще может ходить после такого жестокого избиения, и наблюдала за ним, пока тот не исчез за углом, считая, что тот может упасть в любой момент.

— Тебе очень повезет, если он не выдвинет обвинений! — ее голос был достаточно громким, чтобы привлечь внимание людей в баре, которые имели достаточно мозгов, чтобы не спрашивать Тома, почему у него руки в крови.

— Выдвинуть обвинения? — усмехнулся Том. — Фрэнки Тернер? Это последняя вещь, которую он сделает. Придурок знает, что полиция пожмет мне руку за то, что я отметелил этого козла.

Хелен увидела, что кожа на его костяшках содрана и кровоточит.

— Это он пришел за мной. Это была драка, и он, бл\*ть, проиграл. Я дал ему больше шансов, чем он дал мне прошлой ночью, и Френки поступил бы хуже, если бы я не напал на него первым.

Он видел, что та не верит.

— Я не хочу говорить об этом, Хелен, — сказал он твердо. — Я вообще ни о чем не хочу говорить.

— Ну, это будет сложно, так как нам полагается работать вместе. Кукситься не поможет.

— Я не куксюсь.

Она посмотрела на него так, словно говоря, что он, *определенно*, куксился.

— Нам нужно встретиться с Мэри Кольер, — напомнила она ему.

— Просто дай мне минутку, Бога ради, — и, когда она ничего не ответила, продолжил: — Я что, не могу побыть минутку наедине, чтобы ты не стояла над душой, смотря на меня так!

Он опустошил залпом пиво из своего стакана.

— Как?

— Как будто я выполз из-под скалы. У нас что, не может быть однодневного выходного от всего этого?

Теперь он хмурился, и она была поражена его свирепым выражением лица.

— У тебя столько минут, сколько тебе потребуется, — спокойно сказала ему Хелен и ушла от него, оставляя Тома смотреть на дно своего стакана.

Мэри Кольер тем полуднем была одна, но она не пригласила Хелен внутрь.

— Что в этот раз, мисс Нортон?

Хелен все еще была зла после своей стычки с Томом и не в настроении для болтовни.

— Мы ездили встретиться с Сэмом Армстронгом, — сообщила она Мэри, — и он рассказал нам все о вас и Шоне Доннеллане.

Тогда на лице пожилой леди появилось выражение смирения, и она открыла дверь шире, чтобы впустить ее.

В этот раз Мэри налила два бокала шерри и передала один Хелен, которая взяла его из дрожащей руки пожилой леди и села напротив нее.

— Где Том? — спросила Мэри, — у вас двоих произошла размолвка?

Она посмотрела Хелен прямо в глаза.

— Ты спишь с ним? — спросила она, застав Хелен врасплох.

Мэри улыбнулась, но в этой улыбке не было теплоты.

— Я вижу, что он испытывает к тебе интерес, — объяснила она. — Все в порядке, — добавила она, — это обязанность каждого поколения шокировать предыдущее? Однако вам придется сделать что-то совсем непристойное, чтобы шокировать поколение, идущее следом за моим.

Хелен удивил свой выбор слов.

— С кем я сплю не ваше дело.

— Несомненно, — согласилась Мэри, — тем не менее, кажется, вы полагаете, что весь мир может быть заинтересован в том, с кем сплю я.

— Да, — ответила Хелен, — потому что ваш бойфренд был убит.

Мэри испустила звук, средний между вздохом и удивленным смешком, а затем собралась с самообладанием.

— Мой бойфренд? Он был парнем, на самом деле, мужчиной, двадцати двух лет, когда приехал сюда такой молодой, но каким-то образом, казался таким искушенным и утонченным. Конечно же, вы хотите знать все о нас, будто мы внезапно стали общественным достоянием.

— Я просто хочу знать, что с ним случилось, вот и все.

— Зачем? — резко спросила Мэри. — Так это сделает вам имя, положит начало вашей гламурной карьере в качестве журналиста? Поэтому?

— Может быть, — уступила Хелен, — это то, чем мы занимаемся. Мы узнаем, что произошло, и пишем об этом. И да, если я смогу написать хороший материал об этом, тогда это не принесет мне вреда, но дело не только в этом.

— Тогда в чем?

Хелен ощущала, как растет ее гнев на эту старуху, которая, казалось, больше заботилась о своей репутации, чем о правде.

— Молодой мужчина приехал в эту деревню и так и не покинул ее. Что-то произошло здесь, и он был убит из-за этого, а его тело похоронили на болотистом поле, без надгробного камня, без похорон и оплакивающих людей. У него, вероятно, были мать, отец, сестры, братья, друзья, которые беспокоились о нем. Они больше не видели Шона. Если кто-либо из них еще жив, думаю, заслуживали узнать, что с ним случилось. Полагаю, этот секрет

преследовал вас годами, и вам нужно рассказать нам правду.

— Что заставляет вас быть так уверенной в этом?

Хелен открыла рот, чтобы сказать что-то, но была прервана.

— Потому что вы умираете, — мужской голос раздался у порога позади нее, и она повернулась.

— Дверь была не заперта, — объяснил Том, — так что я позволил себе войти.

Взгляд на его лице сказал Хелен, что ему тоже надоели обычные тонкости. Томом овладела мрачная решимость. — Я собирался позвонить, но услышал голоса и, да, я подслушивал на пороге. Вы можете попросить меня уйти, если хотите.

— А почему мне не стоит этого делать? — бросила ему вызов Мэри.

— Потому что Хелен права: вы хотите рассказать нам, что произошло.

Он сел напротив нее.

— Моя бабушка страдала ревматоидным артритом годами, и у нее не было и десятой части всех тех приемов у врача или визитов в госпиталь, что у вас. Я думал поначалу, что то была некая необычная частная схема лечения, но, тогда вас вчера посетил Грэхем Хит, — его тон был жестким, непреклонным. — Я полагаю, наш местный нотариус вносил изменение в ваше завещание?

Мэри повернулась к Хелен.

— Ох, он славный, — она произнесла это так, будто была очень впечатлена молодым протеже, — очень хороший. Такой смысленый, что однажды погубит сам себя. Я бы присмотрелась к нему, если бы была вами, молодая Хелен. Вы двое далеко бы пошли вместе.

— Так, значит это правда? — спросила Хелен. — Вы больны?

— Мелкоклеточный рак легких, — ответила Мэри, — звучит почти безобидно, верно?

Но эти мелкие клеточки убивают меня. Он неоперабельный, по крайней мере, в моем возрасте, — она покачала головой, желая сменить тему. — Все курили в мои дни. Мы не знали ничего толком, и к тому времени как узнали, было уже поздно.

Женщина произнесла последнюю фразу так, будто, на самом деле, ее это мало волновало.

— Мне жаль, — сказала Хелен.

— Не стоит, — твердо возразила Мэри, оставив их самим приходить к выводу, хочет ли она продолжать жизнь, — так, что Сэм Армстронг рассказал обо мне? — спросила она, закрывая тему.

Мэри не стала отрицать все в этот раз. Вместо этого, она слушала, никак не реагируя, пока они не закончили. Том и Хелен пересказали все, что они слышали от фермера, ожидая, что она проглотит рассказ Сэма Армстронга о ее молодой жизни, не особо вникая в детали.

— Дьявол находит работу для праздных рук, как мой отец любил поговаривать, — просто сказала она.

— Он хотел, чтобы я была леди, а леди не работают. Хотел, чтобы я вышла замуж, вела домашнее хозяйство и оставалась подальше от проблем, но у меня оставалось слишком много свободного времени. Преподавание пришло позже, во время войны, когда мужчины ушли на фронт.

— Чем вы занимались весь день? — спросила Хелен.

— Помогала миссис Харрис, пекла, читала книги, — перечислила она, — и я часто ходила одна на длинные прогулки каждый день — тогда женщина могла это делать и быть в

безопасности. Мои прогулки часто приводили меня на Безымянную тропу. Шон Доннеллан всегда был у реки. Я останавливалась, чтобы поболтать с ним, понемногу я узнавала его и поняла, что была поспешна в своих суждениях.

— Как это?

— Он был добрым и рассудительным, его интересовало мое мнение по различным вещам, что было редкостью для мужчины в те дни, все еще это так, и он знал так много. Шон прочитал так много книг, он путешествовал, он знал писателей, поэтов, художников, и у него были такие большие планы на будущее. Мы сблизились. То было постепенно и медленно, в течение всего лета.

— Что насчет Бетти? Он ухаживал за ней, не так ли?

— Едва ли, — презрительно сказала она. — Шон выходил в люди вместе с Бетти, но это никогда не... — ее голос утих, а затем она сказала: — от мужчин ожидалось, что они будут грешить с молодыми негодницами, прежде чем остепенятся. Девушки, такие как Бетти, были достаточно глупы, чтобы позволить им это. Шон никогда ничего ей не обещал.

— Как минимум, так он сказал вам, — сказал Том, но она проигнорировала его. Хелен пыталась понять общество, которое ожидало, что мужчины будут грешить с молоденькими девочками, в то же время осуждая девушек, которые предоставили им такую возможность.

— Когда это началось, Шон не ухаживал ни за кем, как свобода была и я, — чопорно настаивала Мэри. — Я порвала с Генри, когда поняла, что у меня есть чувства к Шону.

— Как воспринял это Генри? — спросил Том, уже зная ответ.

— Ужасно.

— Сэм Армстронг сказал, что тот возводил все свои надежды на будущее на вас и, когда вы расстались с ним, он практически потерял рассудок.

— Он продолжал говорить, что сделал это ради меня, — уступила она. — Вляпался во что-то, чтобы быть со мной, умолял меня дать ему второй шанс, но я просто не могла, — сказала она, затем добавила, — не тогда.

— Большинство подростковых романов заканчиваются трагически, — сказала Хелен, — но это был не тот случай?

— Да, — согласилась Мэри.

— Что произошло? — спросил Том.

— Какое-то время ничего, — сказала она ему. — Я перестала видеться с Генри, к великому огорчению моего отца, и начала гулять с Шоном.

— Ваш отец знал? — спросила Хелен.

Мэри покачала головой.

— Он бы никогда этого не позволил, — ее глаза расширились, — дочь vicar и ирландский парень католик? Но невозможно долго хранить секреты в деревне.

— Пошли сплетни? — спросила Хелен.

— Кто-то увидел, как мы гуляем вместе у реки, и началось: разгорелся огонь, и Бетти раздула угли. Она убедилась, чтобы все в деревне знали, что я порвала с Генри, чтобы иметь возможность украсть ее парня. Вскоре миссис Харрис слышала об этом, а затем, конечно же, и мой отец.

— Что он сделал?

— Он сказал мне больше никогда не видеться с Шоном.

— Но вы все равно с ним виделись? — спросила Хелен.

— Я была своенравной девушкой, — объяснила она, — и он едва ли мог удержать меня

взаперти.

— Вы были влюблены в Шона? — подтолкнула ее к ответу Хелен.

— Да.

— А он был влюблен в вас? — спросил Том.

— Я так думала.

— Вы не кажетесь уверенной, — сказал он.

— Я и не была, — и она опустила взгляд на свою обувь, когда заговорила, — на протяжении такого долгого времени я не была уверена.

— Пока они не нашли его тело в Грейт Мидлтоне, — сказал Том.

— Да, — согласилась она, посмотрев вверх на него, будто он, наконец, все понял, — я думала он бросил меня, все эти годы назад и уехал в Америку без меня.

— Почему вы отрицали это, Мэри? — спросил он ее. — Если вы любили этого мужчину, если он так много для вас значил, тогда почему вы не признались в этом, когда мы спросили вас?

— Потому что я сгорала от стыда! — сказала она ему. — Я вышла замуж за Генри и прожила годы, живя с этим стыдом, надеясь, что, в конце концов, все забудут об этом или найдут кого-то еще, чтобы обсуждать за его спиной.

— Шон просил вас уехать вместе с ним? — спросила Хелен.

— Он говорил мне, что здесь ни для одного из нас нет будущего, и я верила ему. Он сказал, что это единственный способ, каким мы можем быть вместе. Он попросил меня уехать ночью, когда все уснут. Мы знали, что если пересечем поля, то сможем достигнуть города к утру и сесть на первый автобус до Нью-Касла, а затем сесть на поезд до Ливерпуля и затем на корабль до Америки. У него было достаточно денег, чтобы мы добрались туда, но не больше.

— Так вот почему вы украли деньги у своего отца?

— Что? — ее голос звучал рассеянным.

— Соверены, — подтолкнула Хелен, — мы узнали о золотых соверенах, которые были украдены из дома викария в тридцать шестом году. Это попало в газеты.

— Ох, — сказала она, — да, конечно же, но я не брала их.

— Шон просил вас об этом?

— Да, — призналась она, признание тяжело далось ей.

— Вы рассказали ему о них?

— Проболталась. Мы разговаривали часами о многих вещах. Однажды, я рассказала ему, что мой отец не доверяет банкам, и он спросил меня, чему он доверяет. Когда я думаю об этом сейчас, это звучит глупо, но мы говорили об Америке и деньгах. Я боялась, что мы будем голодать. Что, если никто не захочет его рисунки? Что, если он не сможет найти никакой работы? Мы окажемся на улице. Шон спросил меня, смогу ли я забрать деньги у своего отца.

— Когда он сказал забрать, имел в виду украсть? — спросил Том.

— Ну, тот не собирался давать нам никаких денег, — едко сказала она. — Шон сказал, что это будет как забрать часть моего приданого чуть раньше. Он сказал, что меня лишат наследства за то, что я сбежала с ним в любом случае, так что я должна взять немного.

— Но вы не брали соверенов? — спросила Хелен.

— Как я могла украсть у собственного отца?

— Так, значит Шон забрал их, — Том предложил в качестве версии, — он взял деньги,

потому что он знал, где найти их.

— Так все подумали, — согласилась она, — так и я думала.

Том обдумал это минуту. — Где вы должны были встретиться с Шоном? — спросил он Мэри, — в ту ночь, когда вы собирались уехать с ним?

— В конце Безымянной тропы, — ответила она.

Том посмотрел на Хелен.

— Тропа идет прямо через фермы и тянется на мили, в половине пути от города.

Затем он повернулся к пожилой леди.

— Что случилось, Мэри?

— Вы хотите, чтобы я рассказала вам, что случилось с Шоном? — спросила она. — Ну, я не могу.

— Не можете или не хотите? — спросила Хелен. — Кого вы защищаете?

— Или вы делаете это ради себя? — спросил следом Том. — Это первая вещь, которую спросит полиция.

Мэри покачала головой, будто Том был на самом деле бестолковым учеником.

— Вы и в самом деле верите, что я могла убить мужчину, которого люблю, из-за какой-либо причины. Вы и вправду такого плохого мнения обо мне?

— Вы не станете первой.

— Ну, я не делала этого, — заверила она их. — Хоть, я и не считаю, что вы поверите моему слову.

— Все относительно, — ответила Хелен. — Кто-то убил его.

— И, если вы расскажете нам, кто это был, может быть, мы поверим вам, что это не вы, — добавил Том. — Был это Генри, — спросил он, — или это был Джек Кольер? Мы все знаем о нем.

Когда она не ответила, он продолжил: — Вероятно, Стефан убил его, или ваш отец?

Он называл имена, чтобы она могла отвергнуть самые бредовые версии и, по крайней мере, чуть сузить круг.

— Я не знаю, — сказала она. — Вы не думаете, что я и сама хочу узнать правду? Вы хоть можете себе представить, что я чего только не передумала, с тех пор как они нашли тело Шона на поле?

— Тогда расскажите нам, что знаете, — потребовал Том, — дайте нам кусочки, Мэри, и позвольте соединит их вместе, мы ваш единственный шанс, чтобы узнать правду.

Когда она не опровергла его слова, он сказал: — Что произошло?

— Это было так давно и...

Она взмахнула рукой в воздухе.

— Я думаю, что вы все помните, — сказала твердо Хелен и, когда Мэри оскорбилась, Том заговорил с ней.

— Попробуйте, — подтолкнул он, — пожалуйста.

— Я собиралась уехать с ним, — объясняла она.

— Так что произошло, Мэри? Почему вы не уехали?

1936 год

— Ты больше не стучишься? — спросила Мэри.

— Я рада, что не постучала, ведь увидела это, — возразила миссис Харрис.

Она вошла в спальню Мэри и увидела, как та пакует чемодан.

— Это тебя не касается, — сказала ей Мэри, — ты не моя мать.

— Может и так, но это огорчило бы твоего отца, если бы он был здесь.

— Его здесь нет. Он остался у Дина, и не важно, даже если бы и был здесь.

— Он бы запретил.

— Да, — согласилась Мэри, — а я бы все равно уехала.

Миссис Харрис тогда, казалось, растеряла все свое желание ссориться.

— Пожалуйста, Мэри, я прошу тебя не уезжать с этим мужчиной. Он не тот, кто тебе нужен.

— Почему? Потому что он не англичанин, потому что он не получил такого же образования, как и я, потому что он не хочет быть школьным учителем?

— Потому что он устанет от тебя! — закричала она на молодую девушку, но затем ее плечи поникли, и она продолжила умоляющим тоном. — И тогда где ты окажешься? Погибнешь, вот где.

— Он не устанет от меня.

— Он достаточно быстро устал от Бетти.

— А какой бы мужчина — нет?

— Разве так говорят о своих подругах? Ты можешь быть какой угодно Мэри, но ты никогда не была жестокой. Мы не воспитывали тебя такой. Ты стала такой, как повелась с ним. И, что станет с Генри? Ты разрушишь и его жизнь тоже. Ты уже сломала его.

— Ничем не могу помочь! — запротестовала Мэри. — Должна ли я выходить замуж за человека, которого я не люблю, только, чтобы избавить его от разбитого сердца? Ты стоишь там и говоришь, что я жестока, но у меня есть мнение не хуже о тебе или Бетти. Я знаю, что говорят обо мне в деревне, и я не останусь здесь. Не останусь!

— Так ты приняла решение? — спросила она. — И сейчас уедешь?

— Не сейчас.

— Тогда, когда?

Мэри вздохнула.

— Скоро. Отправляйся в постель. Когда ты встанешь утром, меня уже не будет.

— Не делай этого, — взмолилась миссис Харрис, — он растопчет твои чувства, я знаю, так и будет.

— Откуда? — спросила Мэри. — Откуда ты это знаешь? Потому что кто-то разбил твое сердце давным-давно, и с тех пор у тебя не было личной жизни? Ты ревнуешь, потому что у меня есть шанс на счастье, а у тебя его никогда не было?

— Да, мужчина разбил мне сердце давным-давно. Я ему достаточно быстро наскучила, он стал выпивать, как и многие другие, и да, Шон Доннеллан напоминает мне его, но это не единственная причина. Сейчас у тебя горят глаза, Мэри, и ты не можешь видеть ясно. Не бросай свою жизнь. Не поворачивайся спиной к своей семье из-за мужчины, которого ты едва знаешь.

— Я знаю его, — заплакала Мэри, — и он хороший мужчина. Он делает меня счастливой. Он сделает меня счастливой. А теперь оставь меня одну!

— Я оставлю, если это то, чего ты хочешь. Я вижу, что тебя не переубедить, и мне жаль, что ты думаешь, что у меня не было счастливой жизни, она была, живя здесь с тобой и твоим отцом, и вот почему я не хочу, чтобы ты разрушила все из-за него. Но, если ты так решительно настроена, нет ничего, что я могу сделать, чтобы предотвратить это. Я не запрю тебя здесь, но буду молиться за тебя, Мэри. Я буду молиться за тебя.

Мэри развернулась к ней в ярости.

— Ты будешь молиться за меня! Как ты смеешь предлагать мне свои молитвы, как будто я какая-то падшая женщина!

Миссис Харрис вздрогнула от ярости в ее словах.

— Ты думаешь, что я не знаю о тебе? Ты на самом деле считаешь, что я все еще верю, что ты крадешься по дому по ночам, потому что не можешь уснуть. Я знаю, ты греешь постель моего отца, вот почему он позволяет тебе оставаться, но не женится на тебе, так ведь? Он доволен тем, что спит с тобой, но не считает, что ты достаточно хороша, чтобы стать женой викария? Следи за своими собственными грезами и побереги свои молитвы для вас обоих. Вы оба лицемеры, а он — самый худший из них!

Миссис Харрис отпрянула при словах Мэри, вздрагивая от них, будто они были ударами. Мэри наступала на нее, пока та не вышла из комнаты, а затем закрыла дверь перед лицом экономки, повернулась и бросилась на кровать, схватила подушку и прижала ее к лицу, чтобы заглушить рыдания.

Минутой спустя она услышала, как хлопнула дверь, но она не пошла за миссис Харрис. Вместо этого, она лежала там какое-то время, вновь вспоминая те слова, которые они сказали друг другу в гневе, и поняла, что теперь для нее нет пути назад.

Мэри встала и промокнула глаза носовым платком, а затем заставила себя сконцентрироваться на своей задаче. Спор с миссис Харрис задержал ее, а она еще даже и наполовину не собралась. Она опоздает, если не займется делом.

Полчаса спустя Мэри упаковала, а затем переупаковала единственный чемодан, это было все, что ее возлюбленный разрешил ей взять с собой. Когда она, наконец, удовлетворилась его содержимым, то обернула шаль вокруг плеч, подхватила чемодан, а затем тихо выскользнула через заднюю дверь дома викария, чтобы присоединиться к Шону, испытывая странное сочетание страха и восторга от мысли об их новой жизни вместе, далеко-далеко отсюда.

Она шла по пустынной, тускло освещенной дороге, пока не добралась до холма, прошла мимо церкви, а затем вниз по другой стороне. Там не было уличных фонарей. Мэри споткнулась в темноте и почти упала, но, когда выпрямилась, обнаружила себя у входа на Безымянную Тропу. Ее глаза привыкли к темноте к этому моменту, и луна светила достаточно той ночью, чтобы осветить ей путь. Мэри ходила по тропе так много раз, что знала каждый ее поворот, даже в темноте. Единственным звуком был шум реки, спешащей рядом с ней с огромной скоростью, который заглушал все животные звуки и ветер, треплющий листву.

У Мэри ушло несколько минут, чтобы добраться до их места встречи, о котором они договорились: у кривого старого дерева, которое нависало над рекой, будто наклонившись, чтобы выпить из нее воды. Она повернула за поворот, полностью ожидая увидеть Шона, стоящего там, так как знала, что должно быть опоздала на несколько минут и предполагала,

что он придет рано, чтобы дожидаться ее. Мэри прищурилась во мраке, но там никого не было, и она сразу же почувствовала прилив паники. Она приказала себе, не быть такой глупой. Она опоздала, и Шон должно быть тоже задерживался. Он будет тут в скором времени, ведь не поклялся бы ей, что придет, если бы не пришел? Эта мысль успокоила ее, и она стала ждать у дерева.

Мэри сказала себе не беспокоиться. Шон, все же, был мужчиной и даже лучшие из них не были настолько надежными. Он задержался, покидая свои меблированные комнаты, ждал, пока его хозяйка не уснет, и встретил кого-то по пути, и даже теперь прячется за изгородью, пока они не пройдут мимо или вместо этого, как-то объясняет им свои ночные странствия. Она даже не осмеливалась развивать идею, что он может не прийти. Она должна верить, что придет, так как альтернатива этому была слишком ужасающей, чтобы о ней и помыслить. Мэри никак не сможет вернуться в дом викария, не после того, что она сказала миссис Харрис. Она сказала вещи, которые никогда не стоило произносить, и четко обозначила, что считает пожилую женщину дурой. Она объявила Шона своим спасителем. Мэри заставила себя отбросить в сторону неуверенность и отвергнуть мысль об унижении, которое она испытает, если Шон каким-то образом передумает. Будет слишком невыносимо, если он такой безответственный, как высказывала свое суждение о нем миссис Харрис.

Нет, ни за что она не должна так разочаровываться в нем. Мэри знала Шона слишком хорошо, и он не был тем типом мужчин, которым не хватало заинтересованности, чтобы довести что-либо до конца. Они уезжают сегодня ночью, и ничто не остановит их. Она повторила это про себя, когда прошли четверть часа, а затем снова после получаса, а все еще не было никаких признаков Шона. У него есть причина, заверяла она себя, он все еще придет.

Затем начался дождь, и Мэри пришлось стоять под дождем, так как старое, покореженное дерево предоставляло мало укрытия. Шел ливень, и уже скоро ее шаль промокла насквозь. Ночью похолодало, и она обняла себя, чтобы согреться. Где он? Она начала чувствовать себя там на виду и горела желанием уехать раньше, чем они потеряют полночи, но где же Шон?

Через час, Мэри пришлось признать, что он не собирается появляться. Все же, она осталась: страх унижения, которое ожидало ее дома, удерживало ее на месте у дерева. Дождь продолжался с перерывами всю ночь, и несколько раз она промокала заново, ее охватывала неконтролируемая дрожь.

Только, когда она промокла до нитки, замерзла до костей, и небо начало светлеть, только тогда Мэри пришлось сдаться неизбежному. Она взяла свой чемодан в замерзшую руку и медленно поплелась домой, пока «жаворонки» не стали свидетелями ее глупости.

Она, по крайней мере, надеялась проскользнуть обратно через заднюю дверь незамеченной, но миссис Харрис уже встала и ждала на кухне. Она выглядела так, как будто и не ложилась в постель. Лицо старой женщины приобрело выражение подобие облегчения при виде Мэри, стоящей там, с которой стекала на пол вода.

— Ты вернулась, Мэри, — это было сказано без зла. — Ты не поехала с ним.

Миссис Харрис встала, чтобы поприветствовать ее.

— Он не пришел, — ответила она безэмоционально. — Шон не пришел, так что теперь можешь сказать мне, что на свете не было более глупой девчонки.

— Ох, Мэри, и не думала говорить. Ты промокла до нитки. Ты простудишься, если мы не вытащим тебя из этой мокрой одежды. Иди сюда.

Она полюбнѣла, полуповела ее к огню, снимая с нее промокшую шаль.

— Я принесу сухие вещи и полотенца, — сказала она замерзшей девушке, подхватила чемодан Мэри и унесла его с кухни, как будто убирала улику с места преступления.

Миссис Харрис принесла Мэри чистое платье и помогла ей переодеться в него. Ни одна из женщин долгое время не говорила, пока экономка тщательно просушивала ее мокрые волосы свежим полотенцем, пока те наконец не стали готовы для расчесывания. Мэри смотрела в пространство, пока миссис Харрис взяла серебряную расческу и очень медленно начала проводить ей по длинным, влажным волосам Мэри. Через некоторое время она начала напевать старую мелодию, которую Мэри едва узнала. Пока миссис Харрис проводила расческой по волосам Мэри, напев превратился в успокаивающую колыбельную, которую должно быть пели, чтобы убаюкать ребенка.

Когда миссис Харрис закончила расчесывать ее волосы, они обе повернулись одновременно и остро осознали, что отец Мэри стоит на пороге, с недоумением взирая на них. Ни одна из них не слышала, как вернулся преподобный Райли. Миссис Харрис быстро встала на ноги и начала взволнованно объясняться.

— Вот тебе на, ты вернулся так скоро, — заявила она с притворной веселостью, — мы не ожидали тебя. Мэри выходила, под проливным дождем, глупышка, я заставила ее переодеться и просушила ей волосы...

Она замолчала, когда поняла, что преподобный Райли не слушал и слова из того, что она говорила. Он выглядел так, как будто было что-то, что он не мог понять, но инстинкт подсказал миссис Харрис, что это что-то не имело отношения к ней или даже с растрепанным видом Мэри. Ее взгляд упал на небольшую деревянную коробку, которую он слабо держал в руках. Она была пустой.

— Я банкрот, — сказал он.

Когда Мэри рассказала свою историю, все молчали какое-то время. Хелен впервые поняла, что эта несчастная женщина провела всю свою жизнь, чувствуя себя невестой, брошенной у алтаря. Она попыталась представить, каково это должно быть было: прибыть на место на Безымянной тропе с надеждой в сердце, а затем наблюдать, как она постепенно угасает, пока ты ждешь мужчину, который никогда не придет. Ты не знаешь, что, наиболее вероятно, он уже мертв и похоронен в нескольких сотнях ярдов от того самого места.

— Остался всего один вопрос, Мэри, — и когда та не поняла, Том спросил: — Вы рассказывали кому-либо еще, что уезжаете?

— Нет, — ответила она.

— Что насчет Шона? Рассказал бы он кому-нибудь? — надавил Том.

Она покачала головой.

— Шон никогда не доверял никому в деревне, — произнесла она, — и у него были на то причины.

— Так, значит, вы рассказали только миссис Харрис?

— Да, — тихо ответила Мэри, будто только сейчас осознавая всю серьезность своего решения.

— Тогда она предала вас, — сказал он ей. — Подумайте об этом. Вы никогда больше не видели Шона, так что его должно быть убили в ту ночь, вы просто не знали этого тогда.

— Думаю, вы правы, — согласилась она.

— Кому она могла сказать?

— А кому вы думаете? — ответила Мэри.

— Не вашему отцу, если он был у Дина, — сказал он. — Предположу, что она пошла напрямиком к Генри или Джеку Кольер, вероятно, к ним обоим.

— Больше не к кому, — согласилась она. — А я думала, что она простила меня, когда я вернулась. Я помню, что благодарила Бога за ее доброту ко мне, и думала, подумать только, она отправилась в могилу годы спустя, все еще притворяясь моим другом.

— Но откуда они могли узнать, где вы встречаетесь с Шоном и когда? Вы рассказывали об этом миссис Харрис? — спросила Хелен.

— Нет, — просто ответила она.

— Ей и не надо было, — объяснил Том. — Все, что им надо было сделать — подождать, пока Шон покинет свои апартаменты и проследовать за ним. Если вы встречались с ним на Безымянной Тропе, тогда было бы легко свести с ним счеты там или до того, как он туда дойдет.

— Я опоздала на несколько минут, — сказала она помертвевшим голосом, — только на несколько, — и они поняли, что она задается вопросом, могли ли эти несколько минут стоить Шону жизни и изменить ее будущее навсегда.

— Такой мужчина, как Джек Кольер, мог легко проследовать за Шоном и припугнуть его, — сказал он. — Если Шон воспротивился ему, могла завязаться драка. Если она вышла из-под контроля, может, Джек мог использовать нож, чтобы покончить с ней. Он убивал людей раньше на войне.

— Возможно, — ответила Мэри.

Том заметил, что чем ближе они подбираются к правде, тем более усталой выглядит

Мэри.

Именно Хелен была достаточно смелой, чтобы задать Мэри вопрос.

— Мог Генри убить Шона?

— Я не знаю. Честно, не знаю. Это вопрос, который я не перестаю задавать себе с тех пор, как они нашли Шона, — сказала пожилая женщина к удивлению Хелен.

— Он не был бойцом, — напомнил им Том. — Может, то был единственный способ остановить Шона от того, чтобы он забирал вас с собой.

— Ножом в спину, — заметила Хелен, почти про себя.

— И вы честно не знаете? — спросил Том от отчаяния.

— Откуда я могу знать? — спросила она его. — Я пошла встретиться с Шоном. Он так и не пришел. Я прождала намного дольше с того момента, когда я поняла, что он не придет, потому что стыдилась идти домой.

— Но, в конце концов, вам пришлось. И вот тогда вы поняли, что золотые соверены исчезли, — сказала Хелен.

— Да, — ответила Мэри, — все они. Как только отец вошел в дом, он сразу же понял, что кто-то был в его офисе и забрал их.

— И он обвинил Шона?

— Все обвинили его, — подтвердила она. — Я не могу объяснить, почему я сидела там, промокшая, а миссис Харрис призывала меня рассказать правду, потому что она считала, что Шон одурачил меня и, к тому времени, я тоже так думала. Мне пришлось рассказать моему отцу, что произошло.

— Должно быть, это было ужасно для вас, — произнесла Хелен.

— Так и было, — быстро ответила пожилая леди, будто у нее не было никакого желания вновь переживать тот момент, даже сейчас. — Вызвали полицию. Они были уверены, что поймают Шона, в конце концов, но им этого не удалось. Он часто говорил об Америке, так что все предположили, что он уехал туда с отцовскими деньгами. Его больше не видели. Никто не знал, что он уже мертв.

— Никто, за исключением человека, который всадил в него нож, — сказал Том. — Я не понимаю, как Шон мог украсть соверены, пока вы находились в доме. Кто бы ни убил его, должно быть сделал это после, как будто Шон убежал с деньгами. Это было гениально, — заметил он, и Хелен бросила на него взгляд, чтобы напомнить ему, что они имеют дело с чувствами пожилой женщины. — Кто это был, Мэри? Вы сказали, что вы говорили только Генри о соверенах.

Она кивнула.

— А он в свою очередь мог рассказать своему брату.

— Думаю, что теперь мы знаем большую часть произошедшего, — сказала Хелен, — но нам придется принять тот факт, что мы можем никогда не узнать, кто, на самом деле, убил Шона.

— Но кажется верным, что это был Джек или Генри, — сказал Том, — поодиночке или вместе. Джек, определенно, был способен проследовать за Шоном и одолеть над ним верх. Он мог вломиться в ваш дом ночью, пока вы ждали Шона, и украсть те соверены.

— Ему не пришлось вламываться, — сказала ему Мэри, — мы никогда не запирали дверей. Я знаю, сейчас это сложно представить. Все, что ему нужно было сделать — взломать ящичек и вытащить коробку.

— Как Генри вел себя с вами после, поначалу? — просила Хелен.

— Он был..., — она подбирала подходящие слова, — ...добрым, — выбрала она, — ...и понимающим. Он знал, что половина деревни смотрит на меня, как на шлюху, а другая половина, как на дурочку, но его это не волновало. Он все еще хотел быть со мной.

— Уверен, что был, — сказал Том. — Значит, вы вышли за него замуж.

— Спустя несколько месяцев, — подтвердила она, — у нас была скромная свадьба.

Том затем встал на ноги и прошел к эркерному окну. Хелен наблюдала за ним, пока он пристально вглядывался в Капперз Филд.

— Джек присутствовал на свадьбе? — спросил он.

— Нет, — сообщила она, — он неделей ранее вновь поступил на службу.

— Оставив вам Стефана, за которым надо было присматривать?

— Да, — ответила она с вызовом, — чем мы и занимались многие годы.

— Пока не отправили его в психушку, — добавил Том.

— Это было не наше пожелание, — сказала она ему.

— Но вы не спорили.

— Мужчина подглядывал в окна за людьми. Половину времени, он не понимал, что он делает. Он часто пугал меня.

А затем ее голос стал с оттенком вызова.

— Мы присматривали за ним в нашем доме в течение пятнадцати лет. Вы понятия не имеете, каково это было. Впоследствии, я не хотела иметь с ним никаких дел.

Не поворачиваясь к ним лицом, Том резко сменил тему.

— У Генри был перочинный нож, Мэри?

Пожилая леди нахмурилась, Хелен не могла сказать пытается ли она вспомнить или занята сочинением лжи.

— Был, да, — наконец, признала она, — для рыбалки и других дел на природе.

Том все еще смотрел в окно.

— Они обнаружили такой в спине Шона.

Опять наступило молчание, пока Мэри думала.

— Я помню... — начала она, но ее голос дрогнул, и Том повернулся тогда к ней.

— Что вы помните?

— Нож, — сказала она, будто неожиданно вспомнила нечто важное. — Джек забрал его у него.

— Что? — спросила Хелен, поскольку это звучало слишком удобно.

— Джек Кольер остановил меня на улице и сказал мне, что я виновата в том, что довела моего брата до отчаяния. Он сказал, что ему пришлось забрать у него нож на случай, если он вытворит что-нибудь глупое. Рассказал мне, что Генри вонзал его в рабочий стол раз за разом абсолютно без причины, так что он забрал его у него.

— Вы поверили ему? — спросила Хелен.

— А почему бы мне не верить ему? — тогда ее лицо помрачнело — Я верила большинству из того, что мне говорили в те дни, дурья голова.

Хелен и Том обменялись взглядом. Они закончили здесь.

Прежде чем они ушли.

— Мы принесли вам кое-что, — и это было намеком для Хелен, чтобы она открыла сумку и вытащила большой, свернутый в трубочку листок толстой бумаги.— Родди Монкур подумал, что вам это может понравиться.

Мэри развернула его и была шокирована тем, что обнаружила, что смотрит на свой

портрет работы Шона Доннеллана.

— О, мой, — и она инстинктивно поднесла одну из рук к лицу.

— Родди сказал, что схожесть огромна, — сказал ей Том.

\*\*\*

Они поплелись обратно к машине Хелен. Она все еще была припаркована в нескольких ярдах от места жестокого избиения Фрэнки Тернера от рук Тома, и он наполовину ожидал увидеть мужчину, лежащим там.

— Я думаю, что мы узнали все, что было можно, — неохотно признал Том.

— Но разве этого достаточно для статьи? Я не думаю, что Малколм так посчитает. Он будет слишком беспокоиться из-за публикации этого материала.

— Ты можешь попытаться, — сказал он нерешительно, а затем напомнил ей: — ты не можешь оклеветать мертвых, — но потом он задумался на мгновение. — Нет, ты права, Малколм не захочет, чтобы «Вестник» публиковала статью, вовлекающую бывшего директора и его брата героя-войны в Дюнкерке в убийство, когда абсолютно нет никаких доказательств. Все, что у нас есть — догадки, основанные на показаниях Бетти, Сэма и Мэри, ни один из которых, на самом деле, не были свидетелями убийства Шона. Малколм скажет, что мужчина был заколот кем угодно, и это может быть и даже не Шон.

Его голос звучал упадническим.

— Не могу сказать, что виню его.

— Что? — она была удивлена. — Ты изменил свое мнение.

— Малколм ни разу за свою карьеру не писал опровержений, и он является редактором в той газете на протяжении многих лет. Посмотри на меня, я однажды сунул нос куда не следует, и со мной уже покончено.

— Не думай так, — подбодрила она его, — ты в десять раз лучше, чем кто-либо в «Вестнике». Пожалуйста, не сдавайся. Все может стать лучше.

— В прошлый раз, как ты сказала мне это, меня ударили по голове, — она бросила на него неловкий взгляд. — Ладно, нельзя не признать, что в данный момент все не совсем безнадежно. Я узнал одну историю этим утром.

Он рассказал ей все о его встрече с инспектором Кейном.

— Вот видишь, — сказала она, — это замечательно, — а затем быстро добавила: — то есть, с новостной точки зрения. Очевидно, что это не поможет бедной Мишель Саммерс или кому-либо еще, на кого нацелился Ловец детей.

— Да, — сказал он, — нам стоит поговорить об этом еще.

— Сейчас я не могу, — быстро сказала она, — мне нужно идти.

— Тогда завтра?

— Не думаю, что смогу завтра.

— Почему? Что крупный материал?

Она состроила гримасу.

— Конкурс по выпечке в женском институте. Мне полагается провести все утро в деревенском клубе, любуясь тортами и печеньями, а затем провести интервью с победителями. Они даже попросили меня быть судьей, но я сказала им, что мне нужно оставаться беспристрастной, если я собираюсь писать об этом объективный репортаж, — сухо добавила она.

— По меньшей мере, это поможет заполнить твою страницу по району, — сказал он. — Мне тоже нужно ехать. Моя бабушка часто пекла ванильные коржи, и я знаю путь к сердцу

подружки невесты.

— Охотно верю.

\*\*\*

Было поздно, и инспектор Пикок уже готовился закончить дела на сегодня и пойти домой к своей жене, когда Брэдшоу и Винсент неторопливой походкой прошествовали со своими новостями.

— Так, значит, ты был прав, — сказал он Брэдшоу, — у Дэнни есть секрет. Он трахается с официанткой тинейджером.

— Мы проследили за ними, — сказал Брэдшоу, — у нее квартирка на первом этаже. Я так думаю, что Дэнни помогает ей с уплатой аренды.

— Похоже, что он переехал к ней, — добавил Винсент.

— Мы сходили обратно и перекинулись словечком с владельцем кафе, — сказал Брэдшоу Пикоку, — Дэнни живет там какое-то время. Она совершеннолетняя, но едва. Владелец не знал, встречается ли она с ним или нет, но он выглядит так, будто ему наплевать, так или иначе.

— Ты рассказал его женошке? — спросил Пикок таким тоном, который не показывал его чувств по этому поводу.

— Мы подумали, что стоит, — сказал Брэдшоу, — если она защищала его или отказывалась плохо думать о нем, это может быть просто тем, что нужно, чтобы она мыслила более ясно о нем и о Мишель.

— Как она восприняла это?

Винсент пожал плечами.

— Не очень, но...

— Она мало что сказала, — признался Брэдшоу, — просто рухнула на диван и стала выглядеть слегка уставшей. Может, она уже что-то подозревала, или это больше уже не важно, так как у нее пропала дочь.

— Она не сказала нам ничего нового, — признался Винсент.

— Он тот еще тип, не так ли, этот Дэнни? — спросил Пикок, будто говорил сам с собой.

— Проблема в том, что я не знаю, что именно это говорит нам о нем, кроме того факта, что ему нравятся малолетки, — добавил он, — и он уже до них дорвался. Сейчас мы можем доказать, что Дэнни — старый извращенец, но не то, что он убил свою падчерицу.

— Что еще нам нужно? — спросил Винсент, но он сказал это тихо, как будто про себя.

— Нам нужно тело, — ответил ему Пикок.

## *День девятый*

Том проспал долго этим утром. Казалось, не было никакого смысла вставать рано. Он достиг тупика в деле Шона Доннеллана, дошел до продажи историй в газету-конкурент, его задницу скоро засудит член кабинета, и еще была Хелен.

Старое знакомое чувство боли и отвержения прокатилось по нему сейчас. Вот почему он всегда так старался не привязываться ни к кому. Том знал, что никому нельзя полностью доверять или полагаться на кого-либо еще в этом мире. Он выучил этот урок в очень раннем возрасте. В основном ты сам по себе, и чем раньше ты это поймешь, тем лучше, но в Хелен Нортон было что-то, что заставляло его забыть свои привычные правила, и он глупо позволял пасть своей защите. Сейчас он чувствовал себя идиотом, и он был решительно настроен перестать думать о Хелен и о том, как она спокойно уехала после их разговора с Мэри Кольер.

Кое-что тогда всплыло в его памяти: слова Фионы Саммерс о Нельсоне, директоре школы Грейт Мидлтона: «он ударил ее по лицу. Я даже не могу вспомнить почему, но это было за что-то или просто так». Эти слова каким-то образом срезонировали с ним, упоминание о потерявшем контроль директоре, выведенном из себя маленькой девочкой, и, даже хоть инцидент произошел давным-давно, в глазах Тома он все еще требовал объяснения.

Том резонно посчитал, что, наиболее вероятно, получит аудиенцию с таким-занятым директором, как только учебный день закончится. Он знал, что Нельсон любил оставаться на несколько часов после того, как дети разойдутся по домам. По прибытии, Том сказал школьному секретарю, что пришел из-за статьи, которая появится в завтрашней газете, но он специально не вдавался в подробности. Не навредит припугнуть директора, так как, скорее всего, это будет единственный способ, по которому ему позволят увидеть мужчину в короткие сроки.

Том хотел знать, почему Нельсон стал бы одаривать пощечиной такую девочку, как Мишель Саммерс. Было ли что-то конкретно в ней, что заставило главу потерять контроль? Объяснение Нельсона может быть простым, и, вероятно, не будет иметь никакого отношения к исчезновению девушки годами спустя, но этот инцидент не давал покоя Тому, и он продолжал возвращаться к нему мыслями. Он знал, что это должно быть будет простой тратой времени, но нет никакого вреда в том, чтобы навести шороха у директора и посмотреть, что из этого получится.

Школьная приемная была внушительным открытым пространством со стеклянным потолком и кремовыми стенами, но без мебели. Том занял себя рассматриванием галереи из фотографий, пока ждал, когда вернется школьный секретарь. Должно быть, эта галерея была недавним нововведением, так как он никогда раньше не видел этих изображений. Поколения детей были запечатлены на них рядами групповых портретов в рамках. Директор, должно быть, посчитал, что единственное, чего не хватает школе — намек на историю, так что он решил его придать, вытащив эти старые фотографии из более раннего здания школы. Коллекция начиналась с одного конца с группы черно-белых снимков. Том узнал на одной из этих более ранних фотографий Генри Кольера, который, судя по одежде, в которую он был одет, датировался ранними шестидесятыми. У него было серьезное, но не злое лицо, и

дети казались расслабленными в его присутствии, мальчики в шортах, а девочки в платьях, их волосы заплетены в косы, изображение из более невинной, неосведомленной эпохи. На кого он не был похож, так это на убийцу.

Том прошел вдоль всей стены, рассматривая каждую фотографию по очереди, которые становились все современнее, коротким брюкам на смену пришли длинные, черно-белые снимки уступили место цветным, когда он наконец достиг семидесятых — десятилетие, чей вкус подзабылся. У учителей мужского пола были бороды и длинные волосы, которые прикрывали уши. Они носили коричневые пиджаки из твида или вельвета, в то время как женщины были облачены в бесформенные платья с цветным кринолином или пятнами зеленого, коричневого или фиолетового цветов, или же они носили плиссированные юбки А-силуэта и белые блузки с гофрированными воротниками и бежевые джемперы. Дети были одеты в свободного кроя, связанные вручную свитера с неуклюжими узорами, яркие футболки или цветные рубашки в клетку. Было множество полосок и шотландки (*прим.: ткань, используемая для пошива шотландских юбок*), будто яркая одежда могла компенсировать серые дни с отключениями электричества три дня в неделю.

Том задался вопросом, чем все эти дети теперь занимаются, и кем они выросли. Затем он нашел, что на самом деле искал. Это была старая, цветная фотография, слегка выцветшая от долгого нахождения под солнечным светом, но люди на снимке все еще были узнаваемыми. То был групповой снимок, примерно двадцатилетней давности, на котором были два ряда детей и женщина, стоящая сбоку от них. Мэри Кольер была чинно одета в шерстяное платье. Ее волосы были зачесаны назад и заколоты с аккуратностью, граничащей с присущей военным стилем. Она могла бы попасть в один из тех старых фильмов о войне, которые изображали женщин в синей форме, перемещающих игрушечные самолеты, чтобы отметить прогресс в битве за Британию. Мэри Кольер была бы идеальной кандидаткой на роль сурового сержанта средних лет, дисциплинирующей молодые силы женской вспомогательной службы ВВС за опоздание или ношение слишком большого количества косметики на службе.

Его взгляд переместился с Мэри на пару рядом детей под ее опекой. Им должно быть было от семи до восьми лет.

— Вы на этом?

Он был так поглощен разглядыванием фотографии, что не слышал, как вернулась женщина из приемной.

Он показал на невысокого встревоженного ребенка в конце первого ряда.

— Вот я.

— Ох, благослови вас Господь, — по-доброму сказала она. — Вы выглядите так, будто несете все беды мира на своих плечах.

Она была права, так и было.

— Он закончит через несколько минут, — сообщила она ему, — не хотите ли кофе, пока ждете.

— Нет, спасибо.

— Тогда я оставлю вас наедине с вашими воспоминаниями.

Когда она ушла, Том продолжил глазеть на фотографию, пытаясь вспомнить, каково было быть в том возрасте. Он выглядел таким серьезным. Конечно же, это могло быть и иллюзией. Вероятно, снимающий щелкнул кадр в неправильный момент, а секундой ранее он уже улыбался и был счастливым, но он сомневался в этом. Том знал, что пройдут годы,

прежде чем он сможет прийти в себя после ухода своей матери, как будто он был чем-то не имеющим никакого значения. Он задавался вопросом, какие мысли витали тогда в его маленьком беспокойном уме.

По мере его продвижения по ряду фотографий, изображения становились все ярче. Это был современный век новой школы, и фотографии еще не подверглись разрушительному воздействию солнечного света. Одна фотография в частности привлекла внимание Тома, и он остановился, чтобы ее рассмотреть.

Поначалу, он не понимал ее важности, его интерес был скорее инстинктивным, но он стал присматриваться внимательнее к лицам маленьких мальчиков и девочек, и учителя, который стоял там с ними, пока постепенно не рассмотрел все. В голове Тома возникла мысль и произвела там эффект разорвавшейся бомбы. Неожиданный шок разлился в его крови и прошелся по коже, которая зацепала от внезапного озарения.

Минуту спустя, появился директор. Мистер Нельсон с силой распахнул двустворчатые двери, чтобы дать понять свои чувства. Он был слишком занят, чтобы тратить свое драгоценное время на журналистов, но, когда он прошел через двери и в приемную, он остановился на ходу и с недоверием огляделся в комнате, потому что там никого не было. Том ушел.

\*\*\*

Том позвонил в дверной звонок и подождал, пока не услышал шаги, спускающиеся вниз по лестнице, затем дверь, наконец, открылась.

— Есть кое-что, о чем я хотел спросить тебя, — сказал он Эндрю Фостеру с порога. — Это важно.

— Вот как?

Его друг казался озадаченным его прямоотой.

— Все хорошо, да?

Он сделал вид, что смотрит на что-то за спиной Тома, на случай если происходит что-то, о чем он не знает. Учитель нервничает?

— Ладно, друг. Тогда заходи.

Том прошел следом за Эндрю в гостиную, которая была именно такой, какой он запомнил в ночь, когда они вместе напились, минус бутылка водки и плюс солнечный свет, льющийся в окна.

— Спрашивай.

— Это касается Мишель Саммерс, — сказал он, — пропавшей девушки.

— Ладно.

— В ту ночь, когда мы впервые встретились во «Льве», ты сказал, что не знал ее.

На долю секунды тот заколебался. — Не говорил.

— Ты сказал, что никогда не знал ее, что она училась там еще до твоего появления.

— Да, — ответил учитель, — верно.

— Но это не верно, так ведь, потому что ты знаешь ее, или, по меньшей мере, знал.

— Я не успеваю за твоей мыслью, друг.

— Ты учил ее, целый год. В восемьдесят восьмом году, по сути, в первый год как начал там работать, она оказалась в твоём классе.

Эндрю пытался изобразить удивленный взгляд, но не вышло. Единственная подлинная эмоция, которая была написана на его лице, была страхом.

— Я видел школьную фотографию на стене в школе. Она, может, и была пятилетней давности, но я безошибочно узнал Мишель.

— Это не обязательно она, друг. Одна десятилетняя девочка выглядит так же, как и другие, вот и все. Ты видел другую девочку и подумал, что это Мишель как там ее фамилия.

— Ее зовут Саммерс, Мишель Саммерс.

— Да, верно.

— Тогда скажи это.

— Что?

— Назови ее по имени.

— Зачем?

— Потому что я так хочу, — настаивал Том. — Назови ее по имени.

— Мишель Саммерс, — Эндрю посмотрел на Тома, будто насмеялся над пьяным. — Теперь доволен?

— Нет. Боже, мужик, она стояла рядом с тобой в конце ряда учеников на фотографии. Она была там, на твоем первой школьной фотографии в качестве учителя, была частью твоего первого класса, что должно было быть важно для тебя. Ты стоял рядом с ней. Тем не менее, ты говоришь мне, что никогда не знал ее.

— погоди, — Эндрю протянул руку в жесте «Я могу объяснить».

— Нет, ты погоди. Я хочу знать, почему ты сказал, что никогда не знал ее.

— Том, расслабься, хорошо? Ты увидел не ту девочку, говорю тебе.

— Нет, ту. Я знаю, что это она, потому что проверил. Именно так делают журналисты, мы проверяем факты, и я проверил этот. Я только что был у матери Мишель и спросил ее. Ты, точно, учил ее.

— Ладно, ладно. Приму твои слова за чистую монету. Так, значит, это была Мишель, и мне жаль, что я такой забывчивый мудака, но я не очень-то запоминал детей, друг. Это просто работа, — и он преувеличенно пожал плечами. — Я не понял, что она была в моем классе. Прошло пять лет, и я забыл об этом, хорошо?

— Нет, не хорошо. Я не верю тебе, Эндрю, а знаешь почему?

— Какого черта ты устроил, Том?

— Ты знаешь почему? — Том закричал на него.

— Нет, не знаю. И я хочу знать, зачем все эти вопросы, Том. Хочу, чтобы ты рассказал мне.

— Потому что, когда я отправился увидеться с матерью Мишель, знаешь, что она мне рассказала о тебе?

— Откуда я могу знать?

Эндрю Фостер сейчас выглядел очень напуганным.

— Только хорошие вещи.

— Верно, тогда ладно, — он, казалось, испытал облегчение.

— Много и много хороших вещей, и все потому, что Мишель считала тебя самым лучшим после нарезанного хлеба. Очевидно, что она говорила только о тебе какое-то время. Мистер Фостер это и мистер Фостер то.

— Ну, это нормально, разве нет?

— Согласно словам матери, Мишель испытывала к тебе школьную влюбленность, но она не возражала, потому что ты помогал ее дочери с чтением и письмом, которое всегда было неаккуратным, пока этим не занялся мистер Фостер, предлагая ей дополнительную помощь, немного репетиторства один-на-один. Фиона даже поблагодарила тебя на родительском вечере.

— Это не моя вина, — сглотнул он, будто его рот неожиданно пересох, — если она слегка влюбилась. Это могло случиться с любым учителем: мужчиной или женщиной.

— Да, не то, чтобы ты отвечал взаимностью, не при ее то возрасте? Ты не педофил, в конце то концов.

— Конечно же, нет! Как ты даже мог сказать нечто подобное? Ей было только десять.

— Да, тогда только десять, — тихо произнес Том, — но ей было пятнадцать, когда она пропала.

Последовала долгая пауза. Молчание затянулось. Каждый ждал, пока заговорит второй. Более чем единожды Эндрю открывал рот, чтобы сказать что-то, но не произносил ни слова.

— Я не знаю, о чем ты там думаешь..., — затем покачал головой, будто считал, что его друг сошел с ума.

— Все просто. Я считаю, что ты скрываешь что-то, Эндрю. Я был чертовски уверен в этом, когда шел сюда. Теперь я знаю точно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты напуган. На самом деле, ты напуган до усрачки, что заставляет меня задуматься, что ты натворил. Ты врал о пропавшей девочке. Она думала, что ты немного нес чушь собачью, но ты отрицал, что знаешь ее... а теперь она пропала, — и он потянулся в карман куртки и вытащил мобильный телефон. — Так что, если ты мне не расскажешь, то будешь

рассказывать полиции.

— Ох, да ладно, не будь глупым.

Дом Эндрю находился на возвышенности, так что Тому удалось поймать сигнал, и он начал набирать номер.

— Не звони гребаной полиции, друг, — Том закончил набирать номер, и они оба услышали как пошли гудки. — Что ты собираешься сказать? Они не примут тебя всерьез!

Том знал, что тот прав. Все, что у него было — лишь чутье, что его друг что-то скрывает, но не было и следа реального доказательства, что Эндрю есть, за что отвечать, кроме как за плохую память. Том блефовал. И все выглядело так, как будто Эндрю не собирался вестись на этот блеф. Телефон звонил, казалось, целую вечность. Он набрал номер прямой линии, который знал наизусть, и они чертовски долго отвечали на звонок, но это было хорошо, потому что Том не имел понятия, что он собирался сказать, когда они возьмут трубку. Том и Эндрю смотрели друг на друга, пока в телефоне продолжались и продолжались гудки.

— Просто... — и Эндрю снова покачал головой, — ...безумие.

— Полиция, — произнес голос, когда гудки, наконец, закончились.

— Алло, — сказал Том, и все, что он смог придумать, было: «Извините, ошибся номером», но прежде чем он смог сказать это, Эндрю сделал шаг вперед и заговорил.

— Подожди, я объясню, — попросил он Тома. — Я все объясню. Пожалуйста.

Том без слов повесил трубку.

— Что ты сделал, Эндрю?

— Просто дай мне минутку, подожди там, — Эндрю Фостер волновался, — есть кое-что, что я должен показать тебе. Это успокоит твой ум, я обещаю. Просто подожди там.

Он взмахнул руками в попытке приободрить Тома и удержать его от действий, а затем исчез, и было слышно, как он побежал вверх по лестнице.

Том остался один и попытался привести свои мысли в подобие порядка. Безумие, Эндрю Фостер не был убийцей, однозначно: мужчина, которого он узнавал за пинтами в «Грейхаунд» и «Льве» не может быть убийцей, или может? Но, что еще могло объяснить его странное поведение? Он вел себя, как мужчина, чья жизнь зависела от быстрого нахождения ответов, которых у него не было, и он отчаянно хотел помешать Тому рассказать полиции.

И теперь он исчез наверху. Чтобы сделать что? Сбежать из окна на первом этаже или взять что-то? Том посмотрел на стены гостиной со штыками на них и оружием, которое теперь стало выглядеть несколько более зловеще. Том окрестил Эндрю до сих пор не выросшим одиночкой с любовью к мальчишеским игрушкам, но, что, если он был сумасшедшим, который стал учителем, чтобы иметь возможность похищать маленьких девочек? Мог ли Эндрю быть Ловцом-Детей, и, если мог, позволит ли он Тому Карни вернуться назад к людям, чтобы рассказать всем об этом? Что, если он применял один из этих штыков на Мишель? Что, если у него есть пистолет? Боже, что если Эндрю был достаточно безумен, чтобы попытаться застрелить Тома, чтобы тот молчал, будет ли утешением, что учителя арестуют, как только услышат выстрелы? Нет, если он будет лежать, насмерть истекая кровью на ковре в гостиной.

Уже было поздно что-то предпринимать по этому поводу. Он услышал шаги Эндрю на лестнице. Учитель спускался вниз. Том сказала себе, что маловероятно, чтобы его новый друг попытался убить его в своей собственной гостиной посреди бела дня, но, всего только несколько минут назад, он не подозревал мужчину в убийстве школьницы. Том напрягся и приготовился, чтобы иметь возможность броситься на Эндрю и разоружить его, если у того будет оружие, но ему не нравились представленные шансы.

Дверь гостиной широко открылась, и взгляд Тома сразу же упал на руки Эндрю, которые были пусты. Любая благодарность, которую Том мог испытывать за эту маленькую милость, сразу же забылась, когда его взгляд пропутешествовал вверх, и он увидел всю сцену перед ним. От удивления у Тома отвисла челюсть, и он почувствовал, как его кожа покалывает.

— Ты должно быть шутишь?

— Нет, Том, — признался Эндрю, — мы не разыгрываем тебя.

Но Том Карни проигнорировал слова своего друга. Он был слишком занят разглядыванием фигуры, стоящей рядом со школьным учителем. Она была худенькой молодой девушкой с темными волосами, с легким следом помады на губах и серебряной цепочкой на шее с медальоном Святого Кристофера. Мишель Саммерс не была мертва или похоронена в канаве, в милях от Грейт Мидлтона. Она не была Девушкой №5, последней жертвой Ловца детей, и она не была сбежавшим подростком, ночующей на улицах Лондона или Манчестера и связавшейся с наркотиками или проституцией.

Мишель Саммерс была очень даже живой.

Она хорошо выглядела, не было никаких следов плохого обращения, и она стояла в

гостиной Эндрю Фостера, менее чем в миле от дома своей матери.

— Боже правый, — произнес Том, — она жива.

Учитель кивнул.

— Цела и невредима, — заверил его Эндрю с безобидным выражением на лице, будто это каким-то образом делает ситуацию нормальной.

— О, мой Бог, — Том отчаянно пытался подобрать слова, но ему удавалось только взывать к Всевышнему, — что ты наделал, Эндрю? — спросил он снова.

Тогда Эндрю сделал странную вещь. Он повернулся назад к девушке, которую держал в заложниках в своем доме, пока полиция лихорадочно искала ее по всей стране.

— Расскажи ему, дорогая. Я думаю, лучше это сделаешь ты, — сказал он.

Том силился понять всю информацию, которую сейчас получал. Ее похититель что, только что назвал Мишель Саммерс дорогой? Что это за промывка мозгов была?

— Все просто, — сказала девушка Тома со стальной решимостью в глазах. — Мы знали, что это день придет раньше или позже. Мы хотим, чтобы ты выслушал нас, прежде чем позвонишь в полицию, имею я в виду. Мы хотели бы все объяснить, чтобы все знали и понимали, почему мы сделали это.

Как будто это все было недостаточно ошеломляющим, молодая девушка затем сделала то, от чего весь мир Тома завертелся вокруг своей оси. Она протянула руку вбок, и школьный учитель принял ее, а затем они держались друг за друга, как безумно влюбленная друг в друг парочка, которой они были убеждены, что станут.

— Мы расскажем тебе все, Том, — спокойно сказал Эндрю. — Мы хотим, чтобы ты выслушал нашу историю.

— Он любит меня, — сказала девушка с убежденностью, — и я тоже его люблю.

Тома пришлось убеждать. Его первой реакцией было снова потянуться к телефону и позвонить в полицию.

— Пожалуйста, не делай этого! — умоляла девушка. — Пока нет. Сперва все должны узнать правду. Иначе для нас нет надежды, никогда не будет! Ты не понимаешь? — сейчас она казалась в отчаянии.

— Нет надежды для вас? Ты спятила? — спросил Том Мишель. — Разве ты не знаешь, что творится, пока ты прячешься здесь? Общенациональная охота! Каждый офицер полиции в стране ищет тебя. Ты хоть имеешь понятие, сколько их времени и сил ты тратишь или о боли, которую причинила?

Затем он посмотрел на спокойное лицо своего друга.

— Ох, только вспомнил, ты не читаешь газет и не смотришь новости, — сказал он ему, — но, черт возьми, ты то должен знать!

— Да, Том, мы знаем, — продолжил говорить Эндрю, будто он был абсолютно в своем уме и пытался успокоить кого-то. — Этого, определенно, не было в наших намерениях. Вещи просто вышли из-под контроля, но я знаю, что ты поймешь, когда услышишь, что у нас есть сказать.

— Пойму? — затем он кое-что вспомнил. — Она была тут, когда я пришел тогда выпить? Мишель пряталась наверху, пока мы приканчивали твою чертову водку? Должна была быть!

Тогда он разозлился.

— Просто дай нам еще несколько минут, пожалуйста, затем можешь звонить кому хочешь.

Том заколебался.

— Пожалуйста, — снова сказал Эндрю. — Это хорошая история и это то, чего ты хочешь, разве не так? Очень хорошая история.

Том покачал головой.

— Я, должно быть, сошел с ума.

— Спасибо тебе, — поблагодарила девушка, просяив улыбкой, будто ее проблемы решились, а не только начались.

— Ты не пожалеешь, — сказал ему Эндрю.

— Уже жалею.

\*\*\*

Йен Брэдшоу сидел за своим столом в штабе, размышляя о своем напарнике, если это было правильным словом, чтобы описать его неофициальное партнерство с Винсентом Эддисоном, и о фальшивом профессоре, которые оба его подвели. Он молился, чтобы интенсивный допрос Берстоу не выявил его частную беседу, ведением которой с констеблем Брэдшоу сумасшедший фантазер наслаждался в пабе, так как из этого ничего хорошего не выйдет. Если Брэдшоу и злился на себя и был смущен чуть больше, чем нужно, что поверил фальшивому профессору, пусть даже едва ли он один. Вся полиция Дарема прислушивалась к безумным теориям на протяжении недель, и все это было виной одного человека. Суперинтендант Трелоу сказал им, что Берстоу эксперт, так почему они стали бы в этом сомневаться? Все же, Брэдшоу уязвляло, что он когда-либо вообще удосужился выслушать

бредни мужчины, предполагая, что они были наукой, а не вымыслом.

Был еще и Винсент. Как и Брэдшоу, он пришел в уныние от осознания, что, хоть, они и прознали, что Дэнни был извращенцем, которому нравятся девушки, едва достигшие совершеннолетия, они не смогли пришить ему исчезновение его юной падчерицы.

Когда они были на дороге, сидя на хвосте у Дэнни, Винсент казался более живым и веселым, чем обычно. Брэдшоу не без причины посчитал, что его напарник тайно наслаждался выполнением для разнообразия настоящей полицейской работы, хоть даже он и не признался бы в этом. Тем не менее мрачная оценка отсутствия доказательств, связывающих Дэнни с исчезновением Мишель, инспектором Пикоком, казалось, подорвала моральный дух его напарника. Определенно, когда Брэдшоу спросил о местонахождении Винсента следующим утром, Пикок сказал ему, что Винсент слег с депрессией, инспектор добавил слово «снова» к своей фразе, а затем пришел к выводу: «Он так же полезен и надежен, как и чайник из карамели».

Брэдшоу чувствовал себя удручающе. Он провел остаток утра, занимаясь бумажной работой — чумой каждого современного детектива: заявлениями, работой с файлами, бесконечным заполнением форм, теми вещами, которые никогда не показывают по телевизору. Теперь ему не терпелось снова отправиться в путь. Он считал, что сейчас может быть хорошее время, чтобы снова нанести визит матери Мишель. Если у него будет возможность поговорить с ней при ясном свете дня, после того, как у нее было несколько часов, чтобы осознать предательство Дэнни, она, может быть, станет говорить более открыто: освобожденная от противоречивой верности Фиона может вспомнить что-то важное. Определенно, стоит попытаться, но он хотел бы, чтобы с ним был Винсент. Один из них сделает чай и проявит сочувствие, другой выбьет Фиону из колеи парой жестких вопросов о правомерности отношений Дэнни с Мишель. Хороший коп, в этот раз плохой коп. Он хотел вернуться туда с Винсентом и показать все, на что они способны, когда всерьез берутся за дело, но, казалось, его новый напарник просто не имел достаточно выносливости, чтобы довести дело до конца, так что Брэдшоу снова был сам по себе.

\*\*\*

Они сидели вместе на диване Эндрю: школьный учитель и его несовершеннолетняя возлюбленная, все еще держась за руки. Том сидел в кресле напротив них. Он положил свой диктофон на ручку кресла и включил его, а затем взял ручку и положил блокнот на колени.

— Я слушаю, — сообщил он им. — У вас есть пять минут, не больше. Я буду гореть в аду за то, что позволил твоей матери мучиться от горя лишних пять минут, так что лучше бы это было великолепное объяснение. Мы начнем с тебя, Эндрю. Что, во имя Бога, ты думал, делаешь, приводя ее сюда?

— Я сделал это ненамеренно, Том. Ты должен понять это. Все началось, потому что я снова столкнулся с Мишель, абсолютно случайно.

— На автобусной остановке? — спросил Том, так как это было последним местом, где видели девушке, и она кивнула.

— Той ночью шел дождь, — добавил Эндрю. — Я шел из паба, когда увидел ее, стоящую там. Она выглядела промокшей и замерзшей. Я не знал поначалу, кто это, но затем я понял, что это Мишель. Я учил ее несколько лет назад, как ты и сказал. Она тогда была маленькой девочкой, конечно же, но тогда там снова оказалась она, повзрослевшая.

— Не совсем, — напомнил ему Том, но Эндрю проигнорировал его.

— Минуту мы поговорили, но как только она начала дрожать, я предложил ее подвезти

домой. Я выпил только две или три пинты, и никогда нельзя полагаться на последний автобус.

— Продолжай, — побудил он своего бывшего друга, нуждаясь услышать что-то, что угодно, что может оправдать решение скрывать девушку от ее семьи так долго.

— Я согласилась поехать с ним, — объясняла Мишель. — Он был добр.

— Был ли?

— Когда мы приехали ко мне домой, она все еще была до нитки промокшей, так что я сказал, что она может войти и высушить волосы. Ее обувь тоже промокла.

— Они были не совсем подходящими для такой погоды, — призналась девушка со стыдливой улыбкой, и Том посмотрел на нее, будто она сошла с ума.

— Не важно, — засомневался ли сейчас Эндрю, как, если бы его хорошо отрепетированное оправдание, должно быть, звучало жалким, если его рассказать другому?

— Я дал ей полотенце, сделал ей горячий напиток, и мы начали беседовать. Она сказала мне, что не нужно спешить домой, ее мать будет спать, а отчим уехал в рейс, так что спешить некуда.

— Мы просто говорили и говорили, — объясняла девушка. — Ну, по большей части, я говорила, а он слушал. Думаю, он был первым человеком, который выслушал меня за долгие годы.

Они глупо заулыбались при общем воспоминании. Создавалось ощущение, что они были настоящей парочкой на вечернем ужине, рассказывающие всем историю, как они познакомились.

— Что в этом плохого? — невинно спросил Эндрю. — Мы ничего не сделали, просто болтали.

— Кроме того факта, что ей пятнадцать лет, а ты ее учитель? — Том покачал головой. — Почему ты просто не отвез ее домой?

— Чем больше мы говорили, тем больше я узнавал, какой особенной и удивительной молодой девушкой Мишель стала, как несчастлива она была дома.

— Это не причина, чтобы держать ее здесь.

— Я не держал ее, — ответил Эндрю. — Она оставалась по собственной воле.

— Почему? — с недоверием спросил Том.

— Ну.. и тогда все стало немного запутанно, стало поздно, и я сказал, что приготовлю нам еще напитки, прежде чем отвезти ее домой. На данном этапе, мы думали, что она просто сможет проскользнуть через дверь, и никто не заметит. Ее мать практически алкоголичка, не заботится о ней вообще, по сути, но это так, к слову. Даже если она проснулась, Мишель может просто сказать, что она выходила погулять или зависала у друзей, так что ни у кого не будет проблем.

— Ни у кого значит у тебя, это ты хочешь сказать?

— Я вернулся на кухню и снова поставил чайник, но к тому времени, как я вышел с горячим шоколадом, Мишель уснула на моем диване.

— И ты не подумал, чтобы разбудить ее?

— Я собирался, — признался он, — но она выглядела такой милой, прелестной и умиротворенно лежащей там, что я просто подумал, что не стоит ее тревожить.

— Так что ты сделал?

— Я накрыл ее одеялом. Затем я сел в кресло, в котором ты сидишь, и посчитал, что, в конце концов, она проснется, и я отвезу ее домой. Она не проснулась, а я уснул вслед за ней.

Я не просыпался до шести утра, и к тому времени было уже поздно отвозить ее домой, не получив кучу очень сложных вопросов.

— Но я не понимаю. Если ты ничего не сделал? То есть, то, что ты сделал — чертовски глупо, и у тебя были бы проблемы, но, если ты не прикасался к ней... не было бы разумнее просто отвезти ее домой? Ты знал о горе, что спровоцировал? — спросил Том, запутавшись.

— Но я не хотела ехать домой, — ответила Мишель. — Я просила его разрешить мне остаться.

— И к тому времени, ну, я не знал, что еще сделать, так что позволил ей.

— Ты имеешь в виду, что пошел в школу, будто ничего не случилось?

— Какой выбор у меня был?

— Какой выбор у тебя был?! Целая куча их! Ты мог выбрать прекратить страдания семьи, которая думала, что их маленькая девочка убита серийным убийцей. Вы оба совсем выжили из ума? Должно быть, так и есть!

— К тому времени, думаю, что мы оба поняли, что между нами происходит нечто особенное, что-то долговечное, — сказал ему Эндрю с пылом религиозного новообращенного.

Том открыл рот, чтобы заговорить, но не смог подобрать слов. Как он мог вразумить кого-то настолько заблуждающегося?

— Каждую ночь мы говорили, что сдадимся утром, но просто не могли заставить себя сделать это. Мы знали, что, в конце концов, все закончится и что нам понадобится кому-то рассказать нашу историю, — продолжил он. — Тогда я встретил тебя в пабе, и я просто понял, что ты — тот человек. Я почти привел Мишель вниз той ночью, когда ты приходил выпить, но мы захотели остаться вместе чуть дольше. Я никогда не ощущал себя таким живым, — заверил его Эндрю, — но ты должен понять, что я не прикасался к ней. Я воспринимаю ее иначе.

— Ты не прикасался к ней? — повторил Том.

— Нет, — убеждал его Эндрю, будто был решительно настроен предстать человеком чести, — секс не важен ни для одного из нас, — затем он прочистил горло, — поначалу.

— Поначалу?

— Этого не случилось до недавнего времени, — сказал он.

И прежде чем Том успел ответить на это, его прервала Мишель: — И, когда это случилось, я была инициатором. Это было мое решение.

Том перестал писать. Он отложил ручку и блокнот и посмотрел на них обоих.

— О, хорошо, — сказал он им язвительно, — тогда все в порядке!

Он покачал головой.

— Учителя не могут иметь отношений со школьницами!

— Почему нет? Мы не первые, и мы, определенно, не станем последними. Разве для нее будет лучше, если она будет с каким-то прыщавым шестнадцатилетним подростком, который понятия не имеет, как с ней обращаться? Я люблю Мишель, а она — меня. Пожалуйста, будь счастлив за нас. Я думал, что ты сможешь понять.

— Понять это? Я? Ты совсем свихнулся? Ты разглагольствуешь о любви и о долговечных чувствах? Ты что, не видишь, Эндрю? Ты отправишься в тюрьму! Они заведут на тебя чертово дело!

— Я не думаю, что все до такого дойдет, — ответил учитель, — но, даже, если дойдет, это риск, который я готов принять, ради Мишель, — он пожал руку своей возлюбленной, а

она ободряюще улыбнулась ему, — и не важно, на сколько меня посадят, она меня дождется.

— Ты идиот! — сказал ему Том, — ты все еще не улавливаешь, да? Вся твоя жизнь загублена, Эндрю, ты отправишься в тюрьму и, когда ты выйдешь, ты не сможешь получить работу, ты потеряешь дом, все, и нет никаких шансов, что они позволят тебе контактировать с ней. Ни одного! Ты этого не видишь? Если и есть что-то, в чем я уверен, то это то, что, когда я позвоню в полицию, ты никогда не увидишь Мишель снова, никогда. Это, твою мать, гарантированно!

Он взял мобильный телефон и начал набирать номер.

Впервые Эндрю стал выглядеть встревоженным, будто мысль, что ему откажут в общении с его единственной любовью, никогда не приходила ему на ум.

— Хорошо, — сказал он неуверенно, его голос слегка дрожал, после того как встретился с уверенностью Тома, — посмотрим.

Брэдшоу все еще злился на Винсента, который был не больше его самого. Мужчина страдал от приступа лени или хандры, но, если это и правда была депрессия, спровоцировавшая текущее отсутствие Винсента Эддисона, тогда он не получит сочувствия от своего более молодого коллеги. Если Брэдшоу пришлось продолжать работу и с грехом пополам доводить дело до конца, когда его самого грызла депрессия, тогда почему Винсент не должен этого делать? Его отсутствие было тем более удручающим, потому что время утекало. Винсент отправился домой в постель, когда у них наметился серьезный прогресс. Каковы их шансы, что их станут воспринимать всерьез, если его напарник бросил дело в такое критически важное время, потому что он не чувствует себя в настроении для этого?

Ну, Брэдшоу не позволит такому случиться. Он откопает адрес Винсента, и отправится напрямик туда, чтобы поговорить с ним о деле Мишель Саммерс. Брэдшоу встал, за секунду до того, чтобы выйти из штаба, когда внезапно зазвонил его телефон. Он почти решил не брать трубку, а затем выругался и ответил.

— Брэдшоу, — произнес он.

— Йен, это я, Том Карни.

— А у меня-то был такой хороший день, — сказал детектив. — Чего ты хочешь?

На линии последовала недолгая заминка, пока Том Карни, казалось, пытался подобрать верные слова.

— Я нашел Мишель Саммерс, — сказал он в итоге.

— Что? Это что большая шутка?

— Я нашел...

— Я слышал, что ты сказал, — прервал его Брэдшоу, — но что ты имеешь в виду? Как ты мог... Ты говоришь, что нашел ее тело?

— Нет, — сказал Том, — она жива и...

Мог ли он использовать слово «в порядке»? Он решил остановиться на слове «невредима».

— Она оставалась в доме учителя в Грейт Мидлтоне. Его имя — Эндрю Фостер.

— Боже.

Том Карни дал Йену Брэдшоу адрес и предрешил судьбу учителя.

— Она в Грейт Мидлтоне? — спросил Брэдшоу, и Том был рад, что не он один задавался вопросом о своем здравоумии.

— Приезжай и забирай ее, — тихо сказал репортер и повесил трубку.

Секунду Йен Брэдшоу стоял держа трубку, пока изо всех сил пытался переварить значение услышанного, пока все остальные в помещении продолжали работать, не зная о тех новостях, что он только что узнал. Брэдшоу был убежден, что Дэнни был ответственным за исчезновение Мишель Саммерс, отказываясь верить в другие версии, но теперь ему говорят, что она жива и невредима, и скрывается в деревне, двери которой в последнее время стали ему до боли знакомы. Он посмотрел в сторону офиса инспектора Пикокка и понял, что инспектора там нет, затем огляделся по комнате на детективов, занимающих свои столы, спокойно делающих звонки и записи.

— Где инспектор Пикок? — спросил он всех.

Когда никто не ответил ему, Брэдшоу крикнул громче:

— Где босс? — крикнул он громче, когда никто не ответил.

Все, что он получил в ответ, незаинтересованное «Хотел бы я знать» от ближайшего коллеги.

Брэдшоу оглядел своих недоуменных коллег и почувствовал, как в нем поднимается гнев на отсутствие у них реакции.

— Где Пикок? — закричал он во весь голос, и все застыли.

Они все смотрели на него в ответ, будто он был сумасшедшим, но, по крайней мере, теперь он завладел их полным вниманием.

— Где босс? — закричал он еще раз.

— Думаю, он в курилке с главным инспектором, — ответила Мэри Райан, одна из женщин детективов Даремской Констебулярии. — Что стряслось?

— Пойди и приведи его, — приказал Брэдшоу, натягивая свою куртку, — приведи их обоих и сейчас же! Мишель Саммерс нашлась!

Он бросил адрес, который нацарапал на бумаге к ней, а затем у всех на глазах побежал из комнаты.

\*\*\*

Когда Том Карни позвонил матери Мишель, чтобы сообщить новости, он сделал это быстро.

— Я нашел Мишель, она жива, — сказал он, на случай, если она предположит худшее.

— О, мой Бог.. О, мой Бог! — на другом конце линии у Фионы произошла гипервентиляция легких. — О, Боже, я не верю в это. Боже...

— Где она? — спросила она, когда новости, наконец, улеглись в ее голове.

— В деревне.

— В деревне?

Она этого не ожидала. Женщина, определенно, считала, что та в Лондоне или, по меньшей мере, в Бирмингеме, но не в деревне.

— Где в деревне?

Том сообщил ей, затем повесил трубку и сделал последний звонок.

Впоследствии, Йен Брэдшоу не сможет вспомнить ничего о своей поездке в Грейт Мидлтон в тот день, но он проезжал все повороты и изгибы.

— Езжай, езжай, — на любого водителя, который медленно двигался впереди него, — кричал он.

Наконец, он доехал до Грейт Мидлтона и выбрал первый поворот, который приведет его на вершину холма, почти угробив заднюю часть кузова в процессе. На вершине, он резко повернул вправо, что привело его на улицу, которую упоминал Том Карни, затем быстро пролетел по ней, сканируя номера дверей, пока не добрался до нужной. Он резко нажал на тормоза, бросил машину посреди дороги, даже не удосужившись захлопнуть дверь, когда выходил.

Только тогда у Брэдшоу появилась мысль, что, если Том Карни каким-то образом ошибется, окажется в заблуждении или просто разыграет его, то у Йена будут такие проблемы, которые невозможно разрешить. Конечно же, Мишель Саммерс не могла оставаться в этом тихом, небольшом домике, устроившемся в ряду подобных ему неприметных домовладений, прямо в сердце ее деревни, да так, чтобы никто об этом не знал? Это казалось невероятным.

Брэдшоу собирался постучать в дверь, когда она открылась. Том Карни стоял там.

Журналист не сказал ни слова детективу. Он просто придержал дверь открытой, чтобы впустить его, а затем шагнул в сторону.

Брэдшоу прошел напрямик в гостиную Эндрю Фостера, и там перед ним предстало чудо. Том Карни не заблуждался, и не разыгрывал Брэдшоу. На диване сидела молодая девушка. Хоть он никогда и не встречал ее, Брэдшоу сразу же узнал Мишель Саммерс из описания и по фотографии. Даже, если она немного и выросла по сравнению с той фотографией, которой пользовалась полиция, она, определенно, была тем ребенком. Поначалу это было чересчур. Несмотря на все вероятности, Мишель Саммерс была жива и казалась невредимой.

Молодая девушка сидела рядом с мужчиной двадцати лет с чем-то, который, предположил Брэдшоу, должно быть, был учителем, упомянутым Карни. У них обоих были тревожные лица, и, если бы вид их двоих, сидящих вместе, и не был достаточно шокирующим, Брэдшоу внезапно понял, что они держатся за руки.

— Мишель? — спросил Брэдшоу, не веря своим глазам, и, когда девушка слегка кивнула, он потребовал от них обоих, — Что, черт возьми, здесь происходит?

Эндрю Фостер открыл рот, чтобы ответить от их имени, но его слова заглушил вой полицейской сирены.

\*\*\*

Хелен оказалась первым репортером на месте, если не считать Тома Карни. Она услышала вой сирен множества полицейских машин и сразу же бросила свой пост на событии женского института, потому что такой род звона, может только означать, что нечто важное произошло или собирается произойти.

Когда она покидала деревенский клуб, Хелен повернула голову в сторону затихающего звука. Впереди нее был небольшой деревенский пустырь перед крутым холмом с двумя извилистыми тропинками, по одной с каждой стороны. Они шли вверх, пока не соединялись у вершины, где доходили до дороги и ряда небольших домов, расположенных на возвышенности от дороги. Три полицейские машины были небрежно припаркованы снаружи безобидно выглядящего домика с побеленными стенами. Они заблокировали дорогу, их проблесковые маячки бесцельно мигали, офицеры казалось побросали свои автомобили, чтобы присутствовать на чем-то, требующем незамедлительного участия, внутри дома.

Когда Хелен вскарабкалась вверх по холму, еще три полицейских автомобиля на огромной скорости въехали в деревню с ревущими сиренами и сверкающими мигалками. Когда она достигла вершины тропинки, они с визгом затормозили перед ней. Полдюжины офицеров в униформе и несколько детективов в штатском высыпали из них, а затем стремглав бросились в дом.

\*\*\*

Это была сцена кружащего голову хаоса, и Брэдшоу обнаружил, что онемело взял на себя руководство, вдохновленный пониманием, что, что бы здесь не происходило, это было не убийство, и впервые, будут хорошие новости, которые можно сообщить, истекающей слюной масс-медиа. Офицеры в форме, которые прибыли почти сразу же после Брэдшоу, с радостью подчинялись его указанию держать посторонних подальше от дома, и отвезти Эндрю Фостера в допросную. Мишель также поедет в участок для ее же собственной безопасности и, чтобы убедиться, что будет зафиксировано достойное объяснение ее исчезновению.

— Увезите их отсюда, быстро, — сказал Брэдшоу, зная, что их шумное прибытие вскоре

соберет толпу зевак.

Затем он посмотрел на Тома.

— И ты тоже поедешь, — приказал он.

\*\*\*

Хелен ждала снаружи, наблюдая за приходами и уходами из дома с вершины тропинки по другую сторону дороги. Соседи начали выходить, и другие зеваки тоже начали скапливаться, привлеченные к месту полицейскими сиренами. Два полицейских в форме отталкивали и делали им знаки рукой, чтобы они отошли и создали немного пространства. Им не пришлось ждать долго, чтобы стать свидетелями причины переполоха. Первым из передних дверей вышел мужчина, которого она видела, разговаривающим с Томом в пабе, поддерживаемый под руки двумя крепкими полицейскими, которые выглядели мрачными. Его руки были отведены назад, а голова опущена вниз, но ему удалось поднять ее и, на секунду, его взгляд пересекся с Хелен, и он посмотрел прямо на нее, его лицо отражало покорность. Они затолкали его на заднее сидение полицейской машины, и Хелен наблюдала, как они быстро уехали.

Следующим из дома появился Том с детективом, которого она видела в «Красном льве». Что происходит, и какова его роль во всем этом? Он узнал, что учитель замыслил что-то плохое, или просто получил его признание, как какой-то приходской священник? Прежде чем она смогла развить это последнее предположение дальше, кое-что другое произошло, кое-что, что наложило печать на весь день.

Затем из дома вышел другой человек, сопровождаемый полицией. Хелен тотчас же узнала ее, так как ее лицо показывали по телевидению и в каждой газете. Это была Мишель Саммерс: молодая девушка, которую считали похищенной, потерянная неповинная, предположительно мертва. И вот она тут. Результат, на который никто из них не надеялся.

Для Хелен новостей стало слишком много, чтобы осознать их сразу. Было ясно, что для небольшой группки зевак тоже. Кроме пары ахов и одного или двух выкриков «Мишель» и «это она», никто ничего не сделал. Они просто стояли и пялились на девушку, будто она была призраком.

Именно тогда, когда она начала задаваться вопросом разрешил ли Том каким-либо образом загадку ее исчезновения и спас девушку, появилась еще одна знакомая фигура. Мишель была на половине пути по садовой дорожке, когда внезапно появилась ее мать, с покрасневшим лицом и запыхавшаяся, так как ей пришлось бежать через половину деревни до дома школьного учителя. Фиона увидела свою дочь и испустила громкий крик: «Ми-и-ишель!», затем она побежала вперед, чтобы обнять ее, почти сбившись с ног в процессе. Полиция отошла и позволила ей сделать это, и Брэдшоу не вмешался. То должен был быть смелый или глупый человек, который попытается встать между матерью и ее дочерью в этот момент. Вместо этого, они отошли и наблюдали, пока Фиона Саммерс так сильно прижимает свою дочь к себе, что кажется, что сломает девушку пополам. Ее мать рыдала и повторяла одни и те же слова, как мантру: «О, мой Бог, Ракушечка... о, мой Бог, Ракушечка.. ты в порядке? О, мой Бог.. что он сделал с тобой? Он причинил тебе вред? Прикасался к тебе? Ублюдок!»

Хелен не могла разобрать ответ Мишель, но она услышала: «Все не так, мам...», а затем голос Мишель Саммерс понизился до такого уровня, при котором ничего было не услышать. Хелен наблюдала, как мать отпустила ее, и Мишель предположительно начала объяснять свое присутствие в деревне. Хелен могла видеть лицо молодой девушки, и оно выглядело

так, будто Мишель пыталась успокоить свою мать, пока объясняла ей что-то, что на самом деле было очень простым, и что все хорошо в этом мире.

Когда Фиона Саммерс ответила своей дочери, Хелен расслышала все.

— Что? — единственное, удивленное слово, отразившее шок матери.

Фиона Саммерс смотрела на свою дочь глазами, полными неверия, по ее лицу все еще лились слезы.

Девушка продолжила объяснение, чтобы только ее мать его слышала. И, когда окружающая группа офицеров начала расслабляться и наслаждаться воссоединением испытывающей облегчение матери и наивной девушки, незаконно удерживаемой более взрослым мужчиной, произошла странная вещь. Мать сделала шаг вперед и ударила ее.

Фиона Саммерс ударила свою дочь сильно, прямо по лицу.

Это не было небольшой пощечиной. Это был полноценный, удар с замахом, который заставил зевка вздрогнуть, а щека Мишель Саммерс сразу же стала краснеть.

— Как ты посмела сделать это! — выкрикнула Фиона и нацелила на Мишель еще одну пощечину, которая, к счастью для ее дочери, пролетела мимо цели, когда та отшатнулась назад, просто задев поднырнувшую девушку по макушке.

Это стало сигналом для шокированных офицеров полиции запоздало вмешаться, ввязавшихся между ними, чтобы оттащить мать Мишель подальше от девушки, хоть она все еще размахивала руками.

— Как ты могла так сделать? — закричала она еще раз, пока ее оттаскивали назад по садовой тропинке. — Он бросил меня! — выкрикнула она, — он, бл\*ть, бросил меня! Из-за тебя! Все из-за тебя! Ты теперь счастлива? Счастлива?

На лице Мишель Саммерс от первого удара появился синяк, и она последовала примеру своей матери: ее губы были плотно сжаты, а нижняя начала дрожать. Затем полились слезы, и она начала неконтролируемо рыдать. Внезапно она стала выглядеть именно так, какой и была: маленьким, перепуганным ребенком, которого выдернули в реальный мир, которого вела полиция.

Хелен наблюдала, как Мишель садится в машину с женщиной полицейским, пока два мужчины полицейских уводят ее мать в другую.

— Ты вернула ее, — напомнил Брэдшоу Фионе. — По меньшей мере, ты вернула ее, — и он открыл дверь для хныкающей женщины.

Когда машины начали отъезжать, Хелен подошла к Тому.

— Это только что случилось? — спросила она тупо.

— Мишель и учитель? — спросил он. — Да. Считают, что они Ромео и хренова Джульетта.

— О, Боже правый, — сказала она. — Все это время все думали, что она мертва. Они сошли с ума?

— Думаю, что да, — согласился он, — по крайней мере, потеряли связь с реальностью.

Затем Том покачал головой, будто не мог поверить в их идиотизм.

— И он собирается ради этого разрушить свою жизнь.

Они смотрели, как одна за другой, оставшиеся полицейские машины сделали разворот на сто восемьдесят градусов, все за исключением последней.

— Мне надо идти, — сказал он ей. — Они хотят, чтобы я дал показания.

— Откуда ты узнал? — спросила она его.

— Он просто кое-что сказал, что не знает Мишель, — объяснял Том, — но я узнал, что он учил ее.

— Вот и все?

— Да.

— Гребаный ад.

\*\*\*

Диктофонная запись крутилась фоном, констебль Йен Брэдшоу внимательно прислушивался к ней, пока Том Карни рассказывал свою версию событий этого дня, и, пока он рассказывал, комната стала заполняться людьми: сначала инспектором Пикоком, затем Скелтоном и О'Брайаном и, наконец, старшим инспектором Кейном.

Когда он завершил дачу показаний, диктофон выключили, и заговорил Кейн.

— Если бы мы не услышали это от них и от тебя, — сказал ему Брэдшоу, — я сомневаюсь, что мы бы в это когда-либо поверили. Этот учитель что, не имел понятия, сколько горя причиняет всем?

— Нет, не думаю, что понимает, — подтвердил Том, — все же, я подозреваю, он скоро узнает.

— О, да, — сказал Кейн, — у него не останется иллюзий по поводу серьезности ситуации.

— Мы можем пришить ему похищение несовершеннолетнего? — спросил Скелтон.

— Не тогда, когда она пошла с ним по собственной воле, — сказал ему Брэдшоу, — а она пошла по своей воле, не так ли?

— Она так говорит, — ответил Том.

Настала очередь инспектора.

— Но у нас есть половая связь с лицом, не достигшим совершеннолетия, растрата полицейского времени, препятствование правосудию, и это только первое, что приходит в голову. Я уверен, что смогу назвать еще несколько, — сказал Пикок.

— Нет нужды, — сказал Кейн. — Люди умнее нас в настоящий момент формулируют обвинения, которые гарантируют, что ублюдок проведет время в тюрьме. Прокурор не удовлетворится, пока ему не дадут десять лет.

— Этого не случится, — пробормотал О'Брайан.

— Нет, но он, определенно, познакомится с тюрьмой, — заверил Кейн своего сержанта.

— Он ввел в заблуждение несколько полицейских формирований, навлек на нас всех невыносимое горе и навредил нескольким важным карьерам по ходу дела, так что из него сделают пример, в этом можете быть уверены.

— И он сбежал с несовершеннолетней, — напомнил ему Том.

— Меньшее из его преступлений, — сказал инспектор Пикок, и после этой фразы последовало несколько сухих смешков.

— Сейчас ты можешь уйти, если хочешь. Один из наших ребят подвезет тебя обратно, — сказал Кейн, когда с формальностями было покончено.

Том не двинулся.

— Там все еще снаружи есть мужчина, — сказал он многозначительно, — убивающий маленьких девочек.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Брэдшоу.

— Мы с Хелен Нортон говорили о Ловце-Детей и думаем, что, вероятно, знаем, как он делает это, как он заставляет их пойти с ним, — сказал ему Том. — У нас есть парочка идей, по правде говоря, но вам, вероятно, не понравится ни одна из них.

— Продолжай.

Сначала Том рассказал версию Хелен, вызвав перешептывания по всей комнате. Это сказало Тому, что они серьезно отнеслись к мыслям его напарницы, но все еще надеялись, что они ошибочны.

— Ладно, — сказал Кейн, — мы можем это проверить.

Он повернулся к Пикоку.

— Начните с любого известного преступника, у которого есть партнер, который может быть соучастником. Большинство преступников, совершающих сексуальное насилие, настолько жалкие, что не могут найти себе подружку, но есть несколько, которые смогли убедить девушек помочь им. Давайте вычислим их и посмотрим, где они были в те ночи, когда исчезли девушки.

Он повернулся к Тому.

— Какова вторая версия?

— Я думаю, что он может выдавать себя за офицера полиции.

— Что?

Том пожал плечами.

— Я позволил незнакомцам подвезти меня недавно, но только потому, что они показали мне удостоверение. Это каким-то образом помогло мне чувствовать себя в безопасности, — и он бросил на О'Брайана и Скелтона взгляд искоса. — Как еще он может заставить девочек сесть к нему в машину?

— Мы все думали над этим, — произнес Кейн и повернулся к другим офицерам. — Кто-нибудь выдавал себя за офицера полиции? Не только недавно, проверьте записи, вернитесь на несколько лет назад, а затем переговорите с ними со всеми. Есть ли у них алиби в ночи, когда пропали девочки? Ищите фальшивые полицейские удостоверения. Распространите слух, но сделайте это тихо и незаметно. Я не хочу, чтобы все в прессе узнали про это и раскритиковали, или никто больше не будет доверять нам, и это включает тебя, — он ткнул пальцем в Тома.

Том кивнул.

— Не паникуйте. Я не собираюсь создавать новостные статьи из ничего более, кроме как моих наполовину продуманных теорий.

— Правда, а я-то думал, что этим вы ребята и всегда занимаетесь, — сказал ему Кейн с полуулыбкой. — Мы проверим это и, спасибо, за то, что расколол учителя. Ты проделал отличную работу.

Когда Том наконец закончил дела с полицией, его отвезли обратно в Грейт Мидлтон. В этот раз он отправился напрямик в «Грейхаунд». После волнительных событий дня, он знал, что начинает валиться с ног. Он ничего не ел несколько часов, так что заказал чипсы и пинту индийского эля и отнес их к столу. Он устало сел там, пытаясь найти здравый смысл в событиях последних нескольких дней.

Место было тихим, и Колин ходил по помещению, собирая бокалы.

— К слову, Том, — произнес он, — ты слышал об этом чертовом Тори?

— Котором?

— О том парне, Грейди, о котором ты писал.

— Ах, о нем, — ответил Том без энтузиазма, — что он опять вытворил?

— Это по всем новостям. Я подумал, ты же журналист.

— Да, ну, я был сегодня немного занят.

— Где ты пропадал?

— В доме Эндрю, — механически ответил он, не желая на тот момент вдаваться в подробности.

— Ох, верно, — произнес Колин. — Думаю, он придет позже, — рассеянно добавил он.

— Сомневаюсь в этом, — сказал Том и сделал долгий большой глоток.

— Выглядит, будто тебе это необходимо, — заметил Колин.

— Так и есть, — согласился Том, затем он вспомнил, что сказал Колин. — Итак, досточтимый Тимоти Грейди. Что он там учудил?

— Так ты и вправду не слышал, что произошло?

— Я же сказал, что нет, — огрызнулся Том.

— Верно, — кивнул Колин, — ну, тогда я подниму тебе настроение.

— Чем это?

— Его арестовали.

— Арестовали?

— Да.

Том с сомнением посмотрел на владельца заведения. Колин был хорошим мужчиной, но не самым достоверным в мире рассказчиком, и он в самом деле не хотел воспрянуть духом, только чтобы потом стремительно разочароваться, когда он узнает, что Колин сильно ошибается.

— Ты уверен, что мы говорим об одном и том же парне?

— Да.

— Тимоти Грейди?

Владелец кивнул.

— Бывший правительственный министр: мужчина, пытающийся пустить меня и мою газету под суд?

Колин снова кивнул.

— Был арестован?

Том не понимал, как такое могло произойти.

— Так они говорят.

— Арестован за что?

Колин тогда поднял ему настроение.

— Якшание с проститутками.

Колин включил телевизор в баре, и они дождались ранних вечерних новостей. Не было никаких сомнений в главной новости. Бывший министр обороны Тимоти Грейди был арестован полицией ранним утром, на боковой улице, близко расположенной к станции Кингс-Кросс, в печально известном районе красных фонарей. Об этой истории не было известно до середины утра, но слухи быстро распространились и сейчас все ее обсуждали.

Телевизионный репортаж не был сдержанным, что означало, что Грейди должно быть был пойман с поличным. Было даже упоминание о втором арестованном человеке в то же время в связи с инцидентом: семнадцатилетней девушке, которая по юридическим причинам, связанным с ее возрастом, не может быть названа.

Там были кадры с очень растрепанным Грейди, покидающим полицейский участок на Пэддингтон Грин, тем полуднем в окружении фотографов.

— О чем он думал? — спросил Колин. — То есть, как можно быть таким безрассудным?

— Он не думал, — объяснил Том. — Мужчины, как он, считают, что они выше закона.

— Но он мог поехать в отель. Зачем ехать на Кингс-Кросс и подцеплять проститутку тинейджера?

— Из-за риска, — сказал Том, который сразу же понял. — Измены жене и то, что он забил на то, чтобы стать премьер министром, пока трахался с девочками из эскорта в дешевых отельных номерах не достаточно возбуждающе для такого мужчины, как Тимоти Грейди. Нет, ему нужен торопливый отсос в машине на боковой улице, заваленной использованными презервативами и шприцами. Волнение от того, что его застукают, вероятно, единственный способ, каким он может завестись.

— Ну, его поймали, тупого ублюдка.

— Да, поймали, — улыбнулся Том, — и ты знаешь, что это значит?

— Что? — спросил его владелец.

— Я снова в деле.

\*\*\*

Том позвонил в офис Алекса «Дока» Докерти, и ответила Дженнифер. Он попросил поговорить с Доком, и впервые, его сразу же соединили с ним, что его абсолютно не удивило.

— Том! — весело воскликнул Докерти. — Какой чертовский результат! А? Охренеть не встать! Кто бы мог предугадать?

Док не мог быть в лучшем настроении.

— Мужчина собирается уничтожить нас всех, а затем все портит, потому что не может удержаться в штанах еще пару недель. Я не знаю, куда катится эта страна, правда, не знаю, — весело сказал он.

— Я всегда говорил, что он не чист на руку.

— Говорил, сынок, и я тоже. Но это не то, что принимается в расчет, помнишь?

— Оказалось, что принимается.

— Ты учишься, — сказал ему Док, — это одна из причин, почему я рад поприветствовать тебя обратно. Благодаря нашим контактам, у меня уже есть информация из первых рук. Грейди был пойман двумя офицерами полиции с семнадцатилетней

проституткой. У него была расстегнута ширинка, а у нее в руках был его высунутый член, — засмеялся Док. — Даже он не смог найти этому объяснение. Я надеюсь, ему понравилось, потому что это был самая дорогая мастурбация в истории.

— Этого не могло случиться с хорошим парнем.

— Претензия о клевете уже была снята, оставляя Грейди с колоссальным счетом на оплату юридических услуг, разгневанной женой и очень рассерженным Премьер-министром, который получает по шее за публичную поддержку этого человека. Полиция собирается выдвинуть ему обвинения за воспрепятствование осуществлению правосудия, а королевская прокуратура расследует несколько серьезных, давних обвинений в мошенничестве с участием него и его суки жены, теперь, когда все их влиятельные друзья отвернулись от них. Грейди удалось потерять свой брак, свою карьеру и огромный кусок личного состояния в один единственный день. Это достижение.

— Матери одиночки по всей стране будут танцевать в коридорах «Асда», — сказал Том. — Итак, я снят с крючка?

— Ты? Конечно же! Все кончилось, сынок. На самом деле я хочу, чтобы ты вернулся сюда в самое ближайшее время. Я собираюсь написать большую дополнительную статью о том, как именно, наша команда, ведущая расследование, вывела на чистую воду скользкого правительственного министра с его лицемерными семейными ценностями.

— Все еще есть небольшой вопрос с моим контрактом?

— Считай, что он обновлен. Вот, я это сказал. Теперь, тебе полегчало? Чувствуешь себя лучше? Хотел бы я сказать это тебе раньше, Том, но ты же знаешь, что тут было. Кстати, где ты?

— Я все еще на северо-востоке. Расследую исчезновение Мишель Саммерс.

— Дело Ловца детей?

— Да, ну, нет. Так все думали, но так вышло, что она не была девушкой №5. Она просто сбежала со своим старым школьным учителем.

— Не была?

— Да, — и Том рассказал все Доку.

— Это потрясающе! Какая чертовская история. Я надеюсь, Джейк в курсе нее.

Том знал, что северный корреспондент «Газеты» был не в курсе.

— Хотите услышать кое-что еще более потрясающее?

— Что?

— Я узнал об этом раньше полиции и получил их версию произошедшего, — проинформировал Том редактора, — девушки и учителя.

— Ты шутишь?

— Нет, и я — единственный, кто добыл ее. После они арестовали учителя. Они будут допрашивать его следующие несколько дней, пока все не встанет в целостную картину, но пока что они не выдвинули обвинения, так что это все может быть опубликованным в завтрашней газете без нанесения ущерба судебному разбирательству. «Наша история», учителя и подростка беглеца, которая пряталась, пока ее мать думала, что она была убита.

— О, мой Бог! Я не верю в это, сынок. Это невероятно. Ты — один на миллион! Тащи сюда быстро, следующим поездом, ты слышишь, нет, забудь об этом. Я организую машину, которая тебя заберет. Мы отвезем тебя в аэропорт в Нью-Касле, которым ты полетишь. Запиши свои заметки на самолете, а Дженнифер сможет набрать их для тебя, когда ты прибудешь сюда.

— Значит, вы считаете, что это хорошая история?

— Хорошая история? Это чертов динамит!

— Так, значит, она стоит нескольких долларов?

На мгновение на линии повисла тишина.

— Ох, я понял. Все дело в этом? Послушай, сынок, я знаю, что сейчас ты немного зол на меня, но... Я посмотрю, смогу ли поднять твою зарплату, когда ты вернешься сюда, — Том продолжал молчать, — и мы приплатим тебе две или три штуки дополнительно наличкой. Ну, знаешь, в таком симпатичном коричневом конверте, который поприветствует тебя по возвращении. Как тебе?

— Две или три тысячи за такую историю? Вы же знаете, что другие ведущие таблоиды заплатят в десять раз больше этого, и не пытайтесь рассказывать мне, что у вас нет возможностей тягаться с ними, потому что я знаю, что у вас есть.

— Тягаться с ними? Ты шутишь? Ты работаешь на меня, сынок, или ты забыл, так что не наглей, просто потому что наткнулся на историю, пока был в отпуске, — это не прокатит.

Том снова промолчал, пока Док не успокоился.

— Ладно, — сказал он, наконец, — Я подниму тебе зарплату до десяти штук в год, и я заплачу тебе десять штук наличкой из фонда поцеловался-и-рассказал.

Том видел, что Док был взволнован, пускал слюни по этой истории. Док усмехнулся.

— Мы не расскажем налоговой, если ты не расскажешь. Как тебе?

— Боюсь, что недостаточно хорошо, Док.

— Что?

— Я думаю, что расскажу свою историю в другом месте, если вам все равно. «Миррор» уже предложили мне сорок штук.

— В другом месте? У тебя бред сумасшедшего? Ты работаешь на меня, ты неблагодарный мелкий засранец, что означает, что все, что ты пишешь, принадлежит мне! Оно называется интеллектуальной собственностью, и мы, черт возьми, засудим тебя, если ты попытаешься отдать эту историю куда-либо еще. Теперь тащи сюда свою задницу! Ты можешь поцеловать эти десять штук на прощание, это научит тебя никогда не злить меня снова! Ты теперь понял, тупой ублюдок?

— Понял, Док, — ответил Том. — Я полностью разбираюсь в спорах об интеллектуальной собственности. По сути, участвую в одном из таких. Только есть одна небольшая проблемка.

— Какая еще? — прорычал Док.

— Мой контракт с вами истек два дня назад, — сказал Том, и последовало еще одно затянувшееся молчание на линии, пока Том позволил Доку впитать в себя эту информацию, — что означает, что я официально фрилансер, так что могу продавать свои истории тому, кому захочу. Прямо сейчас я хочу продать эту в «Дейли Миррор». Я полагаю, что вы однажды уволили их текущего редактора? Они на самом-то деле приплатят мне сверху, потому что они знают, насколько это разозлит вас, видеть мою историю, размещенную по всей их первой полосе. Наслаждайтесь ее чтением за хлопьями.

Тогда Док взбесился. Том никогда не слышал, чтобы кто-то настолько выходил из себя. Никто не видел, вообще-то. Весь отдел новостей прекратил заниматься своими делами и массово стал прислушиваться, как Алекс «Док» Докерти разразился на Тома Карни абсолютно беспрецедентным потоком трехбуквенной ругани по телефону. Тирада продолжалась добрых две минуты.

Том спокойно слушал, пока Док наконец не выговорился. Когда у редактора, в конце концов, перехватило дыхание, и закончились бранные слова, Том смог вставить слово.

— Вы закончили, Док? Успокоились? Хорошо, — сказал Том. — Теперь сделайте мне одолжение и идите нах\*й.

За Томом осталось последнее слово, но только потому, что ему удалось повесить трубку, еще до того, как начался новый взрыв сквернословия.

Том Карни стал в тот день легендой в отделе новостей, главным образом, потому что стал причиной самого яростного взрыва Дока, даже хоть ему не довелось услышать его кульминации. Как только Док понял, что его бывший младший репортер кинул его, и, что Тома больше нет на линии, Алекс Докерти вырвал телефон из розетки в стене и швырнул так далеко, как мог.

Дженнифер все еще сидела снаружи офиса великого, пытаясь выглядеть, как можно более неприметной, пока ярость ее босса наконец не иссякнет. Она видела и раньше, как Док выходил из себя, но никогда, чтобы так. Даже она подпрыгнула от ужасного звона когда телефон Дока вылетел в офисное окно, разбив его в процессе, усыпав весь пол и ее стол осколками, пока ее босс испустил рев, как раненый бык, что все задумались, как покинуть здание незаметно. Дженнифер ушла и спряталась в дамской уборной.

Том набрал номер Пола Хилла в «Миррор».

— Ты можешь получить все, — сказал ему Том. — У меня достаточно материала об учителе и его сбежавшей ученице для первой полосы и двухстороннего разворота.

— Молодец, — сказал Хилл, — наш редактор весьма доволен тобой сейчас.

— Догадываюсь, что доволен, и у меня есть еще одна история, которая ему понравится. Мой внутренний взгляд на арест Тимоти Грейди. Как мы получили историю, как мы поймали в ловушку «Льва», и у меня есть интересная точка зрения на то, как он использовал британские законы, чтобы нарушать право слова. В качестве бонуса, я даже добавлю пару сотен слов, почему британская газета, обладающая самыми крупными тиражами, прогнулась от давления его адвокатов и бросила меня на растерзание волкам.

— Ох, — произнес голос на другом конце линии, — мне нравится последняя часть.

— Я и подумал, что понравится, — сказал Том. — Есть только одна небольшая вещь.

— Назови ее, — попросил Хилл.

— Я хочу написать заголовок.

\*\*\*

Следующим утром Том встал рано и поехал в кафе «Роузвуд». По дороге туда, он купил газеты и положил их на стол, чтобы иметь возможность прочитать их, пока будет поглощать свой завтрак. Том заказал яичницу с овощами и кофе, а затем обратил свое внимание к первой полосе сегодняшней газеты, которая вся была покрыта связанными статьями о крахе карьеры и брака Тимоти Грейди. Первая страница «Миррор» была в особенности хлесткой, на ней красовался верхний заголовок, обещающий историю учителя Ромео и его сбежавшей школьницы, рассказанную ими самими, в то время как под заголовком располагалась главная статья об адвокате защиты, который в этот раз гордо нес при себе статью, под которой стояло имя Тома. За этим следовал детальный разбор фиаско Тимоти Грейди в карьере, включая попустительское, зловредное влияние его жены, и сильный душок коррупционной составляющей, окружавший их обоих.

Заголовок гласил: «Лев, сука и расследование о мошенничестве».

*День двенадцатый*

*Три дня спустя*

— Что, ради святого, ты делаешь? — спросил он девушку, и она визуально подскочила. — Ты что не знаешь, что убийца на свободе? Твои родители не читают газет?

Девочка насмерть его испугалась, он видел это. Она уже начала двигаться прочь с автобусной остановки, на случай, если ей придется бежать или кричать, зовя на помощь. Вместо того чтобы ответить ему, она бегала глазами в поисках кого-то, кто мог помочь ей, если он окажется сумасшедшим.

— Все хорошо, милая, — сказал он ей устало и потянулся во внутренний карман куртки, вытащил удостоверение полицейского и показал его ей. — Я полицейский, — затем он сказал: — Все хорошо, у тебя нет проблем. Как тебя зовут, а?

Он улыбнулся ей, как надеялся, что в успокаивающей манере.

— Кимберли Рассел.

— И сколько тебе лет?

— Одиннадцать, — она выглядела немного старше, но в наши дни сложно угадать.

— Ну, Кимберли, ты не должна быть на улице так поздно, не после вечерней школы, ни в какую другую ночь на данный момент. Не должна ведь?

— Да, сэр, — она автоматически вернула вежливый ответ, которому научили ее школьные учителя. — У меня были гиды.

— Девушки-гиды?

Она кивнула.

— Это все объясняет, — он натянул на лице свое самое доброе выражение лица. — Сам был в бойскаутах. Будь готов, а? — при этих словах он нервно рассмеялся.

— Живешь поблизости?

— На Черч-стрит.

— Залезай на заднее сидение, и я отвезу тебя домой. Спасу твоих родителей от беспокойства.

Она сомневалась. Он видел, что инстинкты говорили ей не делать этого. Девочка заколебалась, они всегда делали это на миг, и сквозь него проскочила легкая волна паники. Он уже был готов завести машину и уехать, прежде чем она могла запомнить регистрационный номер, а затем собрался с мыслями и перешел к тактике, которая всегда работала: властному голосу, так как она привыкла подчиняться старшим.

— Не трать время, Кимберли, — рявкнул он, — садись в машину.

Он сделал серьезное выражение лица, как у важного человека, которым он был.

— Я не могу быть тут всю ночь.

Она сомневалась еще какое-то мгновение, а затем сдалась, желая избежать его неодобрения. Она прошла к дверце машины, располагавшейся за водителем. Он услышал, как она открылась, и шуршание ее юбки, когда она скользнула на сидение за ним, а затем мягкий щелчок закрывшейся двери.

— Мне кажется, ты закрыла ее неправильно, Кимберли, — сказал он ей, его сердце громыхало, будто было готово взорваться, — попробуй снова, милая.

Тишина. Ему не стоило использовать слово «милая»? Могла ли она расслышать

нервозность в его голосе? Собиралась ли он сбежать? Он услышал, как дверь еще раз широко распахнулась, и на какое-то мгновение он был убежден, что она собирается сбежать, а затем с силой захлопнулась обратно, и она слегка вздохнула, как будто вложила в это все свои силы.

— Хорошая девочка, — сказал он ей.

Он еще раз огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто не видел, как она садилась в машину. Ни души поблизости. Он завел двигатель и поехал. Он знал тихое местечко поблизости, где он сможет быстро вытащить ее с заднего сиденья и швырнуть ее в багажник, а затем у него будет время, чтобы перевезти ее в место, которое он выбрал: старый карьер. Никто не увидит и не услышит ее там.

Скоро он спасет еще одну девочку.

Страдай маленькое дитя с приходом меня.

\*\*\*

Через три дня после первой полосы Тома, Хелен, наконец, перестала ждать, когда он позвонит ей, и отправилась в «Грейхаунд».

— Он вернулся в Лондон, любимица, — Колин сказал ей по другую сторону бара.

— Он вернется? — спросила она, игнорируя взгляды любопытных завсегдатаев «Грейхаунд».

— Не знаю, — ответил он, — но он забрал с собой все свои вещи. Сказал что-то о работе там, — должно быть, он увидел разочарование на ее лице, потому что добавил: — Думаю, он даст тебе знать.

— Спасибо, — поблагодарила Хелен, не чувствуя такой уверенности в этом, как он.

\*\*\*

— Я скажу тебе, что это, разрешишь? — спросил констебль Тревор Уилсон, когда скомкал пакет из-под чипсов и выбросил пустую газету и жирную обертку из окна машины в ближайšie кусты.

— Если хочешь, — ответил Брэдшоу, зная, что он скажет в любом случае, вне зависимости от его ответа.

— Трата моего времени, — и он громко выдохнул, — и твоего, — добавил он, почти запоздало.

— У нас не так много выбора в этом вопросе? — сказал Брэдшоу своему новому напарнику.

Винсент Эддисон все еще болел, так что два констебля уже три ночи подряд дежурили вместе, останавливая случайно выбранных автомобилистов, чтобы узнать, знают ли они что-либо об исчезновении пропавших девушек. Инспектор счел это необходимым, но они оба знали, что это было просто задание, чтобы отметить галочкой, так что старший инспектор Кейн мог сказать, что у него появилось несколько новых стратегий по поимке Ловца детей, теперь, когда он официально вел это дело. Суперинтендант Трелоу ушел и не вернулся. Дело запахло жареным, после той статьи в газете о фальшивом профессоре, и теперь все считали, что Трелоу был в шаге от гильотины.

Дело Мишель Саммерс было разрешено, и общественный интерес из-за тела-на-поле стал угасать, так что инспектор Пикок вывел Уилсона и Брэдшоу из команды «балласта» и переназначил их, вместе с несколькими менее важными членами большей команды. Шесть детективов теперь работали в парах на дорогах, соединяющих ключевые точки в расследовании дела о Ловце-детей, их страховали офицеры в форме, которые патрулировали

эти «артерии», под этим названием маршруты были известны в диспетчерской.

Двое мужчин было на Дарем Роуд, в нескольких милях от Грейт Мидлтона, и пока что, за три ночи они остановили шестьдесят восемь автомобилистов. За исключением нескольких водителей, которые превысили скорость, и пары обычных извращенцев, у которых не было достойного объяснения тому, почему они шныряли по ночам, все, что они обнаружили преступной природы — мужчину с сапогом, полным свинца, который он только что украл с крыши церкви.

Теперь они сидели в машине Брэдшоу с двумя офицерами полиции в форме, прикрывавшими их в полицейской машине, ожидая, следующего автомобилиста для остановки.

— Сколько у нас уже?

Брэдшоу проверил свои записи.

— Сегодня вечером восемнадцать, — как раз тогда, когда автомобильные фары показались на виду на противоположном конце прямой длинной дороги, которую они блокировали.

— Твоя очередь, — сказал Уилсон самодовольно, потому что сейчас начал хлестать дождь.

— Гребаный ад, — простонал Брэдшоу, но все равно выбрался из машины.

Брэдшоу наблюдал, как автомобильные фары приближаются. Они двигались довольно быстро, так что он наклонился достаточно низко, чтобы поговорить с офицерами в полицейской машине, которые включили мигалку. Констебль Харрисон вышел с водительского сиденья. Приближающийся автомобилист увидел мигалку и начал замедляться, еще до того как достиг конусов и предупреждающего знака «Полиция. Остановитесь». Еще один знак со стрелочкой, привел его к обочине дороги, где Брэдшоу ждал, чтобы начать привычный круг вопросов. Харрисон стоял поблизости, держа фонарь.

Машина была квадратной формы старым «вольво», настолько неприглядным, насколько возможно. Когда Брэдшоу подошел к ней, окно с водительской стороны опустилась со скрипом, и оттуда вылезла рука. Рука, сжимавшая удостоверение полицейского. Обычно Брэдшоу расслабился бы на этом, но он был в помещении, когда они впервые обсуждали вероятность, что Ловец детей может выдавать себя за сотрудника полиции, так что ему необходимо было убедиться. Он нагнулся, чтобы заглянуть в машину и знакомое лицо моргнуло ему в ответ.

— Гребаный ад, Винсент, — улыбнулся Брэдшоу, — что ты делаешь тут? Ты приехал сменить нас? Нам бы не помешал перерыв.

— Извини, друг, — последовал мягкий ответ, — все еще на больничном, просто вышел проехаться. Когда я плохо себя чувствую, намечаются сдвиги.

— В такой час? — спросил Брэдшоу, и тотчас же пожалел об этом.

Он знал, как и он сам, у Винсента были свои проблемы, и, вероятно, он справлялся с ними подобным образом. В случае Брэдшоу, его демоны иногда оставляли его без сил, чтобы заниматься чем-то, но бывали и другие случаи, когда он вдруг ощущал нездоровую энергичность, которая могла быть только успокоена активностью, когда дела на неделю выполнялись за вечер. Эта мания иногда кульминировала в длинные, быстрые заезды по пустым автомобильным дорогам или по тихим сельским дорогам посередине ночи. Может Винсент нуждался в подобной терапии.

— Извини, что остановили тебя. Мы отзываем в сторону всех. Приказ шефа.

— Нет проблем.

Но Брэдшоу не пропускал Винсента, потому что знал, что он был почти что единственным в отделе уголовного розыска, кто удосуживался поговорить с ним в эти дни, и он чувствовал вину за то, что судил о нем так резко, когда тот впервые ушел на больничный.

— Чертовски ужасная ночь, а? Я бы зависал дома с парой чашек горячего шоколада, если бы был на твоём месте, или, может быть, чем покрепче.

— Бессонница, — ответил Винсент, — и ужасная. Я пытался уснуть на диване, смотрел телевизор, читал книги. Единственное, что помогает — пойти поехать, пока не начну чувствовать усталость.

— У меня такое бывает иногда, — сказал Брэдшоу. — Я просыпаюсь в четыре утра и не могу снова уснуть, столько мыслей в голове, понимаешь, о чем я говорю?

— Да.

Стеклоочистители на машине Винсента все еще работали на полном ходу, и один из них зацепился за что-то, но продолжил работать. Он издавал скрипучий звук, который был неприятен, и оба мужчины сразу же отвлеклись. Каждый раз, когда стеклоочистители делали ход назад и вперед, щетка на ближайшем дворнике встречала какое-то невидимое препятствие и дергалась, затем издавала протестующий звук, прежде чем продолжить свою задачу.

— Выруби их на секунду, — вздрогнул Брэдшоу, — это как ногти, скребущие по доске.

Винсент повиновался, вырубив дворники, но не двигатель. Скрип утих, и теперь единственным звуком были капли дождя, бьющие по машине, и тихий рокот мотора. Тогда Брэдшоу услышал, как открылась дверь, и повернулся, чтобы увидеть Тревора Уилсона, покидающего машину, что удивило его, потому что Уилсон неустанно сетовал на дождь. Его коллега промаршировал к кустам, предположительно, чтобы помочиться.

Брэдшоу уже готов был отпустить шутку с Винсентом, о том, каким кошмаром является работа с Уилсоном, но он снова отвлекся, в этот раз из-за шума.

— Что это было?

— Что? — спросил Винсент.

— Этот звук?

— Я ничего не слышал.

— Ш-ш-ш! — прошипел Брэдшоу, и напрягся, вслушиваясь.

Последовала тишина, кроме звука стаккато дюжин капель дождя по крыше и капоту.

— К чему мы прислушиваемся? — спросил Винсент.

Брэдшоу вытянул руку, чтобы заставить того помолчать, и они оба замерли на миг, пока Брэдшоу прислушивался. А затем это произошло.

— Глухой стук.

Пустой звук чего-то, ударившегося об металл.

— Это, — произнес Брэдшоу, но он все еще не был уверен в источнике звука.

— Что? — спросил Винсент тупо, но должен был слышать его, подумал Брэдшоу.

— Это, — сказал Брэдшоу, когда стук повторился снова, еще дважды.

— Ох, — сказал Винсент, — это, — но он не предложил дальнейших объяснений.

— Это исходит из... — в этот раз стук был громче и их было три, а не один.

Брэдшоу повернулся на шум и попытался определить источник. Звук повторился снова: тук-тук-тук.

— У тебя что-то в багажнике, Винс? — Брэдшоу снова посмотрел на своего коллегу. —

У тебя там собака или... что-то?

Брэдшоу понял, каким абсурдным было это предположение.

— Нет, — ответил Винс, но это все, что он сказал.

Тук-тук-тук.

Брэдшоу не мог придумать никакой хорошей причины, по которой из машины Винсента раздавались звуки, и его коллега, казалось, не собирался ее называть. Винсент больше не смотрел на Брэдшоу. Вместо этого, он смотрел прямо, обеими руками сжимая руль. В этот момент, Брэдшоу вспомнил слова старшего инспектора: «Ищите фальшивые полицейские удостоверения».

Брэдшоу смотрел на пустое выражение лица Винсента, услышал тук-тук-тук еще раз.

— Ты не мог бы выйти из машины, пожалуйста, Винсент? — тихо сказал он.

Винсент не двинулся.

— Я хотел бы, чтобы ты вышел из машины и открыл для меня багажник, Винсент, — сказал Брэдшоу, все еще цепляясь за надежду, что это было лишь какое-то странное недопонимание, которое может быть разрешено, если только Винсент станет сотрудничать и откроет багажник своей машины.

Но Винсент не вышел из машины. Вместо этого, плавным и решительным движением, он потянулся в сторону и заблокировал дверцу.

— Винсент! — позвал Брэдшоу.

Он потянулся сквозь открытое окно, чтобы попытаться схватить ключи и выдернуть их из зажигания, но прежде чем ему удалось это, машина понеслась вперед, прямо через конусы и знаки. Брэдшоу отбросило на сырую землю, но, когда Винсент набирал скорость, унося прочь, Брэдшоу закричал офицеру в униформе.

— Садитесь в машину! — кричал Брэдшоу. — Заводите двигатель!

Брэдшоу вернулся в свою собственную машину еще до того, как Харрисон добрался до своей. Быстрый взгляд на Тревора Уилсона показал, что его коллега был у кустов, повернувшись к ним спиной, спокойно делая свои дела, абсолютно не зная о том, что происходит. Брэдшоу не мог ждать, так что он рванул с места без него.

Позади Брэдшоу, парни в форме пытались совершить трехэтапный разворот. Они отправили машину в разворот, но, когда задела землю позади, она была скользкой от грязи, и задние колеса проскользнули. Харрисону пришлось ударить по тормозам, чтобы предотвратить попадание машины в канаву. Пока он пытался вернуть машину на дорогу, колеса прокрутились в холостую. Он попытался еще дважды без успеха, пока констебль Ламли выпрыгнул из машины и подталкивал ее. Ламли запрыгнул обратно в машину, пока Уилсон безучастно наблюдал за происходящим.

— Какого черта происходит? — спросил он, но не пытался присоединиться к ним, и, секундами спустя, он смотрел, как задняя часть их машины исчезает из вида, выстрелив вперед по дороге.

Брэдшоу совершил звонок и сообщил свое звание и местоположение, а затем глубоко вдохнул и объяснил, кого он преследует удивленному руководству.

— Подозреваемый — один из наших, — сообщил он. — Повторяю, один из наших. Не удалось остановить на блок-посту. Подозреваемый — констебль Винсент Эддисон.

— Что вы только что сказали? — обезличенный голос ответил ему через потрескивание рации.

— Повторяю, подозреваемый — Винсент Эддисон, констебль Винсент Эддисон.

— Что? — спросил голос с недоверием.

— Вы, бл\*ть, слышали меня! — сказал Брэдшоу, почти потеряв Винсента из виду на повороте. — Ох, нах\*й.

Он бросил рацию, чтобы иметь возможность схватиться за руль обеими руками. Руководство просто придется прослушать запись.

Брэдшоу никогда не водил машину на такой скорости прежде, реальные дороги совсем были не похожи на испытательные треки и гоночные трассы в дни его тренировок. Он не моргал, сжав руль до побелевших костяшек пальцев, вдавив педаль до упора, просто, чтобы не потерять Винсента из вида, который гнал вперед свой квадратный, старый автомобиль, как будто его не волновало, впишется ли он в следующий узкий поворот или нет.

Не было времени задуматься, какой бес вселился в Винсента Эддисона. Все, что Брэдшоу знал, — в багажнике машины кто-то был. Винсент затем сделал резкий поворот направо, и задняя часть машины Брэдшоу тревожно заскользила, когда он тоже ушел на поворот. Он боролся с рулем, едва избежав столкновения с каменной стеной, в то время как Винсент продолжил отрываться на каждом повороте, а Брэдшоу произнес молчаливую молитву благодарности, что никто не едет по встречной полосе по этой узкой дороге посередине ночи.

В течение пяти длинных и ужасающих минут, Брэдшоу преследовал Винсента вдоль нешироких дорог и слепых поворотов, его собственная машина срезала путь по краям дорог, которые были проселочными дорогами и его заносило, когда он изо всех пытался соответствовать суицидальной скорости, которую диктовал Винсент. Брэдшоу наблюдал, как Винсент направил свой автомобиль по направлению к Т-образному перекрестку впереди, и мог только беспомощно смотреть, как тот не показал никаких признаков торможения. Вместо этого, его коллега погнался автомобилем прямо через дорогу и разбил деревянную изгородь, уничтожая ее при ударе и посылая огромные осколки сыпаться градом позади него. Он услышал, как звук двигателя Винсента изменился, когда он поменял скорость и быстро поехал через покрытые травой фермерские поля.

У Брэдшоу не было выбора, кроме как поехать через дорогу без остановки и через то, что осталось от изгороди, заскользив, как только его шины соприкоснулись с грязью, и его машину занесло вбок, пока он, наконец, не обрел контроль над управлением. Затем он полетел вслед за Винсентом, который оторвался на сотню ярдов или около того.

Лунный свет отражался от поверхности воды впереди, и Брэдшоу понял, куда направляется Винсент. Он направлялся напрямиком к темным, ледяным водам реки.

— Боже, — произнес Брэдшоу.

Он наблюдал, как машина Винсента набирает скорость, как мужчина, которого он

преследует, поворачивает свой автомобиль передом к быстротекущей воде, разлившейся от недавних дождей. Брэдшоу беспомощно наблюдал, как машина выстрелила через траву, нырнула вниз, когда ударилась о низкие земли у кромки воды, ее подбросило вверх у берега реки, а затем, казалось, отправилась в полет, полетев над открытой водой, пока сила тяжести не вмещалась и не послала ее в ледяные воды реки носовой частью вниз.

Машина Брэдшоу достигла берега реки, как раз тогда, когда машина Винсента врезалась в воду, послав волны вспениваться перед ней. Не думая, Брэдшоу выскочил из машины и побежал к воде. Он мог различить темную фигуру Винсента в лунном свете, и он беспомощно наблюдал, как опускается окно со стороны водителя. Поначалу, он подумал, что Винсент пытается сбежать, но крупный мужчина не сделал попытки покинуть транспорт, когда машина стала накреняться вперед. Брэдшоу понял, что Винсент открыл окно, чтобы ускорить погружение автомобиля под воду.

Брэдшоу стряхнул куртку, снял ботинки и побежал к воде. Прошло много времени с тех пор, как он выиграл в соревновании по плаванию, но он все еще помнил, как нырять, и бросился вперед, приземлившись в ледяную воду с ударом, от которого, казалось, остановилось сердце, будто миллионы иголок пронзали его кожу, и он ахнул от шока, вынырнув на поверхность. Он подплыл к тонущей машине, как раз тогда, когда вода стала достигать открытого окна. Ее передняя часть была практически в положении носом вниз, и он знал, что у него остались только секунды.

Брэдшоу достиг машины, как раз тогда, когда она пришла в вертикальное положение, что означало, что задняя часть сейчас наверху, и он не сможет добраться до багажника со своего места в воде. Он выругался от разочарования, но автомобиль вскоре снова пришел в движение, когда вода, наконец, достигла открытого окна и начала потоком литься внутрь. Сразу же машина опустилась вниз на несколько футов, так как вес поступившей воды потянул ее вниз, и Брэдшоу, наконец, смог дотянуться до багажника. Он сильно надавил на замок, но тот отказался подчиняться, и мужчина понял, что он заперт. Не было никакого способа, которым он мог надеяться открыть багажник без ключа, даже если бы он был на суше с кучей времени в запасе, но у него была только секунда или две, прежде чем машина заполнится водой и утонет. Он ничего не мог сделать.

Он слышал, что кто бы ни был заточен в багажнике, молотил руками, это разбивало ему сердце. Брэдшоу никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным. Вода затем достигла критической массы внутри автомобиля, и его неожиданно и резко потянуло вперед и вниз. Ему пришлось сдаться, когда машина абсолютно скрылась под водой.

Брэдшоу мог слышать сирену позади, когда офицеры в униформе, наконец, догнали его, и он принял решение. Он не собирается сдаваться.

Брэдшоу нырнул в темную воду и с силой поплыл за тонущей машиной, нащупав ее заднюю часть и сразу же принялся плыть вдоль ее бока с водительской стороны. Он не мог ничего видеть в чернильной воде, но он нащупал заднее окно, и он толкнулся вниз, пока его левая рука не соприкоснулась с рамой открытого водительского окна. Его свободная рука прошла сквозь окно и задела что-то, что двигалось. Это был Винсент, но он проигнорировал мужчину и вслепую стал шарить внутри машины, пока его рука не ударилась об руль. Он знал, что теперь близок, так что он обернул свою руку вокруг него и стал ощупью искать ключи другой рукой. Он схватился за них один раз, два раза и, наконец, в третий раз они вышли из зажигания.

Брэдшоу уже готов был оттолкнуться ногами от боковой части машины, когда сильная

хватка не сомкнулась на его руке, и двое мужчин начали бороться, но Винсент был на удивлении сильнее, и Брэдшоу не мог освободиться. Винсент был решительно настроен забрать Брэдшоу с собой. Они оба здесь утонут.

Внезапно, произошел толчок, когда машина, наконец, достигла дна, и удар об речное дно был достаточно сильным, чтобы оба мужчины потеряли равновесие. Брэдшоу воспользовался своим шансом и использовал свою левую руку, чтобы выбросить кулак через воду, который пришелся по боковой части головы Винсента. Удар был достаточно мощным, чтобы заставить мужчину слегка ослабить хватку, и Брэдшоу оттолкнулся ногами от бока машины и освободился.

Он знал, что у него осталось очень мало времени, но Брэдшоу удалось собраться с силами и достигнуть задней части машины, которая теперь была неподвижна на дне реки. Он лихорадочно стал нащупывать запорный механизм багажника, в то же время прощупывая другой рукой ключи, которые держал в ней. Он не мог видеть их, но он мог сказать, что их было два: первый толстый выпуклый с пластиковым обрамлением, который он вырвал из зажигания, второй крошечный металлический ключ, который, помощи Боже, был от багажника. Вслепую ему удалось поднести одну руку к другой и проследовать за пальцем на замке багажника, пока он не нашел крошечное углубление, которое и было его целью. Удерживая свой палец на нем, он поднес к нему ключ и попытался воткнуть в замок. В первый раз он прошелся по металлу, но не вошел внутрь, во второй раз, ключ вошел внутрь. Брэдшоу повернул его, и замок открылся, но вместо выпуска пружины, как в коробке с чертиком, последовала отчаянная война между воздушным пузырем в багажнике и весом воды снаружи, не дающим багажнику открыться. Брэдшоу приподнял его и багажник начал распахиваться. Он подsunул под него плечо и пошарил внутри багажника, пока его рука не нащупала что-то: пальто? Он потянул изо всех своих сил, и вытащил маленькое, щуплое тельце на свободу.

Брэдшоу потащил тело из затонувшей машины и притянул к себе. Он потянулся ногами, пока не коснулся ими металлического бампера машины и с силой оттолкнулся, используя его для подъема. Брэдшоу и девочка выстрелили к поверхности, оставляя Винсента позади, одному тонуть в своей машине.

Как только он прорвался на поверхность реки, Брэдшоу сделал громадный глоток воздуха, затем всмотрелся в бледное, бессознательное лицо девочки в его руках, и надеялся, что не опоздал. Брэдшоу смог увидеть Харрисона на берегу реки и он поплыл на спине, отталкиваясь и в то же время цепляясь за безжизненную девочку. Их прогресс был медленным, потому что Брэдшоу приходилось бороться с течением быстрой реки.

Брэдшоу был утомлен, и ледяная вода лишала его последних остатков сил. Когда он приблизился ближе к берегу реки, ему удалось подтолкнуть хрупкое тело девочки по направлению к берегу с помощью выброса последней силы. Харрисон протянул руку, но был недостаточно близко. Брэдшоу попытался прокричать ему что-то, но все, что ему удалось произнести, было клокотаньем, и он сглотнул речную воду, от чего закашлялся и стал задыхаться. Он попытался приблизиться к полицейскому, который потянулся так далеко, насколько мог. Одним последним громадным толчком, Брэдшоу подтолкнул маленькую девочку ближе к его коллеге, который потянулся еще дальше и ухватил ее за воротник пальто. Брэдшоу отпустил ее, и услышал напряжение в голосе офицера, когда он потащил к себе промокшего ребенка, мокрая одежда удваивала ее вес. Затем он упал на спину и наблюдал, как девочку вытаскивают из воды.

В тот момент у Брэдшоу совсем не осталось сил. Вся его сила была использована, чтобы вытащить девочку из машины и подтолкнуть ее к берегу реки. Он чувствовал, будто его тело прекращает слушаться его. Никким образом он не сможет добраться до берега сам, но что-то глубоко внутри больше об этом не волновалось. Девочка была вытащена из реки. По крайней мере, ему это удалось, и он молился, что она все еще жива, чтобы это не стало бессмысленной смертью. Он позволил своей руке отдалиться от берега, и вода подхватила и понесла его дальше от спасения. Он увидел напоследок, как Харрисон кладет девочку на берег реки, а затем поворачивается назад к Брэдшоу с криком тревоги, когда понял, что слишком поздно. Брэдшоу знал, что с ним покончено. Затем его унесло прочь.

Лицо Брэдшоу ушло под воду, прежде чем у него была возможность сделать достаточно большой вдох, чтобы подкрепить его. Вода была такой холодной, что он знал, что он не сможет выжить более чем несколько минут при такой температуре, даже, если не утонет. Река ударялась об него, и он погрузился глубже, прежде чем снова вынырнуть на поверхность, на него обрушились ощущения: шум быстро бегущей реки и темные картинки подводного мира, в который он вскоре отправится.

Он облажался снова, казалось ему, но, может быть, в этот раз это уже и не так важно. Брэдшоу позволил своему телу обмякнуть, и он стал ждать смерть.

Затем последовал еще один поток воды и резкая боль в боку Брэдшоу, когда он врезался в объект или, что более вероятно тот врезался в него, и, прежде чем он смог понять, что это было, его потянуло вдоль чего-то. В панике и обострившихся чувствах, ему в голову пришла идея, что какой-то подводный хищник пытался схватить его, и он дико замолотил руками.

Ответом, который он получил, был жесткий удар по голове, который выбил из него все желание сопротивляться, и затем он понял, что снова движется. Его лицо выплыло из-под воды, и он вдохнул сладкий воздух, а затем повернул голову. Вокруг него была сильная рука, и его медленно тащили вперед к берегу реки. У него ушло мгновение на то, чтобы понять, что это мог быть только второй офицер полиции, Ламли, который побежал вниз по берегу реки, а затем прыгнул, чтобы спасти его. Он, должно быть, приземлился практически поверх Брэдшоу, когда тот почти утонул, что объясняло ощущение удара и резкую боль в боку. Удар по голове был стандартной практикой у спасателей, чтобы утопающие не утопили и себя и своих спасателей, когда бьются в панике, им дают увесистый удар, чтобы временно вывести из строя. Как только лихорадочный мозг Брэдшоу это понял, он снова обмяк и лежал там, полностью измотанный, пока его спасатель вытаскивал их обоих на берег реки.

## *День тринадцатый*

Они настояли, чтобы он оставался в госпитале, по крайней мере, на ночь, пока они лечили его от переохлаждения. Он обещал повиноваться, но только, если ему расскажут, что с девочкой.

— Она жива, — медсестра посмотрела на него взглядом, который напоминал гордость. Он не привык к такому. — Она в плохом состоянии, но будет жить благодаря вам. Думаю, ее родители захотят отблагодарить вас сами, но пока что мы не будем их пускать, чтобы вы могли отдохнуть.

Она собралась уходить.

— Сестра, — позвал он ее, и она повернулась, — как ее зовут?

По какой-то причине, которая вдруг показалось невероятно важной для него.

Она снова улыбнулась, в этот раз по-доброму.

— Кимберли Рассел.

— Кимберли Рассел, — произнес он громко, чтобы помочь себе запомнить.

Маленькая Кимберли, подумал он, а затем закрыл глаза и проспал девять часов.

\*\*\*

Брэдшоу проснулся, ощущая себя проголодавшимся, но никого не было поблизости, так что он решил выбраться из постели. Он не имел понятия, сколько времени, а его часы и мокрую одежду забрали, но снаружи было светло. Он был один в палате, хоть и у него не было частной страховки здоровья, так что было не у кого спросить. Он прошлепал босиком по коридору, чувствуя себя слабым, как будто спал несколько дней, и он решил поискать столовую, хоть у него и не было денег. Может, он сможет как-то завести счет на еду, посчитал он.

Он прошел по двум длинным коридорам, когда достиг открытой двери, которая вела в лаунж, где восстанавливающиеся пациенты могли посмотреть телевизор. Тут было пусто, но шли новости с приглушенным звуком, и он видел изображение девочки, которая выглядела смутно знакомой. Это была маленькая девочка, которую он спас? Определенно, она выглядела самой собой. Вновь показали диктора в студии, Йен хотел бы услышать, что тот говорит, но не видел нигде пульта, так что просто стоял на пороге, наблюдая. А затем появилась его фотография.

То было старое фото, снятое, когда он присоединился к полиции, и он выглядел до смешотворного молодым как любимец поклонниц из пятидесятых. Брэдшоу смотрел остаток репортажа, который включал видеоролик с быстротекущей рекой, снятый утром, и короткое, безмолвное интервью со старшим инспектором Кейном, который выглядел очень серьезным, а что ему оставалось, учитывая, что один из его собственных офицеров похитил девочку. Брэдшоу сомневался, что он когда-либо сможет смириться с фактом, что его напарник оказался психом.

В конце было другое интервью, но это потрясло его. Какого черта Алан Картер делает в студии, и что он говорит? Брэдшоу выругался из-за низкой громкости, пока смотрел, как губы движутся на лишенном эмоций лице его бывшего коллеги в инвалидном кресле, и мог только догадываться, что Картер может говорить миру о нем.

Йена Брэдшоу выписали этим днем в обед. Он был удивлен обнаружить, что констеблю

доверили ключи от его квартиры и тот поехал туда, чтобы найти ему чистую одежду, которую она лично принесла к его постели. Его первой мыслью было, какой доброй, заботливой и милой девушкой она была, его второй мыслью, что чертовски стыдно, что он не знал, что она поедет туда, заранее, потому что место выглядело, как свинарник. Он склонялся к мысли, что она посчитала его крайне одиноким, теперь, когда видела, как он живет, но она казалось и теплой и искренней в своих поздравлениях.

— Ты был невероятно храбрым, — заверила его она. — Я бы не стала прыгать в воду.

Брэдшоу, определенно, не видел себя героем только потому, что прыгнул в реку и вытащил девочку. Что он еще мог сделать? Смотреть, как она тонет?

— Старший инспектор хочет, чтобы ты приехал, как только почувствуешь себя достаточно хорошо, — сообщила она.

Он уже был готов спросить ее о Винсенте, и о том, как все в отделе уголовного розыска восприняли это, но то, что она произнесла следующим лишило его мыслей по поводу чего-либо.

— Ох, и жена Алана Картера звонила, — констебль сказала ему. — Он хочет, чтобы ты навестил его.

\*\*\*

— Спасибо за то, что заскочила, подруга.

— Без проблем, приеду, как только смогу.

Брэдшоу не шутил об этом. Он приедет, как только выйдет из больницы.

— Нет, я и правда имею это в виду, — заверил его Картер, — Я ценю это, правда.

Он улыбнулся.

— У тебя уши не горят этим утром? Я был в новостях и рассказывал о тебе. Они хотели поговорить с кем-то из твоих друзей, чтобы узнать, каков ты, но ни одному из твоих услужливых коллег не разрешили общаться с журналистами, по некоторым причинам.

Брэдшоу знал причину. Он слушал новостные репортажи по автомобильному радио, и никто еще не признал, что Винсент Эддисон был мужчиной в машине или для начала, что это был офицер полиции, ответственный за то, что девочка оказалась в воде.

— В любом случае, кто-то предложил меня, так что они вкатили меня в студию, буквально, — и он улыбнулся при этих словах. — Не беспокойся, я не говорил о тебе ничего плохого. Даже высказался чертовски отлично.

Он осторожно посмотрел на своего бывшего коллегу, но Брэдшоу не знал, что сказать, так что вместо этого Картер сменил тему. — Я знаю, почему ты перестал приходить, кстати.

— Знаешь?

— Кэрол рассказала мне. Она сказала тебе, что это не приносит мне ничего хорошего, но она была неправа, — он отмахнулся, — я имею в виду, это не ее вина или чья-либо, но она ошибалась. Твои визиты были хорошей вещью, я ждал их с нетерпением, — и он улыбнулся снова. Это была лишь полуулыбка, но Брэдшоу не видел улыбок на губах Картера с тех пор, как он упал с высоты в двадцать пять футов через мансардное окно на той фабрике и приземлился на жестком столе. — Я знаю, все выглядело не так, и мне жаль, что я был таким угрюмым ублюдком, но, — он снова полуулыбнулся, — в свою защиту, у меня есть что сказать.

Он похлопал по своему инвалидному креслу.

Брэдшоу не знал, что сказать.

— Это та часть, где тебе полагается сказать: «Нет проблем, дружище, я все понимаю»,

— заметил Картер вскользь.

— Ох, Боже, да, я думал об этом, я просто не сказал этого вслух. Извини, друг.

— Я прикалываюсь над тобой, мужик. Мы довольно часто это делали, насколько я помню. Ты забыл?

И Картер был прав, они так делали: проводили все эти часы ездя по округе вместе, борясь за право вести друг с другом, но это казалось таким далеким.

— Да, — сказал он.

Отсутствие подшучиваний от его коллег офицеров было одной из тех вещей, по которым Брэдшоу скучал больше всего, будучи персоной нон гратой в эти дни. В те времена, было множество скабрёзного юмора, чтобы помочь им пережить полные стресса дни, и многие из них заканчивались длинными посиделками а пабе. Картер ,в особенности, любил эти попойки, и больше, чем единожды, Брэдшоу приходилось убеждаться, что тот сел в такси до дома к Кэрол, прежде чем он перестанет стоять на ногах или уснет в углу паба.

— Ну, я не виню тебя. Я не был балагуром последние месяцы. Я признаю это. Я был ужасным отцом, дерьмовым мужем и отстойным другом, нет, Йен, я и есть, выслушай меня. Я просто хотел поблагодарить за все те времена, когда ты приходил. Ни один из тех мудаков из участка не удосужился прийти второй раз. Я не видел никого из них уже год. Ты единственный.

— Ну, я чувствовал себя...

— Обязанным?

— Нет, — и Картер приподнял брови в вопросительной манере, — ну, может, чуть-чуть, нет дело не в этом, не обязанным, нет, больше...

— Ответственным?

— Да.

И тогда с Йеном Брэдшоу произошла забавная вещь. Он ощутил, как у него на глаза набежали слезы, и он знал, что не сможет удержать их, так что и не пытался.

Картер продолжил говорить, будто вид взрослого мужчины, плачущего перед ним, был абсолютно нормальным.

— Я тоже об этом думал. Я много об этом думал. Хотел винить каждого за то, что случилось со мной: мелкого мудака, который вломился в эту фабрику, и который пошел по мансардному окну вместе со мной, но отделался парой сломанных костей. Я винил полицию за то, что отправила меня туда. Пытался винить Бога, но я не думаю, что он слушал, а затем был ты. Вот, я признаюсь в этом. Я даже пытался винить тебя.

— Знаю, — Брэдшоу теперь плакал в открытую, хныча так, как не делал с малолетнего возраста, — это была моя вина. Ты сказал мне не лезть на крышу, ты сказал, что это не стоит мороки, наша смена почти закончилась, ты сказал просто оставить вызов другим, в форме, но я не стал слушать. Если бы я послушал тебя... если бы мы сделали то, что ты сказал...

— Я бы никогда не прошел по тому чертову мансардному окну?

— Да.

— Может быть, — согласился Картер, — и вот почему, я винил тебя поначалу, вместе с тем мелким засранцем вором, чье падение я смягчил, но ты не толкал меня на ту крышу, Йен, и мне не нужно было пытаться схватить его, когда он пытался сбежать. Я сделал это, не думая, это был инстинкт, и, если я бы мог отмотать время и переиграть все, я бы позволил ему промчаться мимо меня и улизнуть, — сказал он, — или, может быть, я бы просто поставил подножку мелкому идиоту, и он бы полетел через окно один в этот раз.

Он снова улыбнулся.

— Да, я бы так и сделал.

Брэдшоу не знал, что ответить, так что Картер продолжил.

— Я хочу рассказать тебе кое-что, Йен, и я хочу сделать это сейчас, потому что я думаю, тебе нужно услышать это от меня, а затем я больше никогда не хочу об этом говорить, слышишь меня?

— Да, — Брэдшоу морально готовился.

— Ты не виноват в том, что со мной случилось. Ты был там со мной, когда все пошло наперекосяк, и в результате я загубил свою жизнь. Ты мог бы поступить иначе, но так же мог и я. Я ненавижу себя за то, что пытался схватить того парня на крыше. Если ты думаешь, что я винил тебя за то, что парализован, тогда ты не имеешь представления, как много раз я винил себя. Но, когда дело дошло до этого, это было несчастным случаем. Я упал. Конец истории. Что я пытаюсь сказать, Йен, так это то, что это не было твоей виной. Тот факт, что я в этом кресле — не твоя вина.

Йен Брэдшоу позволил словам проникнуть в него, а затем сделал серию глубоких вдохов. Только тогда, он смог найти в себе силы сказать: «Спасибо», прежде чем дал слабину и расплакался как ребенок, прямо там в комнате.

В этот самый момент, Кэрол вошла с подносом с горячими напитками. Она резко остановилась, увидела их хорошего друга Йена Брэдшоу, рыдающим перед ее мужем, который выглядел необычно спокойным и безмятежным, чем таким был в течение месяцев, и замерла. Брэдшоу не слышал ее, он все еще был повернут к ней спиной, а его голова опущена, он обхватил лицо руками, надломленные, спертые, задыхающиеся, рыдающие звуки вылетали из его рта. Она посмотрела на своего мужа руководства, и он быстро покачал головой. Кэрол молча покинула комнату.

*День четырнадцатый*

— Где, черт возьми, ты был? — потребовала ответа Хелен. Она проходила мимо «Грейхаунд» и заглянула в окно. Она была потрясена увидеть Тома, сидящим там.

— Ты говоришь, как моя бабушка, — он преувеличенно посмотрел на часы, — мне пора идти спать или что?

Одна или две головы повернулись от бара, завсегдатаи, которые были позабавлены увидеть Тома, наконец, получающим по шее от той горячей молодой женщины, которая искала его днями.

— Почему ты мне не позвонил?

— Мне пришлось отослать мобильник обратно, — ответил он, будто в мире не было других телефонов, которые он мог бы использовать.

— Ты пропал несколько дней.

— Да, — согласился он, — и, похоже, что я пропустил все веселье.

Она тупо посмотрела на него.

— Они поймали его, Ловца детей, — пояснил он.

— Да, — сказала она, теперь спокойнее, — поймали.

Она присоединилась к нему за столом, и ее голос сейчас стали спокойнее, от чего парни у бара потеряли к ним интерес.

— Где ты был?

— В Лондоне, — объяснил он, — пробовался на нескольких работенках.

— Нашел что хорошее?

— Может быть. Я понравился «Миррор», но не уверен, хочу ли я снова оказаться связанным контрактом с таблоидом.

Он рассказал ей о своем телефонном разговоре с Доком.

— Что б мне провалиться, я видела твое имя на первой полосе «Миррор», — сказала она. — По крайней мере, они опубликовали что-то о Мишель Саммерс и школьном учителе.

— Малколм запорол твою статью?

— Нет, но отредактировал ее... цепной пилой, — призналась она, — мы остановились на заголовке «Пропавшая девушка найдена целой и невредимой в деревне», но ничего более.

— Что ты ожидала?

— Я не знаю, — призналась она, — чего-то... чего угодно... больше чем это. Ты был прав о нем и о «Вестнике». Как только я смогу, собираюсь уволиться и начать работать на настоящую газету.

— Рад за тебя, — сказал он.

— Ты сказал, там была пара работенок?

— Есть еще одна: работа на новый журнал. Это абсолютно новая концепция. Они называют его мужским журналом и нацелены на молодых парней: куча фотографий девушек в бикини и интервью с второстепенными звездами. Я буду заниматься интервью, а не фотографированием девушек в бикини.

— Ты собираешься ее принять?

— Думаю, да. Платят хорошо, так почему бы и нет?

— Но я думала, что ты настоящий журналист, — сказала она.

— Я и есть... — запротестовал он, — я был... просто иногда все чертовски сложно. Последние несколько недель вымотали меня. Это будут легкие деньги, и мои статьи не зарубят на корню или не изменят до неузнаваемости.

— Тогда удачи тебе в этом, — сказала она, — нет, правда, — а затем мрачно добавила, — я думала, что ты уже уехал.

— А ты бы предпочла иначе?

— Не будь глупым.

Он минуту за ней наблюдал. Она выглядела несчастливой и раздраженной. Как и он, Хелен была напугана их недавним опытом.

— Поедешь со мной? — внезапно выпалил он, не думая.

— Что?

— Поехали в Лондон, — побудил он ее, — ты легко найдешь, чем заняться.

— Я не могу просто бросить все, оставить всех и уехать в Лондон с тобой.

— Почему нет?

— Потому что у меня есть жизнь. У меня есть работа, семья и...

— Парень?

— Да, парень.

— И ты любишь его?

— Это не твое дело.

— Я думаю, это мое дело, учитывая обстоятельства.

— Можешь думать, что хочешь.

— А ты можешь делать, что хочешь. Разрешено. Люди уезжают и занимаются тем, чем хотят. Они не обязаны оставаться там, где они есть, если они несчастливы.

— Люди не могут так просто бросить других людей.

— Да, могут, — сухо сказал он, — поверь мне.

— Я не могу поверить, что ты серьезно предлагаешь это, после того, через что ты прошел.

— Мне было четыре, ему двадцать четыре. Он переживет!

— Ты понимаешь, как звучат твои слова, когда ты так говоришь?

— А ты понимаешь, как неправильно это оставаться с кем-то, если ты с ним не счастлив? Это несправедливо по отношению к нему и несправедливо по отношению к тебе.

— Кто сказал, что я с ним не счастлива?

Том насмешливо фыркнул, и тогда она набросилась на него.

— Ты не знаешь ничего обо мне!

Хелен вихрем понеслась прочь из «Грейхаунд», от чего все головы в баре повернулись в ее направлении.

\*\*\*

Когда он покинул дом Алана Картера, Йен Брэдшоу чувствовал себя абсолютно опустошенным. Все, чего она на самом деле хотела — пойти домой. Неохотно, он приехал в участок и пошел напрямик в офис Кейна.

— Есть немного хороших новостей на данный момент, — старший инспектор сказал ему, как только он выяснил, что Брэдшоу в целом в порядке, — что из того, что Винсент Эддисон навлек дурную репутацию на каждого офицера полиции в стране, ты получишь звание сержанта, — поведал ему Кейн, — временно исполняющий обязанности для начала, очевидно.

Брэдшоу не ожидал этого. Он почти ожидал, что, получит выговор, когда Кейн вызовет его, за нарушение какого-то расплывчатого неписаного полицейского правила о здоровье и безопасности, которое он нарушил, когда он попал на больничный после того, как Винсент нырнул в ту реку.

— Главный констебль хочет свое изображение в газете рядом с тобой, — сухо добавил Кейн, — так что ты также получишь похвалу. Он считает, что мы можем показать парочку героев прямо сейчас, и я не могу с этим поспорить.

Брэдшоу ничего не произнес. Он чувствовала, как будто Кейн говорит о ком-то другом, а не о нем.

— В любом случае, ты хорошо там справился, — и, когда Брэдшоу все еще не ответил, он добавил, — отличная работа.

— Спасибо, сэр, — удалось выдать ему.

— Я бы сказал, что это твой шанс, не так ли?

— Сэр?

— Оставить прошлое позади и начать карьерный рост.

— Да, сэр.

— Так что не облажайся, — сказал ему Кейн, — будь умницей.

— Нет, сэр.

— Кстати, — и он задумчиво посмотрел на Брэдшоу, как будто не мог в полной мере поверить, что он на самом деле был офицером, которому скоро воздадут почести и повысят в звании, — пока это все.

\*\*\*

В этот раз Тому пришлось бежать, чтобы поравняться с ней и их спор продолжился весь путь вниз по холму, пока они не дошли до дома Родди Монкура. Только начало становиться жарко, когда Родди, показав такой уровень способности появления не вовремя и бестактности, которых даже Том от него не ожидал, открыл свое окно на кухне и высунулся, чтобы позвать их.

— Ой! — закричал он, — я искал вас обоих! Где вы были?

— Черт возьми, даже не начинай! — прокричал в ответ Том, и Родди запоздало понял, что он и Хелен оба были покрасневшие и выглядели разозленными друг на друга.

— Ох, — произнес он, — ладно, может быть, это не заинтересует вас, но я подумал, что это было важно.

— Что это? — потребовала ответа Хелен, — Бога ради, ты не можешь просто сказать, хоть раз?

Родди, казалось, оторопел от того, что на него накричала Хелен, но он в достаточной мере пришел в себя, чтобы сказать: — Я допустил небольшую ошибку.

\*\*\*

Родди выглядел взволнованным, когда открывал им входную дверь.

— Я видел ее, понимаете ли, — на собрании, — и они проследовали за ним на кухню.

— Кого? — спросила Хелен, не скрывая своего нетерпения.

— Венди, мой человек, который работает в архиве городского совета, та, что рассказала мне о Стефане Кольере.

— Так, — сказала она.

Родди заколебался, прежде чем продолжить.

— И так получилось, что я совершил ошибку. Довольно крупную на самом деле.

— Продолжай, — поторопил его Том.

— Я спрашивал ее, есть ли кто еще живой, кто может помнить Стефана, кто-то, кто может захотеть поговорить с вами, чтобы вы могли узнать немного больше о нем и о том, что случилось.

Родди казался смущенным при воспоминании.

— И что она сказала?

— Она сказала: «Почему ты просто не поговоришь со Стефаном?»

У Тома ушло какое-то время, чтобы понять это.

— Поговорить со Стефаном? Ты имеешь в виду, что он жив?

— Очевидно, что так.

— Но ты сказал, что он умер.

— В этом и состояла ошибка, — признался он, — когда я говорил с ней по телефону, я подумал, что она говорит мне именно это. Она сказала: «Стефана приютили в «Спрингтоне» до самого конца», так что я воспринял это, как то, что он был там, пока не умер.

— Ладно, — Том попытался скрыть волнение в своем голосе.

— Но она имела в виду конец «Спрингтона», который закрыли в восьмидесятом году. Когда Спрингтон был закрыт, Стефана перевели.

— Перевели? — спросил Том. — Перевели куда?

— В «Милтон Мьюз».

— Где это?

— Нью-Касл. Это дом по уходу за престарелыми, в котором живут не опасные душевнобольные.

Том моргнул, смотря на Родди.

— Так ты говоришь мне, что единственный человек, оставшийся в живых, который может быть способен заполнить пробелы в убийстве Шона Доннеллана, живет в доме престарелых в нескольких милях отсюда?

— Да, — ответил Родди, — именно это я и говорю.

Том шел по направлению к машине, Хелен пыталась не отставать.

— Мы вообще хоть знаем, вменяемый ли он? — спросила она.

— Нет.

Он был почти у машины. Хелен никогда не видела, чтобы он шел с такой целеустремленностью.

— Он может быть абсолютным маразматиком, — напомнила она ему.

— Да.

— Или просто не совсем в себе, начать хотя бы с этого, — сказала она, запыхавшись.

— Верно.

— Он может ничего не знать о том, что произошло той ночью, — заключила она.

Том сел в машину и завел двигатель, как только открылась пассажирская дверь, и Хелен залезла внутрь. Том повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— Значит ты едешь?

— Чертовски верно, еду.

\*\*\*

Они подумали, что им может понадобиться прикрытие, так что они придумали одно по пути туда: они были кузенами из одной из ветвей семьи Стефана, и только что узнали, что у них есть родственник, живущий в доме престарелых. К счастью, их встретила молодая, доверчивая работница, которая впустила их в «Милтон Мьюз», как только они заявили, что приехали туда, чтобы увидеться со Стефаном Кольером.

— Он в лаунж, — молодая девушка сказала им, пока вела их вдоль коридора, покрытого рваным Арксминстером. — Я не видела, чтобы у него были прежде посетители. Я не знала, что у него остался кто-то из семьи, — сказала она им.

Хелен просто обезоруживающе улыбнулась в ответ, но никак это не прокомментировала. Они молча шли через три узких коридора, пока девушка не сказала: — Вот, он здесь.

Они вошли в комнату, и Том про себя молился, что они обнаружат кого-то, способного войти с ними в контакт. Полдюжины пожилых леди сидели здесь, дремали или с безразличием читали газеты. Они последовали за девушкой к старику, который сидел в одиночестве. Он смотрел сквозь большое окно с видом на кусты с розами и на только что постриженную лужайку.

— Стефан, у тебя посетители, — сказала она ему, но он не отреагировал.

Стефан Кольер был невысоким мужчиной, обутым в старые шлепанцы, мешковатые серые брюки и кардиган, который должно быть был торопливо одет сиделкой этим утром, потому что пуговицы были перекошенными. Его кожа была сероватой от лет, проведенных в недостатке солнечного света, у него на лице были пигментные пятна, оно было испещрено морщинами и костляво, создавая у Хелен впечатление, что он недостаточно питался. Молодая девушка упорствовала.

— Здесь кое-кто пришел, — сказала она ему, — из семьи, чтобы увидеться с вами! — позвала она, как будто он был глухим. Она мягко положила свою руку на руку Стефана, чтобы привлечь его внимание, — Это замечательно, да?

Стефан Кольер очень медленно повернул свое недоуменное лицо в сторону них, и Том

ожидал, что он спросит, кем, черт возьми, они были, но он казался достаточно спокойным. Сиделка сосредоточила свои усилия на поднятии его из кресла.

— Давай, отведем тебя в твою комнату, там мило и уединенно.

Стефану понадобилось много времени, чтобы прошаркать по коридору в своих тапочках, и они оба наполнились нервным волнением. Они знали, что в любой момент, может прийти кто-то наделенный властью и потребовать, чтобы они представились, а затем вышвырнуть их, прикончив их последнюю возможность добраться до правды. Наконец, они дошли до скудно обставленной комнаты на первом этаже, и сиделка посадила Стефана в облезлое кресло. Было еще одно кресло у двери, но Хелен примостилась на краю кровати Стефана, чтобы иметь возможность смотреть ему в лицо, а Том остался стоять.

— Не желаете ли чашечку чая? — предложила девушка, а затем повернулась снова к Стефану. — Я уверена, что смогу организовать по чашечке чая тебе и твоим посетителям, — сказала она молчаливому старику.

— Мы не хотим, правда, — сказал ей Том.

— Оки-доки, тогда оставляю вас.

Том подождал, пока девушка пройдет половину коридора, прежде чем заговорил. Стефан смотрел сквозь окно в своей спальне, как будто их там вообще не было.

— Привет, Стефан. Это Хелен, а я Том.

От старика не последовало никакой реакции, и Том начал бояться, что годы в психбольнице, лишили его последних остатков здравомыслия.

— Мы приехали нанести вам визит, потому что хотели бы задать вам несколько вопросов.

Старик продолжил безэмоционально смотреть перед собой.

— Вы не против?

И, когда все еще не было ответа, Хелен добавила: — Это не займет много времени.

Она широко и ослепительно улыбнулась ему.

— Вы же не будете скучать по своему обеду?

Том наблюдал за Стефаном Кольером. Он заметил у старика легчайшую реакцию при звуке голоса милой девушки, а затем слегка повернул голову в сторону Хелен, заметил, что она сидит на краешке его постели, но ничего не сказал.

— Вы хорошо меня слышите, Стефан? — спросил Том. — Вы понимаете, почему мы здесь? Мы просто хотим задать вам несколько вопросов.

Хелен открыла рот, чтобы добавить что-то, но Том сделал ей знак, и она передумала. Том чувствовал, что, если они оба продолжают говорить со стариком, он никогда не удостоит их ответом. Наконец, молчание так затянулось, что стало ясно, что Стефан не собирается ничего отвечать. Том вздохнул.

— Я думаю, мы можем тратить ваше...

Прежде чем он смог закончить предложение, Стефан Кольер наконец заговорил, но его голос был тихим шепотом, и ни один из них не смог разобрать слов.

— Что вы сказали? — спросила Хелен, и Стефан начал кашлять.

Опять Том понял, что задержал дыхание, едва осмеливаясь дышать. Он так отчаянно хотел получить ответы от этого старика.

— Я не сумасшедший, — произнес неожиданно Стефан, и Хелен и Том снова обменялись взглядами. — Я вас слышу.

Том кивнул ей, побуждая Хелен обратиться к старику.

— Никто не считает вас сумасшедшим, Стефан.

— Они считают, — его голос был хриплым, но теперь они могли ясно различать слова.

— Они все здесь считают.

— Ну, мы нет, — ответила Хелен, — вы, определенно, не сумасшедший.

— Нет, — продолжил он. — Я не могу складывать и вычитать, вот и все, — и он наклонил голову, чтобы иметь возможность посмотреть на Хелен прямо, — и, если я пытаюсь считать до сотни, я запутываюсь и вынужден остановиться, — честно сказал он ей, — но это не делает меня сумасшедшим.

— Конечно же, не делает, — заверила его она.

Том заметил как старик внезапно казалось сосредоточился только на Хелен. Он смотрел на ее улыбающееся лицо, как будто она была послана с небес, чтобы встретить его.

— Сегодня Хелен будет задавать здесь вопросы, — сказал Том, надеясь, что она поймет.

Тогда Стефан нахмурился.

— Кто ты?

Том встрял, прежде чем Хелен могла ответить:

— Мы — люди, которые задают вам вопросы, Стефан. Вы не против?

— Вопросы? — подозрительно спросил он. — О чем?

— О кое-чем, что произошло очень давно, — объясняла Хелен. — Мы хотим спросить вас, что вы помните о ночи много лет назад, когда вы были молоды.

Стефан занервничал?

— Какой ночью?

Хелен посмотрела на Тома, но он просто мотнул головой в жесте, означавшем: «Продолжай». Она сама теперь начала нервничать, боясь все испортить, если расстроит старика.

— Нам нужно услышать о том, что произошло той ночью, Стефан, — она заставила свой голос звучать спокойным, — когда ирландец поспорил с вашими братьями, Джеком и Генри. Вы помните?

Никакого ответа от Стефана.

— Шон Доннеллан повздорил с вашими братьями на Безымянной тропе, вероятно, с ними обоими, потому что он собирался сбежать с молодой Мэри, невестой Генри.

Старик опустил голову, его лицо олицетворяло смущение, или то был страх.

— Вам не нужно об этом беспокоиться. Мы просто хотим все прояснить, вот и все, — сказал Том.

— Ни у кого не будет проблем, — добавила Хелен, — прошло уже так много времени, и все уже к этому времени умерли, так что не будет вреда, если вы расскажете нам правду, ведь так?

— Я не хочу говорить об этом, — сказал твердо старик.

— Пожалуйста, Стефан, — умоляла его Хелен, — мы, все равно, знаем почти всю историю. Вы этого не знаете, живя все это время здесь, но они нашли Шона Доннеллана.

При этих словах Стефан Кольер казалось слегка вздрогнул.

— Точнее его тело. Мы знаем, что из-за Мэри возникла большая ссора. Генри был очень расстроен, а Джек хотел помочь ему, заставив ирландца уехать. Мы понимаем все это.

От Стефана не было никакой реакции.

— Мы также знаем, что была драка, и, во время этой драки, Шон оказался заколот ножом Генри.

Она внимательно наблюдала за Стефаном, пытаясь заметить любые признаки узнавания, но его лицо ничего не выдавало.

— Все, что нам нужно, так это знать, как все произошло, вот и все, — и Хелен подождала ответа. Когда ни одного не последовало, она спросила: — Был ли это Джек? — никакого ответа. — Генри?

Опять, никакого ответа.

Затем вмешался Том.

— Или это были вы, Стефан?

Старик оторвал взгляд от Хелен и повернулся к Тому.

— Вот почему вы не хотите рассказывать нам?

Том заметил, что Стефан теперь крутил руки, становясь все более взволнованным по мере того, как вопросы продолжались.

— Конечно, это мог быть несчастный случай, — предложил Том, — может, никто не намеревался заколоть Шона, но кто-то поскользнулся во время драки. Вероятно, он упал на нож или его толкнули на кого-то, кто его держал. Это бы объяснило, почему вам пришлось похоронить тело. Вы, вероятно, беспокоились, что никто не поверит вам. Все произошло так? Вы можете рассказать нам. Все хорошо.

— Я не могу вспомнить, — наконец, сказал Стефан.

— Вы не можете вспомнить? — повторил Том. — Теперь я не верю, Стефан. Я забыл многое из своей жизни, но я знаю, что никогда не забуду день, когда увидел нож, воткнувший в чью-то спину. Такого рода вещи не забываются.

— Пожалуйста, расскажите нам, Стефан, — умоляла его Хелен. — Если это был Джек или Генри, тогда какой вред из этого выйдет? Они оба уже умерли. Мы просто хотим услышать правду.

— Нет, — твердо сказал он, покачав головой, — не должен рассказывать!

— И, если это были вы, — предположила она, — тогда это должно быть был несчастный случай. Все поймут.

Молчание Стефана.

— А, если это был не несчастный случай? Если вы убили Шона, потому что он дрался с вашими братьями и причинял боль Джеку, ну, люди поймут это тоже. Я знаю, что поймут.

Затем она попробовал зайти с другой стороны.

— Это должно быть было ужасно, жить с таким секретом, все эти годы.

— Так и есть, — сказал он ей быстро, будто не мог сдержаться.

— Тогда продолжайте, — Хелен улыбнулась ему снова, и он снова посмотрел на нее. — Вы почувствуете себя намного лучше, когда расскажете нам. Я обещаю.

Стефан Кольер открыл рот, чтобы что-то сказать. Хелен и Том ожидали, что сейчас узнают правду.

— Нет, — и он яростно покачал головой, — вы не можете меня заставить.

Хелен взмолилась:

— Пожалуйста, Стефан, — но он оставался непоколебимым.

— Бесполезно, Хелен, — сказал ей Том, — нам лучше уйти. Мы никогда так не узнаем правду.

Он сделал шаг к двери. В замешательстве, Хелен оставалась там, где была, когда Том сказал:

— Мне все довольно ясно. Я уверен, что знаю, что произошло. Стефан убил Шона. Эйс

очевидно.

— Нет, — запротестовал старик и повернулся, чтобы посмотреть в лицо Тому.

— Он заколол его этим ножом, убил беднягу хладнокровно, — продолжал Том, — вот почему, он не станет рассказывать нам правду.

— Я не делал этого, — Стефан снова затряс головой, от этого жеста он стал похож на ребенка, — я никогда не делал этого.

— Неважно, — сказал ему Том, — вы не расскажете нам, что случилось, так что нам просто придется сказать властям, что вы не станете с нами сотрудничать, и вы знаете, что это значит.

— Что? — спросил растерявшийся старик.

— Ну, они не захотят, чтобы вы оставались здесь, не так ли? — уверенно заявил ему Том. — Они не могут оставить убийцу в доме с престарелыми людьми.

Он покачал головой.

— Нет, они увезут вас отсюда.

— Нет, — Стефан выглядел напуганным, — они не могут.

— Том, — предупредила его Хелен.

— Они могут и сделают, — Том сделал шаг вперед к мужчине и опустил плечи, чтобы заговорить более мягко. — Они вышвырнут вас на улицы, если вы не расскажете нам, что произошло той ночью.

— Том! — позвала Хелен, но он не слушал ее, просто смотрел на испуганного старика.

— У вас уже были проблемы с полицией раньше, были? — спросил его Том. — Вам лучше рассказать мне сейчас, пока не стало слишком поздно.

Стефан Кольер выглядел так, будто может расколоться, когда в комнату неожиданно вернулась молодая сиделка. Она, очевидно, слышала из коридора кое-что из того, что говорил Том.

— Я хочу, чтобы вы ушли, — сказала она ему.

— Нет, — возразил Том с уверенностью, и девушка выглядела потрясенной его дерзостью.

— Вам придется уйти, — сказала она им обоим, — вы не являетесь членами семьи. У него нет семьи. Она только что сказала мне. Я никогда бы не...

— Мы уйдем через минуту, — Том повернулся к ней. — У Стефана есть кое-что очень важное, что он сперва хочет рассказать нам, не так ли, Стефан?

— Вам придется уйти сейчас, — отрезала она, — или я вызову полицию.

— Делайте, что хотите, но я не уйду, — сказал он ей, — не до тех пор, пока услышу, что ему есть сказать.

— Хорошо, — пропыхтела девушка и покинула комнату, промаршировав по коридору.

Том повернулся обратно к старику.

— Последний шанс, Стефан. Вы слышали ее, она вызывает полицию.

Старик выглядел так, будто готов был упасть замертво от ужаса. Они увезут вас, если вы не расскажете правду, так что рассказывайте сейчас, быстро, пока они не приехали.

— Джек не хотел, чтобы так случилось, — внезапно выпалил Стефан.

— Продолжайте, — побудил Том.

— Он забрал нож у Генри, на случай, если тот с его помощью сотворит что-нибудь безрассудное. Нож был в его кармане, но, когда он пошел увидеться с ирландцем, нож все еще был при нем.

— Расскажите нам, что произошло, Стефан, — Хелен и Том слышали теперь оживленные голоса в конце коридора.

Стефану удалось подтвердить то, что они уже знали или догадывались: что миссис Харрис пришла в их дом и предупредила их, что Мэри собирается уехать с Шоном Доннелланом.

— Джек пошел туда, чтобы выяснить с ирландцем отношения. Он сказал Генри и мне оставаться в доме, но вскоре Генри пошел за ним.

— Что вы сделали, Стефан? Пошли за ними?

Голоса становились громче.

— Я тоже пошел за ним, — подтвердил Стефан. — Мы последовали за Джеком, и мы спрятались и наблюдали за ним. Мы видели, как ирландец вышел из дома, а Джек последовал за ним. Мы пошли за Джеком, но оставались вдалеке, потому что мы знали, что он взбесится, если увидит нас. Ирландец пошел на Безымянную Тропу, а Джек за ним. Когда мы добрались туда, они вдвоем уже дрались. Они сняли пальто и обменивались ударами, били, рычали друг на друга. Это было ужасно.

— Шон побеждал? — спросил Том, предположив, что для Стефана все не было бы настолько ужасным, если бы Джек контролировал схватку.

— Только потому, что он был грязным бойцом, — запротестовал Стефан, выглядя оскорбленным обвинением, — или Джек победил бы его. Он может побороть любого, — сказал он Тому с гордостью, подняв в воздух кулак, будто его старший брат все еще был жив, а не мертв уже больше чем половину столетия, — но ирландец дрался грязно, бил головой и пытался ослепить. Он говорил Джеку, что собирается убить его, если тот попытается остановить его.

Хелен слышала голоса, что приближались все ближе, оживленный разговор между женщинами, которые звучали так, будто эти женщины были наделены властными полномочиями. Том закрыл дверь, а затем пнул другое кресло так, чтобы оно скользнуло и заблокировало ее, спинку подставил к дверной ручке, чтобы ее нельзя было повернуть снаружи.

— Кто заколол Шона, Стефан? Это был Джек, Генри или вы?

Стефан покачал головой, теперь по его испещренному морщинами лицу потоками лились слезы.

— Наш Джек был на полу, а ирландец пнул его по голове, — объяснял Стефан. — Я думал, что он не собирается останавливаться.

— Так, значит, вы выбрали пальто Джека, чтобы достать нож? — подтолкнул его Том.

— Нет.

В этот момент ручка двери слегка повернулась, но ей помешало кресло. Кто-то пытался распахнуть дверь, и Хелен увидела, как та задергалась, но вес кресла надежно ее удерживал.

— Откройте эту дверь! — закричала женщина.

— Кто это сделал, Стефан? Это был ты?

— Вызвали полицию, — та же самая женщина прокричала через дверь, и другой визгливый голос добавил: — Они уже в пути, они едут!

— Вы слышали ее! — произнес Том и показал на дверь. — Полиция едет за вами, так что вам лучше рассказать нам все сейчас, или мы не сможем помочь вам. Кто сделал это, Стефан? — потребовал ответа Том.

Он положил обе руки на плечи старика и прокричал: — Кто?

Стефан Кольер вздохнул и зарыдал, а затем как будто прорвалась плотина, и последовал огромный поток слов.

— Он подумал, что ирландец собирается убить Джека. Я даже не видел, как он взял нож. Я даже не видел, как он поднял пальто. В одну минуту ирландец стоял там над нашим Джеком, готовясь снова пнуть его. А уже через момент, он открыл рот, будто хочет сказать что-то, и из него полилась кровь. Я не понял. Не знал, что произошло. Тогда он просто осел. Он упал на колени, как будто молился в церкви, и, когда он упал, я увидел его.

— Кого вы увидели? — подтолкнула Хелен.

Лицо Стефана приняло удивленное выражение лица, как будто он видел это снова в своей голове, но впервые, как будто все эти воспоминания стерлись из памяти, так что в этот раз все было таким же шокирующим.

— Генри, — сказал он. Он стоял позади ирландца. Ирландец завалился вперед, а нож торчал из его спины.

Хелен слышала звук полицейских сирен.

— Генри убил его? — спросил Том, и старик опустил голову и печально кивнул. Хелен и Том переглянулись. Они, наконец, раскрыли правду.

— Что сделал Джек? — спросил Том.

— Он сошел с ума, — ответил Стефан, — он один раз посмотрел на то, что сделал Генри и ударил его. Он продолжал повторять: «Что ты натворил? Что ты натворил?» и «все из-за глупой девчонки». Он долго не мог успокоиться.

Полицейские сирены становились все громче и громче. Женщины из дома престарелых перестали биться в дверь.

— Но он успокоился, — подтолкнул его Том, — и избавился от тела.

— Мы все. Джек заставил меня и Генри нести ирландца на болото, потому что камыш был высоким и никто не мог увидеть нас, пока он побежал домой, чтобы спрятать сумку Шона и прихватить лопату. Затем он выкопал яму в сухом месте на Капперз Филд и закопал его там.

— Почему он не избавился от ножа?

— Нож застрял в теле, — объяснял Стефан, — мы оставили его в нем, чтобы кровь перестала течь на траву, когда мы несли его, но мы забыли о нем, когда засунули его в яму. Когда Генри вспомнил, Джек сказал, что слишком поздно, но уже не важно. Никто не будет никогда рыть здесь. Он сказал Генри купить новый нож и сказать, что потерял свой.

Сирены были близко, их громкость не изменилась. Хелен поняла, что полицейская машина находилась на парковке.

— А деньги? — спросил Том. — Кто забрал деньги из дома викария?

— Джек. Мы стояли на шухере, на случай, если кто придет.

— Он украл деньги, чтобы вы могли обвинить в этом Шона Доннеллана?

— Он сказал, что это единственный способ, чтобы заставить Мэри поверить, что Шон уехал без нее. Он был прав. Именно, так все и посчитали.

— Что случилось с деньгами?

— Джек бросил их Генри.

— Джеку они были не нужны? — спросил Том.

— Нет, — ответил старик. — Джек не хотел ничего из этого.

Хелен вздрогнула, когда в дверь громко постучали.

— Полиция! Откройте! Откройте эту дверь, сейчас же!

Том выпрямился, а затем пошел напрямик к креслу и оттащил его от двери, открывая ее. Два огромных офицера полиции в форме стояли там.

— Мне жаль, офицер, мне кажется, возникло небольшое недоразумение... — сказал Том, надеясь сбавить их гнев.

При виде офицеров полиции, Стефан закричал и ударился в дикую панику.

— Не забирайте меня! — вопил старик. — Пожалуйста! Не забирайте меня!

— Боже правый, — сказал один из офицеров, — что вы сделали с бедным ублюдком?

Они потратили больше четырех часов в камерах, прежде чем их отпустили.

— Мы не предъявляем вам никаких обвинений, — сержант за столом посмотрел на Тома, как будто тот был худшим видом паразита, — но, если бы все зависело от меня, я бы выбросил ключ.

— Тогда славно, что все зависит не от вас, а?

— Пугать так беспомощного старика, ты гнусная сволочь, — и он повысил голос, когда Том проходил через передние двери участка, — и, если у тебя не было бы друзей в верхах, ты был бы еще здесь!

— Друзья в верхах? — спросила Хелен, когда они шли к машине.

— Я использовал свой телефонный звонок, чтобы поговорить с Йеном Брэдшоу, — объяснил Том, — спросил его, может ли он послать кого-нибудь перекинуться словечком с его коллегами из Джорди, узнать сможет ли он разрешить эту неприятность.

— И он разрешил?

— Похоже на то.

— А это была неприятность? — спросила она его. — Меня никогда раньше не арестовывали, а уж тем более не проводила время в камере.

— Это стоило того, чтобы добраться до правды, — сказал он.

— Я не знаю, — возразила она.

— Конечно же, — заверил он ее. — Ты же теперь на свободе.

— Я имела в виду Стефана.

— Ох, его.

— Да, его. Ты до безумия напугал старика, — и, когда он ничего не сказал, она добавила, — тебе кажется все равно.

— Я не пугал старика до безумия, — объяснил Том. — Я допрашивал кого-то, кому сошло с рук убийство, произошедшее много лет назад, или по крайней мере, того, кто помогал своему брату избавляться от тела. Всю свою жизнь, Стефан избегал наказания за то, что он и его братья сделали, никогда не отвечал за это. Ни один из них. Генри Кольер должен был отправиться за это на виселицу. Вместо этого, он шел по жизни так, будто ничего из этого не случилось.

— Ты не можешь этого знать.

— Он убил своего соперника, а затем женился на девушке, — сказал Том, — получил жену, которую хотел, продолжил заниматься учительством, даже стал директором, а все это время тело Шона Доннеллана гнило на том поле на краю деревни. Боже, Хелен, хоть что-то из этого тебя трогает?

— Да. Я уже говорила тебе это, но его дурачок брат не был в этом виноват.

— Он помогал хоронить бедного ублюдка, разве нет? А затем молчал об этом все эти годы.

— А какой выбор у него был? Он жил со своими братьями. Он был полностью зависим от Генри, — затем она добавила: — пока они не увезли его в психлечебницу.

— Было уже слишком поздно доносить на своего брата, и никто не поверил бы.

Том вздохнул. — Другие братья почти так же виноваты, как и Генри. Даже по сегодняшним меркам, они бы провели приличный срок в тюрьме. Ты же знаешь, что это так.

Вместо этого, они остались безнаказанными.

— Может и так.

— Ты же знаешь, что я прав, Хелен, — сказал он ей с уверенностью, — глубоко внутри ты знаешь, что я поступил правильно. Если бы я не напугал этого старика, мы бы все еще рыскали вокруг, пытаясь узнать правду.

— Может быть, — уступила она, — но я ничего не могу поделать с тем, что ты теперь нравишься мне из-за этого чуть меньше.

— Ха, — фыркнул он, — и в чем конкретно для нас разница сейчас?

— Как долго ты собираешься продолжать ненавидеть меня?

— Я не ненавижу тебя, — возразил он, — на самом деле, совсем наоборот.

— Просто садись в машину, — сказала она ему.

Они ехали молча всю дорогу до Грейт Мидлтона. Они оба знали куда направляются, без необходимости озвучивать это место. Том припарковался у старого дома викария. Хелен позвонила в звонок, и, когда Мэри ответила, она сказала:

— Можем мы войти?

\*\*\*

Голос Стефана Кольера наполнил комнату, сразу же после голоса Тома.

— Он сказал, что это единственный способ заставить Мэри поверить, что Шон уехал без нее. Он был прав. Это было тем, во что все поверили.

— Что произошло с деньгами?

— Джек бросил их Генри.

— Джек у них были не нужны? — спросил Том.

— Нет, — ответил старик, — Джек не хотел ничего из этого.

Том потянулся к диктофону и отключил его, прежде чем офицеры полиции начнут молотить в дверь и выкрикивать приказы. Пожилая женщина молча смотрела на диктофон. Даже хоть тот и находился в кармане куртки Тома, каждое приглушенное слово все еще было различимым.

— Вы в порядке? — спросила Хелен.

У Мэри ушла минута на то, чтобы ответить, и, когда она, наконец, ответила, она произнесла:

— Господи, нет, — затем добавила: — как я могла?

— Не желаете ли стакан воды? — спросила Хелен, и Мэри слабо кивнула. Хелен прошла в кухню, наполнила стакан и вернулась, вручив его Мэри. Том смотрел, пока та залпом пьет воду, а затем, как Хелен берет стакан из ее дрожащих пальцев.

— Вы знали? — просто спросил Том.

Мэри покачала головой.

— Нет, не все, но...

— У вас были подозрения?

— Не сразу, — а затем она начала рыдать. — Долгое время я думала, что я была самой глупой влюбленной дурочкой. Представьте себе вину, чей груз я несла все эти годы. Я провела большую часть жизни, представляя, что мужчина, которого я любила, обманул меня, украл сбережения моего отца, а затем бросил меня. Теперь, я, наконец, знаю правду, а вина все еще не покинула меня.

— Я не понимаю, — сказала Хелен, — почему вы теперь чувствуете себя виноватой?

— Мужчина был убит из-за меня, хороший человек совершил убийство из-за меня.

— Он был хорошим человеком? — спросил Том, но она не ответила.

— Я была разочарованием для моего мужа, — ответила Мэри. — Я давно это знала. Как видите, он слишком сильно меня желал. Никто, вероятно, не сможет оправдать таких ожиданий. Я знаю, что я не смогла. Я узнала это в день нашей свадьбы, когда я прошла по проходу, а он улыбнулся мне, как будто не мог полностью поверить, что я настоящая. В конце концов, я оказалась разочарованием для него и для моего отца.

Она промокнула глаза платком.

— Отец никогда больше не смотрел на меня, — сказала она, будто это было само собой разумеющимся, — и я никогда не видела, чтобы он улыбался. Ни разу.

— Есть только один мужчина, которого я не разочаровала, и на протяжении пятидесяти лет я думала, что он никогда на самом деле не был заинтересован во мне. Можете ли вы представить себе, что я чувствовала так думая? Вы понимаете, почему я была настолько жалкой и благодарной, когда Генри простил меня, какой удивленной я была, когда он предложил принять меня обратно, вести себя, как будто ничего не случилось, даже хоть я и не была целомудренной? Я думала, какой он замечательный, благородный, достойный мужчина, раз так заботится обо мне. И он таким был, конечно, во многих смыслах: просто не тогда, не в тот раз.

— Я думаю, вот почему он так усердно работал с теми детьми. Чтобы искупить вину. Он знал, что сделал ужасную вещь и, что никогда не сможет рассказать о ней, даже мне — особенно, мне — и он знал, что, в конце концов, я того не стоила. Я даже не смогла родить ему детей, а он очень хотел стать отцом. Он, должно быть, понял, что должен был позволить мне уехать с Шоном и найти кого-то еще. Я думаю, вина и стыд лишила его многих лет жизни.

— Когда вы впервые это заподозрили? — спросил Том, а Мэри выглядела так, будто собиралась отрицать, что что-либо подозревала, но либо она была слишком изнурена или знала, что он раскусит ее ложь.

— У меня есть, что показать вам, но вам придется потерпеть, — сказала она. — Мне нужна ваша помощь, чтобы подняться по лестнице.

Том протянул руку, и она положила свою холодную, крошечную руку на его. Ее кожа была бледнее, чем пергаментная бумага, и он мог разглядеть бегущие под ней голубые вены.

Вместе они поползли из гостиной по направлению к лестнице. Хелен последовала за их черепашным медленным прогрессом, и, наконец, они дошли до лестничного пролета, где она отперла комнату, и они вошли внутрь. Мэри открыла комод, а затем достала журнал в кожаном переплете и старую шкатулку из красного дерева.

— Мой муж умер довольно неожиданно, и я оплакивала его, — заявила она, — ему было только пятьдесят пять, и у него не было времени, чтобы привести свои дела в порядок. У меня ушел почти год, чтобы со всем разобраться: его личными вещами, бумагами, всем. А затем одной ночью, более двадцати лет назад теперь, я поднялась в лофт. Я хотела посмотреть, какое барахло он хранит там. Я нашла это.

Она вручила Тому деревянную шкатулку, и тот открыл ее. Хелен и Том уставились на ее содержимое: четыре золотых монеты.

— Соверены, — сказала Хелен.

— Несколько из них, — сказала Мэри, — не все. После того, как умер мой отец, мы купили этот дом. Генри сказал, что мы справимся, даже на зарплату школьного учителя, и я приняла это. Тогда, женщины не спрашивали своих мужей о деньгах: на домашние расходы,

возможно, но не о крупных покупках. Люби, чти и повинуйся, такова была клятва. Я так думаю, что каким-то своеобразным способом, покупая этот дом для нас, мой муж чувствовал, что деньги остаются в семье. Он никогда не тратил соверенов на что-либо другое, насколько я знаю.

Том закрыл шкатулку и поставил ее обратно на комод.

— Генри забрал их, — сказала она просто. — Это был он, вламывался Джек в тот ящик или нет. Генри украл соверены у моего отца. Не потому что он был алчен или нуждался в них. Он забрал их, чтобы все обвинили Шона. Я не хотела верить в это, когда обнаружила их. Я продолжала размышлять о том, как они могли попасть к нему случайно, но его не было, чтобы спросить и... — она вздохнула? чтобы показать, что никогда не могла найти рационального объяснения их присутствию в мансарде, — ...тогда я просто попыталась не думать об этом, потому что альтернативы были слишком ужасны.

— Что Шон был мертв, а ваш муж ответственен за это? — спросил он ее.

— Я не думала о такой связи, честно, не думала, даже тогда. Вместо этого, я гадала, оставил ли каким-то образом мой отец немного соверенов в мансарде и забыл о них, но он копил свои деньги как скряга. Тогда я задумалась, может, он дал Генри немного денег, так чтобы я не знала или, вероятно, не все соверены были украдены, эти остались. В худшие дни я гадала, украл ли все деньги Генри, но свалил это на исчезновение Шона. Я никогда не думала, что он мог убить Шона, — сказала она им, — но тогда я была совсем не удивлена, когда они нашли его тело. Опустошена да, но не удивлена.

— Это потому что вы знали все это время, — сказал он, Мэри выглядела потрясенной.

— Но я же только что сказала...

— Глубоко внутри, имею я в виду. Вы не могли заставить себя развить ту единственную вероятность, которая оказалась правдой, но, когда тело Шона нашли, все встало на свои места.

Она медленно кивнула.

— Я думаю, я всегда знала, что Шон не просто покинул меня, и, когда они нашли его на том поле, я полагаю, что почувствовала себя в некотором роде оправданной. Разве это не ужасно? Если бы я на самом деле любила Шона, я бы, однозначно, предпочла бы, чтобы он сбежал с отцовскими деньгами и начал новую жизнь в Америке.

— Так, значит, Генри Кольер был вором и убийцей, и он оставил вашего отца без пени.

— Он едва ли мог вернуть деньги моему отцу, — сказала Мэри. — Те соверены были алиби, ведь так? Они объясняли внезапное исчезновение Шона так, что все поверили. Шон был вором, он забрал соверены и сбежал. Если люди не могли найти его, это произошло, потому что он не хотел быть найденным. Никто не понял, что он так и не покинул деревню.

— Я провела всю свою замужнюю жизнь, думая, что я нечестивая, что Генри спас меня от себя самой. У меня ушло тридцать лет на то, чтобы понять, что мой муж мог быть вором и лжецом, и еще двадцать лет, чтобы узнать, что он был убийцей, хоть я и не могла быть уверенной в этом, пока вы, наконец, не рассказали мне.

— Мне жаль, — сказал он.

— Ну, вам не стоит. Я должна была узнать правду после всех этих лет. Я не выходила много дней, когда обнаружила, что осталось от тех монет. Я просто оставалась в доме и плакала и плакала.

Она, должно быть, увидела свое отражение в зеркале над комодом.

— Они часто говорили, что я красивая, много лет назад.

— Вы были красавицей, — сказал Том. — Мы видели рисунки, помните?

— Но лучше бы я была некрасивой. Вы не считаете, что я была бы счастливее? Я думаю так. Внешность не благословение, она — проклятье, если из-за этого люди крадут для тебя, дерутся за тебя, делают все, чтобы удержать тебя, даже убить другого человека.

Тогда она вручила ему книгу в кожаном переплете.

— Мой дневник. Я привыкла его вести, еще тогда, когда я была глупой маленькой девочкой. Этот том включает в себя как раз то время, когда я согласилась выйти замуж за Генри. Все здесь. Вся история: все, что случилось и то, как я чувствовала себя все это время. Я хранила его все эти годы. Он ваш, можете делать с ним все, что хотите.

Том принял тонкий томик из ее руки, а затем открыл его. Чернила на пожелтевших страницах побледнели с годами, но их все еще можно было прочитать. Том вспомнил портрет молодой девушки, которая написала его многие годы назад. Пока он поворачивал страницы дневника Мэри и ее история раскрывалась перед ним, он заметил, как ее слова становились все более неровными, сыпались на страницу, как испуганные люди, бегущие из горящего здания. Он видел в них скоропалительность и душевное смятение. Это была не история, это был крик.

— У меня есть одно условие, — сказала Мэри, вырвав его из раздумий.

— Какое?

— Вы подождете, пока я не умру.

— Прежде чем я напишу статью, вы хотите сказать? — он выглядел определенно недовольным этим условием.

— У меня есть месяцы. Они считают, что три, шесть, если мне повезет, но не больше.

— Но вы не хотите, чтобы вам повезло? — спросила Хелен.

— Моя жизнь уже закончена, — объяснила она. — Она закончилась в грязную ночь более чем пятьдесят лет назад. Бог наказывал меня каждый день с тех пор, и я сейчас так устала, как не могла бы себе никогда представить возможным.

— Вы все еще верите в Бога? — спросила Хелен.

— Ох, я знаю, что Бог есть, и я знаю, что он ждет, но, что еще он может сделать для меня? Я провела свою жизнь с мужчиной, который убил моего Шона.

Она покачала головой, как будто пыталась собраться с мыслями.

— И дети... у нас никогда не было детей... мы не могли иметь их... по моей вине, очевидно. Вот почему, я знаю, что Бог есть. Он наказывает меня за то, что я сделала. Он решил не дать мне детей, но держать меня в браке с этим мужчиной.

— Но вы ничего не сделали, — запротестовала Хелен.

— Я предала Генри, я планировала сбежать с Шоном, так что Генри убил его. Это моя вина, все это.

— Нет! — Хелен затрясла головой. — Вы не заставляли Генри делать то, что он сделал.

— Пожалуйста, скажите мне, что не думаете, что отправитесь в ад, — произнес Том.

— Ад? Вы знаете, что такое ад? — спросила она. — Ад — это знать, что вся ваша жизнь была проведена впустую и основана на лжи. Вот это ад, Том.

Тому нужно было выпить. Он только что говорил с пожилой леди, чья жизнь была разрушена еще до того, как ей исполнилось девятнадцать, с женщиной, которая провела последние пятьдесят семь лет, мучая себя каждый день, потому что она думала, что Бог лично решил наказать ее за грехи. Так что Том, определенно, нуждался в выпивке. Но, когда они вышли из дома Мэри Кольер, они увидели, что констебль Брэдшоу ждет их. Он прислонился к своей машине и казался довольно спокойным.

— Ты должен мне, — сказал он Тому безэмоционально. — мои коллеги в полиции Нортумбрии считают, что я общаюсь с не теми людьми.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Том.

— Вас было не сложно найти, — ответил Брэдшоу. — Вы только что вызвали переполох в доме престарелых, в котором живет деверь Мэри Кольер. Я понял, что у вас была причина, и, что это ваш следующий пункт назначения. Так что выкладывайте, — потребовал он.

Том посчитал, что они и правда должны Брэдшоу и, что нет смысла удерживать от него информацию, так что Хелен, Том и детектив пошли вместе, и два репортера по очереди восполняли пробелы в истории Шона Доннеллана. Они прошли полдеревни к тому времени, как закончили историю.

— Гребаный ад, — сказал Брэдшоу, тяжело опустившись на скамейку рядом с пустырем. — Так, значит будущий директор деревенской школы убил своего соперника в любви?

— Да, — сказал Том, когда они присоединились к нему на скамейке, — пятьдесят семь лет назад. Столько времени ушло на то, чтобы правда раскрылась.

— Я только что получил подтверждение, что Шон Доннеллан исчез тогда и его семья никогда его больше не видела. Похоже, мы, наконец, можем завернуть эту историю и повязать бантиком.

— Ты довольно спокойно к этому относишься, — сказал Том.

Брэдшоу пожал плечами. — Ну, посмотрим, — задумался он, — один из наших собственных людей, человек, с которым я лично работал, оказался серийным убийцей, и он убил себя на моих глазах. По сравнению с этим, это прогулка в парке.

Он дал им время осмыслить сказанное, а затем добавил: — И кого мы собираемся арестовывать? Убийца мертв, так же как и его старший брат, а Стефан, из того, что вы рассказали мне, не подходит для передачи под суд.

— Нет, — неохотно признал Том, — вероятно, не подходит.

— Тогда дело закрыто, — сказал Брэдшоу, и, когда Том не стал с ним спорить, добавил, — Итак, что готовит для тебя будущее? Ты вернешься в Лондон?

— Ему предложили работу в мужском журнале, — сказала Хелен, прежде чем Том смог ответить.

— Работу в чем? — спросил Брэдшоу.

— Это новый журнал для мужчин, — ответил Том. — Они хотят, чтобы я проводил интервью с кучкой знаменитостей, актрис, моделей, певиц, легкая работка.

— Предположу, что да, для большинства людей, — сказал Брэдшоу.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе не станет немного скучно? То есть, у тебя есть талант, все это видят. Ты больше коп, чем репортер.

— Приму это за комплимент, — осторожно сказал Том, — но только потому, что это сказал ты.

— Будет жаль зарывать его в землю.

— Я не сказал, что я приму эту работу, — сказал Том, сознательно не глядя на Хелен. — Может, и нет. Может, останусь здесь на какое-то время. Позанимаюсь фрилансом.

— Северо-восток — большая площадь и, если у тебя есть знание местности, — Брэдшоу внимательно посмотрел на Тома, — тогда кто знает, что ты сможешь найти?

— О чем ты говоришь?

— Вскрываем карты, а? — тогда Брэдшоу стал выглядеть усталым. — На нас скоро посыпятся удары со всех сторон. Один из наших людей оказался тем, кого мы искали все это время, и мы не имели никакого гребанного понятия. Пресса скажет, что у людей, которых мы охраняем, не осталось доверия к полиции. Они попытаются нарисовать картину некомпетентных сил, которые не могут обнаружить сертифицированного психа, когда он сидит в их собственной столовой.

— Ну, — ответил Том, — это правда, разве нет?

— Я думал, что ты будешь более понимающим, — сказал ему Брэдшоу, — так как ты выпивал с педофилом.

— Справедливо, — уступил Том. — Так, значит, ты говоришь, что таких парней просто невозможно заметить.

— Я не совсем знаю, что говорю, кроме того, что в полицейских силах все еще есть хорошие люди, а их моральный облик прямо сейчас валяют в грязи из-за одного одинокого сумасшедшего, полностью потерявшего связь с реальностью. Может, ты сможешь написать что-то, чтобы повлиять на это.

— Что ты имеешь в виду?

— Винсент Эддисон полностью слетел с катушек, но он казался вполне нормальным для своих коллег, ну, относительно.

— Это только твое мнение. Я не смогу опереться только на него.

Констебль потянулся в карман и вытащил конверт.

— Старший инспектор Кейн хотел, чтобы ты взглянул на это.

— Значит, Кейн послал тебя, — обвинил его Том.

— Никто не посылал меня. Я пришел поговорить с тобой о деле Шона Доннеллана, — и, когда Том недоверчиво посмотрел на него, он поднял руки. — Ладно, Кейн дал мне письмо и попросил меня показать его тебе, когда я в следующий раз тебя увижу. Он знает, что мы..., — и Брэдшоу, казалось, подбирал подходящую формулировку, — сотрудничаем, — объяснил он. — Мы нашли это в его доме. Он даже не прятал это, просто оставил на столе для нас, на случай, если с ним что-то случится.

— Что это?

— Объяснение, — и Брэдшоу вынул письмо из конверта и вручил его Тому, — в некотором роде.

Том опасливо принял его.

— Но это же улика, разве нет? Мне не полагается видеть это.

— Мужчина мертв. Суда не будет. Просто скажем это от полицейского источника и забудем об этом, — проинструктировал он Тома. — Кейн уже согласовал это, — он добавил, — на верхах.

Брэдшоу постарался скрыть свое возмущение по поводу того, что старшему инспектору

Кейну удалось официально санкционировать утечку информации журналисту, когда его собственная неофициальная утечка для Тома Карни почти стоила ему всего.

— То есть ты говоришь, что ваше высшее руководство знает, что ты показываешь это журналисту?

— Они не тупые. Альтернативы выйдут боком всем.

Том открыл письмо и его сразу же поразил беспорядочный почерк, которым, казалось, писали быстро и с усилием.

Он показал его Хелен, и они прочитали про себя письмо вместе.

Слова Винсента Эддисона были бессвязными, параноидальными, бредовыми нападками на общество в целом и на женщин в частности, которых он казалось винил во всех бедах мира. Письмо представляло собой бессистемную обличительную речь, в котором приводились цитаты из Библии, в качестве оправдания его убийств. Что более всего поражало, так это то, что он казался убежденным в том, что на самом деле не причинял вреда своим жертвам, он чувствовал себя уверенным, что спасает их.

*«Я не убиваю маленьких девочек»,* — заключил его паучий почерк в основании страницы, — *«я делаю из них ангелов. Страдай маленькое дитя с приходом меня».*

— Теперь ты видишь, чему мы противостояли, — Брэдшоу сказал, когда Том закончил читать письмо.

Том все еще размышлял о мотивах мужчины, который убил четырех напуганных маленьких девочек ни за что, чтобы они превратились в ангелов.

— Он был сумасшедшим, — сказал он. — Все это страдание из-за извращенной веры в Бога.

— Самое большое зло в мире совершается во имя религии, — напомнил ему детектив. — Так всегда было, так всегда будет.

— Я напишу статью, — сообщил ему Том.

— И какова твоя позиция?

— В том, что никто не мог бы разглядеть эти безумные иллюзии в другом человеке.

Брэдшоу поблагодарил его.

— Я так думаю, что мы еще увидимся, — сказал он Тому, прежде чем уйти.

Когда он ушел, ни Хелен, ни Том не чувствовали потребность заговорить долгое время. Вместо этого, они сидели на скамейке, наблюдая за прохожими и проезжающими мимо автомобилями. Хелен удивлялась тому, как жизнь в деревне, казалось, просто продолжалась своим чередом. Она знала, что это смехотворно, но каким-то образом, хотела, чтобы это прекратилось, чтобы все признали те сейсмические явления, свидетелями которых они стали. Вместо этого, все выглядело таким же спокойным и мирным, как и всегда.

Она не могла этого знать, но рядом с ней, Том тоже об этом думал. Он мучительно пытался подобрать верные слова. Том знал, Хелен скоро объявит, что ей пора идти и что, как только заклятие, удерживающее их работавшими над этим делом вместе, разрушилось, как только несуществующий пузырь, в котором они находились на протяжении многих дней, лопнул, у них может не оказаться причины снова видеться друг с другом. Прямо сейчас, по причинам, о которых он не хотел слишком думать, Том отчаянно хотел избежать того, чтобы это произошло. Ему было нужно объяснить ей, что она зря держится за своего парня, который никогда не оценит ни ее, ни ее карьеру. Он хотел сказать, что хоть он и не знал, что ждет его в будущем, он хотел, чтобы она стала его частью.

Он также знал Хелен достаточно хорошо, чтобы понять, что, если он скажет хоть что-то

из этого прямо сейчас, она ударится в панику. Он останется чувствовать себя идиотом, пока она быстро исчезнет из его жизни навсегда.

— Что? — спросила она его внезапно.

— Ничего, — сказал он, — я ничего не сказал.

— Но о чем ты думал? — подтолкнула она его, она, казалось, слегка нервничала, будто ее беспокоило то, что он может сказать следующим.

— Думаю, — начал он, — что после такого дня как этот, мне и в самом деле понадобится выпить, — а затем он с надеждой посмотрел на нее. — Могу я тебя угостить?

— Нет, — сказала она ему твердо, — не можешь.

Прежде чем он мог запротестовать, она встала на ноги. Когда он уже было подумал, что она собирается оставить его, сидящим на скамейке одного, она протянула ему руку и сказала: — Я тебя угощаю. Пошли.

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**